А. де-Рибасъ

Старая Одесса

Г. Г.

Александръ де-Рибасъ

СТАРАЯ ОДЕССА

ИСТОРИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ и ВОСПОМИНАНІЯ

КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ ГЕОРГІЯ РУССО
Коммиссіонера Императорскаго Новороссійскаго Университета
Ришельевская ул., № 6
ОДЕССА — 1913

ОДЕССА

Тип. Акціонернаго Южно-Русскаго О-ва Печатнаго Дѣла
(Пушкинская, соб. д. № 18)

1913

Нужно ли къ моей книгѣ предисловіе? — Старая Одесса это юная Одесса. Старая Одесса сама по себѣ есть предисловіе — славное, краткое и милое предисловіе къ нынѣшней великолѣпной Одессѣ.

Старая
Одесса

Изданіе отпечатано въ количествѣ 1075 экземпляровъ, изъ нихъ:

25 экз. на японской бумагѣ Императорскихъ Мануфактуръ въ Токіо, номер. I по XXV,

50 экз. на голландской бумагѣ фабрики Van Gelder Zonen въ Амстердамѣ, номер. XXVI по LXXV,

1000 экз. на лучшей, спеціально заказанной бумагѣ, номер. 1 по 1000.

Адмиралъ Іосифъ де-Рибасъ.

Завоеватель Хаджибея и основатель Одессы

Настасія Ивановна де-Рибасъ

(урожденная Соколова),

жена основателя Одессы

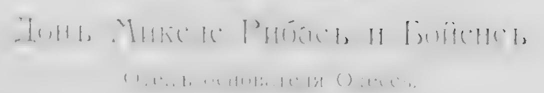
Герцогъ Ришелье.

Замокъ Хаджибей.

Рис. С. Гольдманъ.

Маргарита Рибасъ и Бойенсъ

Мать основателя Одессы



Донъ Микеле Рибасъ и Бойенсъ

Отецъ основателя Одессы

Профессоръ
Ник. Ив. Пироговъ.

Григорій Григорьевичъ
Маразли.

Свѣтлѣйшій Князь
Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ.

Маіоръ Феликсъ де-Рибасъ,
братъ основателя Одессы.

М. Ф. де-Рибасъ.
Племянникъ основателя Одессы.

Пьянистъ
Рудольфъ Фельдау.

Поэтъ
Альфонсъ Шапеллонъ.

Пьянистъ
Тедеско.

Адм. Н. М. Чихачевъ.

Н. А. Новосельскій.

Графъ М. Д. Толстой.

Проф. А. М. Богдановскій.

С. С. Яхненко.

Г-жа Папудова.

Г. Папудовъ.

Супруги Кальбицъ.

Г-жа Юрьевичъ.

Д-ръ Тритенъ.

Проф. Г. К. Брунъ.

Проф. Ф. К. Брунъ.

Проф. Брикнеръ.

Проф. Н. Мурзакевичъ.

Ботаникъ Нордманъ.

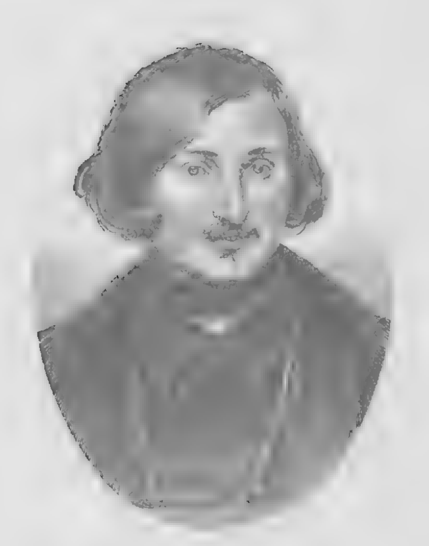
Графъ А. Г. Строгановъ.

Графъ Ланжеронъ.

Градоначальникъ
А. И. Левшинъ.

Архіепископъ
Иннокентій.

А. С. Пушкинъ.



Н. В. Гоголь.

В. Н. Скаржинскій.

Гарибальди.

Францъ де-Воланъ

Составитель плана и строитель города Одессы

Дача Герцога Ришелье—Дюковскій садъ.

(Изъ коллекціи Одесск. Гор. Публ. Библіотеки).

Первая шерстомойка въ Одессѣ

(на дачѣ Ф. де-Рибаса, на Среднемъ Фонтанѣ).

Буфетъ Келя на Пр... омъ (нынѣ Николаевскомъ) бульварѣ

пр. · т.

Видъ съ Карантинной гавани.

(Слѣва н[illegible] [illegible]рху театръ и домъ кня[illegible]

Начало Екатерининской улицы, съ площади.

(Изъ коллекціи Одесск. Гор. Публ. Библіотеки).

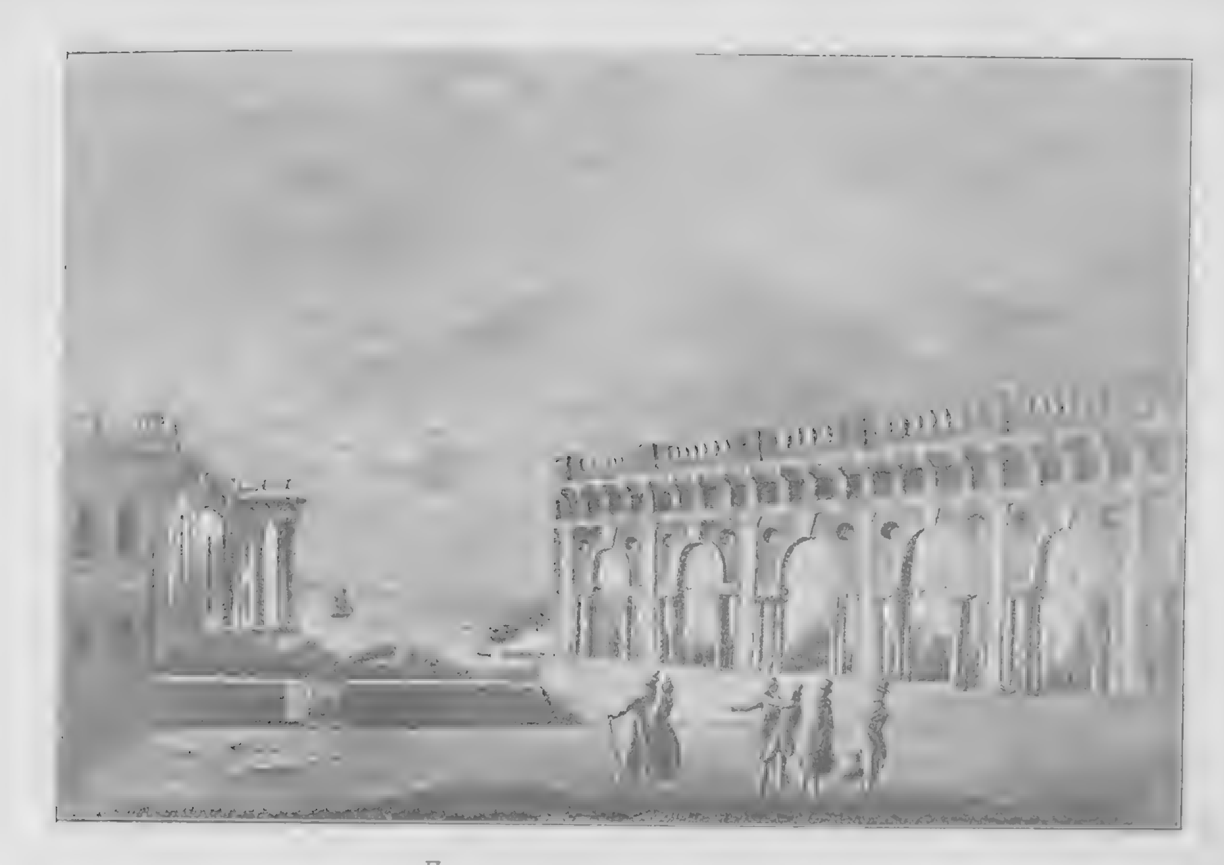
Ришельевскій лицей

(гдѣ нынѣ домъ Вагнера).

...ки Одесс. Гор. Публ. Библіотеки).

Уголъ Екатерининской и Дерибасовской.

...Гор. Публ. Библіотеки).



Декоративная колоннада

(на мѣстѣ, гдѣ нынѣ Музей Общества Исторіи и Древностей).

(Изъ коллекціи Одесск. Гор. Публ. Библіотеки).

Приморскій (нынѣ Николаевскій) бульваръ

въ 50-хъ годахъ пр. ст.

(Изъ коллекціи Одесск. Гор. Публ. Библіотеки).

Херсонскій спускъ.

(Посрединѣ Городская больница).

(Изъ коллекціи Одесск. Гор. Публ. Библіотеки).

Начало Ришельевской улицы съ театральной площади

(направо домикъ Герцога Ришелье, налѣво дворецъ графа Ланжерона, посрединѣ домъ барона Рено).

Старый Городской театръ.

...ъ. Публ. Библіоте...

Развалины Стараго Городского театра

послѣ пожара въ ночь на 2 января 1873 года

(Изъ коллекціи Одесск. Гор. Публ. Библіотеки).

Домъ Воронцова и Практическая гавань.

[illegible]

Сабанѣевъ мостъ.

(Изъ коллекціи Одесск. Гор. Публ. Библіотеки).

Одесса, въ Суббону, 3-го Марта 1854 года.

ВЪ ЗАЛѢ НОВОЙ БИРЖИ:

Для заключенія Театральныхъ представленій въ пользу бѣдныхъ, даны будутъ:

НЕРѢШИТЕЛЬНЫЙ,

или

СЕМЬ ПЯТНИЦЪ НА НЕДѢЛѢ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА

[illegible]
[illegible]
[illegible]
НАТАША } его дочери
МАДАМЪ ВЕРТЕРЪ, трактирщица - - - - - [illegible]
РОМАНЪ, слуга Армидина - - - - - - [illegible]

За оною послѣдуетъ:

УЧИТЕЛЬ и УЧЕНИКЪ,

или

ВЪ ЧУЖОМЪ ПИРУ ПОХМѢЛЬЕ.

Опера-водевиль въ одномъ дѣйствіи, передѣланная съ франц[illegible] Г-мъ Писаревы[illegible]

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА

КНЯЗЬ ТЕМИРОВЪ - - - - - - - - Г-нъ [illegible]
ИППОЛИТЪ, сынъ его - - - - - - - Г-нъ [illegible]
ЛЮДМИЛА, тайно обвѣнчанная съ Ипполитомъ - - Графиня [illegible]
ВАСЯ, фаворитъ Князя Темирова - - - - Г-нъ [illegible]
ДАША, управительская дочь - - - - - - Г-жа [illegible]

За оною послѣдуетъ

МЕЛЬНИКЪ,

КОЛДУНЪ, ОБМАНЩИКЪ И СВАТЪ

Національная опера, въ 3-хъ дѣйствіяхъ, съ принадлежащими къ ной хорами, плясками и разнохарактернымъ дивертиссементомъ,

сочинения Г-на А[illegible]

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА

АНКУДИНЪ, крестьянинъ - - -
ФЕТИНЬЯ, жена его - - -
АНЮТА, дочь ихъ - - - - - - - - Графиня [illegible]
ФИЛИМОНЪ, женихъ Анютинъ - - - - - Г-нъ [illegible]
ФАДЕЙ, мельникъ, колдунъ, обманщикъ и сватъ - - Г-нъ [illegible]

Крестьянки, подруги Анютины. [illegible]

Крестьяне. [illegible] Графиня [illegible]

Въ дивертиссементѣ будутъ танцовать: по русски, по цыгански и по казацки.

Въ заключеніе спектакля будетъ пропѣтъ хоромъ новый русскій гимнъ: БОЖЕ ЦАРЯ ХРАНИ.

Цѣны мѣстамъ обыкновенныя.

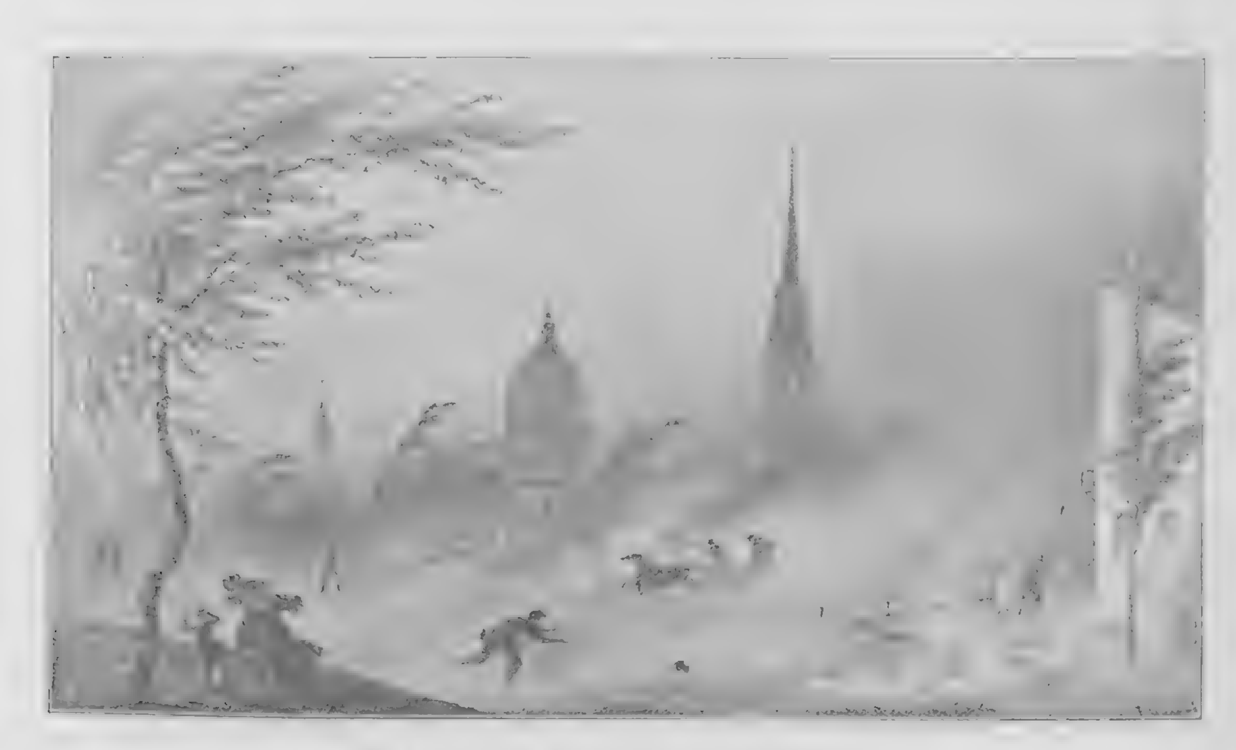
Начало спектакля въ 7-мъ часовъ ровно.

Программа спектакля,

[illegible]троеннаго графи[illegible] К. Воронцов[illegible]

Остатки усадьбы гр. Разумовскаго.

Первоначальный видъ Собора, безъ колокольни.



Пыль на Соборной площади.

Фотографъ Федоровецъ.

Н. М. Кузьминскій

(Бемоль).

Проф. А. И. Маркевичъ.

Художникъ

Треско.

Фотографъ

І. К. Мигурскій.

Одесскій градонач
М. Н. Шидловскій

А. С. Великановъ.

Графъ Собанскій.

Графъ П. Е. Котцебу.

Маврокордато.

Ф. Вейссъ.

Стурдза.

Баронъ Унгернъ-Штернбергъ.

Д-ръ Качковскій.

А. И. Синицынъ.

Образецъ почтовой бумаги
съ видами Одессы 70-хъ годовъ.

Взятіе Хаджибея. — Основаніе Одессы. — Первый крестный ходъ 22 августа 1849 г.

Турецкая крѣпость Хаджибей была взята штурмомъ генераломъ-маіоромъ Іосифомъ де-Рибасомъ 14 сентября 1789 года не въ разгарѣ военныхъ дѣйствій и не какъ результатъ стратегическихъ соображеній Потемкина или Гудовича. Крѣпость эта была взята отрядомъ де-Рибаса изолированно, самостоятельно, послѣ долгой подготовки нападенія на нее, подготовки, которую де-Рибасъ дѣлалъ одинъ, дѣлясь своими планами не со своимъ начальникомъ,—корпуснымъ командиромъ Гудовичемъ, а со своими ближайшими соратниками, въ числѣ которыхъ беззавѣтно преданными ему были Черноморскіе казаки. Изолированность дѣйствій де-Рибаса въ этомъ дѣлѣ объяснялась тѣмъ, что отношенія его къ Гудовичу были настолько неопредѣленно установлены, что ни де-Рибасъ, ни Гудовичъ не знали, какъ другъ къ другу обращаться. На эту неопредѣленность де-Рибасъ неоднократно жаловался секретарю Потемкина—Попову, прося его освѣдомиться у его свѣтлости, какъ ему съ Гудовичемъ быть. Подготовка штурма Хаджибея происходила уже послѣ взятія Очакова Потемкинымъ, когда де-Рибасъ, бывшій во все время осады дежурнымъ при Потемкинѣ генераломъ и въ то-же время командовавшій канонерскою лодкою, получилъ въ свое вѣдѣніе самостоятельный отрядъ, съ которымъ онъ расположился въ селеніи Тузлы, не зная точно, состоитъ ли этотъ отрядъ въ корпусѣ Гудовича,

или отъ него независимъ. Что же касается близости его къ Черноморскимъ казакамъ, то она началась вскорѣ послѣ прибытія де-Рибаса подъ Очаковъ. Казаки любили дѣй[illegible] смѣло, самостоятельно, совершая нападенія на [illegible]щищенные и не защищенные татарскіе поселки, разбро[illegible]ные по берегамъ Чернаго моря. Но въ особенности [illegible] отвагу, а вмѣстѣ съ тѣмъ и жажду къ [illegible] [illegible]джибейское гнѣздо, подъ стѣнами котораго, у [illegible] моря, турки складывали провіантъ и всякую вся[illegible]обностей гарнизона. Магазины эти находи[illegible] прикрытіемъ пушекъ, какъ со стороны крѣ[illegible] и со стороны крейсировавшихъ подъ Хаджи[illegible] [illegible]турецкихъ кораблей. Но турки были беззаботны, [illegible] увидишь въ безлунную ночь? А казаки изби[illegible]енно такія ночи для своихъ хищническихъ набѣ[illegible] [illegible]до вспомнить еще, что послѣ разгрома Запорож[illegible] [illegible]ѣчи генераломъ Текеліемъ въ 1775 году—запо[illegible] [illegible]лѣлились на оставшихся въ Россіи, изъ ко[illegible] [illegible]твенно и было сформировано войско черно[illegible] [illegible]ковъ, и на перешедшихъ въ турецкое под[illegible] [illegible]послѣдніе, вмѣстѣ со своими семьями, по[illegible] [illegible] защитой турокъ, гдѣ кому было дозволено, [illegible]ихъ очутились, такимъ образомъ, подъ [illegible]бея. Хотя между запорожцами, примирив[illegible] [illegible]сею и отказавшимися отъ нея и существо[illegible] [illegible]о эта вражда была чисто политическая, [illegible]мѣшавшая семьямъ запорожцевъ тяготѣть [illegible]ругу въ силу кровнаго родства. Этимъ объ[illegible] [illegible], что черноморскіе казаки такъ хорошо были [illegible]ны обо всемъ, что дѣлалось подъ Хаджибеемъ. [illegible]тчики легко находили себѣ пріютъ у тамошнихъ [illegible]. Вотъ при такихъ-то благопріятныхъ обсто[illegible] [illegible] казаки давно подбирались подъ стѣны хо[illegible]нной всякимъ добромъ турецкой крѣпости.

Начальникъ ихъ генералъ де-Рибасъ былъ въ большой дружбѣ съ войсковыми ихъ старшинами. Еще въ ноябрѣ 1788 г. онъ, командуя канонерскою лодкою, настолько своевременно явился на помощь войсковому судьѣ черноморскихъ казаковъ Головатому, сдѣлавшему смѣлое, но рискованное нападеніе на островъ Березань, что рѣшилъ это трудное дѣло во славу русскаго оружія. Казаки любили храбраго генерала, не брезговавшаго личнымъ участіемъ въ ихъ набѣгахъ. Они-то и подсказали ему мысль о возможности захвата Хаджибея. Въ томъ же ноябрѣ 1788 года де-Рибасъ посылалъ кошевого атамана казаковъ — полковника Чепегу подъ стѣны крѣпости для истребленія сооруженныхъ тамъ магазиновъ для провіанта, а затѣмъ съ этого дня вплоть до сентября 1789 года, почти ежедневно, пользовался свѣдѣніями лазутчиковъ изъ запорожцевъ, чтобы точно выяснить себѣ какъ силу сопротивленія самой крѣпости, такъ и значительность защищавшаго ее турецкаго флота. Въ деревнѣ Тузлы производилась долгая, трудная работа, чертились планы, намѣчались пункты, распредѣлялись силы, чтобы нападеніе на Хаджибей явилось неожиданнымъ для непріятеля. Много помогъ де-Рибасу въ этихъ подготовленіяхъ маіоръ Аркудинскій своими частыми и смѣлыми рекогносцировками вмѣстѣ съ казаками. Не надо забывать, что почти вся мѣстность между Тузлами и Хаджибеемъ открытая, и каждое движеніе русскихъ войскъ легко могло быть замѣченнымъ. Де-Рибасъ горѣлъ нетерпѣніемъ приступить къ дѣлу. Уже 9 августа 1789 года онъ писалъ Попову: «Я гибну отъ желанія что-нибудь совершить и, если успѣю въ этомъ, то думаю, что это будетъ вамъ пріятно». Своего плана, однако, онъ не выдавалъ никому, боясь, очевидно, что отъ него могли отнять славу лично имъ подготовленнаго дѣла. И только лишь тогда, когда все до мельчайшихъ деталей было имъ разработано, онъ

[illegible] о своемъ планѣ Потемкину, который, одобривъ его, предписалъ Гудовичу оказать де-Рибасу необходимое содѣйствіе. Извѣстно, однако, что быстрый въ осуществленіи своихъ замысловъ де-Рибасъ обошелся безъ [illegible]о содѣйствія: въ ночь на 14 сентября 1789 года его [illegible] заранѣе намѣченнымъ пунктамъ, пользуясь [illegible] балкой и оврагомъ, скрытно приблизились къ [illegible]. Турки проснулись, но поздно: по быстро при[illegible]ь къ крутизнамъ лѣстницамъ взобрались въ [illegible] храбрые солдатики во главѣ съ капитаномъ [illegible]ымъ (по поводу котораго де-Рибасъ писалъ, [illegible] былъ такъ непочтителенъ, что оставилъ меня [illegible] у лѣстницы, чтобы показать мнѣ, какъ онъ умѣетъ [illegible]ѣзть на штурмъ»). Проснулся также и турецкій флотъ; съ кораблей посыпались ядра на наши войска; «въ про[illegible]олженіи получаса», какъ доносилъ де-Рибасъ, «былъ ад[illegible], особливо съ моря, но наша артиллерія подъ [illegible]андою Меркеля быстро заставила турокъ замолчать». Вскорѣ, крѣпость была взята со всѣхъ сторонъ, и на мѣсто турецкаго полумѣсяца было водружено русское побѣдоносное знамя. «Мы отпраздновали день Воздвиженія Креста [illegible] пушечными выстрѣлами», писалъ де-Рибасъ [illegible].

Подробностей штурма Хаджибея я здѣсь не привожу, потому что онѣ слишкомъ хорошо извѣстны всѣмъ. Я остановился на этомъ подвигѣ де-Рибаса и нарочно подчеркнулъ всю самостоятельность его дѣйствій и тщательную подготовленность его плана, чтобы объяснить, почему взятая имъ крѣпость стала такъ дорога де-Рибасу [illegible] показать на сколько основательно было его личное зна[illegible]тво съ той мѣстностью, на которой онъ предложилъ [illegible]ѣдствіи построить Одессу.

[illegible]слѣ взятія Хаджибея де-Рибасъ со своимъ отря[illegible]ъ Черноморскихъ казаковъ оставались въ немъ

еще долго. Помимо того, что надо было озаботиться о закрѣпленіи завоеваннаго, для чего необходимо было построить цѣлый рядъ крѣпостныхъ загражденій на случай обратнаго нападенія турокъ съ моря, де-Рибасъ оставался въ Хаджибеѣ, какъ въ самомъ удобномъ пунктѣ для осуществленія его идеи о созданіи на Черномъ морѣ особой гребной флотиліи въ подспорье къ большому военному флоту, которымъ командовалъ тогда Ушаковъ. Но изъ какихъ судовъ создать флотилію? Очень просто: изъ тѣхъ береговыхъ турецкихъ лансоновъ, которые были затоплены турками, когда флотъ ихъ долженъ былъ уйти отъ русскихъ въ открытое море. Кто же ихъ вытащитъ и какими средствами? Да тотъ же самый де-Рибасъ со своими Черноморцами. И смѣлая идея была быстро выполнена. Уже въ концѣ 89 года подъ Хаджибеемъ стояла чудомъ изъ глубины моря воскресшая флотилія, вся оснащенная и вооруженная, и на ней работали молодцы-запорожцы. Вскорѣ Іосифъ де-Рибасъ былъ назначенъ начальникомъ Черноморской гребной флотиліи, а братъ его Эммануилъ командующимъ посаженными на нее гренадерами. Де-Рибасъ жилъ въ Хаджибеѣ въ замкѣ взятаго имъ въ плѣнъ двухъ-бунчужнаго паши Ахмета. Замокъ этотъ былъ расположенъ приблизительно тамъ, гдѣ теперь въ концѣ бульвара площадка передъ домомъ князя Воронцова. Впослѣдствіи замокъ этотъ былъ срытъ и на его мѣстѣ построены казармы, начинавшіяся отъ нынѣшняго дома наслѣдниковъ Маразли. Жизнь въ крѣпости была кипучая, военная. Для надобностей гарнизона стали прибывать чумаки съ возами хлѣба, соли, сала, сѣна. Вокругъ крѣпости, простиравшейся вглубь не далѣе начала нынѣшней Ришельевской улицы, открылась торговля, кофейни. Разсказывали про похищенія нашими солдатиками женщинъ изъ окрестныхъ татарскихъ селеній, но чего не бывало въ тѣ времена и хорошаго, и дурного!

Де-Рибасъ не терялъ напрасно времени; его поразила доброта Хаджибейскаго рейда, и свои предположенія о возможности построенія здѣсь гавани для стоянки военнаго флота онъ подкрѣпилъ цѣлымъ рядомъ наблюденій и [illegible] сдѣланныхъ измѣреній. Несомнѣнно, что бу[illegible] [illegible] сподвижникъ его по основанію Одессы, Франц[illegible] [illegible] де-Воланъ, состоялъ при немъ еще въ Хаджибеѣ, потому что извѣстно, что незабвенный для нашего [illegible] [illegible]ландецъ участвовалъ въ штурмѣ Измаила въ [illegible] войскахъ изъ флотиліи де-Рибаса, которая [illegible] Дунай прямо изъ Хаджибея. По всѣмъ вѣро[illegible] работы по измѣреніямъ рейда и другія были произведены ими вмѣстѣ. Впрочемъ, де-Рибасъ и де-Воланъ работали вмѣстѣ не только для Одессы. Они построили [illegible] крѣпостей, которыми послѣ Ясскаго мира [illegible] [illegible]до было закрѣпить завоеванную русскими [illegible]громную турецкую территорію. Во всякомъ случаѣ, планъ основанія Одессы, такъ же, какъ нападенія на Хаджибей, былъ выработанъ исподволь, систематично, основательно, и неудивительно, что когда впослѣдствіи [illegible]ъ поднятъ вопросъ о построеніи порта и города на Черномъ морѣ, то изъ трехъ проектовъ, намѣтившихъ три пункта: Очаковъ, Кинбурнъ и Хаджибей, былъ почти безспорно одобренъ третій, составленный де-Рибасомъ и [illegible].

Только въ началѣ іюня 1794 года былъ полученъ на имя вице-адмирала де-Рибаса знаменитый рескриптъ Императрицы Екатерины II отъ 27 мая того же года, повелѣвшій ему приступить къ основанію города на мѣстѣ [illegible]жибея. Легко вообразить себѣ радость и счастье, которыми де-Рибасъ былъ охваченъ. Рескриптъ заканчивался знаменательными словами: «Мы надѣемся, что вы не токмо приведете въ исполненіе благое предположеніе

Наше, но что, вѣдая колико процвѣтающая торговля споспѣшествуетъ благоденствію народному и обогащенію государства, подщитеся, дабы созидаемый вами городъ представлялъ торгующимъ не токмо безопасное отъ непогодъ пристанище, но защиту, ободреніе, покровительство и словомъ всѣ зависящія отъ васъ въ дѣлахъ ихъ пособія; черезъ что, безъ сомнѣнія, какъ торговля наша въ тѣхъ мѣстахъ процвѣтетъ, такъ и городъ сей наполнится жителями въ скоромъ времени».

Безконечно счастливъ былъ и Францъ де-Воланъ, относительно котораго въ томъ-же рескриптѣ де-Рибасу было сказано: «Придавъ въ пособіе вамъ инженеръ-полковника де-Волана, коего представленный планъ пристани и города Хаджибея утвердивъ, повелѣваемъ приступить, не теряя времени, къ возможному и постепенному произведенію онаго въ дѣйствіе».

И вотъ въ Хаджибеѣ закипѣла работа. Жители окрестныхъ селъ, татары и малоросы, дружно съ солдатами гарнизона принялись за осуществленіе великой мысли Екатерины. Казалась слишкомъ смѣлою затѣя создать изъ ничего великій городъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, вѣрилось въ то, что для генія Екатерины и ея сподвижниковъ и невозможное станетъ возможнымъ. Митрополитъ екатеринославскій и таврическій Гавріилъ, родомъ грекъ, призванный въ Россію изъ Турціи Потемкинымъ, пребывалъ тогда въ Новомиргородѣ. Узнавъ о предстоящей постройкѣ православнаго города на мусульманской территоріи, онъ поспѣшилъ прибыть въ Хаджибей (въ іюнѣ 1794 г.), чтобы благословить начатыя работы. Съѣхались сюда, какъ на диво, купцы, окрестные помѣщики и чиновники, представители таврическаго и херсонскаго генералъ-губернатора графа Платона Зубова и екатеринославскаго губернатора Хорвата. Надлежало начертанный де-Волановъ планъ города наложить въ натуральную ве-

личину на пустынную територію Хаджибея, а у моря вбить первыя сваи и заложить промежутки между ними прочными каменьями. Но прежде всего, конечно, надо было намѣтить мѣста для храмовъ. Въ Хаджибеѣ священнослуженіе совершалось до того времени въ полковой походной церкви, при крѣпости. Съ благословенія Гавріила въ присутствіи де-Рибаса и де-Волана, 22-го августа 1794 года было положено основаніе нашего города.

Въ этотъ день, по словамъ перваго историка Одессы А. Скальковскаго, были положены фундаменты: 1) Большого мола, 2) Малаго жете (гавань для гребныхъ судовъ), названнаго де-Рибасомъ въ честь графа Зубова Платоновскимъ; 3) эллинговъ и верфи для починки казенныхъ судовъ; 4) двухъ пристаней съ набережною для удобнаго приставанья купеческихъ кораблей; 5) двухъ церквей в имя св. Николая и св. Екатерины и была проведена первая борозда для фундаментовъ городскихъ строеній.

Позже было приступлено къ построенію карантина, таможни, адмиралтейскаго магазина, госпиталя, соборной церкви, магистрата и дома для главнаго начальника.

Профессоръ Надлеръ въ своей «Исторіи Одессы въ первую эпоху ея существованія», относившійся вообще скептически ко всѣмъ легендарнымъ разсказамъ, которыми были окружены первые шаги нашего города, полемизировалъ со Скальковскимъ относительно дня основанія Одессы 22-го августа 1794 г., стараясь доказать, что дата эта взята совершенно произвольно. Любопытно, однако, что почтенный историкъ упустилъ изъ вниманія прямое указаніе на эту дату, данное самимъ де-Воланомъ въ его рапортѣ отъ 24 января 1797 года въ правительствующій сенатъ, въ которомъ онъ говоритъ: «Блаженныя и вѣчно достойныя памяти, покойная Императрица Екатерина Вторая повелѣла приступить къ строенію онаго мола и пристаней по опробованному плану. Примѣчивыя и корыстолюбивыя предупрежденія не укоснили возникнуть и, напрягая усилія свои возродить недовѣрчивость и затмить важное сіе предпріятіе, вопіяли о невозможности приведенія сего въ дѣйство, но твердость духа и усердіе тѣхъ, на коихъ возложено руководство къ произведенію работъ, противостояли бурѣ сей, и устроеніе возымѣло свое начало 1794 года августа въ 22-й день».

Едва были вбиты первыя сваи набережной Хаджибея, какъ къ ней прибыло семь турецкихъ кораблей съ греческими винами и фруктами. Въ Турціи былъ въ томъ году полный неурожай на хлѣбъ и пришедшіе корабли просили у насъ за вино и фрукты не денегъ, а хоть немного пшеницы и муки. Такимъ образомъ, нашъ городъ первою своею коммерческою услугою оказалъ добро своимъ еще недавнимъ врагамъ.

Въ началѣ 1795 года нашъ городъ былъ переименованъ изъ Хаджибея въ Одессу—когда, при какихъ условіяхъ — это, кажется, останется неизвѣстнымъ навсегда. Проще всего, конечно, предположить вмѣстѣ съ проф. Надлеромъ, что названіе Одесса было предложено де-Рибасомъ, но надо добавить, что это могло быть сдѣлано по указанію митрополита Гавріила, который, будучи родомъ грекъ, зналъ хорошо о существовавшей на мѣстѣ Хаджибея греческой колоніи Одиссосъ.

Ровно черезъ 55 лѣтъ послѣ положенія фундаментовъ нашего города—22 августа 1849 года—былъ впервые торжественно отпразднованъ въ Одессѣ день этого великаго для нея событія.

Этотъ крестный ходъ, неразрывно связующій Одессу съ ея воистину чудеснымъ прошлымъ и навсегда запечатлѣвающій въ благодарной памяти одесситовъ труды ихъ славныхъ предковъ, былъ установленъ въ Одессѣ

съ 1849 г. знаменитымъ архіепископомъ Иннокентіемъ. Крупный преобразователь въ области преподаванія духовныхъ наукъ (какъ извѣстно, по его настоянію отмѣнено преподаваніе Богословія въ академіяхъ на латинскомъ языкѣ), ревностный распространитель православія въ духѣ возможно широкаго общенія церкви съ народомъ, одинъ изъ краснорѣчивѣйшихъ духовныхъ ораторовъ, любившій говорить на общественныя темы и не отказывавшійся отъ печатанія своихъ проповѣдей въ газетахъ, Иннокентій былъ вмѣстѣ съ тѣмъ большой знатокъ и любитель историческихъ памятниковъ и древностей. По его мысли установлены были крестные ходы во многихъ городахъ, съ очевидною цѣлью воскресить и закрѣпить въ народѣ черезъ посредство церкви память о его старинѣ. То же самое было сдѣлано имъ и для Одессы. Всѣ подробности крестнаго хода были выработаны имъ лично. Существенною особенностью нашего торжества было то, что празднованіе основанія Одессы было раздѣлено на два дня: въ первый день, 21 августа, было установлено служеніе въ Соборѣ заупокойной литургіи съ панихидою объ упокоеніи душъ почившихъ уже въ Бозѣ основателей и благодѣтелей Одессы, начиная съ вѣнценоснаго лица Императрицы Екатерины Второй и другихъ почившихъ Государей и упоминая затѣмъ о боярахъ Іосифѣ (де-Рибасѣ) и Эммануилѣ (Ришелье), а на второй день должно было состояться торжественное богослуженіе въ Михайловскомъ женскомъ монастырѣ, послѣ котораго совершалась крестная процессія по извѣстному всѣмъ одесситамъ церемоніалу.

Но въ современномъ описаніи торжествъ 21 и 22 августа 1849 года есть трогательная подробность: заупокойную литургію въ Соборѣ совершалъ самъ митрополитъ Иннокентій, въ сослуженіи всего духовенства въ присутствіи мѣстныхъ властей и иностранныхъ консуловъ, при чемъ на особомъ мѣстѣ близъ алтаря стояло нѣсколько маститыхъ стариковъ, свидѣтелей великаго царства Екатерины, переселившихся изъ разныхъ мѣстъ Россіи въ нашъ край въ 1793—94 и ближайшихъ затѣмъ годахъ и видѣвшихъ основаніе г. Одессы, такъ безпримѣрно и быстро развившагося и обогатившаго весь край, который они застали еще пустынною степью». (Одес. Вѣстн. 1849 г. № 67).

На слѣдующій день, на литургіи въ Михайловскомъ монастырѣ, опять таки на особомъ почетномъ мѣстѣ, присутствовали тѣ же старцы.

Въ заключеніе торжественнаго дня (обычай предлагать завтракъ отъ города почетнымъ гостямъ былъ установленъ позже) вечеромъ былъ данъ въ городскомъ театрѣ даровой русскій спектакль для воспитанниковъ одесскихъ учебныхъ заведеній и простого народа, при чемъ, какъ это соблюдается и нынѣ на городскихъ празднествахъ, воспитанниками сиротскаго дома былъ пропѣтъ народный гимнъ: Боже, Царя Храни.

Еще объ основаніи Одессы 22 августа 1789 г.

Чтобы перенестись въ далекія времена основанія [illegible]ссы, лучше всего перечитать свидѣтельства совре[illegible]ковъ. Одесситы мало знаютъ свою исторію, и даже [illegible] такихъ серьезныхъ историческихъ трудахъ объ Одессѣ, какъ книги Скальковскаго, Смолянинова, Маркевича, Надлера и др., отсутствуютъ многіе живые и важные документы. Они разбросаны въ другихъ изданіяхъ, относятся къ другимъ историческимъ именамъ и фактамъ. Слѣдовало бы собрать во-едино все касающееся прошлаго Одессы и написать подробно, документально ея исторію.

Я приведу здѣсь нѣсколько документовъ, малоизвѣстныхъ одесситамъ. Они относятся къ личности основателя Одессы и къ его дѣятельности по постройкѣ нашего города.

Это два, переведенныхъ мною съ французскаго, письма адмирала Іосифа де-Рибаса, адресованныя имъ изъ Петербурга на имя русскаго посла при вѣнскомъ дворѣ графа Андрея Кирилловича Разумовскаго (дяди графа [illegible]зумовскаго, одесскаго затворника) приводимые въ книгѣ [illegible] Васильчикова: «Семейство Разумовскихъ».

Первое письмо датировано 13 апрѣля 1795 года, т. [illegible] [illegible]я къ первому году существованія Одессы.

«[illegible] желаете знать что-нибудь обо мнѣ. Вотъ нѣко[illegible] [illegible] Я вице-адмиралъ, командующій черномор[illegible] [illegible] флотиліей, мнѣ поручена постройка военнаго и торговаго порта, а также города, названнаго Одессой все это въ одномъ мѣстѣ, называвшемся прежде Хаджибеемъ, которое мы уничтожили во время послѣдней войны, и находящемся между Бугомъ и Днѣпромъ. Положеніе его выгодно во всѣхъ отношеніяхъ. Мнѣ поручено также укрѣпленіе устьевъ Днѣпровскаго лимана и постройка форта, который мы строимъ на Днѣстрѣ напротивъ Аккермана въ мѣстности, называвшейся прежде Аджидеръ и которая будетъ нынѣ называться Овидіополемъ. Здѣсь строится маленькій торговый городъ, который будетъ служить складочнымъ мѣстомъ для продуктовъ изъ Подоліи и губерній Брацлавской и Вознесенской. Я чрезвычайно доволенъ довѣріемъ и обхожденіями, которыми меня удостаиваютъ; но у меня здѣсь (въ Петербургѣ) взрослыя дѣти[1]) и я надѣюсь быть ближе къ нимъ, какъ только я окончу возложенное на меня дѣло».

Второе письмо, датированное 4 іюня 1796 г., ближе останавливается на описаніи новопостроенной Одессы и точно устанавливаетъ день ея основанія, 22 августа 1794 года, бывшій до сихъ поръ спорнымъ, благодаря высказаннымъ проф. Надлеромъ сомнѣніямъ.

«Вы удостаиваете меня вопросомъ о новомъ городѣ и портѣ Одессѣ на Черномъ морѣ. Такъ какъ твореніе это (cette création) было возложено на меня цѣликомъ, то я могу дать вамъ о немъ самыя важныя свѣдѣнія; но я боюсь показаться вамъ пристрастнымъ. Однако, когда вы узнаете, что Ея Императорское Величество озаботилась о снабженіи меня напередъ суммами весьма значительными[2]) и числомъ рабочихъ сколько я просилъ, то

[1]) Двѣ дочери, обѣ крестницы Императрицы Екатерины, вышедшія впослѣдствіи замужъ — одна за оберъ-полицеймейстера при Александрѣ I И. С. Горголи, другая — за князя Михаила Михайловича Долгорукаго.

[2]) На первыя нужды по постройкѣ Одессы были отпущены упомянутые въ [illegible]скриптѣ Екатерины тѣ 26 000 рублей, которые были сбережены де-Рибасомъ изъ

вы поймете, что честь и слава успѣха дѣла принадлежатъ цѣликомъ Августѣйшему генію нашей несравненной Государыни, которая видитъ и осуществляетъ все, что мо[illegible]етъ быть благотворно для ея подданныхъ.

Одесса расположена между Днѣстромъ и Днѣпров[illegible]кимъ лиманомъ, на мѣстѣ, гдѣ турки владѣли крѣпостью [illegible]джибей. Крѣпость эта защищала великолѣпный рейдъ, которымъ непріятель пользовался, чтобы парализовать [illegible]ѣйствія нашихъ морскихъ силъ на лиманѣ и помѣшат[illegible] [illegible]хъ соединенію съ севастопольской флотиліею. Турки [illegible]ѣли здѣсь глубокія и тихія воды для своихъ судовъ и [illegible]ычествовали надъ всѣмъ побережьемъ, которое со [illegible]мени ясскаго мира составляетъ сѣверную часть нашихъ [illegible]адѣній на Черномъ морѣ. Государыня повелѣла по[illegible]троить на ней крѣпость, чтобы содержать въ ней сильный [illegible]изонъ и военный портъ для гребного флота, который [illegible]женъ быть на стоянкѣ во все время года на этомъ [illegible]дающемся пунктѣ, защищающемъ нашъ берегъ, Днѣ[illegible] и Днѣпровскій лиманъ, а также сочла за благо по[illegible]ить городъ и торговый портъ, который служилъ бы [illegible]ивознымъ пунктомъ для обильныхъ продуктовъ губерніи [illegible]лавской, Украины и Подоліи. Крѣпость закончена; [illegible]ъ представляетъ уже важное убѣжище для судовъ [illegible]ного флота, который зимовалъ здѣсь въ этомъ [illegible] торговыхъ судовъ. Городъ имѣетъ 1100 до[illegible] [illegible] которыхъ 600 каменныхъ.

Въ Одессѣ построены также два громаднѣйшихъ ма[illegible]ина, которые смогутъ принять въ августѣ сего года [illegible]илліона пудовъ соли, привозимой сюда изъ Тавриды, [illegible]збавить насъ отъ иностранной соли (а именно,

[illegible]ихъ ему раньше для найма вольныхъ греческихъ матро[illegible] [illegible] были отпускаемы болѣе значительныя суммы, кото[illegible] [illegible] посредство особой, учрежденно[illegible] [illegible]

между нами, изъ Галиціи), которая вызываетъ отливъ отъ насъ ежегодно свыше двухъ милліоновъ рублей серебромъ. Казармы для войскъ и матросовъ были закончены въ прошломъ году (1795 г.) въ сентябрѣ. Въ нихъ можетъ помѣститься до 16.000 чел.; магазины съ провіантами полны; они вмѣщаютъ до 40,000 четвертей. Портъ защищенъ пятью батареями, изъ которыхъ три у самаго моря; пушки поставлены здѣсь съ весны 1795 года; крѣпость снабжена 88 огнестрѣльными орудіями».

Первое начало этого дѣла положено 22-го августа 1794 года.

Карантинъ, таможня, биржа, госпиталь, магистратъ, арсеналы, церкви почти готовы постройкою и будутъ закончены въ теченіе этого года. Большой молъ будетъ окончательно завершенъ, даже со всѣмъ оборудованіемъ, въ августѣ 1797 года. Бригадиръ-инженеръ де-Воланъ, голландской націи, ведетъ работы по собственнымъ проектамъ и планамъ, утвержденнымъ Е. И. В. Князь Зубовъ былъ и продолжаетъ быть меценатомъ этого дивнаго предпріятія. Я имѣю только надзоръ (inspection) за всѣмъ, что здѣсь дѣлается, а также работаю по гидравлическому укрѣпленію Очаковскаго и Днѣстровскаго лимановъ. Изъ Одессы можно прибыть въ Константинополь, при обыкновенномъ вѣтрѣ, въ 48 часовъ. Одесса прислонена еще къ двумъ значительнымъ крѣпостямъ, которыя, какъ волшебною палочкою, были сооружены на Днѣстрѣ въ Овидіополѣ, противъ Аккермана, и въ Тираcполѣ, противъ Бендеръ».

Прочтите эту длинную болтовню, примите и пр.

Іосифъ де-Рибасъ.

Де-Рибасъ, де-Воланъ, Ришелье и Ланжеронъ

Испанецъ по происхожденію, Іосифъ де-Рибасъ перешелъ изъ службы въ неаполитанскихъ войскахъ, гдѣ онъ состоялъ лейтенантомъ Самнитскаго полка, на службу Россіи въ 1769 году; принималъ участіе въ Чесменскомъ бою; оказалъ услугу графу Алексѣю Орлову не въ поимкѣ самозванки Таракановой (какъ о томъ совершенно ошибочно разсказываютъ историки и романисты), а тѣмъ, что привезъ въ Россію молодого, царственнаго происхожденія, графа Бобринскаго, воспитывавшагося первоначально въ Лозаннѣ; сражался подъ командою Каменскаго въ войскахъ Румянцева въ Болгаріи, поступилъ въ 1774 году въ качествѣ военнаго инструктора въ С.-Петербургскій Шляхетскій сухопутный корпусъ и состоялъ въ немъ воспитателемъ Бобринскаго.

Во время своего пребыванія въ Петербургѣ, де-Рибасъ, женившись на побочной дочери знатнаго вельможи и государственнаго мужа И. И. Бецкаго, сталъ извѣстенъ Императрицѣ Екатеринѣ, былъ допускаемъ на ея интимные вечера въ Эрмитажѣ и имѣлъ счастіе неоднократно видѣть Государыню у себя (онъ жилъ въ корпусѣ, но жена его, камеръ-фрейлина Екатерины, оставалась въ домѣ Бецкаго).

Здѣсь въ Петербургѣ въ шумной, свѣтской и без[illegible]очной жизни, де-Рибасъ находилъ время заниматься [illegible]. Какъ и отецъ его, управлявшій военною канце-

лярією неаполитанскаго короля Фердинанда и много поработавшій на укрѣпленіе Неаполя съ моря въ защиту отъ англичанъ, Іосифъ де-Рибасъ любилъ инженерное дѣло. Онъ составилъ проектъ грандіознаго моста черезъ Неву, самъ построилъ его огромную модель и, благодаря покровительству Екатерины, былъ допущенъ къ демонстраціи своей работы въ Императорской академіи наукъ. Послѣ нѣсколько разъ повторенныхъ опытовъ въ присутствіи такихъ свѣтилъ науки, какъ Бернульи и другіе, проектъ былъ признанъ недостаточно разработаннымъ и де-Рибасу было поручено дополнить его. Дальнѣйшая судьба этого проекта неизвѣстна.

По выходѣ изъ шляхетскаго корпуса, въ началѣ 1784 года, де-Рибасъ отправился на югъ къ князю Потемкину, занятому въ то время дѣломъ устроенія Таврическаго полуострова, Тамани и Прикубанской области и поглощенному заботами объ усиленіи военнаго русскаго флота на Черномъ морѣ. Де-Рибасъ подалъ «великолѣпному князю Тавриды» свой, составленный имъ въ Петербургѣ, проектъ реорганизаціи флота и былъ принятъ Потемкинымъ на службу въ русскія войска, но не въ качествѣ инженера или моряка, а въ качествѣ кавалериста—командира Маріупольскаго легкоконнаго полка (22-го мая 1785 г.). Три года спустя де-Рибасъ былъ возведенъ въ дежурные генералы при Потемкинѣ и въ этой должности состоялъ ровно годъ, во все время осады Очакова.

Здѣсь, подъ Очаковымъ, де-Рибасъ съ запорожскими казаками участвовалъ во многихъ военныхъ подвигахъ и впервые испыталъ свои военно-морскія способности, принявъ на себя командованіе канонерскою лодкою. Здѣсь же онъ вошелъ въ дружескія отношенія съ Суворовымъ, съ которымъ состоялъ впослѣдствіи въ частой интимной перепискѣ (Письма Суворова къ де-Рибасу напечатаны въ «Русск. Архивѣ» 1866 г.).

Послѣ взятія Очакова въ 1788 году, де-Рибасъ, числясь генералъ-маіоромъ, состоялъ въ передовомъ отрядѣ арміи генерала Гудовича и, какъ извѣстно, взялъ штурмомъ съ этимъ отрядомъ крѣпость Гаджибей 14-го сентября 1789 года. Подвигъ этотъ такъ понравился Императрицѣ Екатеринѣ, что она сообщила о немъ въ своей корреспонденціи Гримму и выразила свое удовольствіе остававшейся въ Петербургѣ женѣ де-Рибаса.

Настасія Ивановна де-Рибасъ писала своему мужу 1-го октября 1789 года: «Я узнала съ безконечною радостью, мой дорогой другъ, что вы имѣли счастіе взять городъ; это произвело здѣсь большое впечатлѣніе. Государыня говорила мнѣ о васъ и о вашей побѣдѣ, милостиво выражая свое удовольствіе. Принцъ Нассаусскій поздравилъ меня съ одержанною вами побѣдой; онъ поручаетъ мнѣ передать вамъ его поклонъ».

Еще раньше, 22-го сентября 1789 г., Суворовъ поспѣшилъ поздравить де-Рибаса въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Милостивый государь мой, Осипъ Михайловичъ! Съ побѣдою вашего превосходительства надъ Гаджибеемъ [illegible]мѣю честь поздравить. Усердно желаю, побѣждая и [illegible]ѣе невѣрныхъ, заслужить лавры. Александръ Су[illegible]въ».

Оставаясь въ Хаджибеѣ, де-Рибасъ занялся проектомъ извлеченія изъ моря у береговъ Очакова затопленныхъ турками военныхъ лодокъ (лансоновъ). Проектъ его былъ одобренъ Потемкинымъ. Де-Рибасъ взялся лично [illegible] его осуществленіе съ помощью его неизмѣнныхъ товарищей—запорожцевъ. Вскорѣ къ черноморской гребной флотиліи, состоявшей подъ начальствомъ контръ-адмирала [illegible]новича, присоединилось нѣсколько новыхъ, изъ моря [illegible]ченныхъ, судовъ, вооруженныхъ турецкими пушка[illegible] [illegible]тилія эта перешла въ командованіе де-Рибаса. [illegible], однако, что онъ оставался въ чинѣ генералъ-

маіора и получилъ переименованіе въ контръ-адмиралы лишь три года спустя, въ 1792 году.

Много смѣялись надъ судами де-Рибаса, называя ихъ орѣховыми скорлупами, пока эта флотилія не совершила тѣхъ подвиговъ, которые удивили не только русскихъ, но и Европу, и привлекли въ Россію много знатныхъ иностранныхъ юношей, въ числѣ которыхъ были Ришелье и Ланжеронъ. Неожиданное и побѣдоносное вторженіе русскаго черноморскаго флота въ Дунай и затѣмъ славное участіе этого флота во взятіи Измаила, было не разъ описываемо, но не было обращено достаточно вниманія на то любопытное для одесситовъ обстоятельство, что подъ стѣнами знаменитой крѣпости встрѣтились и сблизились впервые на одномъ кораблѣ будущіе создатели и градоправители Одессы: де-Рибасъ, де-Воланъ, Ришелье и Ланжеронъ.

Позволю себѣ остановиться подробнѣе на этомъ интересномъ эпизодѣ. Маркизъ де-Кастельно, состоявшій вмѣстѣ съ Луи де-Рошешуаромъ и Стемпковскимъ, чиновникомъ при Герцогѣ Ришелье въ то время, когда тотъ былъ градоначальникомъ Одессы, разсказываетъ въ «Histoire de la Nouvelle Russie» о вторженіи де-Рибаса въ Дунай слѣдующее:

После взятія Хаджибея, годъ спустя, т. е. въ 1790 году, де-Рибасъ воспользовался пребываніемъ Потемкина въ Очаковѣ, предложилъ князю Таврическому планъ широкій, но смѣлый и даже, можетъ быть, дерзкій; князю онъ пришелся по сердцу; дѣло шло о проникновеніи позднею осенью съ флотиліею въ Дунай. Для моряковъ неопытныхъ, для турокъ въ особенности, это предпріятіе представлялось бы гигантскимъ. Русскіе же доказали—и нынѣ это всѣми признано—что Черное море, страшное своими штормами и частыми туманами, не представляетъ,

однако, непреодолимыхъ препятствій для мужества въ связи съ талантомъ».

14-го октября 1790 г. черноморская флотилія, подъ предводительствомъ І. де-Рибаса, матросами на которой были запорожцы, переименованные въ черноморскіе ка-[illegible]ки, во главѣ съ неразлучными съ де-Рибасомъ полковниками Чепегою и Головатымъ, и съ дессантными вой[illegible]ми изъ гренадеровъ, которыми командовалъ братъ де-Рибаса Эммануилъ, находилась у Хаджибея, а десять дней спустя она была уже у Сулина.

Отсюда, подвигъ за подвигомъ, наводя ужасъ на турецкія поселенія то бомбардировкою, то дессантами, [illegible] провіанты, завоевывая штурмами крѣпости [illegible]льчу, Исакчу и другія, флотилія все ближе подходила къ Измаилу, уничтожила всѣ его прибрежныя батареи и защищавшія его съ рѣки турецкія суда, и сдѣлала, такимъ образомъ, возможнымъ взятіе силой, считавшейся до сего неприступной, крѣпости.

Потемкинъ въ своемъ рапортѣ Екатеринѣ о взятіи Измаила аттестуетъ флотъ де-Рибаса въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Возрите, Всемилостивѣйшая Государыня, съ [illegible]ердіемъ, сроднымъ великой душѣ Вашей, на без[illegible]рно ревностную службу отъ всѣхъ чиновъ сухо[illegible]утныхъ и морскихъ оказанную: сіи послѣдніе, сверхъ [illegible]омянутаго штурма, по Дунаю произвели многіе успѣхи, [illegible]брали и разгромили крѣпости, истребили магазейны, почти всю многочисленную флотилію, за двѣсти судовъ простирающуюся, побрали, пожгли и потопили».

Слава о подвигахъ флота распространилась далеко за [illegible]дѣлами Россіи, и много знатныхъ юношей, главнымъ об-[illegible] числа эмигрировавшихъ изъ Франціи аристо-[illegible] поспѣшили примчаться на Дунай, чтобы стать [illegible] сподвижниковъ де-Рибаса. Еще Измаилъ не былъ [illegible] 14-го ноября 1790 года, по случаю взятія

флотиліею крѣпости Тульчи, генералъ князь Рѣпнинъ (воспользовавшійся впослѣдствіи кавалерійскою аттакою де-Рибаса, чтобы рѣшить побѣдою сраженіе при Мачинѣ) восторженно писалъ де-Рибасу (привожу письмо въ переводѣ съ французскаго): «Браво, дорогой генералъ; вы широко подвигаетесь съ вашей прекрасной флотиліей. Тульча ваша и вы, такъ сказать, у воротъ Измаила! Къ вамъ идутъ, дорогой генералъ, какъ нѣкогда стремились въ Аѳины. Всѣ хотятъ сражаться подъ вашими знаменами и если бы послушать этихъ юныхъ и доблестныхъ воиновъ, которые прибыли къ намъ изъ-за границы, то они всѣ отправились бы къ вамъ».

Въ числѣ тѣхъ доблестныхъ юношей, которыхъ привлекла въ Россію слава о подвигахъ черноморскаго флота, были маркизъ де-Мормонъ, графъ Роже-де-Дама́, кавалеръ Россетъ (отецъ Александры Осиповны Смирновой, фрейлины, извѣстной авторши «Воспоминаній»), полковникъ французской службы графъ де-Ланжеронъ, офицеръ австрійской арміи принцъ Шарль-де-Линь, лейтенантъ драгуновъ французской королевы герцогъ де-Фронсакъ (послѣ смерти своего отца получившій титулъ герцога де-Ришелье) и голландскій инженеръ Францъ де-Воланъ.

Всѣ эти молодые воины поступили волонтерами во флотилію де-Рибаса и всѣ сражались подъ его начальствомъ во время знаменитаго штурма Измаила.

Предоставлю самому Ланжерону, въ его «Запискѣ о дѣятельности герцога Ришелье въ Россіи», разсказать интересный эпизодъ, побудившій его отправиться на Дунай. Вотъ его слова: «Русская армія аттаковала и взяла Килію; думали, что этимъ кампанія окончится. Такъ и было рѣшено. Но смѣлость предпріятія адмирала де-Рибаса, быстрое покореніе Тульчи, потомъ Исакчи, дали основаніе думать, что попытка взять Измаилъ можетъ

имѣть успѣхъ и ускорить заключеніе желаннаго мира. Русскій курьеръ, прибывшій въ Вѣну, передалъ письмо отъ князя Потемкина австрійскому генералу принцу де-Линю, у сына котораго Шарля гостилъ въ то время герцогъ де-Фронсакъ (Ришелье) и графъ Ланжеронъ. Этотъ послѣдній, долженствовавшій вернуться въ Бессарабію (Ланжеронъ служилъ въ русскихъ войскахъ съ разрѣшенія своего короля), разспросилъ курьера о положеніи дѣлъ на Дунаѣ и узналъ, какъ окончательное, то, что было еще только въ предположеніи,—о принятомъ рѣшеніи штурмовать Измаилъ. «Услышавъ эту вѣсть, нѣсколько преждевременную, юный Ришелье обращаетъ свои взоры къ своему другу Шарлю де-Линю; де-Линь, въ свою очередь, глядитъ на Ришелье; они угадываютъ другъ друга; ихъ души были созданы для взаимнаго пониманія. Отправимся туда! восклицаетъ Ришелье.—Подлецъ, кто отъ этого откажется! отвѣчаетъ Шарль—и поѣздка къ Измаилу была тутъ-же рѣшена.

Черезъ девять дней труднѣйшаго путешествія отъ Вѣны до Бендеръ, путешествія, кстати сказать, описаннаго самимъ Ришелье, Ланжеронъ и де-Линь были уже въ лагерѣ Потемкина, откуда они по ихъ просьбѣ были направлены на Дунай на флотилію де-Рибаса.

Я не буду описывать здѣсь подробностей штурма Измаила, за который де-Рибасъ былъ награжденъ Георгіемъ 2-й степени, шпагою, осыпанною брилліантами и имѣніемъ въ 800 душъ въ Могилевской губ., а герцогъ де-Ришелье получилъ Георгія 4-й степени, но не могу не замѣтить, что Ришелье самъ подробно описалъ всѣ приготовленія къ штурму крѣпости, съ полною критикой всѣхъ дѣйствій русскихъ войскъ до момента призыва Потемкинымъ Суворова, и что онъ повсюду приписываетъ наиболѣе усердное участіе въ этомъ дѣлѣ Іосифу де-Рибасу.

Полно драматическихъ подробностей его описаніе самаго штурма и тѣхъ кровавыхъ сценъ, которыя произошли послѣ того, какъ крѣпость сдалась.

«На третій день послѣ штурма, разсказываетъ Ришелье, былъ отслуженъ молебенъ, и всѣ артиллерійскія орудія изъ судовъ и крѣпости провозгласили тройнымъ залпомъ побѣду русскаго оружія. Генералъ Суворовъ обѣдалъ на борту корабля де-Рибаса и высказалъ ему много комплиментовъ, приписывая ему не безъ основанія наибольшую долю чести этого подвига. Не было недостатка въ тостахъ и каждый тостъ сопровождался залпомъ корабельныхъ орудій.

Кромѣ того, въ своей военной реляціи Суворовъ аттестовалъ де-Рибаса оффиціально, «какъ принявшаго въ штурмѣ Измаила самое большое участіе, присутствуя вездѣ, гдѣ болѣе надобности требовалось, ободряя мужествомъ подчиненныхъ, взялъ великое число въ плѣнъ и представилъ отнятыя у непріятеля сто тридцать знаменъ». Подвигъ де-Рибаса былъ воспѣтъ Байрономъ въ его «Донъ-Жуанѣ» и вызвалъ удивленіе Пушкина при посѣщеніи имъ вмѣстѣ съ генераломъ Липранди развалинъ Измаила.

Молодежь отличилась при этомъ штурмѣ на славу. Принцъ Шарль де-Линь былъ раненъ въ самомъ началѣ сраженія. Ришелье проявилъ чудеса отваги и былъ контуженъ. Когда крѣпость была уже взята, Ришелье увлекся романическимъ эпизодомъ; онъ сжалился надъ захваченной русскими солдатами молодой 8-лѣтней турчанкою. Вотъ какъ разсказываетъ объ этомъ эпизодѣ графъ де-Ланжеронъ:

«Во время этого кровавaго боя молодая дѣвочка восьми лѣтъ, богато одѣтая, бросилась къ ногамъ Ришелье, который съ большимъ трудомъ защитилъ ее отъ штыковъ и пикъ, преслѣдовавшихъ ее даже въ его объ-

ятіяхъ... Это прелестное дитя ласкалось къ своему избавителю, благодарившему случай, приведшій эту несчастную къ нему. Послѣ взятія бастіона, онъ вернулся съ нею къ каменному бастіону, гдѣ засталъ полковника Эммануила де-Рибаса, брата адмирала, вступившаго въ переговоры о сдачѣ 700 турокъ, запертыхъ въ бастіонѣ. Увидавъ дѣвочку, эти несчастные стали ужасно вопить и просить отдать ее имъ. По отчаянію турокъ можно было судить о знатности происхожденія ребенка. Ришелье отказывался долго возвратить свою плѣнницу, и рѣшился на это лишь послѣ того, какъ полковникъ де-Рибасъ далъ ему слово, что дѣвочка будетъ отдана ему на слѣдующій день. Но она осталась у турокъ».

Не любопытно ли странное историческое совпаденіе: На кораблѣ де-Рибаса, подъ Измаиломъ, въ 1790 году, т. е. за четыре года до основанія Одессы, встрѣтились вмѣстѣ четыре человѣка, имѣвшіе на судьбу Одессы самое ближайшее вліяніе: адмиралъ де-Рибасъ, основатель Одессы на мѣстѣ завоеваннаго имъ Хаджибея, де-Воланъ, его непосредственный помощникъ по составленію плана города и по постройкѣ порта, герцогъ де-Ришелье, черезъ шесть лѣтъ послѣ де-Рибаса принявшій градоправительство Одессы и создавшій ея благосостояніе, и графъ де-Ланжеронъ, преемникъ Ришелье, тоже градоначальникъ Одессы.

Только въ блестящіе историческіе дни царствованія Екатерины могли происходить такія случайности, носящія характеръ предопредѣленія.

Герцогъ Ришелье послѣ Измаила еще долго состоялъ подъ начальствомъ де-Рибаса и принималъ вмѣстѣ съ нимъ участіе въ устройствѣ знаменитой переправы черезъ Дунай у Галаца и, кажется, въ Мачинскомъ сраженіи.

Всего въ русской арміи, въ этотъ первый свой пріѣздъ, Ришелье провелъ $2^1/_2$ мѣсяца. Онъ вернулся

въ Вѣну, а затѣмъ, послѣ цѣлаго ряда событій, разсказъ о которыхъ не составляетъ предмета настоящаго очерка, онъ вернулся въ Россію и поступилъ въ армію престарѣлаго Румянцева—Задунайскаго, въ чинѣ подполковника кирассирскаго св. Георгія полка.

Здѣсь кстати будетъ сказать, что Ришелье не былъ французскимъ эмигрантомъ. Онъ поступилъ на русскую службу съ разрѣшенія своего короля Людовика XVI, какъ и графъ Ланжеронъ. Вслѣдствіе этого его имущество во Франціи не было конфисковано, но онъ не могъ возвратиться во Францію, не желая подчиниться ни революціонному режиму, ни затѣмъ Наполеону.

Своимъ возвышеніемъ въ Россіи Ришелье былъ обязанъ исключительно Александру I, отдавшему ему свое высокое расположеніе еще тогда, когда Ришелье стоялъ со своимъ полкомъ въ Гатчинѣ, и Александръ I, тогда еще Цесаревичъ, раздѣлялъ вмѣстѣ съ Ришелье всѣ вспышки гнѣва Павла I при неудачно исполненныхъ военныхъ экзерсиціяхъ.

Однажды гнѣвъ Павла I обрушился на герцога Ришелье въ такой обидной формѣ, что тотъ покинулъ Гатчину и отправился служить въ Витебскъ на самое скудное полковничье жалованье. Но Александръ I соболѣзновалъ ему, и когда взошелъ на престолъ, то поспѣшилъ призвать къ себѣ Ришелье.

Только личнымъ отношеніемъ Государя Александра I къ Ришелье и можно объяснить тѣ безчисленныя благодѣянія, которыми была осыпана Одесса, сначала осчастливленная милостями Екатерины при де-Рибасѣ, а затѣмъ навлекшая на себя немилость Павла.

Александръ I сумѣлъ оцѣнить знатнаго французскаго юношу по заслугамъ, ибо Ришелье былъ личностью высоко-выдающеюся по ясности и благородству мысли,

по кристаллической душевной чистотѣ и по государственному генію.

Труднѣйшая, черная работа по завоеванію Хаджибея и по основанію Одессы была совершена де-Рибасомъ. Герцогу де-Ришелье, бывшему восторженному подчиненному де-Рибаса, довелось закончить и упрочить начатое имъ дѣло благосостоянія Одессы, а на третьяго участника побѣднаго пира подъ Измаиломъ пала задача продолжить труды своихъ предшественниковъ. При Ланжеронѣ было учреждено въ Одессѣ давшее такъ много благъ этому городу порто-франко.

Дерибасовскій садъ.

Исторія этого сада такова. Младшій братъ основателя Одессы адмирала Іосифа де-Рибаса, даритель сада Феликсъ де-Рибасъ [1]), прибылъ въ Россію въ началѣ второй турецкой войны изъ Италіи, гдѣ онъ состоялъ въ неаполитанскихъ войскахъ поручикомъ гвардіи, и, поступивъ въ 1792 году волонтеромъ въ русскую украинскую армію, оперировавшую въ то время въ Польшѣ, былъ записанъ секундъ-маіоромъ въ лейбъ-гвардіи Преображенскій полкъ, въ передовой корпусъ Ираклія Моркова. Въ этомъ корпусѣ онъ особенно отлич..лся въ сраженіи при Городищѣ, а затѣмъ, будучи прикомандированъ къ Елисаветградскому конно-егерскому полку, заслужилъ особую похвалу за самоотверженную храбрость при взятіи двухъ непріятельскихъ батарей подъ Дубенкою. По окончаніи войны съ Польшей, Феликсъ де-Рибасъ оставался со своимъ полкомъ въ Подоліи; въ 1795 году онъ былъ произведенъ въ премьеръ-маіоры и зачисленъ въ Черноморскаго гренадерскаго корпуса 4-й баталіонъ, изъ котораго вышелъ въ отставку въ 1797 году тѣмъ же чиномъ съ ношеніемъ мундира. Въ это время, на мѣстѣ Хаджи-

[1]) У адмирала де-Рибаса было три брата: Эммануилъ, Андрей и младшій Феликсъ. Эммануилъ отличился блестящими подвигами на Дунаѣ и подъ Измаиломъ, умеръ въ Яссахъ въ 1791 году. Замѣчателенъ фактъ потери имъ дважды одной и той же руки. Первую оторвало у него ядромъ подъ Очаковымъ, а вторую, искусственную, подъ Измаиломъ.

бея уже была основана въ 1794 году Одесса, и въ этомъ едва родившемся городѣ уже кипѣла огромная дѣятельность. Феликсъ де-Рибасъ остался въ Одессѣ въ званіи ея перваго плацъ-маіора и окончательно поселился на югѣ Россіи, проживая то въ самой Одессѣ, то въ имѣніи своемъ Тузлахъ. Тогда едва зарождалась въ Новороссійскомъ краѣ торговля и промышленность, и Феликсъ де-Рибасъ былъ въ числѣ его наиболѣе дѣятельныхъ піонеровъ. Онъ одинъ изъ первыхъ взялся за правильную эксплоатацію соляныхъ промысловъ, завелъ торговыя сношенія съ подольскими и галиційскими помѣщиками, привлекъ къ Одессѣ сельскохозяйственные продукты, сближалъ между собою пріѣзжихъ иностранныхъ негоціантовъ и русскихъ купцовъ. Выписалъ изъ Неаполя нѣсколько торговыхъ кораблей, за которыми потянулись другіе заморскіе купцы. Въ своемъ имѣніи онъ сдѣлалъ обширную посадку тутовыхъ деревьевъ, началъ правильное шелкопрядство, развелъ овецъ, упорядочилъ рыбные промыслы. Въ самой Одессѣ же, на своемъ хуторѣ (на Среднемъ Фонтанѣ) онъ завелъ первую на югѣ Россіи шерстомойку. Но особенно усердно занялся Феликсъ де-Рибасъ дѣломъ развитія у себя въ имѣніи и въ Одессѣ растительности.

Трудно представить себѣ первоначальную Одессу въ сравненіи съ нынѣшней. Вѣдь это была непригдядная скалистая мѣстность, круто обрывавшаяся къ морю, безъ малѣйшей растительности (если не считать остававшихся отъ первоначальнаго Гаджибея трехъ старыхъ грушъ), окруженная со стороны Пересыпи песчаною пустынею и со стороны Дальника такою степью, что въ ней волковъ ловили. И на этой мѣстности строилась Одесса изъ дикаря и глины, не защищенная отъ зноя и пыли ни однимъ деревцомъ. Первое правильное древонасажденіе въ Одессѣ сдѣлалъ Феликсъ де-Рибасъ. Въ этомъ отношеніи онъ, впрочемъ, лишь осуществлялъ мечту своего брата, адми-

рала, страстно любившаго растеньеводство, принимавшаго дѣятельное участіе въ коммиссіи по древонасажденію въ Новороссійскомъ Краѣ [1]) и состоявшаго, по возвращеніи въ Петербургъ изъ Одессы, директоромъ лѣсного департамента. Первыя деревья въ Одессѣ были посажены обоими братьями де-Рибасъ. Это были, кажется, акаціи. Посадка сдѣлана была на пустопорожнемъ участкѣ, пріобрѣтенномъ Феликсомъ де-Рибасомъ въ такъ называемомъ Греческомъ кварталѣ города Одессы, на протяженіи почти двухъ десятинъ. Здѣсь же онъ построилъ себѣ домъ (впослѣдствіи уступленный имъ казнѣ для конторы государственнаго коммерческаго банка).

Домъ де-Рибаса былъ открытымъ домомъ для всѣхъ пріѣзжихъ негоціантовъ, помѣщиковъ и знатныхъ гостей и въ немъ останавливались на первыхъ порахъ начальствующія лица. Садъ при домѣ разростался все болѣе, и вскорѣ въ самомъ центрѣ города образовался обширный тѣнистый уголокъ, на который съ завистью взирали обливавшіеся потомъ одесситы. Первыя деревья для этого сада были присланы Феликсу де-Рибасу графомъ Феликсомъ Потоцкимъ изъ его знаменитаго, тогда едва зарождавшагося, Софійскаго сада (близъ Умани). Съ графомъ Потоцкимъ де-Рибасъ былъ въ отличныхъ отношеніяхъ еще со времени пребыванія его полка въ Подоліи. Тамъ де-Рибасъ сблизился съ высшимъ польскимъ обществомъ. (Онъ былъ женатъ на полькѣ Октавіи Качковской, а послѣ ея смерти на двоюродной ея сестрѣ Брониславѣ Малиновской). Садъ де-Рибаса имѣлъ уже почти законченный видъ, когда прибылъ въ Одессу въ 1803 году назначенный сюда градоправителемъ незабвенный герцогъ Ришелье; деревья изъ Софійскаго сада получались партіями, и герцогъ на первыхъ же порахъ своей

[1]) Извѣстенъ его проектъ о насажденіи лѣсовъ по берегамъ рѣки Буга для потребностей флота.

дѣятельности въ Одессѣ принялся помогать де-Рибасу въ устройствѣ его сада и собственноручно посадилъ въ немъ нѣсколько каштановыхъ деревьевъ.

Герцогъ Ришелье приблизилъ къ себѣ Феликса де-Рибаса. Онъ жилъ въ его домѣ передъ тѣмъ, что поселился въ собственномъ, былъ свидѣтелемъ на его бракосочетаніи, дѣлился съ нимъ своими планами и мыслями. Здѣсь, у де-Рибаса, онъ гулялъ въ саду, принималъ должностныхъ лицъ, отдыхалъ отъ огромныхъ трудовъ по благоустройству города и собственоручно срывалъ съ дерибасовскихъ деревьевъ винныя ягоды. Ришелье былъ тоже страстнымъ любителемъ садоводства; онъ первый установилъ требованіе, чтобы при новостроющихся въ Одессѣ домахъ были насажены со стороны улицы деревья, огражденные палисадниками. Самъ онъ засадилъ за городомъ, при своемъ дачномъ домѣ, большой садъ, такъ называемый «Дюковскій». По его же мысли были впослѣдствіи раздаваемы хутора на прибрежіи моря съ обязательствомъ засажденія ихъ растительностью. Но новыя деревья укрѣплялись съ трудомъ въ каменистой одесской почвѣ, какой бы то ни было прохлады отъ нихъ нельзя было ожидать въ скорости, между тѣмъ, какъ въ саду Феликса де-Рибаса привѣтливая тѣнистость аллей распространялась все шире, служа защитою отъ солнца лишь для немногихъ близкихъ къ де-Рибасу лицъ. Вотъ въ это-то время Феликсъ де-Рибасъ, восхищенный блестящей дѣятельностью герцога Ришелье по развитію благосостоянія и просвѣщенія основаннаго адмираломъ де-Рибасомъ города, и видя, какъ герцогъ, на ряду съ трудами по преуспѣянію города, заботился о доставленіи его жителямъ возможно большихъ удобствъ и удовольствій, рѣшился оказать содѣйствіе герцогу въ этой послѣдней части его заботы и принести ему въ даръ для предоставленія свободнаго пользованія ими жителями Одессы свой драгоцѣнный садъ.

22-го ноября 1806 года Феликсъ де-Рибасъ адресовалъ герцогу Ришелье нижеслѣдующее письмо:

«Ваше Сіятельство,

«Милостивый Государь!

«Извѣстно, что Ваше Сіятельство всегда желаете, при доставленіи живущимъ въ Одессѣ существенныхъ выгодъ, доставить удовольствіе.

Я, будучи равно съ прочими обязаннымъ Вашему Сіятельству и, въ знакъ того моего чувствованія, пріемлю смѣлость покорнѣйше просить Ваше Сіятельство принять отъ меня, безъ заплаты, на всегда въ пользу города садъ мой, который при двухэтажномъ моемъ домѣ состоитъ на Греческомъ форштадтѣ въ XIV кв. подъ № 694, 695, 690, 689.

Вашего Сіятельства
Милостивый Государь
Всепокорнѣйшій Слуга
Ф. де-Рибасъ".

Принесеніе столь цѣннаго дара произвело, повидимому, на герцога отличное впечатлѣніе. 25-го того же ноября 1806 года герцогъ въ бумагѣ за № 907 предложилъ одесскому строительному комитету «принять садъ де-Рибаса въ ц ѣ л о с т н о е с о б л ю д е н і е», причемъ поручилъ комитету «выразить жертвователю отъ имени герцога и гражданъ города Одессы должное возблагодареніе и письмо маіора де-Рибаса хранитъ въ числѣ документовъ, въ архивѣ строительнаго комитета».

Такимъ образомъ, городъ Одесса, т. е. собственно жители его, получили въ вѣчное пользованіе для своего удовольствія лучшій въ центрѣ города садъ, первые деревья котораго были посажены собственноручно основателемъ Одессы, Іосифомъ де-Рибасомъ, собственникомъ сада Феликсомъ и герцогомъ Ришелье. Садъ этотъ слу-

жилъ долгіе годы предметомъ заботъ одесскаго общественнаго управленія, и каждое деревцо его охранялось, какъ завѣтъ старины. Впослѣдствіи заботливое отношеніе города къ саду измѣнилось.

Феликсъ де-Рибасъ продолжалъ свое посильное содѣйствіе герцогу Ришелье въ его трудахъ на пользу жителей Одессы и оказалъ ему особенныя услуги въ тяжелую годину свирѣпствованія въ Одессѣ чумы (1812 г.). Герцогъ Ришелье оставилъ Одессу въ 1814 году, призванный Александромъ I къ участію въ трудахъ Вѣнскаго конгресса, а затѣмъ вскорѣ принялъ постъ министра при Людовикѣ XVIII. Феликсъ де-Рибасъ оставался въ Одессѣ и прожилъ въ ней до преклоннаго возраста (онъ умеръ въ 1845 году, 76 лѣтъ). Любопытно, что всѣ братья де-Рибасъ, а также и основатель Одессы, адмиралъ де-Рибасъ, хотя состояли на русской службѣ, но оставались подданными Неаполитанскаго королевства. Феликсъ де-Рибасъ оказалъ крупную услугу неаполитанскому королевскому дому, давъ у себя въ Одессѣ пріютъ знаменитой королевѣ-изгнанницѣ Каролинѣ и ея сыну Леопольду, и, не взирая на свой чинъ премьеръ-маіора русской арміи, былъ за эту услугу назначенъ генеральнымъ консуломъ королевства обѣихъ Сицилій для всѣхъ портовъ Чернаго и Азовскаго морей, въ каковомъ званіи онъ и скончался.

Его могила находится на Старомъ одесскомъ кладбищѣ; она была обведена въ 1894 г. (въ день столѣтія основанія Одессы) чугунною рѣшеткою постановленіемъ городской думы въ признательность за принесенный одесскимъ жителямъ даръ. Самый-же садъ, подаренный Феликсомъ де-Рибасомъ, было постановлено назвать ошибочно садомъ «адмирала де-Рибаса».

Дача герцога Ришелье — Дюковскій садъ.

На мѣстѣ, гдѣ сейчасъ запущенный, изрытый каменоломнями и почти лишенный растительности Дюковскій садъ», красовалась когда-то, до пятидесяти годовъ прошлаго столѣтія, роскошная, цвѣтущая дача герцога де-Ришелье.

На мѣстѣ, гдѣ второй основатель Одессы личнымъ попеченіемъ и трудомъ своихъ рукъ развелъ растительность и устроилъ дачу, былъ отлогій обрывъ, изъ котораго била ключемъ холодная, родниковая вода.

Когда солдаты Іосифа де-Рибаса, послѣ трудныхъ ночныхъ переходовъ, подобрались къ мѣстности нынѣшней Одессы къ вечеру 13-го сентября 1789 года, они расположились на отдыхъ здѣсь, у этого обрыва, служившаго имъ прикрытіемъ, и пока де-Рибасъ со своими товарищами обсуждалъ планъ нападенія разсвѣтомъ на Хаджибей, солдаты его спали богатырскимъ сномъ, утоливъ свою жажду родниковою водою.

Насталъ разсвѣтъ—грянули пушки—и достопамятный штурмъ Хаджибея завершился полнымъ торжествомъ русскаго оружія.

Герцогъ де-Ришелье облюбовалъ это историческое мѣсто. Весь обрывъ, которымъ заканчивалось плато Одессы въ сторону Тираспольской заставы, представлялъ собою живописную, защищенную отъ вѣтровъ, мѣстность, пригодную для засажденія деревьями. Подъ обрывомъ

располагалась долина со слегка солончаковою почвою, а за нею на разстоянии версты поднималось новое плато.

Герцогъ порѣшилъ превратить всю эту мѣстность въ цвѣтущій садъ. И въ нѣсколько лѣтъ неустаннаго труда, оживленнаго неизсякаемою любовью, онъ достигъ своей цѣли.

Его друзья и помощники по устроенію Одессы избрали себѣ четыре участка этой мѣстности, предоставивъ герцогу тотъ, на которомъ билъ фонтанъ.

Первыми дачниками, сосѣдними съ Дюковскимъ садомъ, были: англичанинъ, комендантъ г. Одессы Кобле (портретъ котораго, кисти художника Рейхельта, находится въ городскомъ музеѣ изящныхъ искусствъ), грекъ Спориди, полякъ графъ К. Потоцкій, привлеченный въ Одессу маіоромъ Феликсомъ де-Рибасомъ для установленія торговой связи между Одессою и Австріею черезъ Подолію, и русскій—графъ Разумовскій, личный другъ герцога.

Всѣ занялись устройствомъ своихъ дачъ и насажденіемъ въ нихъ растительности. Водою пользовались изъ прудовъ, названныхъ впослѣдствіи городскими ставками.

Но никто не могъ сравниться съ герцогомъ въ увлеченіи садоразведеніемъ. Ришелье смотрѣлъ на ввѣренную его попеченію едва родившуюся Одессу, какъ на ростущее дерево, требующее личнаго, любовнаго ухода—и символомъ ея роста онъ считалъ всякую появлявшуюся на ея каменьяхъ растительность. Извѣстно, сколько заботъ онъ положилъ на то, чтобы на всѣхъ улицахъ Одессы, передъ каждымъ домомъ, были посажены деревья. Извѣстно, что онъ самъ, собственными руками, поливалъ водою тѣ деревья въ Одессѣ, которыя, вслѣдствіе незаботливости домовладѣльцевъ, начинали чахнуть. Извѣстно, что когда Феликсъ де-Рибасъ преподнесъ герцогу въ 1806 году «для удовольствія жителей» свой садъ, нынѣ городской «Дерибасовскій», то Ришелье сталъ проводить въ немъ чуть ли не всѣ дни лѣта, лично заботясь о посадкѣ выписанныхъ изъ за-границы и изъ Умани деревьевъ, дабы увеличить ту тѣнь, въ которой такъ нуждались прежніе одесситы.

Съ такою же любовью отдался Ришелье устройству своей собственной дачи.

Она была расположена на пространствѣ въ $15^1/_2$ десятинъ и обращена лицомъ, по склону обрыва, къ Тираспольской заставѣ. Ришелье полагалъ, что городъ будетъ впослѣдствіи распространяться не вдоль морского берега, а въ сторону большой дороги, въ Новороссійскія степи.

Благодаря родниковой водѣ, здѣсь можно было привить самыя прихотливыя растенія. Герцогъ засадилъ свою дачу акаціями, тополями, берестомъ, ясенью и уксуснымъ деревомъ (аилантомъ или по просту чумакомъ), кустами бузины и сирени и цѣлымъ рядомъ фруктовыхъ деревьевъ, изъ которыхъ прочнѣе всего привились въ Одессѣ абрикосы и вишни.

Дача герцога была окружена вся каменною оградою, и у входа ея красовались двѣ причудливыя, стрѣльчатой архитектуры, колонны. Подъѣзжая къ ея воротамъ, можно было видѣть расположенными по склону горы, среди кущей зелени и подъ прикрытіемъ высокихъ тополей, множество затѣйливыхъ построекъ: павильонъ въ видѣ ротонды, зданіе въ видѣ греческаго храма, нѣсколько бесѣдокъ и на самой вершинѣ дачи съ лѣвой стороны небольшой, но изящной постройки домикъ самого Ришелье. Все это освѣжалось искусственнымъ прудомъ и фонтаномъ.

Это была не дача—а феерически-созданный въ Одессѣ цвѣтущій уголокъ Версаля. О томъ, какъ любилъ Ришелье свою дачу, въ которой онъ отдыхалъ послѣ трудныхъ лѣтнихъ работъ въ городѣ, можно судить по многимъ его письмамъ къ своему адъютанту и родствен-

нику, молодому Луи де-Рошешуару. Уѣзжая изъ Одессы по дѣламъ службы въ Крымъ или на Кубань, герцогъ продолжалъ свои заботы о садѣ и давалъ Рошешуару наставленія даже относительно того, какъ сажать и поливать деревья. Озабочивали его большія гидравлическія работы, предпринятыя имъ въ саду для регулированія теченія ручья и стока водъ. Проложены были гончарныя трубы. Били въ саду высокіе фонтаны.

Земля для улучшенія почвы сада привозилась изъ Умани и Тульчина.

Нѣкоторые любимые герцогомъ цвѣты выписывались [illegible] изъ своего родового имѣнія во Франціи. Въ одномъ [illegible]ъ писемъ къ своей тещѣ Ришелье просилъ ее прислать ему въ Одессу любимые его цвѣты «pour le jardin que je crée ici» (для сада, который я здѣсь создаю).

Почти во всѣхъ своихъ письмахъ герцогъ мечтаетъ объ отдыхѣ въ своемъ уютномъ уголкѣ.

Любопытно вспомнить о письмѣ герцога, написанномъ имъ по поводу своего сада въ 1810 году (20-го сентября) тому же Рошешуару: «Всѣ прогалины въ рощѣ должны быть засажены кустарниками. Въ нижней ча[illegible] сада сажайте бѣлыя акаціи и тополи разныхъ породъ, а впереди ихъ кустарники. Дѣлайте ямки поглубже и берите побольше хорошей земли, особенно въ солонцовыхъ мѣстахъ. Побольше бузины и этихъ прелестныхъ кустарниковъ съ красными цвѣтами! Устройте питомникъ изъ абрикосовъ. Посадите всѣ орѣховыя деревья, какъ заготовленныя мною, такъ и тѣ, которыя удастся вамъ добыть. Но, прежде всего, удобрите хорошенько землю».

Пронесся однажды надъ Одессою ураганъ и произвелъ опустошенія на дачѣ Ришелье. Герцогъ былъ тогда въ отсутствіи изъ Одессы и, узнавъ о причиненномъ въ его саду бѣдствіи, пришелъ въ такое отчаяніе, какъ будто у

него было оторвано нѣчто ему родное. Въ письмѣ къ Рошешуару онъ горестно восклицаетъ: «Неужели столько заботъ, столько трудовъ, неужели все то, что составляло мое удовольствіе, погибло!! Увѣряю васъ, я не могъ спать эту ночь. Попытайтесь исправить, что возможно. Посовѣтуйтесь съ графомъ Разумовскимъ».

Къ счастью герцога, послѣдствія урагана оказались не такъ велики, и дача его вскорѣ расцвѣла по прежнему.

Но, кромѣ сада, у подножія дачи, ближе къ долинѣ были разведены еще огороды, которые дали такіе блестящіе результаты, что, какъ сообщаетъ Рошешуаръ, за столомъ герцога всѣ иностранные овощи были замѣнены продуктами его собственной культуры.

Ришелье не только самъ разводилъ растительность въ Одессѣ, но, какъ я уже говорилъ, поощрялъ и всѣхъ жителей города къ посадкѣ деревьевъ. Когда деревья подросли, жители считали себя обязанными присылать герцогу свои первые цвѣты и фрукты.

Разсказывается такой анекдотъ: однажды какой-то мѣстный обыватель поднесъ герцогу цѣлую корзину плодовъ въ подарокъ. Ришелье взялъ одинъ фруктъ и возвратилъ остальные. «Мнѣ жаль, сказалъ онъ потомъ своимъ друзьямъ, что я лишился фруктовъ и, можетъ быть, обидѣлъ дарителя; но я не могъ поступить иначе. Этотъ человѣкъ принесъ-бы мнѣ завтра индюка».

Дача Ришелье перешла въ вѣдѣніе города отъ адъютанта герцога—И. А. Стемпковскаго.

Когда Ришелье, по возстановленіи во Франціи Бурбоновъ, былъ призванъ на вѣнскій конгрессъ своимъ законнымъ королемъ Людовикомъ XVIII, онъ уѣхалъ съ печалью изъ Одессы, разсчитывая вернуться въ нее въ скорости.

Извѣстны трогательные проводы, устроенные одесситами своему обожаемому градоправителю. Его сопровож-

дали чуть-ли не всѣ граждане Одессы далеко за городскую заставу и на прощанье цѣловали ему руки.

Все свое городское имущество герцогъ раздарилъ своимъ друзьямъ. Кромѣ жалованья, какъ градоначальникъ, Ришелье пользовался еще арендою съ имѣнія въ Витебской губерніи, подареннаго ему Императоромъ Александромъ I. Аренду эту герцогъ предоставилъ созданному имъ въ Одессѣ «Благородному институту», переименованному впослѣдствіи, по иниціативѣ графа Ланжерона, въ Ришельевскій лицей.

А любимую свою дачу Ришелье подарилъ своему личному адъютанту Н. А. Стемпковскому, племяннику генерала Кобле.

Стемпковскій, извѣстный впослѣдствіи сотрудникъ графа Воронцова и ученый археологъ, будучи назначенъ градоначальникомъ въ Керчь, въ свою очередь подарилъ дачу Ришелье городу, точно обозначивъ въ дарственной записи непремѣнное желаніе, чтобы на дачѣ былъ сохраненъ въ неприкосновенности и содержимъ въ исправности домикъ герцога.

Но исполнена-ли городомъ воля дарителя?

Черты интимной жизни Ришелье.

Герцогъ Армандъ-Эммануилъ Ришелье самъ называлъ себя Эммануиломъ Осиповичемъ и требовалъ, чтобы подчиненные такъ величали его при обращеніи. Онъ былъ высокаго роста, очень худой, немножко согбенный, но станъ его былъ красивъ и гибокъ. На его привѣтливомъ лицѣ рѣзко выдѣлялись блестящіе, черные, полные экспрессіи глаза. Цвѣтъ лица его былъ очень смуглый, волоса курчавые, черные, но они посѣдѣли рано.

Веселаго, открытаго нрава, онъ былъ чрезвычайно довѣрчивъ и если, какъ это часто случалось, кто нибудь не оправдывалъ его довѣрія, онъ огорчался какъ будто потерялъ дорогого друга.

Дѣдомъ его былъ маршалъ Ришелье, правнукъ по женской линіи знаменитаго кардинала. Но маршалъ былъ не менѣе знаменитъ... своею распущенностью, расточительностью и безконечными побѣдами на полѣ женской добродѣтели. Онъ былъ прозванъ своими солдатами «первѣйшимъ мародеромъ Франціи».

Маршалъ обожалъ своего внука—нашего будущаго герцога—и старался внушить ему довольно своеобразныя правила свѣтскаго воспитанія. Однажды онъ подарилъ мальчику 40 золотыхъ и затѣмъ черезъ нѣсколько дней хотѣлъ дать ему денегъ еще. Но молодой Ришелье поблагодарилъ дѣда, показавъ ему свои нетронутые золотые.—Вы думаете, что дѣдушка пришелъ въ восхищеніе отъ бе-

режливости мальчика?—Какъ разъ наоборотъ—онъ такъ разсердился, что, отобравъ у мальчика его 40 золотыхъ, выбросилъ ихъ въ окно просившему милостыню нищему и крикнулъ ему: «Вотъ вамъ деньги, которыя мой внукъ не сумѣлъ истратить въ теченіе двухъ недѣль»!

Герцогъ родился въ 1766 году и, слѣдовательно, когда онъ пріѣхалъ въ Одессу въ 1803 году, ему было всего 37 лѣтъ; но онъ успѣлъ много испытать въ своей жизни.

Начать съ того, что его обвѣнчали съ дѣвицею Рошешуаръ, когда ему было всего 16 лѣтъ. Въ самый день вѣнчанія, по выходѣ изъ церкви, герцога отправили на два года въ заграничное путешествіе безъ жены. Ришелье почти не видѣлся со своей женою. Она была горбатая, д рая, тихая и совершенно ничтожная. Когда герцогъ поселился въ Одессѣ, то не взялъ съ собою жены и не вступи съ ней въ переписку: по дѣламъ семейства онъ писалъ своей женѣ, а ея матери, т. е. своей тещѣ.

Ришелье очень конфузился въ обществѣ женщинъ и велъ въ Одессѣ жизнь чрезвычайно скромную, хотя вс дѣлалъ, чтобы вокругъ него царило общее оживленіе и веселіе. Онъ былъ слегка близорукъ, и когда встрѣчался съ дамами на улицѣ, то спрашивалъ своихъ друзей: вы видите лучше меня, скажите, долженъ-ли я поклониться? Но когда онъ проходилъ передъ клубомъ, (на углу Дерибасовской и Ришельевской)—такъ какъ на балконѣ клуба часто находилось много гостей, то онъ кланялся наугадъ и попадалъ въ комическое положеніе, снимая иногда шляпу передъ пустымъ балкономъ.

Изъ своихъ родственниковъ герцогъ выписалъ въ Одессу лишь брата и кузена своей жены—двухъ Рошешуаровъ, изъ которыхъ Луи наиболѣе помогалъ ему въ его личномъ хозяйствѣ: завѣдывалъ его конюшней изъ 15 лошадей, его столомъ и домомъ, исполняя всѣ его порученія по городу, спеціально по устройству тротуаровъ и древонасажденія, принималъ гостей, отыскивая имъ въ городѣ помѣщенія, устраивая его дачу, и въ свободныя минуты жилъ въ Одессѣ молодою, веселою жизнью. Вмѣстѣ съ нимъ другимъ адъютантомъ Ришелье былъ названный нами молодой Стемпковскій.

Въ домикѣ Ришелье (гдѣ нынѣ ресторанъ Доди) жилъ съ нимъ старикъ аббатъ Лабданъ—первый воспитатель герцога. Старикъ этотъ былъ помѣшанъ. Послѣ воспитанія Ришелье его заботамъ былъ порученъ герцогъ Энгьенскій, тотъ несчастный юноша, оставшійся во Франціи представитель Бурбоновъ, котораго Наполеонъ повелѣлъ разстрѣлять изъ политическихъ соображеній. Эта трагическая смерть такъ удручающе подѣйствовала на аббата Лабдана, что онъ впалъ въ тихое помѣшательство. Сердобольный Ришелье вспомнилъ о немъ и взялъ его съ собою въ Одессу, гдѣ заботился о немъ, какъ о родномъ отцѣ. Аббатъ присутствовалъ на всѣхъ, даже парадныхъ, обѣдахъ Ришелье. Онъ жилъ лѣтомъ на Дюковской дачѣ. Кажется, онъ умеръ здѣсь-же, въ Одессѣ.

У герцога въ Одессѣ было много интимныхъ друзей, изъ нихъ ближайшими были графъ П. А. Разумовскій, его сосѣдъ по дачѣ, и Марсельскій негоціантъ Шарль Сикардъ.

Софьина елка.

Знаменитаго Леонарда одесскія дамы разрывали на части. Онъ былъ великій мастеръ куафернаго дѣла, и газія его въ изобрѣтеніи новыхъ формъ париковъ и причесокъ была неистощима.

Въ наше время дамы любятъ причесываться изящн разнообразно, но наши бабушки были куда причудливѣе. Теперь слѣдуютъ общей модѣ, а прежде каждая дама придумывала моду для себя. Во времена Ришелье въ Одес если красавица Потоцкая дѣлала себѣ прическу à la Шарлота Кордэ, то никто уже не рѣшался подражать ей и графиня де-Сенъ-При убирала свои волосы à la мадамъ Рекамье, а жена Кирьякова заплетала свои косы по-татарски. Тѣ годы были близки къ эпохѣ великой французской революціи и директоріи, когда головные уборы достигали апогея разнообразія и фантастичности. Корабли, гнѣзда, букеты, птицы украшали напудренные волосы.

Моду эту привезъ въ Одессу Леонардъ. Неудивительно поэтому, что когда одесскія дамы высшаго свѣта получили приглашеніе пожаловать въ первый день Рождества на елку къ княгинѣ Нарышкиной, то почти всѣ онѣ набросились на Леонарда, поручая ему убранство своихъ хорошенькихъ головъ.

Леонардъ не растерялся. У него была обширная мастерская и много помощниковъ-учениковъ, среди которыхъ отличались извѣстные впослѣдствіи въ Одессѣ куаферы Трините и Лавиньотъ. Онъ совершилъ чудо. Для каждой дамы онъ придумалъ особую прическу.

Впрочемъ, какъ я уже говорилъ, Леонардъ отличался неистощимою фантазіею. Не знаю, извѣстенъ ли одесситамъ происшедшій съ нимъ случай у графини Разумовской, когда онъ вышелъ съ честью изъ совершенно, казалось бы, безвыходнаго положенія.

Случай этотъ стоитъ разсказать. Леонардъ, какъ извѣстно, былъ куаферомъ злосчастной королевы Маріи-Антуанеты. Это онъ дѣлалъ ей тѣ пышные бѣлые парики, въ которыхъ супруга Людовика XVI такъ очаровывала всѣхъ своихъ придворныхъ. Когда революція взвела на эшафотъ Марію-Антуанету и легкомысленная головка королевы пала подъ ножемъ гильотины, вмѣстѣ съ этой головкой пали и роскошные ея волосы—и бѣдный Леонардъ остался въ Парижѣ безъ дѣла. Тогда онъ бѣжалъ въ Вѣну, а изъ Вѣны пріѣхалъ въ Одессу подъ крылышко вѣрнаго Бурбонамъ герцога Ришелье. Въ Вѣнѣ произошло съ нимъ слѣдующее. Въ подражаніе Парижу, здѣсь были въ модѣ высокія дамскія прически, пудра и такъ называемыя голубиныя крылья (ailes de pigeon). Вѣнскія дамы набросились на знаменитаго парикмахера. Ему едва хватало времени на заказы. Въ числѣ другихъ онъ причесывалъ графиню Елизавету Разумовскую, супругу русскаго посла въ Вѣнѣ, тетку того одесскаго отшельника графа Разумовскаго, о которомъ я разсказывалъ раньше. Однажды. по словамъ князя Васильчикова, графиня спѣшила на балъ и хотѣла блеснуть новою прическою, но для этого ничего подъ рукою не было. Цвѣты, перья, брильянты, гнѣзда, корабли—все это было уже извѣстно вѣнскому свѣту. Приходитъ Леонардъ. Графиня сообщаетъ ему свое горе. Парикмахеръ ходитъ по комнатѣ, волнуется, но вѣритъ въ свое вдохновеніе и ждетъ его. Вдругъ въ уборной графа онъ видитъ короткіе штаны изъ краснаго бар-

хата. Онъ ихъ хватаетъ, разрываетъ ножницами, собираетъ огромнымъ пуфомъ и дѣлаетъ изъ него графинѣ оригинальный, до того ни на комъ не красовавшійся, головной уборъ, имѣвшій на балу громадный успѣхъ.

Вотъ этого-то чародѣя Леонарда и стали разрывать наши одесскія дамы, приглашенныя на Софьину елку къ княгинѣ Нарышкиной.

Туалеты и прически дамъ вышли великолѣпными. Правда, большое облегченіе въ работѣ имѣлъ Леонардъ, пользуясь весьма недурною пудрою, которая тогда выдѣлывалась въ Одессѣ на спеціальной фабрикѣ Пишона. Помогала Леонарду и его дочь, открывшая впослѣдствіи въ Одессѣ первую дамскую мастерскую.

Экипажъ за экипажемъ, четверками, съ форейторами, съ факелами, съ лакеями сзади подкатываютъ къ роскошно иллюминованному сальными плошками и масляными лампадами подъѣзду дома Потоцкой, въ которомъ, заботами Ришелье, по порученію Государя Александра I, было устроено помѣщеніе для княгини Нарышкиной и ея дочери Софіи.

Домъ этотъ на Софіевской улицѣ, перешедшій къ Юрьевичамъ, а отъ нихъ къ Маразли, принадлежитъ нынѣ городу. Въ его роскошныхъ и изящныхъ залахъ устроенъ, какъ извѣстно, городской музей изящныхъ искусствъ. А въ былые дни на его оливковыхъ и палисандровыхъ паркетахъ легко ходили напудренные старики и молодежь, а въ зимніе вечера скользили атласные башмачки танцующихъ паръ.

Въ первой прихожей внизу, окаймленной строголицыми, въ бѣлыхъ парикахъ, лакеями, гостей встрѣчаетъ молодой графъ Луи де-Рошешуаръ, beau-frère герцога де-Ришелье и его личный секретарь. Рошешуаръ былъ некрасивъ и имѣлъ нѣсколько искривленный станъ, подобно сестрѣ своей, вышедшей замужъ за Ришелье, у которой,

по разсказамъ, было два горба, какъ у Полишинеля. Неудивительно, что герцогъ, тотчасъ послѣ вѣнчанія, прямо изъ церкви уѣхалъ въ продолжительное свадебное путешествіе... безъ жены.

Рошешуаръ былъ большой искусникъ въ устройствѣ празднествъ и развлеченій. Верхомъ изящной изобрѣтательности графа была устроенная имъ однажды въ Одессѣ въ танцовальномъ собраніи, носившемъ въ тѣ времена названіе Redoute, salle de danse, живая шахматная игра. Во время одного маскараднаго бала, на многолюдной, публика была приглашена участвовать въ любопытной забавѣ. Изъ противоположныхъ дверей редута вышли по шестнадцати замаскированныхъ молодыхъ людей, одѣтыхъ одни въ черные, а другіе въ бѣлые атласные костюмы и изображавшихъ шахматныя фигуры. Черные король и королева въ сопровожденіи двухъ шутовъ, двухъ кавалеристовъ, двухъ башенъ и восьми солдатъ размѣстились на постланномъ на полу редута шахматномъ коврѣ противъ такого-же состава фигуръ въ бѣломъ. Два волшебника, въ длинныхъ остроконечныхъ шляпахъ, на ходуляхъ распоряжались игрою, указывая палочкою, какой изъ фигуръ на какое поле надлежало сдѣлать ходъ. Въ игрѣ принимали живѣйшее участіе гости. Распорядители теряли голову, не зная, чьему указанію слѣдовать. Въ результатѣ игра закончилась неожиданно побѣдоносно для обѣихъ сторонъ. Черный король получилъ матъ отъ бѣлой королевы одновременно съ бѣлымъ, взятымъ въ плѣнъ королевою черныхъ. Послѣ игры продолжались танцы до черно-бѣлаго утра.

Княгиня Нарышкина принимала гостей на верху; около нея графиня Потоцкая, жена Феликса (Щенснаго) Потоцкаго, бывшая де-Виттъ. Это была та самая красавица-гречанка, ради которой Потоцкій создалъ свой зна-

менитый уманьскій софійскій садъ, и которая такъ сознавала сама красоту своихъ очей, что, ослѣпляемая солнечными лучами, говорила: j'ai mal à mes beaux yeux.

Княгиня Марія Антоновна Нарышкина прибыла [illegible] Одессу ради здоровья своей дочери Софіи. Метресса Александра I, Нарышкина была встрѣчена въ Одесс[illegible] цогомъ Ришелье съ царственными почестями. Го[illegible] часто писалъ Ришелье, освѣдомляясь о княгинѣ и [illegible] коясь о здоровьи маленькой Софіи. Изящная, живая, [illegible] умная собесѣдница — она любила принимать въ [illegible] дворцѣ представителей одесскаго большого свѣт[illegible] лодежь. Она посѣщала устраиваемые Рошешуаром [illegible] влеченія и жила открыто. Впрочемъ, она пробы[illegible] Одессѣ не долго, кажется, не больше одного год[illegible] ѣхала отсюда въ Крымъ.

Хорошенькая Софія—ей было тогда всего шест[illegible] окруженная нянями и гувернантками, была въ этот[illegible] героиней праздника. Ради нея и ея маленькихъ [illegible] одесситокъ, княгиня устроила съ помощью Рошешуар[illegible] первый день Рождества парадный вечеръ съ елкою.

Это была первая елка въ Одессѣ.

Зеленая, неувядающая ель была привезена въ О[illegible] изъ Умани, какъ подарокъ графа Потоцкаго молодо[illegible] рышкиной. До того времени пустынные, лишенны[illegible] тельности берега Чернаго моря не знали вовсе хвойныхъ деревьевъ, и праздникъ Рождества Христова проводился безъ елки.

Высокая, стройная, широко-вѣтвистая ел[illegible] въ парадной залѣ верхняго этажа дома Нарышкино[illegible] сячью огней на восковыхъ разноцвѣтныхъ свѣчахъ [illegible] вся усѣяна украшеніями и подарками. Не одни дѣ[illegible] всѣ прибывшіе гости, наряженные въ роскошные парадные туалеты, любовались дивнымъ, невиданнымъ въ Одессѣ деревомъ и радовались его зеленой красотѣ...

Среди гостей — аббатъ Лабданъ, старикъ, глухой воспитатель герцога Ришелье, сопровождавшій его въ послѣсвадебномъ путешествіи и бывшій впослѣдствіи воспитателемъ несчастнаго герцога Энгіенскаго, убитаго Наполеономъ. Ришелье выписалъ аббата въ Одессу и оказывалъ ему глубокое уваженіе.

Вотъ въ средѣ молодежи графъ Шарль де-Сенъ-При, первый предсѣдатель одесскаго коммерческаго суда, графъ де-Венансонъ, красавецъ Перовскій, побочный сынъ Разумовскаго, князь Петръ Михайловичъ Долгорукій, братъ знаменитаго кутилы Михаила Михайловича, женатаго на дочери адмирала де-Рибаса.

Вотъ Д'Олоннъ, женатый на Мордвиновой, вотъ графъ Ланжеронъ, другъ и впослѣдствіи замѣститель Ришелье по управленію Одессою, вотъ англичанинъ генералъ Кобле, комендантъ города; рядомъ съ нимъ бывшій первый плацъ-маіоръ Одессы еще тогда, когда она называлась Хаджибеемъ, Феликсъ де-Рибасъ, братъ адмирала. Онъ здѣсь, на балу, въ своемъ расшитомъ золотомъ мундирѣ, въ качествѣ неаполитанскаго генеральнаго консула. Тутъ же и другіе консула: англійскій—Джемсъ, французскій Мюръ, австрійскій—Томъ.

Изъ другихъ почетныхъ гостей отмѣтимъ французскихъ негоціантовъ Рено, Сикарда, доктора Скюдери, молодого дипломата Растиньяка и племянника Кобле археолога Стемпковскаго, бывшаго впослѣдствіи градоначальникомъ въ Керчи, которому Ришелье подарилъ свою «дюковскую» дачу.

Особенно блестяще было представлено на вечерѣ Нарышкиной одесское, высшее польское общество. Графъ и графиня Ржевусскіе, Потоцкіе, Собанскіе, Пржездецкіе, Бржозовскіе. Роскошные наряды, прически Леонарда, пудра и брильянты.

Среди русскихъ — генералъ Милорадовичъ, влюбленный въ красавицу Филипеско, другъ Ришелье графъ Разумовскій, Давыдовъ, Раевскій, семейство которыхъ было впослѣдствіи столь близко Пушкину, Кирьяковы, Аркудинскіе, Паскевичъ, впослѣдствіи графъ, и многіе другіе

Но вотъ и самъ градоправитель Одессы, стройный и изящный Ришелье. Онъ только что перенесъ серьезную болѣзнь, пролежавъ больше 12 дней въ постели. Вчера, въ канунъ Рождества онъ причащался въ католической церкви и исповѣдывался у аббата Николя, знаменитаго педагога (основателя впослѣдствіи института благородныхъ дѣвицъ и Ришельевскаго лицея). Еще блѣдный, [illegible] щимъ, нѣсколько грустнымъ взоромъ, герцогъ слу[illegible] предметомъ всеобщаго вниманія. Онъ присоединяе[illegible] свитѣ Нарышкиной.

Нарышкина очаровательна въ своемъ бар[illegible] цвѣта бордо, съ длиннымъ шлейфомъ нарядѣ. Е[illegible] причесывалъ Леонардъ, и на напудренномъ парикѣ [illegible] падающемъ локонами на бѣлыя плечи, красуется рос[illegible]кая брилліантовая діадема. Нарышкина сіяетъ, улы[illegible] гостямъ, но въ сердцѣ своемъ она озабочена. Она давно уже не получала писемъ отъ Государя.

Елка зажжена. Камеръ-лакей открываетъ двери [illegible]няго зала и дѣти, во главѣ съ маленькой Софи, без[illegible]кихъ правилъ этикета, гурьбою бросаются къ волш[illegible] освѣщенному дереву. За ними сіяющіе гости.

Роскошные подарки.

Герцогъ Ришелье преподнесъ дочери Нарышкиной золоченную клѣтку, въ которой на зеленомъ кустѣ сидѣла синяя птичка—колибри. Птичка эта, при нажимѣ пружины, махала крылышками, открывала клювъ и пѣла.

Графиня Потоцкая привезла изъ Умани корзину живыхъ цвѣтовъ.

Подарокъ княгини Нарышкиной своей дочери состоялъ въ выписанныхъ изъ Вѣны настоящихъ клавесинахъ. Софи сейчасъ же, забывъ о другихъ подаркахъ, побѣжала къ чудному инструменту и прошлась своими маленькими пальчиками по его слоновымъ клавишамъ.

Были еще куклы, полишинели, автоматы, роскошный бѣлый кроликъ, выбивавшій своими лапками дробь на тамбуринѣ. Всѣхъ подарковъ и игрушекъ не перечесть.

Заигралъ оркестръ, подъ управленіемъ Замбони, изъ только что въ этомъ сезонѣ образовавшейся въ городскомъ театрѣ итальянской оперы. И дамы, и дѣти, и сановники и няни протанцовали вокругъ елки круговую. Затѣмъ плясали экосезъ.

Елка глядѣла тысячами огней на радостно настроенныхъ дѣтей. А за окнами зала, на улицахъ Одессы бушевала вьюга и вихрями летали хлопья снѣга. Стариннаго устройства печи нарышкинскаго дома стучали дверцами. Пылалъ каминъ въ дубовой столовой, гдѣ былъ роскошно сервированъ ужинъ.

И вдругъ въ средѣ гостей произошло смятеніе. Адъютантъ Ришелье Рошешуаръ сообщаетъ герцогу нѣчто важное. Ришелье спѣшитъ къ подъѣзду дворца. Въ залѣ, съ быстротою молніи, проходитъ слухъ о пріѣздѣ въ Одессу фельдъегеря изъ Петербурга.

Ришелье возвращается и сообщаетъ Нарышкиной, что фельдъегерь привезъ ей письмо отъ Государя, которое долженъ вручить ей собственноручно.

Пусть онъ войдетъ! И въ блестящій залъ входитъ, не успѣвъ еще стряхнуть съ себя пушистаго снѣга, Государевъ посланецъ. На груди его, въ особой сумкѣ, лежитъ пакетъ съ двумя письмами Александра I: одно къ Нарышкиной, другое адресованное маленькой Софи.

Фельдъегеръ—князь Куракинъ вручаетъ письма княгинѣ, которая спѣшитъ удалиться съ ними во внутреннія

комнаты дворца. Она зоветъ къ себѣ дочь, и обѣ распе-чатываютъ посланіе Государя.

Въ пакетѣ на имя Софи, вмѣстѣ съ письмомъ, роскош-ные маленькіе золотые часы. И радость и слезы блещутъ на лицахъ обѣихъ любимицъ Государя.

Нарышкины возвращаются счастливыя въ танцо-ный залъ. Елка еще блещетъ тысячами огней. М... гремитъ, танцы продолжаются. Князь Куракинъ, пр... дороги, еще усталый, лихо танцуетъ съ графиней Пото... польскій. Маленькая Софи всѣмъ показываетъ сво... шій елочный подарокъ: письмо Государя.

Послѣдній изъ Разумовскихъ.

Въ числѣ интересныхъ историческихъ лицъ, которыя избрали старую Одессу своимъ пребываніемъ, полюбили се и умерли въ ней, слѣдовало бы остановиться подробнѣе на одной любопытной фигурѣ.

Мало кто знаетъ или помнитъ, что въ Одессѣ жилъ и скончался послѣдній изъ знаменитаго, ярко блеснув-шаго на фонѣ русской исторіи XVIII вѣка, рода Разумов-скихъ графъ Петръ Алексѣевичъ.

А между тѣмъ, слѣды его пребыванія сохранились еще до сихъ поръ въ Одессѣ—въ видѣ развалинъ его роскош-наго дворца и остатковъ его великолѣпныхъ садовъ.

Если бы вамъ вздумалось однажды, въ воскресный день, совершить загородную прогулку, то послушайтесь моего совѣта. Аркадія хороша, тамъ вѣчно плещетъ море; но ею слишкомъ любуются всѣ. Есть еще въ Одессѣ див-ныя, мало знакомыя мѣста.

Направьте ваши стопы на Молдаванку, въ сторону т. н. Водяной балки. На концѣ Колонтаевской улицы, надъ обрывомъ, передъ вашимъ взоромъ развернется чудная картина зеленаго простора. На огромномъ пространствѣ въ балкѣ, между двухъ горныхъ скатовъ, вы увидите раз-бросанные тамъ-сямъ сады... Воздухъ здѣсь чудный, чи-стый, и дышится здѣсь легко начинающеюся за горами далью новороссійскихъ степей.

Эта мѣстность историческая. Отсюда, отъ горнаго ключа, въ ночь на 14 сентября, русскія войска пошли на штурмъ Хаджибея. Здѣсь, если вы посмотрите [illegible], была феерическая дача герцога Ришелье. А у [illegible] по обѣ стороны оврага, растилались сады графа Разумовскаго.

Грязная, пыльная Балковская улица, по [illegible] снуютъ вагоны конки, раздѣляетъ нынѣ бывшее [illegible] Разумовскаго на двѣ части: одну — составлявшую [illegible] пробочнаго завода Арнса и другую — принадлежавшую [illegible] когда-то городскому головѣ старой одесской думы [illegible] Пашкову.

Пройдите къ заводу Арнса, подниметесь [illegible] оврага къ дому владѣльца усадьбы, и [illegible] конная широкая лѣстница, ведущая къ террасѣ [illegible] барскаго дома, архитектуры временъ Екатерины. [illegible] цвѣты, газоны, запущенныя аллеи, а подъ [illegible] кій, таинственно заглохшій паркъ съ высокими [illegible] и такими дремучими дебрями, что и сейчасъ [illegible] можно вести охоту на всякую лѣсную дичь. [illegible] ходящій видъ на городъ.

Здѣсь жилъ, одинокій, среди многочисленной [illegible], одинокій, среди своихъ любовницъ, приживальщиковъ, [illegible] ницъ и холопскъ, одинокій въ Одессѣ, гдѣ его единственнымъ другомъ былъ герцогъ Ришелье, жилъ [illegible] жизнью, исполненной странностей холостякъ и [illegible] павшаго вельможи — графъ Петръ Алексѣевичъ Разумовскій.

Усадьба его, начинаясь отъ дома, гдѣ нынѣ [illegible] семенство Арнса, простиралась черезъ оврагъ къ усадьбѣ Пашкова, перешедшей впослѣдствіи подъ [illegible] дель и принадлежащей теперь заводчику Шапиро.

Оба склона балки были, во времена Разумовскаго, [illegible] рыты [illegible] подземными ходами. Графъ,

въ дни жары, исчезалъ изъ своей усадьбы на долгіе часы и проживалъ одинъ въ своихъ подземельяхъ. Разсказываютъ, что эти ходы были такъ глубоки, что они простирались подъ самой балкою и соединяли обѣ усадьбы.

Если васъ хоть немного интересуютъ остатки одесской старины, отправьтесь когда-нибудь въ нынѣшнюю усадьбу Шапиры. Тамъ увеселительный садъ съ рестораномъ и большимъ заново-построеннымъ деревяннымъ театромъ. Ресторанъ устроенъ въ домѣ бывшемъ Пашкова, который служилъ до того времени второй (послѣ дворца) резиденціею Разумовскаго.

Остатки вычурной и достаточно безвкусной архитектуры. Окна въ видѣ четырехлистника, колонны, мезонины, банія, масса маленькихъ комнатъ, низкій залъ, раздѣленный колоннами на двѣ части, старинный, чудный мраморный каминъ, высокая съ разноцвѣтными стеклами не то теплица, не то лѣтняя баня съ поломъ изъ синихъ изразцовъ. Подъ домомъ громадные, глубокіе подвалы, съ широкими къ нимъ каменными лѣстницами. Повсюду мины, ходы, цѣлый лабиринтъ.

Все это застроено, засыпано, приспособлено для надобностей ресторана. Масса новыхъ пристроекъ. Смѣшеніе стилей. Годы смѣнялись годами, и смѣнявшіеся владѣльцы старинной усадьбы какъ бы нарочно дѣлали все, чтобы уничтожить слѣды прежняго барскаго жилья.

Но пока отъ стараго дома остаются еще хотя бы одни стѣны — спѣшите, спѣшите посмотрѣть ихъ.

Не внѣшнею прелестью поразятъ васъ онѣ. Стѣны эти напомнятъ вамъ о томъ, что была въ Одессѣ когда-то иная жизнь, причудливая и живописная. И повѣетъ на васъ отъ всей усадьбы, вмѣстѣ съ сыростью и цвѣлью, запахомъ сѣдой старины — сѣдой старины теперь, но бывшей когда-то златокудрой молодостью.

Кто же былъ создателемъ этого причудлива[illegible] и обоихъ его дворцовъ, кто оставилъ въ Одессѣ [illegible] Екатерининской эпохи?

То былъ, какъ я уже говорилъ, послѣднiй и[illegible] Разумовскихъ, внукъ малороссiйскаго гетмана Ки[illegible] Григорьевича—графъ Петръ Алексѣевичъ Разум[illegible]

Его, собственно говоря, слѣдовало бы называ[illegible] послѣднимъ изъ Разумовскихъ, а послѣднимъ изъ [illegible]скихъ Разумовскихъ, потому, что одна вѣтвь знам[illegible]таго семейства, переселившаяся за-границу, пе[illegible] Петра Алексѣевича на два года.

Русскiй Разумовскiй, Петръ Алексѣевичъ, умер[illegible]лѣтнымъ въ Одессѣ 18-го iюля 1835 г. и былъ у на[illegible] въ Одессѣ похороненъ на Старомъ христiанскомъ [illegible]бищѣ (Слѣдовало бы отыскать его могилу и прив[illegible] въ порядокъ).

Это была удивительная по своей оригинальн[illegible] личность.

Впрочемъ, всѣ Разумовскiе отличались крайне [illegible]образными чертами характера, начиная съ родоначаль[illegible] ихъ, знаменитаго Алексѣя Розума, ставшаго изъ прос[illegible] пастуха въ Малороссiи придворнымъ пѣвчимъ при А[illegible] Iоанновнѣ и снискавшаго расположенiе государыни [illegible]саветы Петровны, съ которой, по точнымъ указанi[illegible] князя Васильчикова въ его монографiи «Семейство [illegible]мовскихъ» онъ сочетался тайнымъ, но формал[illegible] бракомъ.

Извѣстно историческое преданiе, что, когда [illegible] воцаренiя Екатерины II, графъ Алексѣй Разумовскiй [illegible]живалъ въ своемъ Аничковомъ дворцѣ, къ нему прибы[illegible] посланный отъ Екатерины канцлеръ Воронцовъ с[illegible]щенiемъ о дарованiи ему титула высочества, какъ [illegible]ному супругу покойной государыни. Но Разумовскiй [illegible]клонилъ эту милость и сказавъ Воронцову: «Я н[illegible]

ничѣмъ болѣе, какъ вѣрнымъ рабомъ ея величества, покойной императрицы Елисаветы Петровны», вынулъ изъ потайнаго ящика всѣ документы относившiеся къ его браку, прочиталъ ихъ канцлеру и тутъ же при немъ бросилъ ихъ въ топившiйся каминъ.

Съ именемъ того же Алексѣя Разумовскаго, кстати, сказать, связана и любопытная исторiя несчастной самозванки княжны Таракановой, къ судьбѣ которой совершенно незаслуженно приплетено нѣкоторыми недобросовѣстными историками имя основателя Одессы Iосифа де-Рибаса.

Разсказывалось, что эта аванюристка, называвшая себя дочерью Разумовскаго отъ его брака съ Елисаветою, была, по приказанiю Екатерины, «поймана» въ Италiи графомъ Орловымъ-Чесменскимъ, причемъ посредникомъ въ этомъ ему служилъ де-Рибасъ.

Неоднократно я возвращался къ этому разсказу, документально доказывая всю его неправду. Во время «поимки» Таракановой въ Италiи де-Рибасъ былъ въ Петербургѣ, гдѣ состоялъ военнымъ инструкторомъ въ сухопутномъ шляхетскомъ корпусѣ.

Рѣшительно никакого прикосновенiя къ дѣлу Таракановой онъ не имѣлъ, что, впрочемъ, подтверждается и тѣмъ, что въ оффицiальномъ донесенiи Орлова Екатеринѣ поименованы всѣ причастные къ поимкѣ злополучной самозванки лица и имя де-Рибаса въ немъ не упомянуто.

А, между тѣмъ, многiе романисты и драматурги продолжаютъ сплетать имена Таракановой и де-Рибаса, увлекаясь, въ ущербъ исторической правдѣ, пикантностью клеветническаго вымысла...

Разгару фантазiи о Таракановой не могла не способствовать легендарность личности самого Разумовскаго. Достиженiе простымъ хохломъ пѣвчимъ высочайшаго положенiя при русскомъ Дворѣ не могло не удивить его

современниковъ. Надо къ этому прибавить еще и то, что исторія Таракановой — какъ самозванки — имѣла своимъ основаніемъ тотъ установленный исторіей фактъ, что у Разумовскаго отъ брака съ Елисаветой, дѣйствительно, было нѣсколько дѣтей.

Знаменитый временщикъ былъ братомъ дѣда нашего одесскаго Разумовскаго.

Извѣстно, что Императрица Елисавета, въ знакъ милости къ Алексѣю Разумовскому, призвала ко двору въ Петербургъ всю его родню изъ глубины Малороссіи: его старуху-мать, казачку, и его брата Кирилла, такого же въ дѣтствѣ пастуха коровъ, какъ и Алексѣй. Кириллъ Разумовскій былъ отправленъ для обученія за-границу и по возвращеніи оттуда, имѣя всего лишь 18 л. отъ роду, былъ назначенъ президентомъ Императорской Академіи наукъ (въ 1746 г.) «въ разсужденіе усмотрѣнной въ немъ особливой способности и пріобрѣтеннаго въ наукахъ искусства». А затѣмъ впослѣдствіи былъ возведенъ въ возстановленное ради Разумовскихъ званіе гетмана Малороссіи.

Одесскій Разумовскій, графъ Петръ Алексѣевичъ, былъ внукъ гетмана Кирилла и сыномъ государственнаго дѣятеля, состоявшаго при Александрѣ I министромъ народнаго просвѣщенія, графа Алексѣя Кирилловича.

Я не пишу здѣсь біографіи Разумовскаго и отношу интересующихся его личностью къ почтенному, уже упомянутому мною, труду кн. Васильчикова «Семейство Разумовскихъ». Но я считаю интереснымъ разсказать еще нѣсколько подробностей о графѣ Петрѣ Алексѣевичѣ и о его пребываніи въ Одессѣ.

Прибылъ онъ къ намъ въ 1806 г. послѣ долгаго заграничнаго путешествія, съ цѣлью поступить на государственную службу. Онъ былъ назначенъ чиновникомъ по

особымъ порученіямъ къ герцогу Ришелье. Вскорѣ графъ и герцогъ близко подружились.

Сблизила ихъ прежде всего общая страсть къ разведенію садовъ. Оба они облюбовали ту мѣстность около Водяной балки, которую я описалъ въ началѣ моего очерка. Здѣсь они заняли огромную площадь въ нѣсколько десятковъ десятинъ и отдались цѣликомъ дѣлу превращенія сыпучихъ овраговъ въ роскошные сады.

Насажденіе Дюковской дачи было сдѣлано подъ руководствомъ самаго герцога, но при постоянномъ содѣйствіи и по совѣтамъ графа Разумовскаго. Деревья выписывались изъ Тульчина, изъ Софійскаго сада въ Умани и изъ за-границы.

Но кромѣ садоразведенія графъ Петръ Алексѣевичъ имѣлъ еще страсть къ домостроительству. Страсть эту онъ унаслѣдовалъ отъ брата и дѣда, которые тоже много сдѣлали колоссальныхъ построекъ въ своихъ малороссійскихъ имѣніяхъ.

На своемъ хуторѣ, на Молдаванкѣ, графъ построилъ нѣсколько дворцовъ и множество къ нимъ архитектурныхъ добавленій въ видѣ башенъ, павильоновъ, подземныхъ лабиринтовъ и др.

Постройки эти дѣлалъ онъ для своего личнаго удовольствія, не зная, очевидно, чѣмъ инымъ заполнить свое досужее время.

Онъ жилъ въ Одессѣ въ полномъ одиночествѣ, въ дружбѣ лишь съ герцогомъ Ришелье. Но герцогъ въ 1814 году оставилъ Одессу навсегда, и съ той поры графъ замкнулся на своей дачѣ, не выходя изъ нея никуда до самой своей смерти въ 1835 г. Къ числу странностей графа надо отнести его страсть все дѣлать въ широкомъ масштабѣ.

Онъ не зналъ удержа своимъ прихотямъ. Не желая выходить изъ своей дачи въ городъ, онъ завелъ у себя

мастерскія для выдѣлки всего потребнаго для него и его дворни: шорню, сапожную, портняжную, часовую и т. д. Онъ все хотѣлъ имѣть у себя подъ рукой. Любопытенъ былъ его способъ покупки необходимыхъ ему продуктовъ и вещей: онъ все покупалъ гуртомъ, возами, цѣлыми партіями, гораздо больше, чѣмъ ему было нужно. Все закупленное набивалось въ погреба, въ сараи, портилось, уворовывалось, разбрасывалось...

Посылаемые имъ приказчики на ярмарки возвращались оттуда со многими возами всякихъ нужныхъ и ненужныхъ вещей.

Не желая водиться съ людьми, графъ обзавелся огромною клѣткою съ птицами. Разсказываютъ, что передъ смертью онъ велѣлъ выпустить всѣхъ птицъ на волю.

Графъ былъ очень начитаннымъ человѣкомъ и очень любилъ, подобно брату своему, все иностранное. Онъ собралъ огромную библіотеку, которая послѣ его смерти была продана на пуды. Отъ этой библіотеки не осталось въ Одессѣ ни одной книги.

Въ числѣ цѣнныхъ манускриптовъ въ библіотекѣ графа была рукопись-автографъ Державина — его ода «Вельможа» (1794 г.).

Графъ такъ дичился людей, что когда къ нему изрѣдка приходили гости, онъ моментально исчезалъ въ своихъ подземельяхъ и не выходилъ оттуда по нѣсколько дней.

Странности жизни графа создали вокругъ его имени массу легендъ, изъ которыхъ наиболѣе ходкая была та, что графъ былъ масонъ и что онъ выходилъ изъ своей дачи подземными галлереями, чтобы принимать участіе въ сходкахъ заговорщиковъ. Неизвѣстно только было, противъ кого именно шелъ заговоръ.

О смерти графа есть интересныя подробности въ воспоминаніяхъ Самуила Бориневича въ книгѣ моего брата: «Изъ прошлаго Одессы».

«Умеръ графъ, пишетъ г. Бориневичъ, въ 1835 году. Когда вѣсть о его смерти разнеслась по городу, толпы народа направились на дачу: одни, чтобы увидѣть покойника, другие, чтобы видѣть тотъ домъ, о которомъ такъ много разсказовъ ходило по городу, который былъ облеченъ чѣмъ-то таинственнымъ. Пошелъ и я. Въ огромной залѣ, на катафалкѣ, возвышался гробъ, покрытый непроницаемой кисеей; статуи и статуэтки на мраморныхъ колоннахъ также были закрыты кисеей. Вся обстановка графскаго дома производила впечатлѣніе чего-то величественнаго, но не изящнаго. Сѣверная и западная стѣны зала были стеклянныя; за стеклами помѣщалась огромная въ нѣсколько саженъ высоты, клѣтка изъ проволоки. Въ этой клѣткѣ было царство пернатыхъ разныхъ породъ и видовъ.

Черезъ нѣкоторое время послѣ смерти имущество [illegible]

[illegible]

[illegible]

чительную часть богатаго достоянія своего на украшеніе окрестностей нашего города. Графъ Петръ Алексѣевичъ былъ послѣдней отраслью, въ мужскомъ колѣнѣ, знаменитаго въ русской исторіи рода, владѣвшаго нѣкогда гетманскимъ жезломъ Малороссіи».

Прошло съ тѣхъ поръ много лѣтъ. Могила причудливаго графа лежитъ гдѣ-то на кладбищѣ заброшенная, одинокая... Его роскошная усадьба, раздѣленная на двѣ части Балковскою улицею, принадлежитъ теперь, какъ я уже говорилъ, владѣльцу пробочнаго завода Арпсу и пивоваренному заводчику Шапиро.

Главный дворецъ еще цѣлъ и сохраняетъ свою архитектурную прелесть. Подземный лабиринтъ засыпанъ. Второй дворецъ на территоріи Шапира передѣланъ, перестроенъ и приспособленъ подъ ресторанъ.

Мало осталось здѣсь отъ прошлаго. Но если вы хотите подышать самою неподдѣльною стариною Одессы, пойдите все же на конецъ Колонтаевской улицы, взгляните на эти извилисто растилающіеся живописные овраги и войдите, не бойтесь, въ дремучіе сады усадьбы Арпса... Вы услышите тамъ въ чащахъ щебетанье разныхъ диковинныхъ птицъ... Это молодое поколѣніе выпущенныхъ на волю одинокимъ графомъ своихъ пернатыхъ друзей.

Городской ломбардъ въ 1800 году или 3 тысячи греческихъ апельсинъ.

Въ самомъ началѣ прошедшаго вѣка, черезъ шесть лѣтъ послѣ своего основанія, нашъ городъ, въ лицѣ своего магистрата, [illegible] ссудными операціями подъ цѣнную движимость только что народившихся одесситовъ. Основнымъ капиталомъ для этого послужили тѣ 250.000 руб., которые одесскій магистратъ получилъ самъ въ [illegible] ссуду отъ правительства въ благодарность за... за посланные въ Петербургъ три тысячи штукъ апельсинъ. Исторія этихъ апельсинъ въ связи съ исторіей перваго одесскаго городского ломбарда заслуживаетъ разсказа.

Всѣмъ одесситамъ извѣстно или должно быть извѣстно, какую важную роль въ судьбѣ ихъ города сыграли апельсины. Три тысячи штукъ отобранныхъ апельсинъ съ только что (въ февралѣ 1800 года) прибывшихъ въ одесскій портъ греческихъ кораблей!—Апельсины эти, тщательно и красиво упакованные и довѣренные испытанному въ усердіи и исправности унтеръ-офицеру греческаго батальона Георгію Раксомати, были отправлены одесскимъ магистратомъ въ Петербургъ къ Императорскому Двору 8 февраля 1800 г. при всеподданнѣйшемъ письмѣ. (Раксомати совершилъ чудо: весь путь отъ Одессы до Петербурга по невозможнымъ въ тѣ времена дорогамъ,

бережно заботясь о своемъ нѣжномъ и сочномъ грузѣ, который приходилось на каждой почтовой станціи перекладывать съ телѣги на телѣгу, онъ умудрился сдѣлать въ двѣ недѣли, доставивъ апельсины по назначенію въ полнѣйшей свѣжести и цѣлости).—Посылкѣ этой предшествовало прошеніе на Высочайшее имя съ изложеніемъ бѣдствій, постигшихъ городъ, и съ ходатайствомъ о ссудѣ въ 250.000 рублей на окончаніе сооруженія одесской гавани, каковое сооруженіе магистратъ рѣшилъ тогда взять на себя.

Нашъ городъ былъ въ 1800 г. на самомъ краю гибели. Едва создавшійся, взлелѣянный ласками Императрицы Екатерины, онъ, послѣ кончины великой Государыни (въ 1796 году), былъ внезапно лишенъ всѣхъ предоставленныхъ ему привиллегій. На Одессу обрушилась немилость Императора Павла. Да къ этому присоединились послѣдствія бывшихъ неурожайныхъ годовъ и первая въ Одессѣ чума. Всѣ работы по построенію порта были пріостановлены; торговцы, не увѣренные въ завтрашнемъ днѣ, прекращали торговлю. Начатые постройкою обывательскіе дома были заброшены. Господствовало всеобщее уныніе.

Завоеватель Хаджибея и основатель города Одессы адмиралъ Іосифъ де-Рибасъ былъ тогда еще живъ. Онъ жилъ со своей семьей въ Петербургѣ, куда былъ отозванъ изъ Одессы въ началѣ 1797 года. Хотя онъ занималъ тогда высокое и отвѣтственное положеніе въ званіяхъ генералъ-кригсъ-коммисара, члена адмиралтействъ-коллегіи, а затѣмъ и директора лѣсного департамента, но онъ не могъ сдѣлать ничего существеннаго для своего любимаго дѣтища-Одессы, такъ какъ самъ былъ въ немилости у Государя. Когда же эта немилость возрасла въ 1799 году до того, что де-Рибасъ былъ внезапно и сразу отрѣшенъ отъ всѣхъ своихъ званій и должностей, то одесскіе бургомистры порѣшили, что у нихъ въ Петербургѣ уже нѣтъ за-

ступника и что будетъ излишнимъ обращаться туда съ представленіями о нуждахъ опальной Одессы.

Случилось, однако, нѣчто совершенно необычайное. Съ такою же быстротою и внезапностью, съ которыми адмиралъ де-Рибасъ былъ низведенъ съ высоты, онъ въ концѣ того же 1799 года былъ обратно возведенъ во всѣ свои званія и сверхъ того удостоился особаго Высочайшаго благоволенія, выразившагося во многихъ знакахъ (собственноручныя письма Павла I, пожалованіе де-Рибасу вторично ордена св. Іоанна Іерусалимскаго) и въ допущеніи его къ ежедневнымъ утреннимъ докладамъ Государю по дѣламъ адмиралтействъ-коллегіи. Въ началѣ 1800 года основатель Одессы былъ въ полномъ блескѣ Государева довѣрія и какъ разъ къ этому времени прибылъ въ Петербургъ одесскій гонецъ Георгій Раксомати съ письмомъ къ Государю и съ транспортомъ 3 тысячъ апельсинъ...

Ароматное подношеніе сѣверной столицѣ отъ южной сестры (апельсины составляли тогда въ Петербургѣ большую рѣдкость) было принято Императоромъ Павломъ I съ особенною благосклонностью. Государь сейчасъ-же отвѣтилъ рескриптомъ (отъ 26 февраля 1800 года) на имя одесскаго перваго бургомистра Дестуни, въ которомъ, сообщая о полученіи присланныхъ отъ города Одессы «померанцевъ», изъявлялъ ему и всѣмъ жителямъ Одессы свое монаршее благоволеніе и благодарность. Легко представить себѣ восторгъ и ликованіе одесситовъ при полученіи этого рескрипта, возвращавшаго изстрадавшемуся городу надежду на новую, счастливую жизнь. Въ мартѣ 1800 года было отслужено въ соборѣ по этому случаю торжественное благодарственное молебствіе.

Вслѣдъ за рескриптомъ были присланы въ Одессу и тѣ 250.000 руб., о которыхъ магистратъ всеподаннѣйше ходатайствовалъ до посылки фруктовъ. Такимъ образомъ,

безъ всякихъ риторическихъ преувеличеній можно сказать, что городъ за посланные имъ три тысячи штукъ апельсинъ получилъ поистинѣ царскую отплату. Впрочемъ, деньги эти были даны городу не безвозвратно, а въ видѣ ссуды на 14 лѣтъ, со спеціальнымъ назначеніемъ на достроеніе одесской гавани и съ круговой отвѣтственностью всѣхъ купцовъ г. Одессы за возвратъ займа. Но такъ или иначе, а магистратъ оказался обладателемъ крупнаго капитала. Надо помнить, что построеніе города и порта производилось до того времени самимъ правительствомъ чрезъ посредство мѣстной высшей администраціи; городской же магистратъ вѣдалъ лишь т. н. обывательскимъ дѣломъ и въ его рукахъ никогда не бывало крупныхъ денегъ. Теперь же городу было разрѣшено, по его же ходатайству, принять работы по гавани на себя, для чего ему и были предоставлены, какъ всѣ казенные матеріалы, оставшіеся отъ прежнихъ недостроекъ (безвозмездно), такъ и вышесказанная ссуда. Магистратъ былъ, конечно, на вершинѣ счастья; образовался особый комитетъ для завѣдыванія предстоящими работами; казначеемъ этого комитета былъ избранъ полковникъ Чехненко.

Вотъ въ этотъ то моментъ исторіи Одессы и помѣщается любопытный фактъ совершенія городомъ уже въ 1800 году ломбардныхъ операцій. Полученные магистратомъ 250.000 рублей должны были быть расходуемы постепенно, по мѣрѣ производимыхъ работъ; тѣмъ временемъ деньги лежали свободными, обременяя городскую кассу и не принося никому пользы. Практичные бургомистры и члены комитета (большинство изъ нихъ были видными одесскими негоціантами), считая такое безполезное лежаніе денегъ непроизводительнымъ, порѣшили раздавать ихъ нуждающимся одесситамъ подъ вѣрное обезпеченіе товаровъ или иного цѣннаго движимаго имущества за соотвѣтствующее процентное вознагражденіе.

Оффиціальнаго разрѣшенія на такія операціи магистратъ не имѣлъ, но онъ заручился конфиденціальнымъ согласіемъ на это со стороны тогдашняго президента коммерцъ-коллегіи князя Гагарина, на котораго при разрѣшеніи городу займа было Высочайше возложено наблюденіе за окончаніемъ на эти деньги раоотъ по порту («въ теченіе четырехъ лѣтъ или скорѣе»).

Ломбардныя операціи города начались... и въ числѣ первыхъ кліентовъ, воспользовавшихся ссудами, оказались мой родной дѣдъ Феликсъ де-Рибасъ и его первая жена Октавія. Дѣдъ мой взялъ у города 17 декабря 1800 года одну тысячу рублей подъ залогъ разныхъ драгоцѣнныхъ вещей и серебра, а бабушка взяла одну тысячу двѣсти рублей подъ залогъ пудреннаго дамскаго туалета, туалетной короны, большой серебряной лохани, двухъ подносовъ, соусныхъ и другихъ ложекъ и пр.

Магистратъ выдавалъ ссуды не только подъ драгоцѣнности, но и подъ товары, какъ, напримѣръ, подъ воскъ, подъ горючую сѣру, подъ бочки масла, мѣховые товары и даже подъ дома. Заемщики выдавали письменныя обязательства такого содержанія: «такого-то числа 1800 года занялъ я, нижеподписавшійся, изъ суммъ строенія гаваней ассигнаціями столько-то денегъ срокомъ на шесть мѣсяцевъ и въ обезпеченіе сего займа положилъ въ комитетъ въ закладъ такіе-то предметы». Въ случаяхъ неплатежа въ срокъ (такіе «случаи» были почти со всѣми ссудами) разрѣшались отсрочки, и на первомъ обязательствѣ дѣлалась надпись: «по сему обязательству заложенныя вещи въ продажѣ и за невыручкою еще всѣхъ денегъ обязательство не уничтожено и остальныя вещи въ закладѣ». Въ числѣ заемщиковъ встрѣчались имена высокопочетныхъ лицъ и знатныхъ дамъ, графа д'Арманьяка и между прочимъ харьковскаго купца Автономова, взявшаго 1000 р. подъ залогъ дамскаго кокошника изъ жемчуга въ 14 золот.

Признаюсь, тотъ фактъ, что мой дѣдъ пользовался кредитомъ въ первомъ, неоффиціальномъ городскомъ ломбардѣ, подъ залогъ своего домашняго скарба, меня глубоко удивилъ и тронулъ. Фактъ этотъ, свидѣтельствующій, что родной братъ основателя Одессы маіоръ Феликсъ де-Рибасъ такъ нуждался въ деньгахъ въ 1800 году — и къ тому же расплатившійся съ долгомъ лишь послѣ цѣлаго ряда отсрочекъ—является особенно трогательнымъ при сопоставленіи его съ тѣмъ, что де-Рибасъ, при всей своей нуждѣ, не остановился, однако, передъ крупною жертвою на пользу любимаго города, когда въ 1806 году онъ подарилъ жителямъ Одессы въ вѣчное безвозмездное владѣніе для ихъ удовольствія свой роскошный, единственный тогда и теперь внутри города садъ.

Ломбардныя операціи города продолжались, если не ошибаюсь, всего лишь до 1803 года. Тогда градоправителемъ Одессы сталъ незабвенный дюкъ де-Ришель, отдавшійся ей всей своей великою душею, какъ второй родинѣ. Разсматривая дѣятельность комитета по достройкѣ одесскаго порта, онъ не могъ не натолкнуться и не обратить своего вниманія на необычайный родъ его операцій: ссуды подъ залогъ вещей на ряду съ расходами на рабочихъ и строительные матеріалы. Операціи эти онъ, вѣроятно, тогда же прекратилъ. Сознавая, однако, какую существенную поддержку одесскимъ жителямъ и торговцамъ они приносили, Ришелье возымѣлъ мысль упорядочить ссудное дѣло въ Одессѣ учрежденіемъ правильно и оффиціально функціонирующаго ломбарда, о чемъ онъ и ходатайствовалъ передъ правительствомъ въ 1803 году, и тогда же получилъ на это разрѣшеніе. Проектъ этотъ, однако, остался неосуществленнымъ...

———o———

Яшка Дерибасъ.

[illegible] вѣтъ, что другихъ вещей нѣтъ, онъ сердился, ругался, но со[illegible] Дерибасовку.

[illegible] обязательно два раза [illegible]

[illegible] остался вѣрнымъ нашему [illegible] было далеко за 70 лѣтъ: ноги его были покрыты ранами, мучилъ его ревматизмъ, хрипѣлъ и кашлялъ онъ отъ никогда не проходившаго бронхита, а бодрости духа, на-

правленной, правда, лишь къ служенію своимъ старымъ господамъ, въ немъ было такъ много, что никакая непогода и никакія разыгравшіяся болячки не мѣшали ему приходить къ намъ съ регулярностью самого солнца.

Чистилъ онъ сапоги великолѣпно, своею собственною ваксою, которую фабриковалъ изъ печной сажи, въ которую наплевывалъ все, что могъ, изъ своей старческой слюны. Щетки у него тоже были свои. Въ промежуткахъ, когда, оставаясь въ Дерибасовкѣ, онъ томился въ бездѣліи, онъ пересматривалъ щетки и добавлялъ къ нимъ волосъ за волосомъ, чтобы обновить истертую щетину. Чистилъ онъ сапоги со всего размаха и превращалъ ихъ грязную и тусклую поверхность — посредствомъ своего дыханія на ваксу — въ зеркальность чистѣйшаго пруда.

На счетъ чистки платья Яшка былъ слабѣе. Тутъ онъ усердствовалъ больше, но толку выходило меньше. Труднѣе всего приходилось ему съ выводкою пятенъ. Нынѣшнихъ химическихъ составовъ въ тѣ времена еще не знали. Яшка придумывалъ свои. Но сюртукъ — вещь деликатная. Это не сапогъ. И Яшка очень часто къ старому пятну добавлялъ, благодаря своему усердію, новое. Отецъ сердился, но долго сердиться на Яшку нельзя было, потому что онъ до того огорчался, что доходилъ до непочтительности и, бросивъ на полъ сюртукъ, говорилъ: такъ чистите его сами.

Большою усладою для Яшки было куреніе махорки. Онъ набивалъ ею старую изжеванную трубку, высѣкалъ огонь изъ затупившагося кремня и, посасывая трубку, добивался, послѣ долгихъ усилій, такого удушливо непріятнаго дыма, что всѣ вычищенныя Яшкою вещи пропитывались имъ на нѣсколько дней.

Но надо было терпѣть и это. Яшка могъ отказаться отъ какихъ угодно благъ, только не отъ махорки. Онъ любилъ ее ради ея вкуса и аромата. Она обжигала ему губы

и онъ, потягивая трубку, постоянно сплевывалъ такъ сердито, какъ будто у него была во рту величайшая мерзость. [illegible]

[illegible]
и мой отецъ, и Яшка.

[illegible]

радостно, что жители окрестныхъ деревень (въ особенности, конечно, молодежь) стремились сюда, какъ мотыльки на вечерній свѣтъ.

Зима, деревня, скучно. Долгія, томительныя ночи. Дома, занесенные снѣгомъ. Чаны съ горящимъ спиртомъ, вмѣсто тепла и свѣта. Суровый отецъ, робкая мать. Дѣти, собравшись тѣсно въ дѣтской, слушаютъ давно знакомыя, вѣчно новыя, нянины сказки. А старшій сынъ съ Яшкою задумываютъ безумный замыселъ: дернуть въ Одессу, туда, гдѣ свѣтъ, гдѣ женщины, гдѣ друзья, гдѣ итальянская опера, гдѣ божественная Мориконн, гдѣ море, корабли съ восточными товарами, гдѣ Раевскіе, Давыдовы, Голицыны...

Яшка мастеръ на всѣ руки. Темной ночью, какъ только улеглась дорога, онъ запрегъ въ сани Чалаго, укуталъ барчука въ огромную шубу изъ волчьяго мѣха и тихо выѣхалъ со двора. По дорогѣ остановился на одномъ, другомъ постояломъ дворѣ, а когда уже было близко къ городу, погналъ свою лошаденку во весь духъ, чтобы лихо въѣхать въ Одессу.

Отецъ заѣзжалъ въ Одессу къ своимъ друзьямъ, Шостакамъ, такимъ же молодымъ сорванцамъ, какъ онъ самъ. И проводили они дни и ночи въ веселомъ разгулѣ.

По возвращеніи въ Тузлы отцу моему дѣлали выговоръ, а Яшку пороли. Но онъ относился къ этому покорно и впослѣдствіи, на старости лѣтъ, когда мы спрашивали его на счетъ порки, онъ добродушно отвѣчалъ, что ничего противъ нея не имѣетъ: лишь бы было за что.

Одесса не знала суровости крѣпостного права. Бѣжавшіе изъ дальнихъ губерній крестьяне получали здѣсь права вольныхъ жителей. Казаки, запорожцы, солдаты, матросы, оставшіеся на жительство въ Одессѣ—всѣ были вольные. А вмѣстѣ съ ними жили въ Одессѣ иностранцы—французы, греки, итальянцы, болгаре, арнауты, турки.

Гдѣ тутъ было проявиться духу крѣпостничества или помѣщичьему произволу!

[illegible]

[illegible]

[illegible] тарищемъ дѣтства моего отца и, кромѣ того, обладалъ такимъ талантомъ, который выдѣлялъ его изъ числа обыкновенныхъ слугъ. У него бы[illegible] торжественные дни, четверкою съ форейторомъ, [illegible] форейторомъ былъ всегда Яшка. Гарцуя на конѣ, он[illegible] [illegible] традиціонно[illegible]

[illegible] въ нашъ городъ послѣ долгихъ скитаній, на кораб[illegible] Константинополя, неожиданно прибыла [illegible] [illegible]

литанскаго консула, долженъ былъ тотчасъ же выѣхать ей на встрѣчу во всемъ своемъ парадѣ. Яшка, конечно выѣхалъ ей на встрѣчу тоже—въ качествѣ форейтера.

Королева была рада отдохнуть въ Одессѣ. Мой отецъ разсказывалъ подробно въ газетѣ «Правда» объ этомъ интересномъ эпизодѣ изъ жизни старой Одессы, и я къ нему не вернусь. Разскажу лишь, что, по словамъ Яшки, королева обратила особое вниманіе на его голосъ, когда онъ возилъ ее по городу и, однажды, велѣвъ привести его къ себѣ, потрепала его по щекамъ.

Радостныя видѣнія представлялись Яшкѣ сквозь дымъ его трубки. Но были дни, когда видѣнія эти заволакивались, какъ тучами, страшными воспоминаніями. Яшка вспоминалъ и разсказывалъ иногда о чумѣ 1812 г. Видѣлъ онъ чуму и 1829 и 1831 годовъ въ Одессѣ; но «черная смерть 1812 года была особенно страшна ему, въ его видѣніяхъ, такъ какъ ему самому пришлось бороться съ нею, сначала въ качествѣ санитара, а потомъ, какъ самому заболѣвшему чумою. Разсказывалъ онъ о томъ, какъ заболѣли двѣ артистки итальянской оперы, жившія въ театральномъ домѣ, находившемся на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь зданіе городского управленія, и какъ всѣ итальянцы хотѣли бѣжать изъ Одессы, но ихъ не пустили. Разсказывалъ, какъ одесситы, узнавъ, что въ городѣ чума, вдругъ пріумолкли такъ, какъ будто всѣ умерли; какъ на улицахъ валялись трупы крысъ; какъ зачумленные дома заколачивались вмѣстѣ съ людьми, какъ тихо разъѣзжали по городу дроги съ мертвецами безъ гробовъ и какъ, среди всеобщаго ужаса и унынія, одинъ герцогъ Ришелье, какъ свѣтлый ангелъ, сохранилъ энергію и величіе души. Какъ онъ, окруженный самоотверженными гражданами (въ числѣ которыхъ былъ и Феликсъ де-Рибасъ, получившій за труды по борьбѣ съ чумою спеціально выбитую медаль), обходилъ по нѣсколько разъ въ день зачумленные кварталы, оказывая всѣмъ посильную помощь и ободряя духъ населенія. Дюкъ, въ воспоминаніяхъ Яшки, являлся любимымъ народнымъ героемъ.

Особенно сильное впечатлѣніе, какъ на Яшку, такъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и на все одесское населеніе, произвелъ въ томъ же 1812 году герцогъ Ришелье своимъ патріотическимъ отношеніемъ къ призыву народа на борьбу съ Наполеономъ. Яшка былъ пораженъ тѣмъ, что Дюкъ, будучи французомъ, самъ призывалъ русскихъ на войну со своими земляками, и объяснялъ себѣ это тѣмъ, что «у Ришелье была, по всѣмъ вѣроятіямъ, отъ матери русская кровь».

Извѣстенъ фактъ, что Ришелье собралъ среди одесскихъ гражданъ крупную сумму денегъ на фондъ для образованія народнаго ополченія противъ Наполеона. Первое пожертвованіе сдѣлалъ онъ самъ, отдавъ въ этотъ фондъ все свое личное денежное состояніе—40000 руб. Но менѣе извѣстно, какимъ образомъ могли оказаться у безсребреннаго, получавшаго весьма малое по службѣ жалованье, герцога такія сравнительно крупныя русскія деньги. Объясненіе этого обстоятельства любопытно. Оно отлично характеризуетъ безкорыстіе благодѣтеля Одессы. Дѣло въ томъ, что незадолго до разрыва Россіи съ Франціей Ришелье просилъ у Александра I отпускъ заграницу. На вопросъ Государя, нельзя ли отложить поѣздку, Ришелье откровенно отвѣтилъ, что онъ долженъ поѣхать въ Вѣну, чтобы найти средства для уплаты въ срокъ сдѣланнаго имъ въ свое время, по оставленіи Франціи, крупнаго займа. Александръ I немедленно прислалъ Ришелье на этотъ предметъ 40,000 рублей. Но случилось такъ, что почти одновременно съ полученіемъ этихъ денегъ Ришелье узналъ, что долгъ его былъ оплаченъ въ Вѣнѣ изъ средствъ, присланныхъ изъ Парижа. Такимъ образомъ, у него оказались лишніе 40,000 рублей, которые онъ не могъ

возвратить Государю и которые онъ поспѣшилъ, при сборѣ на ополченіе, пожертвовать на помощь своему второму отечеству.

Послѣ Ришелье любимымъ героемъ Яшки былъ Воронцовъ, но свѣтлѣйшій князь никогда не представлялся Яшкѣ самостоятельно, какъ отдѣльная личность, на подобіе Дюка, а всегда съ блестящей свитою аристократіи; какъ Владиміръ—Красное Солнышко, окруженный богатырями. Изъ числа этихъ богатырей особенно плѣнялъ Яшку другъ моего отца графъ Самойловъ, гроза всѣхъ увеселительныхъ домовъ Одессы, ломавшій, для демонстраціи своей феноменальной силы, рессоры старомодныхъ одесскихъ дрожекъ и щедро платившій за всѣ эти безчинства звонкими рублями.

Скопивъ нѣкоторыя деньги отъ барскихъ щедротъ, Яшка купилъ себѣ клочекъ земли на Среднемъ Фонтанѣ, въ селеніи Дерибасовка, и такъ какъ всѣ знали, что онъ былъ въ услуженіи у брата основателя Одессы, то его самого прозвали Дерибасомъ. Яшка очень этимъ гордился и любилъ разсказывать односельчанамъ о взятіи Хаджибея, какъ очевидецъ, хотя въ день этого событія его самого не было еще на свѣтѣ.

Яшка женился на рябой дѣвушкѣ, которая стала моей кормилицей. Родились у него дѣти, изъ которыхъ младшій сынъ проявилъ въ одесской школѣ рисованія выдающіяся способности, какъ портретистъ.

Но Яшка не занимался ни своимъ хозяйствомъ, ни своими дѣтьми. Онъ зналъ только нашъ домъ и свою неотъемлемую обязанность приходить чистить два раза въ недѣлю всю нашу домашнюю обувь и платье.

Однажды онъ въ обычное время не пришелъ. Вмѣсто него пришла его жена и сообщила, что Яшка умеръ.

Русское купечество. — Иванъ [illegible] — Отцы и дѣти.

[illegible] зами. Сберегательныхъ кассъ не было; каждый [illegible] ные капиталы въ се[illegible] шечкахъ.

Но [illegible] въ Брянскъ и въ Тулу. [illegible] не мѣшало [illegible] болтовъ, ободьевъ, чугунныхъ [illegible] моваровъ и всякой желѣзной всячины.

[illegible] Одесса строился, какъ [illegible] расно понимали другъ друга и одинъ другому [illegible] мѣшали.

Иностранцы нуждались въ русскихъ купцахъ. Имъ привозили изъ за-моря въ Одессу вино, деревянное масло,

фрукты, орѣхи, рыбу. А для строенія города нужны были: камень, лѣсъ, стропила, балки, желѣзо...

И пока иностранные корабли летали, какъ шальные, по морю, распуская свои бѣлые паруса,—русскіе купцы на тройкахъ ѣздили степенно по сушѣ, по большимъ дорогамъ, посѣщая крупнѣйшіе промышленные города, чтобы привозить оттуда въ Одессу русскіе товары.

Иванъ Петровичъ Чуриловъ съ безпокойствіемъ видѣлъ, что товаръ въ его желѣзныхъ лавкахъ подбирается. Надо было объявить женѣ о необходимости ѣхать въ далекій путь...

Онъ былъ изъ тѣхъ первыхъ русскихъ купцовъ, которые вслѣдъ за Ларіономъ Портновымъ, Андреемъ Желѣзцовымъ, Иваномъ Лифенцовымъ, Евтеемъ Кленовымъ и другими отважились пріѣхать въ Одессу съ русскими товарами: лѣсомъ, желѣзомъ, мануфактурою. Пріѣхали въ Одессу, чтобы продать товаръ и уѣхать, но не уѣхали. Слишкомъ дивнымъ показался имъ новоявленный городъ. Земля раздавалась даромъ, бери, застраивай, живи!.. Подивился Садко морскому чуду и вмѣстѣ съ новымъ товаромъ выписалъ въ Одессу свою жену, да приказчиковъ.

Дома и лавки Чурилова находились въ самомъ центрѣ старой торговой Одессы, близъ нынѣшняго Стараго базара. Тамъ были тѣ «торговые ряды» и тѣ дома, остатки которыхъ можно видѣть еще теперь на Черепенниковской площади. Съ одной стороны были краснорядцы, съ другой бакалейщики, а тамъ торговцы желѣзно-скобяными товарами. Тамъ же были книжныя и модныя лавки. Тамъ же караимы (Эгизы, Мангуби, Исаковичи, Карагозы и др.) продавали шелки и ювелирныя издѣлія.

Одесситы отправлялись въ торговые ряды, какъ на ярмарку. Здѣсь, послѣ порта, царило самое большое въ городѣ оживленіе.

Товара въ лавкахъ Чурилова было много. Прежніе крупные купцы запасались товаромъ не менѣе какъ на полгода, и когда возвращались они въ Одессу съ ярмарокъ, то вдоль всѣхъ улицъ, прилегающихъ къ нынѣшнему Александровскому проспекту, тянулись длиннѣйшіе обозы телѣгъ съ тяжело нагруженными на нихъ, покрытыми пахучими рогожами, товарами.

Но Иванъ Петровичъ правильно разсчиталъ, судя по ходу торговли, да если принять въ соображеніе продолжительность пути въ Россію и обратно, что товару въ его лавкахъ можетъ скоро не хватить. И, превозмогая внутреннее безпокойство, вздохнувъ и перекрестившись, онъ окончательно объявилъ женѣ, что ѣдетъ.

Удивительно уютно жилось въ старой Одессѣ! Дома были прочныя, стѣны толстыя, мебель вмѣстительная; чулановъ, погребовъ, «минъ» и всякихъ закоулковъ въ домѣ столько, что можно было много добра припасти про черный день.

Уютно было и въ домѣ Ивана Петровича.

Большой, свѣтлый залъ, по одну сторону котораго спальня жены, комнаты дѣтей и службы, а по другую спальня мужа, и подлѣ нея нѣчто вродѣ молельни: большіе образа съ вѣчно свѣтившимися лампадами и, вдоль стѣнъ, одна надъ другой цѣлыя кипы духовныхъ книгъ.

Иванъ Петровичъ не былъ старообрядцемъ; но онъ былъ очень свѣдущъ въ религіозныхъ вопросахъ и любилъ читать въ праздничные дни «божественныя» книги разнаго толка, чтобы, какъ онъ выражался, узнать «какъ кто разсуждаетъ по религіи».

Такихъ любознательныхъ людей въ старой Одессѣ было много. Гостепріимный и вѣротерпимый городъ давалъ пріютъ у себя столь различнымъ національнымъ и религіознымъ элементамъ, что нельзя было не заинтересоваться чужими обычаями и чужою вѣрою.

Но Иванъ Петровичъ былъ твердъ въ православіи. И когда онъ рѣшился на отъѣздъ, то сейчасъ же пошелъ въ соборъ, который тогда еще не былъ соединенъ со зданіемъ колокольни, и помолился у иконы, которую его другъ Ларіонъ Портновъ преподнесъ въ даръ собору, на благолѣпіе храма.

Узнали о рѣшеніи Чурилова сосѣдніе купцы и стали, одинъ за другимъ, приходить проводить отъѣзжающаго и дать ему порученія и совѣты.

Въ тѣ времена ѣхать купцу за товаромъ изъ Одессы, скажемъ, въ Харьковъ, Орелъ, или Брянскъ, было дѣломъ не шуточнымъ. Это не то, что нынче, когда сядешь въ поѣздъ, который понесетъ тебя куда нужно въ одинъ или два дня. Ѣхать надо было лошадьми, тройкою, по нѣсколькимъ недѣлямъ.

Главное затрудненіе заключалось еще въ томъ, что нельзя было замѣнить наличныя деньги, какъ теперь, банковыми переводами; надо было имѣть капиталы при себѣ.

А дороги были ненадежныя. Приходилось ѣхать черезъ дремучіе лѣса, останавливаться на ночлегъ на подозрительныхъ дворахъ...

За то и принимались купцами особыя мѣры безопасности.

— Ну, жена, сказалъ Иванъ Петровичъ, нечего нюни распускать. Зашивай деньги.

Это дѣлалось въ самый послѣдній день, въ послѣднюю минуту передъ отъѣздомъ. Затворяли гостинную на ключъ. Мужъ и жена оставались въ ней вдвоемъ. Открывался ломберный столъ, и на красное сукно высыпались изъ сундуковъ цѣлыя груды золота и серебра. Серебро пересчитывалось, укладывалось въ столбики и шло въ особый дорожный сундукъ, который прикрѣплялся цѣпями посрединѣ телѣги, на днѣ ея, около сидѣнія купца. А золото жена Ивана Петровича зашивала червонецъ за червонцемъ въ длинный и узкій чехолъ, который купецъ обматывалъ вокругъ себя на голое тѣло, подъ одеждою, какъ поясъ.

Всѣхъ денегъ бралъ съ собою Чуриловъ въ одну поѣздку не меньше тысячъ шестидесяти. И всѣ деньги были при немъ: на немъ и въ его телѣгѣ. Для большей безопасности купцы ѣздили за товарами не въ одиночку, а вдвоемъ, втроемъ, нѣсколькими телѣгами, а иногда и цѣлымъ обозомъ. Всѣ они были вооружены кистенями и пистолетами.

Накинула жена на шею Ивана Петровича образокъ и ладонку и заплакала.

Все дѣло, по отъѣздѣ мужа, оставалось на ея хозяйскихъ рукахъ. И Богъ его знаетъ, скоро ли купецъ воротится.

Вотъ и готово все. Перекрестилъ Иванъ Петровичъ жену, дѣтей... Подкатила тройка съ роскошною дугою, звеня неподдѣльными валдайскими бубенчиками... Прикрѣпили сундучекъ... Высыпали приказчики со всѣхъ магазиновъ, да знакомые купцы... Счастливый путь!

По Преображенской, оттуда по Херсонской къ заставѣ и дальше по Большой Московской дорогѣ за городъ—и скрылась тройка съ глазъ... Прощай Одесса!

Когда говорятъ о старой Одессѣ, то, обыкновенно, придаютъ ей колоритъ живописнаго иностраннаго города. Но это характеристика односторонняя.

Основное населеніе Одессы было русское—все чиновничество было русскимъ, рабочіе набирались изъ солдатъ, первыми жителями были запорожцы и пришлые изъ Новороссіи, первые товары были привезены сюда чумаками, первые купцы пріѣхали въ Одессу (нѣкоторые изъ нихъ, какъ, напр., Портновъ, еще тогда, когда она не была Одес-

сою) изъ Орла, Тулы, Елисавстграда и другихъ русскихъ городовъ. Основной языкъ населенія былъ русскій. Первый одесскій магистратъ былъ русскій.

Здѣсь кстати будетъ отмѣтить интересный историческій фактъ. Основатель Одессы, испанецъ Іосифъ де-Рибасъ, сохранившій на русской службѣ, которую онъ окончилъ въ чинѣ полнаго адмирала, неаполитанское подданство, былъ искреннѣйшій приверженецъ всего русскаго. Онъ не призвалъ изъ-заграницы въ Одессу ни одного иностранца и всѣ работы по строительству и администраціи города поручалъ исключительно русскимъ людямъ.

Первыми сотрудниками де-Рибаса по управленію Одессою были, кромѣ высшей администраціи, въ лицѣ графа Платона Зубова и главнаго строителя крѣпостей Суворова, слѣдующіе русскіе люди:

Начальникъ таможни Михаилъ Кирьяковъ, инспекторъ карантина полковникъ Карповъ, первый городской голова, по выбору общества, купецъ Андрей Желѣзцовъ, первый комендантъ одесской крѣпости генералъ-маіоръ Киселевъ, первый полиціймейстеръ Григорій Кирьяковъ.

Тотъ же де-Рибасъ учредилъ въ Одессѣ, въ 1795 году «особый для Россійскихъ купцовъ магистратъ».

Не свидѣтельствуетъ ли хотя бы это о томъ, что въ первые дни послѣ основанія Одессы въ ней преобладали россійскіе купцы?

Въ составъ магистрата входили: сиротскій и сословные суды, городской голова, бургомистры, ратманы, словесные судьи и городской староста.

Россійскій этотъ магистратъ, основанный, какъ мы видѣли, по иниціативѣ иностранца де-Рибаса, былъ замѣненъ въ 1798 году, т. е. послѣ отъѣзда де-Рибаса въ Петербургъ, при русскомъ градоначальникѣ адміралѣ Пустошкинѣ, магистратомъ иностраннымъ, къ вѣдомству

чинахъ происходившаго тогда въ Одессѣ коммерческаго застоя. Его не могло не удивить, что вся заграничная торговля Одессы находилась въ рукахъ иностранцевъ и, однажды, при посѣщеніи городской думы, Государь изволилъ спросить бывшаго тогда городскимъ головою Ивана Васильевича Авчинникова, почему русскіе не занимаются въ Одессѣ иностранною торговлей? на что Авчинниковъ отвѣтилъ: «Государь, если мы употребимъ наши капиталы для заграничныхъ сношеній, то что станется здѣсь съ внутреннею торговлей»?

Эта внутренняя торговля была очень обширна и на столько независима отъ всякаго иностраннаго вліянія, что русскіе купцы составляли въ Одессѣ особую, замкнутую касту, со своими характерными обычаями.

Исторія русскаго купеческаго сословія въ Одессѣ представляетъ много любопытнаго матеріала. Представивъ очеркъ жизни русскаго купца Чурилова, я даю лишь слабое понятіе о томъ, какъ въ такомъ иностранномъ, будто, городѣ, какъ Одесса, могли русскіе люди жить такою ярко-русскою жизнью, какую обыкновенно представляешь себѣ возможною лишь въ центральныхъ городахъ Россіи.

Чуриловъ не составлялъ исключенія. Много было въ нашемъ городѣ честныхъ и крупныхъ русскихъ купеческихъ именъ!..

Да, было и господствовало нѣкогда въ Одессѣ русское купечество!

Положили ему начало люди, собственными руками, собственнымъ торговымъ геніемъ и собственными капиталами помогавшіе строительству и развитію новоявленнаго города.

Я сказалъ «собственными капиталами» и хочу остановить особенное на это вниманіе читателя.

котораго были, по желанію новой администраціи, причислены россійскіе купцы и мѣщане. Первые русскіе головы, избранные при де-Рибасѣ—Андрей Желѣзцовъ и Ларіонъ Портновъ были замѣнены иностранцемъ Кафеджи.

Любопытно еще то, что иностранецъ по происхожденію, но глубоко полюбившій Россію, де-Рибасъ первою мыслью при построеніи Одессы возымѣлъ основать незыблемый памятникъ своей и города благодѣтельницѣ Государынѣ Императрицѣ Екатеринѣ II и положилъ начало обширнаго храма ея имени на площади, гдѣ нынѣ возвышается ея монументъ. А русскіе замѣстители де-Рибаса храмъ этотъ забросили. Къ пріѣзду француза Ришелье онъ представлялъ груду развалинъ.

Вопросъ о томъ, надо ли характеризовать Одессу какъ русскій или иностранный городъ, неоднократно поднимался. Греческіе и албанскіе поселенцы, нѣмцы, швейцарцы-колонисты, французы, итальянцы, евреи, караимы составляли не основное населеніе Одессы, а, такъ сказать, поверхностное; но по этой-то именно причинѣ иностранцы и были въ Одессѣ больше на виду, нежели русскіе. Дѣятельность одесскаго порта была вся въ рукахъ иностранцевъ. Ни одинъ русскій торговецъ не занимался, напримѣръ, экспортомъ хлѣба (за исключеніемъ купцовъ Ильи и Якова Новиковыхъ), а также ни одинъ русскій купецъ не выписывалъ товаровъ изъ-заграницы (кромѣ впослѣдствіи Яловикова).

За то — и это надо разъ навсегда запомнить — вся внутренняя русская торговля въ Одессѣ была цѣликомъ въ русскихъ рукахъ.

Не знаю, извѣстенъ ли интересный эпизодъ временъ пребыванія въ Одессѣ Императора Николая I въ 1829 году.

Государь знакомился съ положеніемъ города и расспрашивалъ всѣхъ именитыхъ гражданъ и негоціантовъ о при-

Откуда взялись деньги на торговое развитіе Одессы? — Ихъ привезли въ нашъ городъ купцы. Многіе крупные капиталы были привлечены къ намъ изъ Россіи: изъ Орла, Тулы, Калуги, Курска, Елисаветграда и другихъ городовъ.

Пока русскіе купцы оборачивались русскими деньгами, иностранцы, занимавшіеся экспортомъ русскаго хлѣба заграницу, привлекали въ Одессу иностранные капиталы. Вслѣдъ за купцами поселились въ Одессѣ помѣщики, а тамъ пошли чиновники, ремесленники, земледѣльцы и т. д.

Чѣмъ городъ былъ дѣятельнѣе и богаче, тѣмъ, благодаря умѣлому и просвѣщенному управленію его первыхъ начальниковъ, онъ становился привлекательнѣе.

Море, театръ, лиманы, общій тонъ жизнерадостности довершили дѣло торговли.

Хочется мнѣ указать еще на одно существенное обстоятельство.

Не только условія жизни создали успѣхъ Одессы. Она всецѣло обязана еще многимъ отдѣльнымъ личностямъ. И въ числѣ этихъ личностей надо считать многихъ первыхъ одесскихъ русскихъ купцовъ.

Въ первые дни Одессы купцы были не только торговцами. Они еще занимали всякія административныя должности, были членами магистрата, сиротскаго и гласнаго суда и т. д. Все касающееся судьбы Одессы было дорого купечеству.

Въ 1801 году, по восшествіи на престолъ Государя Александра I, къ нему была отправлена изъ Одессы депутація отъ купечества. Насколько русскіе купцы тогда въ Одессѣ преобладали—можно судить по составу депутатовъ: это были: Илларіонъ Портновъ, Евтѣй Кленовъ, Иванъ Замятинъ, Иванъ Андросовъ, Корнѣй Бодянскій, Иванъ Константиновъ, Мануилъ Лашкаревъ, Іосифъ Сапожниковъ, Петръ Родиди, Панаіотъ Варвати и Ѳедоръ

Зайченко. Во главѣ депутаціи состоялъ любимецъ одесскихъ гражданъ Михаилъ Кирьяковъ.

Депутація была принята Государемъ — и вскорѣ Одессѣ указами отъ 24-го января и 18-го марта 1802 г. были возвращены всѣ милости, дарованныя ей Екатериною при де-Рибасѣ.

Но...—и въ этомъ грустная сторона исторіи—умерли прежніе люди, умерли старые торговые и общественные дѣятели, умерли тѣ, кто, какъ родникъ, давалъ жизнь Одессѣ изъ себя—и пошли послѣ отцовъ ихъ дѣти.

Эти дѣти—это представители нынѣшняго купеческаго поколѣнія. Звучатъ и понынѣ громкія имена... Но, увы! лишь только имена, а не громкія дѣла...

Любопытно, что уже въ 1845 году, т. е. всего 50 лѣтъ послѣ основанія Одессы, раздавались грустныя жалобы на то, что прежніе русскіе купцы исчезли со сцены одесской жизни:

Гдѣ теперь дѣти именитыхъ почтенныхъ нашихъ торговцевъ согражданъ? – восклицаетъ одинъ одесскій старожилъ въ «Одесскомъ Вѣстникѣ», где дѣти Кленова, Портнова, Замятина, Бодянскаго, Лашкарева, Ивана Андросова, Протасова, Ростовцева, Сапожникова, Кошелева, Томилина, Бирюкова, Кушнарева?—О гг. Авчинниковыхъ, Семенѣ Андросовѣ, Великановѣ, Черепенниковѣ и др. не говорю. Ихъ дома доселѣ поддерживаются и цвѣтутъ торговлею внутреннею».

Это было сказано въ 1845 году. А мы, нынѣ, можемъ съ такою же печалью воскликнуть: «гдѣ дѣти Авчинниковыхъ, Андросовыхъ, Великановыхъ, Черепенниковыхъ и многихъ, многихъ другихъ?».

О томъ, какъ, при какихъ обстоятельствахъ «исчезли дѣти нѣкоторыхъ купцовъ, можно судить по примѣру того же Чурилова, характеристикой котораго я началъ мой очеркъ.

Умеръ Иванъ Петровичъ Чуриловъ, и желѣзно-скобяное дѣло его въ Одессѣ перешло въ руки жены и сына. Лавки были переполнены товарами и помѣщались въ собственныхъ домахъ... Но не долго процвѣтала старая торговля.

Прошли времена, когда старикъ отецъ, сидя по вечерамъ передъ сальною свѣчею,—на которую, для смягченія свѣта надѣвался стеклянный глобусъ съ водою, самъ велъ свои торговыя книги. Сынъ его, Семенъ Ивановичъ, хорошій, честный купецъ, но безъ природной самодѣятельности, отдался вліянію приказчиковъ и разныхъ дѣльцовъ. Вмѣсто чистаго желѣзнаго дѣла, сталъ заниматься скупкою лѣса въ Бессарабіи. Сталъ отлучаться подолгу изъ дому. Появилась въ его компаніи какая-то княгиня. Пошли кутежи. Рискованныя аферы сопровождались крупными потерями—и по немногу всѣ отцовскіе капиталы пошли прахомъ.

Умеръ Иванъ Петровичъ Чуриловъ, умеръ и сынъ его, Семенъ Ивановичъ. Оба похоронены въ Одессѣ. Остались въ живыхъ три дочери его въ полной бѣдности. И послѣ тѣхъ временъ, когда онѣ, будучи дѣтьми, завидя на улицѣ нищаго, стремглавъ бросались изъ дому, чтобы призвать къ себѣ бѣдняка и пріютить и накормить его, нынѣ имъ приходится самимъ просить чуть ли не милостыню — и тщетно добиваться убѣжища въ городскихъ пріютахъ...

Пушкинъ въ Одессѣ.

Въ первые дни Одессы въ ней, понятно, не было гостиницъ. Каждый жилъ у себя.

Всѣ явившіеся на зовъ де-Рибаса пришельцы стали сразу собственниками и домовладѣльцами. Имъ было сказано: вотъ вамъ земля, вотъ вамъ камень, стройтесь и живите.

Бѣглые крестьяне, бродячій, бездомный людъ нашли въ Одессѣ убѣжище, кровъ и безопасность.

У нихъ не было паспортовъ, да никто ихъ и не спрашивалъ. Создатели Одессы рады были всѣмъ, даже преступникамъ, лишь бы они были человѣками, лишь бы они оставались здѣсь — не уходили.

И стали бѣглые люди осѣдлыми и принялись они за устройство своихъ жилищъ.

Къ нимъ присоединились солдаты, окончившіе трудную службу въ походахъ Румянцева, Суворова, Рѣпнина, Потемкина, запорожцы изъ разогнанной Сѣчи, матросы гребной черноморской флотиліи, совершившіе столь великіе подвиги на Дунаѣ и подъ стѣнами Измаила, греки, только что возстававшіе противъ Турціи, чтобы помочь Россіи, рабочіе изъ солдатъ и добровольцевъ, вбившіе первыя сваи Платоновскаго мола и заложившіе собственными руками первыя каменныя основанія Одессы. Всѣ они, всѣ эти труженики, которымъ Одесса обязана своею жизнью, составили вмѣстѣ съ тѣмъ и первый осѣдлый ея элементъ.

А надъ ними, показывая имъ примѣръ и направляя ихъ первые шаги, офицеры арміи Потемкина, приближенные де-Рибаса, чиновники Платона Зубова, инженеры-строители де-Волана, греческіе и итальянскіе негоціанты, русскіе подрядчики и купцы, поставщики и маркитанты.

Домъ за домомъ, лавка за лавкою, строился городъ— и не было надобности въ немъ въ гостиницѣ, потому что каждый строилъ въ немъ свой домъ для себя.

Но вотъ, вслѣдъ за строителями города, потянулись къ нему чумаки съ возами съ запасами строительнаго лѣса, всякаго товара, обозы съ хлѣбомъ, съ провіантомъ. Надо было возамъ разгрузиться и надо было чумакамъ отдохнуть, чтобы на утро, смазавъ колеса дегтемъ и саломъ, пуститься въ далекій обратный путь по невылазной грязи.

И были устроены въ Одессѣ такъ называемые заѣзжіе дома—подобіе которыхъ можно видѣть и теперь въ подворьяхъ для овидіопольскихъ подводъ. Скрипъ возовъ, жующіе волы, сладкая горилка.

Когда же, вмѣстѣ со своей пшеницей, стали пріѣзжать въ Одессу и помѣщики изъ Польши, Подоліи, Бессарабіи и Новороссійскихъ степей, а пріѣзжали они со всей своею челядью въ передвижныхъ домахъ—огромныхъ тарантасахъ, съ провизіей въ широкихъ внутреннихъ карманахъ и съ запыленными сундуками позади—то понадобилось приготовленіе для этихъ богатыхъ гостей болѣе комфортабельныхъ помѣщеній.

Такими заѣзжими домами для «чистой» публики служили въ первыя времена Одессы два подворья: Сикарда на Садовой улицѣ и Рено на углу Ланжероновской и Ришельевской.

Подворье Сикарда существовало еще, сравнительно, недавно. Подворье Рено изъ заѣзжаго дома стало гостиницей и даже называлось «Hotel Renaud

Въ отелѣ Рено останавливались впослѣдствіи всѣ французы, привлеченные въ Одессу герцогомъ Ришелье и графомъ Ланжерономъ, а потомъ и многіе изъ военной свиты и чиновниковъ, пріѣхавшихъ изъ Петербурга въ Одессу для службы подъ начальствомъ князя Воронцова.

Я уже говорилъ, что вмѣстѣ съ Воронцовымъ и его супругою, урожденною Браницкою, прибыла въ Одессу, кромѣ чиновниковъ и военныхъ, еще блестящая свита аристократической русской и польской молодежи.

Отель Рено находился такъ близко къ театральной площади, кулисы театра были такъ широко открыты для любителей красоты и музыки и оперныя артистки были такъ обворожительны, что между обитателями отеля и жрицами театра завязывались самыя оживленныя отношенія.

Театральная площадь была въ тѣ давнія времена маленькимъ римскимъ форумомъ: окаймляли ее домъ Ришелье, отель Рено, домъ градоначальника, театръ, зданіе думы, открытая колоннада (на мѣстѣ которой впослѣдствіи былъ построенъ музей общества древностей) и дома, отдѣлявшіе площадь отъ бульвара. На площади царило постоянное оживленіе.

Однажды, въ двадцатыхъ годахъ прошлаго столѣтія, послѣ сытнаго обѣда, поданнаго въ ресторанѣ отеля Рено отличнымъ французскимъ поваромъ Отономъ (отцомъ извѣстнаго впослѣдствіи въ Одессѣ архитектора), на театральную площадь, единственную въ городѣ свободную отъ пыли и грязи, вышли два недавно пріѣхавшіе изъ Петербурга въ Одессу, оба жившіе въ отелѣ Рено, гостя. Одинъ изъ нихъ Ф. Ф. Вигель, другой—А. С. Пушкинъ.

Они повели оживленную бесѣду. Вигель былъ въ мрачномъ настроеніи вслѣдствіе неудачъ по пріисканію себѣ въ Одессѣ службы. Пушкинъ, наоборотъ, несмотря на то, что онъ былъ въ Одессѣ изгнанникомъ и только что

вернулся изъ обидной для его поэтическаго самолюбія командировки въ экспедицію по истребленію саранчи, былъ необыкновенно веселъ. Онъ съ полною душевною безпечностью относился къ своему чиновному положенію, острилъ, шутилъ, импровизировалъ эпиграммы на Воронцова и посвящалъ Вигеля въ прелести одесской жизни. Его разговоръ былъ такъ легокъ и остроуменъ, что, какъ говоритъ о немъ Вигель въ своихъ воспоминаніяхъ, онъ «какъ-бы электрическими прутиками касался моей черными думами отягченной головы». Вигель разсказывалъ Пушкину про его Петербургскихъ друзей, и, конечно, передалъ ему, что Жуковскій и Блудовъ, передъ отъѣздомъ Вигеля въ Одессу, рекомендовали ему повліять какъ-нибудь на Пушкина, чтобы отвлечь его отъ «неосторожныхъ поступковъ». Но поэтъ былъ на этотъ разъ такъ безконечно жизнерадостенъ, что, не обращая вниманія на мрачное настроеніе товарища, продолжалъ шутить и «съ безпечностью, съ которою онъ смотрѣлъ на свое горе, заставлялъ Вигеля забывать и собственное».

Перешелъ разговоръ на поэзію, на то, что создалъ Пушкинъ въ Кишиневѣ и въ Одессѣ, и полились изъ устъ поэта одна за другою безсмертныя строфы «Евгенія Онѣгина».

Вигель, какъ онъ выразился, слышалъ въ Одессѣ «примёры» дивной пушкинской поэмы.

Но Пушкинъ, въ своихъ бесѣдахъ, не однѣми лишь шутками и не одними лишь стихами плѣнялъ своихъ друзей.

Бывало, посреди пустаго, забавнаго разговора изъ глубины души его или сердца вылетаетъ свѣтлая, новая мысль, которая изумитъ собесѣдника, которая покажетъ всю обширность его разсудка. Говоръ со смѣхомъ и презрѣніемъ о шалунахъ—товарищахъ петербургской жизни,

смѣнялся нѣжными воспоминаніями о педагогахъ, которые были строги къ нему въ лицеѣ».

И долго вели друзья бесѣду. Пушкинъ, по словамъ Вигеля, былъ радъ собесѣднику. Онъ только что поселился въ Одессѣ. Въ Бессарабіи звуки лиры его раздавались въ безмолвіи, а тутъ «въ той же пустынѣ, но только шумной». И онъ искалъ случая разболтаться, открыть свою душу.

Бесѣда затянулась; повѣяло соленымъ воздухомъ съ моря; наступилъ вечеръ и потемнѣло синее небо.—Тамъ-сямъ зажглись фонари и звѣзды.

Огромный, бѣлый городской театръ залитъ свѣтомъ... отъ масляныхъ фонарей и плошекъ.

Пора намъ въ оперу скорѣй!».

Сегодня тамъ даютъ «Семирамиду» Россини — того упоительнаго Россини, котораго вся Европа считала своимъ баловнемъ, своимъ Орфеемъ.

Семирамида» требовала роскошной обстановки. Чуть ли не всѣ солдаты мѣстнаго гарнизона были призваны принять участіе въ шествіи царицы. Въ оперѣ танцовалъ балетъ.

Карета за каретою подкатываютъ къ заколонному подъѣзду театра, — Пушкинъ и Вигель едва пробрались сквозь толпу. Почти всѣ ложи и первыя мѣста партера были тогда абонированы одесскими негоціантами, помѣщиками и лицами свиты Воронцова.

Сегодня театръ полонъ. Въ партерѣ въ первомъ ряду, среди аристократической молодежи, чиновники Воронцова: Алексѣй Иракліевичъ Левшинъ, такъ много сдѣлавшій для просвѣщенія Одессы, гвардіи полковникъ А. И. Казначеевъ, бывшій впослѣдствіи въ Одессѣ губернаторомъ, Никаноръ Михайловичъ Лонгиновъ и другіе. Вотъ кутила графъ Самойловъ, вотъ Александръ Львовичъ Давыдовъ, знаменитый составитель гастрономическаго маршрута по Европѣ, со своимъ племянникомъ Раевскимъ, другомъ Пушкина, который посвятилъ ему своего «Демона». Вотъ Нарышкины, Голицыны, Долгорукіе, Исленьевы, Кирьяковы, Курисы, Скаржинскіе, Потоцкіе; вотъ Спада, вотъ отецъ моего отца, русскій маіоръ въ отставкѣ, неаполитанскій консулъ, Феликсъ де-Рибасъ.

И среди пестрой толпы молодежи великолѣпный изъ великолѣпныхъ отставной корсаръ» Морали, выходецъ изъ Египта. Высокаго роста красно-бронзовый красавецъ, въ красной рубахѣ, поверхъ которой красная суконная куртка, роскошно вышитая золотомъ. Короткіе шаровары, турецкая шаль, вмѣсто пояса, изъ многочисленныхъ складокъ которой выглядывали пистолеты. Обувь— турецкіе башмаки, чулки доходящіе до колѣнъ; на головѣ, окутывая ее, бѣлая шаль.

Немудрено, что вся публика засматривалась на этого красавца. Смотрѣлъ на него и воспѣвшій его впослѣдствіи Пушкинъ. Но вниманіе поэта было вскорѣ отвлечено другою, болѣе притягательною для любящаго сердца, красотою.

Въ ложѣ бенуара, справа отъ сцены, появилась Ризничъ, жена одесскаго негоціанта, бывшаго впослѣдствіи директоромъ городского театра. За нею ея мужъ и молодежь. Много было въ другихъ ложахъ интересныхъ одесскихъ женщинъ, которыхъ лорнировали со всѣхъ концовъ партера. Красавицы польки Потоцкія, Сабанскія, Пшездецкія, графиня Ланжеронъ, Голицына, жены пріѣзжихъ чиновниковъ и военныхъ, ослѣпляли своими взорами, чаровали своими улыбками, пробуждали къ жизни своимъ звонкимъ голосомъ весь театръ...

Но Пушкинъ въ этотъ вечеръ былъ влюбленъ только въ одну.

Онъ глядѣлъ всѣмъ своимъ пылающимъ взоромъ на ложу, въ которой молодая негоціантка, блистая самолюбивою и томною красотою, была окружена толпой рабовъ.

Но вотъ взмахнулъ палочкой Дзанотти, раздались первые звуки увертюры Россиніевской Семирамиды, и все въ залѣ замерло. Безъ трубъ, безъ барабана, построенная почти вся на струнныхъ инструментахъ, увертюра, давая постепенное наростаніе одной и той же захватывающей мелодіи, переходя отъ піанисимо къ фортисимо и отъ lento къ presto-prestissimo, такъ увлекла слушателей куда-то въ надземный міръ, что имъ было не до земной любви.

Потомъ запѣла Морикони...

Когда мой отецъ, видѣвшій лично и Пушкина и Морали и слышавшій «собственными ушами» Морикони, вспоминалъ о ней, то на нашъ вопросъ о свойствѣ ея пѣнія онъ только махалъ рукой... дескать, все равно ничего не поймете.

Говорятъ, она была божественна.

Увлекся ею и Пушкинъ, а все же чаще смотрѣлъ онъ не на сцену.

Г-жа Ризничъ—тоже: она и слушаетъ оперу и не слушаетъ. И не знаетъ чему отдать вниманіе: каватинѣ ли Семирамиды, или мольбамъ своихъ поклонниковъ, старавшихся то шутками, то комплиментами привлечь на себя ея очаровательные взоры.

А мужъ ея, утомленный отъ дневныхъ коммерческихъ заботъ о прибывшихъ и ушедшихъ корабляхъ, въ углу за кресломъ жены, полуспитъ. Быть можетъ, онъ такъ привыкъ къ итальянской музыкѣ, что слышитъ ее и во снѣ. Въ лучшихъ мѣстахъ оперы онъ вдругъ съ просонокъ прокричитъ: фора! зѣвнетъ и захрапитъ снова.

Въ антрактахъ публика переходитъ изъ ложи въ ложу. Почти всѣ одесситы другъ съ другомъ знакомы. Говорятъ на всѣхъ діалектахъ.

Здѣсь будетъ кстати сказать, что было время, когда въ Одессѣ русскій языкъ былъ такимъ же общеевропейскимъ, какъ нынѣ французскій. Чтобы понять другъ друга надо было говорить по-русски. Грекъ не могъ бы понять француза, какъ итальянецъ не могъ бы понять нѣмца (колониста изъ Люстдорфа или Либенталя), если бы каждый изъ нихъ не научился говорить по-русски.

Основою одесскаго русскаго языка былъ языкъ русскихъ солдатъ и запорожскихъ казаковъ и всѣхъ русскихъ рабочихъ по основанію Одессы. По-русски говорили и всѣ начальствующія лица города. Самъ де-Рибасъ, хотя скверно, но писалъ свои приказы по-русски, и де-Воланъ, какъ голландецъ, не могъ-бы быть понятымъ рабочими, если бы не говорилъ по-русски. Вся администрація, всѣ чиновники Зубова, не говоря уже о духовенствѣ, знали только одинъ русскій языкъ. Герцогъ Ришелье—аристократъ-французъ—обращался къ населенію, къ купечеству, къ рабочимъ по-русски. Извѣстна его простая, но глубоко дышавшая патріотизмомъ, произнесенная имъ по-русски, рѣчь, призывавшая одесситовъ въ 1812 году къ жертвамъ на алтарь общаго отечества. Графъ Ланжеронъ также говорилъ по-русски, да и не удивительно: онъ съ момента взятія Измаила служилъ въ русскихъ войскахъ и совершилъ съ ними всѣ ихъ походы,—но говорилъ онъ скверно.

Со времени же Воронцова—русскій языкъ сталъ въ Одессѣ господствующимъ, и вся прибывшая съ нимъ чиновная и знатная свита говорила не иначе, какъ по-русски; французскаго гримасничанья тогда одесситы еще не знали.

Надо сказать еще, что въ самые первые дни театральной жизни Одессы въ городскомъ театрѣ, въ перемежку съ итальянскою оперою, давались и русскія представленія.

Мнѣ хотѣлось бы хоть слегка разсѣять существующее предубѣжденіе, будто прежняя, старая Одесса

была настолько иностранная по духу и по языку, что русскій элементъ имѣлъ въ ней лишь второстепенное значеніе. Напротивъ, русскій элементъ былъ въ Одессѣ тѣмъ основнымъ фономъ, на которомъ жизнь иностранцевъ разворачивалась, какъ пестрая декорація.

Но между всѣми народностями, населявшими тогда Одессу, царила такая искренняя вѣротерпимость и такое человѣческое пониманіе другъ друга, что всѣ чувствовали себя въ новонародившемся городѣ, какъ у себя на родинѣ.

Безъ насильственнаго воздѣйствія со стороны администраціи, народности сживались на почвѣ общихъ интересовъ, обмѣниваясь другъ съ другомъ и знаніями, и мыслями, и силами. И не было между ними вражды, а если было соперничаніе, то лишь въ области торговли и искусства.

Но... прозвучали послѣдніе аккорды Россиніевской Семирамиды. Умерла въ страданіяхъ царица Вавилона. И сразу, съ шумомъ и говоромъ, бросилась публика къ единственному для нея выходу изъ театра, въ сторону колоннъ (позже былъ сдѣланъ еще выходъ съ Ришельевской улицы, гдѣ теперь фасадъ новаго театра).

Прогремѣлъ финалъ, опустѣла зала; шумъ, — торопится разъѣздъ, толпа стремится вся къ театральной площади, освѣщенной звѣздами и фонарями. Итальянцы и любители итальянской музыки слегка поютъ игривые мотивы, сами собою проникшіе въ ихъ душу, и даже Пушкинъ, подобно сынамъ Авзоніи, такъ увлекся оперою, что тоже пропѣлъ, или, какъ онъ самъ выразился, проревѣлъ только-что слышанный речитативъ.

По окончаніи спектакля куда идти?—одни спѣшатъ къ кулисамъ театра со стороны нынѣшняго Пале-Рояля, чтобъ подождать выхода артистовъ.—Ее—божественную Мориконі—оглушатъ рукоплесканіями, забросаютъ цвѣтами, а можетъ быть по отпряжкѣ лошадей, привезутъ въ каретѣ запряженной молодежью.—Другіе пойдутъ ужинать къ Папѣ-Коста, тому самому, котораго такъ забавно воспѣлъ Аммосовъ. Ресторанъ его былъ на углу Дерибасовской и Ришельевской, въ домѣ долго принадлежавшемъ Портновымъ, а потомъ перешедшемъ къ Ралли. Здѣсь собирались, главнымъ образомъ, греки и итальянцы, и, вообще, морскіе люди.

Третьи пойдутъ ужинать къ Отону. Иные отправятся по домамъ. Многіе, любители ночныхъ приключеній, поѣдутъ кутить на окраинныя кривыя улицы Одессы.

Но найдутся и картежники... Для нихъ, подъ комнатами Казино въ отелѣ Рено, въ подвалахъ, были готовы игральныя залы... Звенѣло тамъ золото и разгоралась тамъ худшая изъ всѣхъ страстей—страсть любостяжанія...

Пушкинъ, впрочемъ, былъ такъ бѣденъ въ Одессѣ, что когда посѣщалъ подвалы Казино, врядъ ли принималъ участіе въ игрѣ, хотя любилъ ее.—Въ этотъ вечеръ онъ весь былъ подъ обаяніемъ только-что видѣнной красавицы, которую потомъ онъ такъ ревниво и такъ элегически воспѣлъ.

...Но поздно. Тихо заснула Одесса. Наступила темная, нѣмая, бездыханная ночь. Взошла поздняя луна. Все небо окуталось прозрачно-легкою завѣсою. Все молчитъ;—шумитъ лишь только Черное море...

Пушкинъ и Амалія Ризничъ.

На «пунтѣ», въ концѣ Платоновскаго мола, куда съѣзжались всѣ одесскіе негоціанты, моряки и простые обыватели, желавшіе послѣ знойнаго дня подышать свѣжимъ воздухомъ открытаго моря, корабль былъ уже готовъ къ отплытію. Но паруса его еще были связаны и засмоленный канатъ еще удерживалъ его порывы. Капитанъ нетерпѣливо поглядывалъ въ сторону Польскаго спуска: вѣтеръ начиналъ свѣжѣть — жаль было упустить благопріятный моментъ для поднятія парусовъ. Но вотъ карета за каретою. Вотъ дрожки съ молодежью. А вотъ и Яблоновскій. Онъ распоряжается отъѣздомъ красавицы негоціантки г-жи Ризничъ, успѣвшей за свое краткое (всего одинъ годъ) пребываніе въ Одессѣ вскружить головы столь многимъ сумасбродамъ. Яблоновскій взбирается на корабль, вноситъ въ предназначенную для Ризничъ каюту цвѣты, распоряжается убранствомъ помѣщенія, бранитъ капитана, бранитъ прислугу. А вотъ вслѣдъ за ними и панъ Собаньскій. Онъ тоже съ цвѣтами, онъ тоже суетится. Но онъ терпѣть не можетъ своего соперника Яблоновскаго, точно также, какъ тотъ ненавидитъ Собаньскаго.— А это кто же на набережной въ ожиданіи отъѣзжающей? Это еще одинъ ея поклонникъ—нашъ милый поэтъ Туманскій.

Корабль качается, волны заигрываютъ съ нимъ. Капитанъ ругается.—Но вотъ и она!.. А за нею цѣлая вереница еще многихъ экипажей и дрожекъ.

Въ привезшемъ ее экипажѣ, рядомъ съ ней, не мужъ ея Иванъ Ризничъ. Онъ выѣхалъ изъ Одессы сухопутью двумя мѣсяцами раньше, нарочно, чтобы не сопровождать ее. Рядомъ съ красавицей блѣдный и печальный Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ. Изъ всѣхъ поклонниковъ онъ одинъ удостоился послѣдняго съ ней свиданія.

Амалія Ризничъ, высокая, стройная, въ своемъ любимомъ длинномъ черномъ платьѣ и въ фетровой, à la Louis XIII, мужской шляпѣ, что придавало ей видъ не то мушкатера, не то амазонки. Но чудные, знаменитые своею длиною, волосы она заплела и свернула вокругъ головы въ роскошную косу. Она тоже блѣдна и печальна. Она прерываетъ страстныя слова поэта вопросомъ о своемъ ребенкѣ. Но онъ уже здѣсь. Его держитъ на рукахъ кормилица.

Еще такъ недавно царица одесскихъ салоновъ, соперница графини Е. К. Воронцовой по пріему гостей, покровительница всѣхъ артистовъ итальянской оперы въ Городскомъ театрѣ, директоромъ котораго состоялъ ея мужъ, счастливица, окруженная блестящею свитою поклонниковъ, которыхъ она заражала своею жизнерадостью — г-жа Ризничъ уѣзжала теперь одна, безъ мужа, въ глубокомъ горѣ. И на штуки Собаньскаго, на усердные хлопоты Яблоновскаго, на дружескія слова Туманскаго, на поэтическія стенанія Пушкина—въ ея очаровательныхъ глазахъ не было привѣтливой отвѣтной улыбки.

Ризничъ уѣзжала, покинутая мужемъ, который не могъ простить ей ея свѣтскія увлеченья. Напрасно думалъ Пушкинъ, что ревнивый мужъ дремалъ въ своей театральной ложѣ, когда блестящая молодежь, въ антрактахъ оперы «Семирамида», ухаживала за его красавицей женою.

Но можно ли было въ Одессѣ двадцатыхъ годовъ прошлаго столѣтія не отдаваться вихрю свѣтскихъ наслажденій! И могла ли прелестная иностранка, жена мил-

лiонера-негоцiанта, увлекавшагося больше хлѣбными операцiями, нежели своими супружескими обязанностями, не прислушиваться къ страстнымъ рѣчамъ своихъ молодыхъ поклонниковъ! Ризничъ не говорила по-русски. Она была полу-нѣмка, полу-итальянка. И для нея были особенно очаровательны признанья, которыя она понимала больше по тону, нежели по языку.

Пушкинъ писалъ ей въ альбомъ, въ 1824 году, какъ разъ передъ самымъ ея отъѣздомъ изъ Одессы:

На языкѣ тебѣ невнятномъ
Стихи прощальные пишу;
Но въ заблужденiи прiятномъ
Вниманья твоего прошу. и т. д.

Могла ли не отдаться чуткая, умная молодая женщина рѣчамъ и чарамъ влюбленнаго поэта!

Ризничъ не была принята при «дворѣ» Воронцовыхъ и это сильно язвило ея самолюбiе. Свита графини состояла изъ молодыхъ аристократовъ Голицыныхъ, Нарышкиныхъ, Исленьевыхъ, изъ знатныхъ поляковъ, особенно любезныхъ Воронцовой, урожденной Браницкой, и изъ петербургскихъ чиновниковъ, отличавшихся гораздо болѣе свѣтскимъ блескомъ, нежели усердiемъ къ службѣ. Одесской мѣстной молодежи надо было выбирать: идти ли къ блестяще-чопорному «двору» лорда Воронцова, или въ радушные салоны негоцiанта Ризнича. Объ этомъ шли толки, распри. Въ Одессѣ открыто говорили о соперничаньи двухъ царицъ.

Пушкинъ познакомился съ мужемъ Ризничъ еще до его женитьбы, во время своихъ кратковременныхъ прiѣздовъ изъ Кишинева въ Одессу. Онъ посѣщалъ тогда дома многихъ одесскихъ негоцiантовъ: француза Сикара на Садовой ул., серба Лучича на Александровскомъ проспектѣ и трiестинца Ризнича, на Херсонской, гдѣ теперь гимназiя г-жи Пашковской. Потомъ Ризничъ уѣхалъ заграницу и вернулся въ Одессу съ молодой женою, въ iюнѣ 1823 года, какъ разъ тогда, когда Пушкинъ окончательно переселился сюда, въ качествѣ чиновника при канцелярiи только что назначеннаго новороссiйскаго генералъ-губернатора, графа, впослѣдствiи свѣтлѣйшаго князя, М. С. Воронцова.

Сначала обласканный Воронцовымъ, потомъ подвергшiйся его преслѣдованiямъ за слишкомъ вольный образъ жизни и за невоздержанность въ рѣчахъ и въ стихахъ, Пушкинъ бывалъ, но рѣдко, на вечерахъ графини и предпочиталъ общество красавицы Амалiи. Но Ризничъ, благодаря обширнымъ коммерческимъ связямъ мужа и его большому богатству, была сразу окружена такимъ сонмомъ поклонниковъ, что любящiй и увлекающiйся поэтъ былъ постоянно терзаемъ муками ревности. Напрасно Раевскiй, Александръ Николаевичъ, другъ Пушкина, хотя и имѣвшiй на него «демоническое» влiянiе, старался отвлечь его отъ красавицы Амалiи и употреблялъ всѣ усилiя, чтобы вернуть Пушкина ко двору Воронцовой, въ которую онъ, Раевскiй, былъ самъ безумно влюбленъ, поэтъ не отрывался отъ Ризничъ и соперничалъ въ ухаживанiи за нею съ такими ничтожными въ сравненiи съ нимъ людьми, какъ Яблоновскiй и Собаньскiй.

Какъ относился легко Пушкинъ къ Воронцовой, можно судить по отрывку его письма изъ Одессы къ двумъ кишиневскимъ дамамъ, въ которомъ онъ предлагаетъ «нарисовать имъ Воронцову въ восьми позахъ Аретина».

Къ Ризничъ его любовь была, хотя и съ сильнымъ оттѣнкомъ чувственности, но болѣе крѣпка и чиста.

Свѣтская жизнь въ Одессѣ въ 1824 г. была подобна безпрерывному празднику. Вечера, собранья, танцы, игра въ карты, театръ, прогулки за городъ, кавалькады. Ризничъ, захваченная вихремъ наслажденiй, едва оправившись

отъ родовъ, до того отдалась этой жизни, что перестала совсѣмъ принадлежать своему семейному очагу. Настала размолвка съ мужемъ, а затѣмъ и вынужденный ея отъѣздъ изъ Одессы.

Какъ сонъ, какъ вихрь, какъ взрывъ фейерверка, прошелъ этотъ годъ—отъ іюня 1823 года по май 1824.

Бѣдная Ризничъ взбиралась на корабль, прощаясь съ друзьями, холодная, нѣмая, отказывая въ послѣднемъ поцѣлуѣ любимому поэту.

Раздался грохотъ и хлопанье освобожденныхъ парусовъ; сняты мостки, поднятъ якорь. Вѣтеръ, какъ рѣзвый конь, запрягся въ бѣлоснѣжныя ткани. Ризничъ на палубѣ; рядомъ съ ней кормилица съ ребенкомъ. Корабль, какъ лебедь, двинулся. Толпа на набережной засуетилась; хотѣлось удержать корабль или помчаться за нимъ... Пушкинъ снялъ свою широкополую шляпу.

Свершилось. Она уѣхала. Уѣхала «для береговъ отчизны дальней, покидая край чужой». Но еще долго стояла толпа на набережной, слѣдя за исчезающими на голубомъ горизонтѣ бѣлыми крыльями.

Театральныя воспоминанія.

Послѣ сгорѣвшаго Городского театра наиболѣе симпатичнымъ и оставившимъ въ старыхъ одесситахъ наилучшія воспоминанія былъ театръ Маріинскій. Его тоже нѣтъ уже...

Построенъ онъ былъ въ Театральномъ переулкѣ на мѣстѣ и въ зданіи французскаго цирка Гютемана. Круглый залъ, открытыя ложи, амфитеатръ, галерка. Прекрасная, удобная галерка—безъ нумераціи и безъ отдѣльныхъ мѣстъ. Публика сидѣла на ступеняхъ амфитеатра, подобно римлянамъ. Чтобы попасть на переднія ступени, нетерпѣливая молодежь собиралась къ театру за два часа до начала представленія и вваливалась въ открывавшіяся двери веселою и шумною гурьбою. По поводу такого же устройства галлереи въ театрѣ Эрмитажъ, за Строгановскимъ мостомъ, я писалъ уже, что отсутствіе нумераціи мѣстъ много содѣйствовало симпатичному сближенію публики. Въ патетическихъ моментахъ молодежь легче зажигалась общимъ настроеніемъ и знакомые и незнакомые экспансивнѣе дѣлились своимъ восторгомъ или смѣхомъ.

Большой вопросъ—что лучше въ театрѣ: удобство сидѣнія или удобство общенія.

Въ Италіи, въ старыхъ театрахъ, есть въ партерѣ особо огороженныя для любителей музыки мѣста. Здѣсь публика не имѣетъ сидѣній вовсе. Она стоитъ, тѣсно сжимаясь въ одну кучу. Неудобно, жарко. А настроеніе при-

поднятое, души чуткія, и не раздавалась на сценѣ ни одна искренно спѣтая арія, которая не вызывала-бы въ этой толпѣ одного общаго восторженнаго трепета. Успѣхъ оперы или артиста въ Италіи создается именно этою частью публики.

Маріинскій театръ, какъ я уже говорилъ, былъ выстроенъ изъ бывшаго зданія цирка. Крыша была такъ тонка, что когда по ней ходили коты, то шумъ ихъ шаговъ раздавался въ залѣ. Однажды давали пьесу «Преступленіе и Наказаніе» (не Достоевскаго). Это было во времена антреprизы Лелева. Въ первомъ дѣйствіи, когда разыгрывалась тяжелая сцена прощанія съ матерью сына, осужденнаго на 12 лѣтъ каторги, и вся публика замерла, вслушиваясь въ душу раздирающія слова мелодрамы, вдругъ на крышѣ театра раздался шумъ шаговъ кошекъ и отчаянные вопли ихъ любовнаго мяуканія. Легко вообразить себѣ происшедшій переполохъ. Въ залѣ поднялся неудержимый хохотъ, актеры остановились, Лелевъ, игравшій сына, прервалъ свой монологъ. Послали служителей разогнать котовъ. И долго публика не могла вернуть свое серьезное настроеніе.

Случалось, и довольно часто, что гасло газовое освѣщеніе. Театръ плохо отапливался; публика мерзла. А вотъ спросите стараго одессита: мѣшали ли всѣ эти неудобства хорошему настроенію публики—и онъ, въ отвѣтъ, только вздохнетъ. Многое можно было бы отдать изъ новаго, теперешняго, за возвращеніе Одессѣ временъ Маріинскаго театра.

Но прежде чѣмъ поговорить спеціально объ этомъ театрѣ, мнѣ хотѣлось бы помянуть добрымъ словомъ и прежніе одесскіе цирки.

Кто помнитъ еще циркъ Сулье на Ришельевской, первый циркъ Сура на Театральной площади или циркъ Гютемана на мѣстѣ Маріинскаго театра?

Кто помнитъ братьевъ Дубскихъ, акробатовъ Пикарди или несчастныхъ сестеръ Давене? Въ прежнее время не знали тѣхъ сѣтокъ, которыя подвѣшиваются нынѣ подъ летающими гимнастами. Цирковые артисты рисковали жизнью, и не только рисковали, но и платились ею. Одна изъ сестеръ Давене убилась, упавъ во время полета. И какіе это были полеты! Черезъ весь циркъ, на высотѣ, безъ сѣтокъ, да еще съ сальто-мортале черезъ обтянутый бумагою обручъ.

А Марта и Альбертъ Суръ! Красавцы дѣти. Она маркизою Помпадуръ, а онъ какимъ-то принцемъ. Въ строго выдержанномъ стилѣ XVIII столѣтія, подъ звуки менуэта, братъ и сестра исполняли поэтически — любовную пантомиму, восторгая публику своею природною граціею.

Возможна ли была бы въ нынѣшнихъ циркахъ постановка такихъ чисто-граціозныхъ сценъ? Почему непремѣнно нужно, теперь, чтобы расшевелить публику, кекуокъ или матчишъ?

Разыгривались прежде въ циркахъ и смѣшныя сцены. Кто не помнитъ сцены на двухъ лошадяхъ: m-r et m-me Denis или знаменитаго лорда Пломпуддинга со своимъ грумомъ?

Въ числѣ особенныхъ цирковыхъ достопримѣчательностей прежняго времени надо вспомнить и посѣщеніе Одессы—въ циркѣ Гютемана—звѣринцемъ знаменитаго Крейцберга.

Ну, да Богъ съ нимъ, съ циркомъ. Охотно перехожу къ воспоминаніямъ о Маріинскомъ театрѣ.

Неувядаемая, но, увы, увядшая и давно, въ нищетѣ, сошедшая въ могилу, красавица мадамъ Келлеръ, антрепренерша французской труппы Маріинскаго театра!

Les Brigands (Разбойники) Оффенбаха. Пагани дирижеръ. Бодрый оркестръ. Живо спѣвшійся хоръ.

Ce sont les bottes, les bottes, les bottes
Les bottes des carabiniers du roi.

Сапоги тѣхъ самыхъ карабинеровъ, которые по несчастной случайности «par un malheureux hasard» всегда являются слишкомъ поздно—«arrivent toujours trop tard». Чудная музыкальная и живописная оперетка, невѣдомо почему забытая. И какъ хороша въ ней была сама г-жа Келлеръ въ роли дочери бандита, звонко напѣвавшей свою свободную пѣсенку «Je suis Fiorella la blonde, la fille du bandit».

Какое множество хорошенькихъ и музыкальныхъ оперетокъ старые одесситы слышали въ Маріинскомъ театрѣ!

Barbe Bleue (Синяя борода), La sabre de mon père (Герцогиня Герольштейнская), la Perichole (Птички пѣвчія), Елена, Орфей Оффенбаха, le petit Faust Эрве, La noce aux Porcherons, La petite Mariée, Madame Angot Лекока и многія, многія другія.

Въ особенности хороши были маленькія одноактныя вещицы. Называю ихъ потому, что право не мѣшало-бы ихъ возобновить: Le maitre de chapelle, музыка Paer'a, того самаго Пера, о которомъ упоминалъ пушкинскій графъ Нулинъ въ своемъ перечнѣ петербургскихъ новинокъ. La chanson de Fortunio—прелестная оперетка Оффенбаха съ знаменитою аріею на слова Альфреда де Мюссе.

Si vous croyez que je vais dire
Qui j'ose aimer
Je ne saurais pour un empire
Vous la nommer.

А затѣмъ того же Оффенбаха и также одноактныя Le mariage aux lanternes (Свадьба при фонаряхъ) или его классическое M-r Choufleuri (Званный вечеръ съ итальянцами). Почему эти веселыя и прелестныя вещи должны оставаться навсегда неизвѣстными современному молодому поколѣнію?

Одновременно съ опереткою г-жа Келлеръ имѣла прекрасную драматическую труппу, въ составѣ которой были такія крупныя величины, какъ Шамоненъ и неподражаемо комичный Месмакеръ. Репертуаръ составленъ былъ изъ легкихъ комедій и мелодрамъ. Сама г-жа Келлеръ была не только прекрасной пѣвицей, но и очень хорошей драматической артисткой. Театръ переполненъ. Первые ряды заняты абонентами. Въ ложѣ на-право маститый графъ Строгановъ, въ шелковой ермолкѣ, съ сестрою своею г-жею Полетика. Спектакли начинались рано, въ 7 съ половиной часовъ. Въ 9 часовъ неизмѣнно графъ Строгановъ вставалъ и уходилъ изъ театра, придерживаясь режима ложиться спать и вставать рано. Рядомъ съ его ложею Новосельскій съ женою и дочерью, красавицею г-жею Бушенъ. Долгое время г-жа Бушенъ имѣла въ Одессѣ великосвѣтскій салонъ, который привлекалъ къ себѣ всѣ лучшія литературныя и аристократическія силы Одессы. Салонъ этотъ смѣнилъ прекратившіеся вечера у г-жи Папудовой. Вотъ большое семейство Юрьевичъ, вотъ Вассалъ, Родоконаки, Рандичъ, Григорій Григорьевичъ Маразли съ обоими Вучина: Ивановъ (учредителемъ Вучиновской преміи за драматическія произведенія) и красавцемъ Александромъ, холостякомъ, сгубившимъ не мало дѣвичьихъ сердецъ. Периклъ Ѳеодоровичъ Родоконаки съ моноклемъ въ глазу переходитъ отъ ложи къ ложѣ, отъ одной дамы къ другой и по близорукости такъ всматривается въ лица незнакомыхъ женщинъ, что возбуждаетъ негодованіе ихъ мужей. Около него тоже съ моноклемъ редакторъ «Journal d'Odessa» Леонъ Даниканъ, большой поклонникъ мадамъ Келлеръ. Какъ трагически окончилъ онъ свою жизнь! Онъ убилъ себя, выстрѣливъ изъ двухъ пистолетовъ одновременно—въ сердце и въ високъ.

Даниканъ былъ, вообще, интересною личностью. Въ Одессѣ онъ пристроился къ торговому дому братьевъ

Рафаловичъ, гдѣ состоялъ французскимъ корреспондентомъ и, что особенно цѣнилось въ немъ—былъ «добрымъ совѣтникомъ» въ финансовыхъ спекуляціяхъ. Рафаловичи очень любили его и всячески поддерживали въ личныхъ дѣлахъ; но Даниканъ любилъ жить очень широко.

Газета «Journal d'Odessa», принятая имъ отъ моего отца, перешедшаго на службу городу въ качествѣ директора городской публичной библіотеки, не только не давала дохода, но еще приносила Даникану убытокъ.

Помню, однако, какъ бодро и интересно она велась. Помню редакціонные вечера. Рандичъ, неудержимый каламбуристъ архитекторъ Отонъ, г. Шапеллонъ, ведшій отдѣлъ театральный и обзоръ журналовъ, Павелъ Раканье и другіе члены дружной когда-то одесской французской колоніи.

Газета оживилась въ эпоху русско-турецкой войны. Особенно трудною была ночная работа, когда получавшіяся длиннѣйшія ночныя телеграммы приходилось переводить съ русскаго на французскій. Не обходилось, вслѣдствіе поспѣшности, и безъ неправильностей въ переводѣ.

Но когда однажды русскія газеты посмѣялись надъ Даниканомъ за проскользнувшую въ одну изъ переведенныхъ телеграммъ неважную ошибку, онъ ловко отпарировалъ насмѣшку, напомнивъ «Одесскому Вѣстнику» о случившемся съ нимъ забавномъ анекдотѣ. Во время франко-прусской войны въ редакцію «Одесскаго Вѣстника», при П. Сокальскомъ, была получена изъ Парижа телеграмма, извѣщавшая, что въ этомъ городѣ былъ объявленъ общій сборъ къ оружію. Французскій текстъ гласилъ: «Ce soir on a battu la générale à Paris». Сокальскій перевелъ это словами: «Сегодня въ Парижѣ побили генеральшу» и къ довершенію анекдота сопроводилъ это извѣстіе вопросомъ въ скобкахъ—(какую)?

Рядомъ съ Даниканомъ Тработти, Порро, Рудольфъ Фельдау, Корси, Суппичичъ, Вуро, Сунди, Сикардъ, Энрико Чипріяни.

Многіе поумирали, многіе еще живы. Еще больше съ тѣхъ временъ, о которыхъ я повѣствую, людей народилось. Но гдѣ публика первыхъ театральныхъ рядовъ? Гдѣ золотая молодежь, гдѣ такъ-называемый большой свѣтъ? Гдѣ наши интересныя дамы?

Теперь въ нашихъ театрахъ «большая» публика бываетъ лишь въ торжественные дни, а Маріинскій театръ временъ г-жи Келлеръ былъ всегда свѣтелъ и жизнерадостенъ и объединялъ въ себѣ каждый вечеръ все лучшее одесское общество.

Въ немъ подвизались не одни французы. Маріинскій театръ видалъ на своихъ подмосткахъ такихъ знаменитостей итальянцевъ, какъ Пеццану-Гвальтьери и Сальвини.

Чудная Пеццана! Какъ скромно выступила она у насъ, безъ всякой предварительной рекламы, и какъ быстро и властно завоевала она одесскую публику!

Я помню ея первый дебютъ въ «Медеѣ» Легуве. Пустой театръ. Нѣсколько итальянцевъ, рецензенты, никого на галлереѣ. Но игра ея такъ сразу захватила общее вниманіе, что немногочисленные слушатели, испытывая высокое эстетическое наслажденіе, своими знаками восторга произвели такую бурю, какъ будто театръ былъ переполненъ публикою. Въ слѣдующій разъ Пеццана-Гвальтьери выступила въ «Дамѣ въ Камеліяхъ» Дюма. Публики было больше. Въ игрѣ Пеццана была особенность—удивительно искренній по тону переходъ отъ веселаго смѣха къ горькимъ рыданіямъ. Въ роли Маргариты Готье она часто прибѣгала къ этому пріему, и когда въ первомъ дѣйствіи, послѣ ухода Армана, она сама смѣется надъ своей любовью, и затѣмъ ея смѣхъ переходитъ въ неудержимыя слезы, она производила чарующее впечатлѣніе.

Въ третій разъ, на представленіи пьесы ««Suor Teresa» (За монастырской стѣною), театръ уже былъ совершенно полонъ, и восторгу публики не было конца.

Поразила всѣхъ Пеццана Гвалтьери и своимъ комическимъ талантомъ. По примѣру великой Аделаиды Ристори, которую я видѣлъ послѣ Медеи, въ веселой комедіи Гольдони «la locandiera» (трактирщица), Пеццана выступила въ другой прелестной вещицѣ того-же Гольдони «Zelinda e Lindoro» и произвела въ ней фуроръ своей заразительною веселостью.

Закончила свои спектакли въ Одессѣ Пеццана въ дебютной роли трагической Медеи, и одесская публика, вся отдавшаяся обаянію ея генія, поднесла чудной артисткѣ необычайно роскошный подарокъ—золотой вѣнокъ.

Огромное эстетическое наслажденіе доставилъ посѣтителямъ Маріинскаго театра еще знаменитый трагикъ Томазо Сальвини, гигантъ не только по генію, но и по росту. Игра Сальвини всѣмъ памятна и давно оцѣнена; межъ тѣмъ игра Пеццана Гвалтьери осталась достояніемъ лишь немногихъ.

Сальвини выступалъ у насъ въ лучшихъ роляхъ своего репертуара: въ «Гражданской смерти», Макбетѣ, Гамлетѣ, Отелло и другихъ... Театръ былъ всегда переполненъ, галерка Маріинскаго театра представляла море головъ.

Въ первой ложѣ къ сценѣ, въ той самой, которую всегда занималъ графъ Строгановъ, сидѣлъ на всѣхъ представленіяхъ Сальвини одинъ, обращавшій на себя общее вниманіе, посѣтитель. Одинъ въ обширной ложѣ, закрывая голову руками и вперивъ весь свой взоръ на сцену, онъ сосредоточенно слѣдилъ за малѣйшимъ движеніемъ великаго артиста. Это былъ извѣстный провинціальный русскій актеръ М. Т. Ивановъ-Козельскій. Онъ служилъ въ то время въ драматической труппѣ Милославскаго въ Русскомъ театрѣ. Пріѣздъ Сальвини взволновалъ его и

онъ просилъ у Милославскаго отпуска, чтобы послушать и видѣть трагика. Но Николай Карловичъ имѣлъ антрепренерскую жестокость отказать ему. Тогда Митрофанъ Трофимовичъ объявилъ, что уплатитъ неустойку, и абонировался на всѣ представленія Сальвини, взявъ для себя одного первую, ближайшую къ сценѣ, ложу. Онъ не впускалъ туда никого, чтобы не разсѣивать своего настроенія.

Бѣдный Ивановъ-Козельскій! Какъ онъ ужасно кончилъ свою жизнь! Спился. А, между тѣмъ, какой это былъ чуткій и чудный артистъ! Я помню его мечтанья о скопленіи большого капитала, чтобы поѣхать на долго, долго за-границу, чтобы перевидать всѣхъ выдающихся артистовъ и поучиться у нихъ великому искусству сцены... Митрофанъ Трофимовичъ отличался не столько знаніемъ сцены и даже не столько талантомъ, сколько глубокою любовью къ театру.

Большія деньги заплатилъ онъ за право видѣть Сальвини. Неустойку, однако, Милославскій простилъ ему.

Въ Маріинскомъ театрѣ была еще русская драматическая труппа и русская оперетка: Крузова, Корбіель, Запольская, Волынская! Сколько самыхъ настоящихъ каскадныхъ пѣвицъ! И какъ эти каскадныя примадонны были далеки отъ всѣхъ кэкуоковъ, матчишей и діавольскихъ плясокъ современныхъ опереточныхъ артистокъ!

Корбіель производила фуроръ шансонеткою «L'amour». Тогда эта шансонетка производила впечатлѣніе чего то необычайно пикантнаго. Теперь-же она показалась бы совершенно невинной и прѣсной.

Не объясняется ли это тѣмъ, что въ прежнее время опереточныя артистки были настолько очаровательны и пикантны, что центръ вниманія публики обращался больше на нихъ самихъ, нежели на ихъ шансонетки?

Танцующая Одесса.

Взятіе Хаджибея. — Первый маскарадный балъ. — Ришелье. — Ланжеронъ. — Пріѣздъ Государя Николая Павловича. — Балы при графѣ Коцебу. — Балы у Папудовой. — Маскарады въ Городскомъ театрѣ.

Одесса начала танцовать съ перваго дня своего основанія.

14-го сентября 1789 года, послѣ штурма крѣпости Хаджибей, солдаты де-Рибаса, которымъ было запрещено разграбленіе деревни, отпраздновали свою побѣду надъ турками питьемъ горилки и военными плясками.

Хаджибейская деревня была расположена на берегу моря, въ сторону Пересыпи, на пути къ лиманамъ. Здѣсь ютились татарскія землянки, высились минареты мечетей, вертѣлись каменные жернова, скрипѣли арбы, ходили къ соленымъ колодцамъ дѣвушки въ чадрахъ.

На верху, на горѣ, гдѣ нынѣ бульваръ и бельведеръ Воронцовскаго дворца, грозно глядѣла турецкая крѣпость съ полумѣсяцемъ на шестѣ.

А за крѣпостью, въ сторону нынѣшней Театральной площади и дальше до Греческой улицы, были расположены торговая и увеселительная части селенія. Здѣсь были лавки, кофейня, базаръ.

Здѣсь проводили праздное время турецкій комендантъ крѣпости Ахметъ паша и его офицеры. Здѣсь же былъ, въ отдѣльномъ домѣ, гдѣ нынѣ Ліонскій кредитъ, гаремъ паши.

Велико же было удивленіе грека Симона Аспориди, когда 14-го сентября, въ день Воздвиженія, къ нему въ кофейню вошли, вмѣсто турокъ, генералъ де-Рибасъ, а за нимъ блестящая свита русскихъ офицеровъ.

Уже былъ отслуженъ въ палаткѣ, въ военно-походной церкви, благодарственный Господу Богу молебенъ, уже были собраны на площади военно-плѣнные турки, уже была написана реляція Потемкину о взятіи Хаджибея, и де-Рибасъ могъ дать отдыхъ своимъ славнымъ сподвижникамъ.

Здѣсь были Воейковъ, Меркель, Аркудинскій, Трубниковъ, Головатый, Чепега.

Аспориди вынесъ изъ своихъ погребовъ лучшее кипрское вино и душистую мастику для офицеровъ. А для солдатъ выкатилъ на площадь боченокъ водки. И пошло весело.

Русскіе утвердились впервые въ Хаджибеѣ, ставшемъ впослѣдствіи Одессою, подъ топотъ запорожскаго гопака.

День основанія Одессы, 22-го августа 1794 года, прошелъ безъ пляски. Не до пляски было въ день, когда, исполняя Высочайшій указъ Императрицы Екатерины, Іосифъ де-Рибасъ и его вѣрный другъ и помощникъ де-Воланъ приступили въ великому дѣлу созиданія города на мѣстѣ взятой крѣпости.

Надо было прежде всего предохранить новый городъ отъ бурныхъ порывовъ моря. И первымъ актомъ строительства Одессы была сизифова работа по вбиванію въ море свай Платоновскаго мола.

Первый публичный балъ въ Одессѣ былъ данъ гражданамъ 23-го сентября 1797 года, въ ознаменованіе открытія дѣятельности «Одесскаго иностраннаго магистрата», смѣнившаго «особый для россійскихъ купцовъ одесскій магистратъ», учрежденный по ходатайству де-Рибаса

14-го ноября 1795 года и состоявшій подъ непосредственнымъ его вѣдѣніемъ.

Иностранецъ де-Рибасъ учредилъ русскій магистратъ, а русскій адмиралъ Пустошкинъ замѣнилъ его иностраннымъ!...

Балъ «иностранцевъ» былъ устроенъ на городскія средства и обошелся магистрату въ 373 руб. 43 коп.

Одесса любила веселиться. На томъ мѣстѣ, гдѣ была кофейня Аспориди, были построены потомъ частные дома со спеціальною цѣлью устраивать въ нихъ «маскераты и увеселительныя вечеринки». Въ дѣлахъ одесскаго магистрата упоминаются, въ числѣ лицъ, изъявившихъ желаніе устраивать такія собранія, купцы Степанъ Рожковъ и маіоръ Рейзмани, австрійско-подданная еврейка Рухля Давидова и Анна Львова.

Не могу отказать себѣ въ удовольствіи привести здѣсь маленькую характеристику этихъ собраній, дошедшую къ намъ въ видѣ поданной въ магистратъ жалобы одною изъ ихъ устроительницъ. Дѣло въ томъ, что одесская купчиха Рожнова получила отъ магистрата разрѣшеніе на устройство у себя бала въ ночь на 1-е января 1800 года, по случаю начала XIX вѣка. Но во время съѣзда гостей и когда музыканты стали играть имъ встрѣчный маршъ, неожиданно явился полицейскій приставъ, запретилъ увеселеніе, велѣлъ потушить свѣчи и разогналъ музыкантовъ.

Лишившись ожидавшагося заработка, купчиха Рожнова пожаловалась магистрату на дѣйствія полиціи, сославшись при этомъ на то, что такое же увеселеніе, какъ недозволенное ей, было, однако, разрѣшено другой предпринимательницѣ, ея сосѣдкѣ, еврейкѣ Рухлѣ.

Свои убытки Рожнова исчислила... въ 47 руб. 40 коп., распредѣливъ ихъ такъ: извозчикамъ для развоза пригласительныхъ билетовъ и собраніе танцовщицъ—3 руб. 20 коп., нанятой прислугѣ 2 руб., за музыку—12 руб., нагрѣваніе залъ и покоевъ—на дрова и уголь—1 руб. 50 к., свѣчъ на 1 руб. 50 коп., закусокъ и другихъ съѣстныхъ заготовленій—на 5 руб. 20 коп., свареннаго кофе 3 фунта—3 руб. 20 коп., шоколаду 2 фунта—2 руб. 50 коп., сливокъ и лимоновъ—1 руб. 30 коп.—Всего 32 руб. 40 коп.—А такъ какъ предполагалось присутствіе не менѣе 30 гостей, то считая входную плату съ нихъ по 50 коп., надо къ сказаннымъ убыткамъ присоединить и недополученные 15 руб.—Итого Рожнова требовала уплаты 47 руб. 40 коп.

Получила ли она ихъ—неизвѣстно.

Въ 1803 году прибылъ въ Одессу герцогъ Ришелье. Онъ былъ молодой. Жена его оставалась въ Парижѣ. Его окружала знатная французская молодежь. Надо было вдохнуть жизнь въ городъ, который, послѣ отъѣзда де-Рибаса, когда на него и на основанную имъ Одессу пала немилость Императора Павла, былъ заброшенъ администраціей и почти пересталъ дышать.

Первою мыслью Ришелье, наравнѣ съ заботами о поднятіи портоваго и торговаго значенія Одессы, было сдѣлать ее городомъ привлекательнымъ и интереснымъ.

Надо было, чтобы пріѣзжавшіе въ Одессу гости не уѣзжали изъ нея.

За дѣло устройства увеселительной жизни города взялся адъютантъ Ришелье, братъ его жены, молодой Рошешуаръ.

Межъ тѣмъ, какъ строился, по мысли Ришелье, одесскій городской театръ, разныя заѣзжія польскія, русскія и французскія труппы стали давать спектакли въ нарочно приспособленныхъ для этой цѣли хлѣбныхъ магазинахъ и военныхъ казармахъ. Послѣ спектаклей обязательно устраивались танцы.

Танцовали въ «Казино», въ Редутахъ, въ Ротондѣ. Особенно любили старые одесситы «маскераты». Я разсказывалъ уже о балѣ, устроенномъ Рошешуаромъ, на кото-

ромъ исполнены были танцы, въ видѣ шахматныхъ ходовъ, въ шахматныхъ костюмахъ.

Но устраивались въ Одессѣ и великосвѣтскіе балы. Давалъ ихъ и Ришелье, и С. При, и графы Сабанскіе и Потоцкіе. А когда пріѣхала въ Одессу Нарышкина, то балы смѣнялись балами.

То было время шелка, бархата и пудры.

Много танцовали и при преемникѣ Ришелье графѣ Ланжеронѣ. Ланжерону удалось осуществить мысль Ришелье о введеніи въ Одессѣ порто-франко.—Безпошлинный привозъ въ Одессу иностранныхъ винъ, матерій, кружевъ, фруктъ, мебели—давалъ возможность одесситамъ за дешевыя деньги жить со всею европейской роскошью.

Театръ уже былъ оконченъ. Послѣ оперы въ немъ давались балетные дивертисменты. Графъ Ланжеронъ, большой балетоманъ, проводилъ за кулисами все свое свободное и не свободное время. Важныя бумаги приносились ему для подписи въ уборную хорошенькой танцовщицы.

Потомъ прибылъ Воронцовъ со своимъ блестящимъ дворомъ польской и русской аристократіи. Графиня Елизавета Ксаверьевна любила веселіе. Она сама и ея ближайшая подруга Шуазель участвовали въ любительскихъ спектакляхъ—а затѣмъ и въ танцахъ. Былъ на ея балахъ и Пушкинъ.

Въ соревнованіе съ нею устраивала у себя вечера Амалія Ризничъ и бывшій въ тѣ времена городскимъ головою Филиппъ Лучичъ, блестящіе балы у котораго привлекали всю коммерческо-великосвѣтскую Одессу. Устраивались также постоянные семейные вечера съ танцами въ Англійскомъ клубѣ.

Въ 1837 году Одесса была осчастливлена пріѣздомъ Государя Николая Павловича и Императрицы Александры Өеодоровны. Они остановились во дворцѣ Воронцова. Съ ними прибыли: Наслѣдникъ Цесаревичъ Александръ Николаевичъ и братъ Государя, Великій Князь Михаилъ Павловичъ съ супругою.

Въ честь Государя городомъ былъ данъ въ зданіи Биржи, т. е. въ нынѣшней думской залѣ, блестящій балъ, удостоившійся Высочайшаго присутствія.

Въ сборникѣ моего брата «Изъ прошлаго Одессы» приводятся интересныя подробности этого бала съ описаніемъ туалета Государыни: пунцовое креповое платье, передъ котораго былъ весь осыпанъ бриллiантовыми шатонами. Графиня Воронцова была въ бѣломъ неразрѣзнаго бархата платьѣ и т. д.

Залъ Биржи былъ роскошно декорированъ. «Всѣ колонны были покрыты позолоченнымъ трельяжемъ, по которому вились живыя виноградныя лозы съ гроздями винограда всѣхъ мѣстныхъ сортовъ». Будуаръ Императрицы былъ украшенъ турецкими шалями.

Но вотъ подробность этого бала, еще никѣмъ не разсказанная. Она была сообщена мнѣ отцомъ, который присутствовалъ на балу въ числѣ прочей одесской молодежи.

Въ разгаръ бала, во время польскаго, Государь, подозвавъ адъютанта, приказалъ ему пригласить отъ Его имени на туръ стоявшую поодаль красавицу графиню Потоцкую. Адъютантъ поспѣшилъ исполнить волю Государя, но передалъ приглашеніе такъ, что выходило, будто Государь проситъ графиню сдѣлать ему честь протанцовать съ нимъ польскій. Не успѣлъ онъ закончить свою неловкую фразу, какъ Государь оборвалъ его громогласнымъ, раздавшимся на всю залу, словомъ: дур-р-акъ!

Произошло смятеніе, скоро, однако, улегшееся послѣ того, какъ самъ Государь подошелъ къ графинѣ и прошелся съ нею въ польскомъ.

Покупались матеріи для дамскихъ платьевъ въ старой Одессѣ въ магазинѣ г-жи Штрацъ и у мануфактуристовъ Александровскаго проспекта. Причесывали дамъ Леонардъ

и Трините. Одѣвали ихъ мадамъ Леонардъ, Томазини и позднѣе г-жа Піетерсъ.

Привычка давать балы сохранилась и во времена генералъ-губернаторства графа П. Е. Коцебу. Графъ смотрѣлъ на балы, какъ на средство оживленія города не только въ увеселительномъ, но и въ коммерческомъ отношеніи. Вслѣдъ за нимъ давали балы у себя и частныя лица. Въ особенности славились балы у г-жи Маразли, матери Григорія Григорьевича, и г-жи Папудовой. На этихъ балахъ бывало по нѣсколько сотъ гостей. Веселіе царило самое непринужденное.

Одна особенность старой Одессы. При всей аристократичности баловъ, на нихъ не соблюдался, однако, излишне строгій этикетъ. Изношенный фракъ журналиста или профессора лицея нисколько не чувствовалъ себя неловко на-ряду съ фрачной парой, только что вышедшей изъ-подъ ножницъ моднаго портного Вереля или Лантье.

Вотъ одинъ изъ эпизодовъ на балу у г-жи Папудовой, на которомъ присутствовало 580 гостей.

Танцовали мазурку въ сто двадцать паръ. Дирижировалъ красавецъ Гирсъ. Высокій ростъ, пара великолѣпныхъ бакенбардъ, открытый лобъ, широкія плечи. Онъ былъ геніемъ мазурки. Въ числѣ замысловатыхъ фигуръ устроили «тройку». Запряглись въ нее три красавицы: г-жа Папудова, г-жа Зарифи и Роза Артуровна Бродская. Гирсъ взялъ шелковыя ленты въ руки, оглянулъ слѣдовавшія за нимъ остальныя тройки, и уже хотѣлъ скомандовать «Mazourka générale!», какъ вдругъ раздался голосъ графа Михаила Дмитріевича Толстого: «остановитесь!» — Всѣ остановились и графъ, указывая жестомъ на блестящую тройку Гирса, пригласилъ публику полюбоваться ея красотою.

Всѣ взоры обратились на чудное зрѣлище. Г-жи Папудова, Зарифи и Бродская, гордыя сознаніемъ своей красоты, но смущенныя восклицаніемъ Толстого, ринулись впередъ, увлекая Гирса—и залъ подъ звуки мазурки загремѣлъ апплодисментами.

Съ самаго основанія одесскаго городского театра вошло въ обычай устраивать въ немъ подъ Новый годъ маскарадные балы. Они отличались большимъ оживленіемъ, разнохарактерностью и красивостью костюмовъ. Костюмы были не только прокатные, но и спеціально сшитые. Я помню эти балы. Вотъ арлекинъ: онъ съ деревянной лопаточкой въ рукахъ, гонится за напудренною Піеретою. Вотъ мамелюкъ съ громаднымъ картоннымъ носомъ. Вотъ астрологъ съ остроконечнымъ колпакомъ. Вотъ маркизы, пастушки.—Все это пестрѣло, какъ бабочки на лугу.

Не обходилось и безъ комическихъ эпизодовъ. На одномъ балу особое вниманіе привлекъ одинъ господинъ, одѣтый въ самый обыкновенный, казенный, учительскій вицъ-мундиръ. Но на его лицѣ была маска съ такимъ глупымъ выраженіемъ, что сопоставленіе этой маски съ вицъ-мундиромъ вызывало общій хохотъ. Маску вывели.

Театральные маскарадные балы устраивались впослѣдствіи въ театрѣ Великанова, но вмѣстѣ съ исчезающей старой Одессою они утратили свою первобытную прелесть.

А балы у Манукъ-бей, у Мемертовъ, у Мурузи, у Кешко! А чудные рауты и танцовальные вечера у Гавріила Матвѣевича Крапивина! А балы французскаго благотворительнаго общества!

Но я никогда не кончилъ-бы, если бы сталъ перечислять всѣ дома, гдѣ Старая Одесса танцовала.

Нѣтъ Старой Одессы и нѣтъ болѣе веселыхъ танцевъ.

Пожаръ стараго театра.

Однажды, весною 1872 года, отецъ мой пришелъ домой возмущенный. Онъ сообщилъ, что управа рѣшила подвергнуть Городской театръ капитальному ремонту.— Ну что-жъ! Театръ давно уже не ремонтировался.—Да; но на этотъ разъ хотятъ его расширить.—И прекрасно! Чтобы расширить театръ, рѣшено замуровать его колонны. Вы понимаете? Замуровать старыя, классическія, свободныя колонны! Развѣ это не возмутительно, развѣ это не кощунство надъ стариною!—И отецъ взволнованно зашагалъ по комнатѣ.—Я только что былъ у Новосельскаго говорилъ онъ—я былъ въ управѣ, я указалъ имъ на все безобразіе ихъ затѣи, я говорилъ имъ, что нельзя такъ посягать на лучшій памятникъ одесской старины. Но на это мнѣ отвѣтили, что необходимо увеличить буфетный залъ со стороны театральной площади. И вотъ, ради буфета, хотятъ уничтожить коринѳскія колонны!..

Городской театръ былъ, дѣйствительно, прекрасенъ со своей открытою колоннадою и классическимъ греческимъ фронтомъ. Основанный по мысли Ришелье въ 1804 г. и оконченный постройкою при немъ-же въ 1809 г., театръ этотъ представлялъ своею внѣшностью храмъ искусства и переносилъ мысль одесситовъ во времена существовавшихъ здѣсь, на мѣстѣ Хаджибея, цвѣтущихъ греческихъ колоній. Но въ немъ, конечно, были внутренніе недостатки. Онъ былъ малъ, корридоры были низкіе, не было отдѣльныхъ выходовъ въ верхніе ярусы. При выходѣ изъ театра, вѣтеръ между колоннъ пронизывалъ холодомъ декольтированныхъ дамъ. Когда мы напоминали отцу объ этихъ недостаткахъ, онъ говорилъ: пусть дѣлаютъ, что хотятъ, но пусть не трогаютъ колоннъ! И писалъ по этому поводу свое мнѣніе въ одесскихъ газетахъ. Но утилитарныя соображенія городскихъ заправилъ взяли верхъ надъ эстетическими, ремонтъ былъ рѣшенъ и сдѣланъ. Замурованныя колонны превратились въ пилястры, и театръ, какъ бы со стиснутыми зубами, превратился, вмѣсто храма, въ коробку...

Работы по ремонту закончились въ сентябрѣ 1872 г. Начались спектакли; публика въ антрактахъ освѣжалась въ фойе, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ прежде летали между колоннъ одни только голуби и воробьи. Отецъ злился. И вдругъ, въ ту-же зиму, въ ночь на 2 января 1873 года, небо Одессы озарилось зловѣщимъ краснымъ сіяніемъ и въ городѣ разнесся общій крикъ: «пожаръ! пожаръ! горитъ театръ!». Весь городъ сбѣжался къ театральной площади. Оказалось, что загорѣлось помѣщеніе для наружныхъ театральныхъ часовъ, освѣщавшихся газомъ всю ночь. Огонь распространился сначала по чердаку, но быстро перенесся на сцену и на всю внутренность театра. Вскорѣ картина вырвавшагося наружу и бушевавшаго на свободѣ пламени стала поистинѣ грандіозною. Спасти нельзя было ничего. Одинъ человѣкъ въ помѣщеніи часовъ сгорѣлъ. Все наше семейство собралось у рѣшетки англійскаго клуба. Толпа волновалась; многіе въ публикѣ выражали скорбь о гибели театра. Одинъ отецъ мой не скрывалъ своего удовольствія. «Пусть не касаются старины!» говорилъ онъ, какъ будто видя въ постигшемъ городъ несчастіи отместку со стороны боговъ Греціи за уничтоженіе ихъ храмовыхъ колоннъ.

Назадъ! скорѣй! долой съ площади! раздались тревожные крики. Толпа бросилась врасыпную. Высокій фронтонъ театра зашатался и неожиданно свалился съ поддерживавшихъ его пилястръ, и раздробившіяся его колонны покатились по площади какъ бы въ погоню за публикою.

Сгорѣвшій театръ разобрали и на его мѣстѣ построили новый, нынѣшній. Старый, строгій греческій стиль замѣнили легкимъ, поверхностно-красивымъ, т. н. вѣнскимъ. Новый театръ еще молодой... А традиціи сгорѣвшаго еще долго, долго будутъ жить въ сердцахъ и памяти старыхъ одесситовъ.

о

Черный трагикъ.

Въ сгорѣвшемъ Городскомъ театрѣ шли въ русской труппѣ гастроли знаменитаго англійскаго трагика-негра Айра Ольдриджа (Ira Aldridge). Это было въ 1861 году. До того никто не игралъ въ Одессѣ шекспировскаго репертуара (послѣ Ольдриджа впервые ввелъ у насъ Шекспира по-русски Н. К. Милославскій, въ 1868 году). Трагикъ, да еще черный, не могъ не привлечь любопытства одесситовъ. Чередованіе англійскаго языка съ русскимъ сначала мѣшало настроенію слушателей, но сила таланта Ольдриджа оказалась такъ велика, что уже послѣ перваго представленія—Гамлета—публика научилась сосредоточивать свое вниманіе исключительно на гастролерѣ и стала понимать его не по его словамъ, а по его игрѣ. Въ одно изъ представленій, въ свой бенефисъ, Ольдриджъ возымѣлъ несчастную мысль сыграть послѣ Отелло комическую сцену изъ негритянской жизни. Черный, круглый, съ типичною физіономіею африканскаго негра, въ клѣтчатой полотнянной одеждѣ, какую носятъ черные рабочіе на плантаціяхъ, съ обнаженными шеею и руками, Ольдриджъ изображалъ пьянаго слугу негра. Держа въ одной рукѣ бутылку съ ромомъ, а въ другой зажженную свѣчу, онъ, вмѣсто бутылки, тыкалъ себѣ въ ротъ свѣчку съ огнемъ, послѣ чего отплевывался, глупо смѣялся, скалилъ бѣлые зубы, ворочалъ пьяными глазами и что-то напѣвалъ и выплясывалъ. Чувствовалось въ Ольдриджѣ

сильнѣйшее желаніе привести публику въ веселое настроеніе. Для этого онъ не жалѣлъ ни ужимокъ, ни гримасъ, ни самыхъ невѣроятныхъ тѣлодвиженій. Но публика не смѣялась. Напротивъ, она возмутилась и стала кричать: довольно! довольно! требуя, какъ въ циркѣ во время излишне усердной эквилибристики, чтобы Ольдриджъ пересталъ ломаться и истязать самого себя. Одесская публика въ тѣ времена еще не была настолько культурно развита, чтобы понимать художественное значеніе національнаго кэкъ-уока, и, притомъ, въ этотъ злополучный вечеръ, она была слишкомъ глубоко потрясена только что передъ комическою сценою исполненнымъ Ольдриджемъ шекспировскимъ Отелло.

Изъ живыхъ одесситовъ, которые были на представленіяхъ чернаго трагика, въ чьихъ ушахъ не раздается еще до сихъ поръ тотъ дикій звѣриный вой, которымъ Ольдриджъ оглашалъ театръ въ послѣднемъ дѣйствіи Отелло, когда ревнивый мавръ узнаетъ о невиновности замученной имъ Дездемоны? Этотъ вой возносился къ небу, къ землѣ, къ людямъ, къ публикѣ въ партерѣ и къ публикѣ на галлереѣ и, вообще, ко всей вселенной, какъ проклятіе только что совершившемуся и, увы! навсегда непоправимому злодѣянію. Ольдриджъ метался по сценѣ, рвалъ на себѣ волосы и одежду и искалъ руками въ воздухѣ способа растерзать самого себя. Смотрѣть на него и слышать его было и жалко, и страшно. Публика, какъ одинъ человѣкъ, задыхалась, мучилась и чувствовала необходимость въ какомъ-нибудь немедленномъ, скорѣйшемъ разрѣшеніи этихъ мукъ, этого воя, этой трагедіи... И вдругъ, вой Ольдриджа обрывается, Отелло нашелъ, чѣмъ успокоить свою душу. Онъ выпрямляется и, превозмогая въ себѣ истрадавшагося звѣря, преображается на мигъ въ прежняго достойнаго слугу Венеціи. Свою знаменитую рѣчь къ посланцамъ республики онъ произноситъ наскоро, прерывисто, запинаясь, безъ эффекта—и по окончаніи ея однимъ взмахомъ ножа перерѣзываетъ себѣ горло... Публика испускаетъ крикъ ужаса и привстаетъ со своихъ мѣстъ; но трагедія еще не окончилась. Ольдриджъ еще долго бьется въ судоргахъ, хрипитъ и стонетъ, и воетъ, и тянется, всѣмъ тѣломъ тянется къ алькову съ открытымъ пологомъ, гдѣ, все время дѣйствія на виду публики, лежитъ задушенная Дездемона. Терпѣть болѣе нѣтъ силы: публика стремится къ выходу изъ зала... Только тогда Ольдриджъ рѣшается, наконецъ, окончательно умереть—и занавѣсъ падаетъ. И весь театръ, облегченно вздохнувъ однимъ общимъ вздохомъ, разражается громовыми рукоплесканіями...

И вотъ, послѣ такого душу раздирающаго Отелло, Ольдриджъ вздумалъ, ради своего бенефиса, повеселить немного публику комическимъ изображеніемъ пьянаго негра! Но за такое легкомысленное отношеніе къ чутью и вкусу одесситовъ веселый трагикъ поплатился жестоко. Спектакль закончился общимъ шиканіемъ и нѣсколькими свистками.

Ольдриджъ былъ актеръ не тонкій и въ способахъ производить эффектъ довольно наивный. У насъ въ Одессѣ, въ Отелло, когда онъ врывается въ альковъ Дездемоны, чтобы задушить ее, было условлено, что съ нимъ, въ тотъ моментъ, когда закроется пологъ, долженъ вступить въ борьбу театральный служитель. И только приведя себя, послѣ этой борьбы, въ полный безпорядокъ, Ольдриджъ выходилъ изъ-за полога, поражая зрителя своимъ страшнымъ видомъ убійцы. Въ Лирѣ, въ сценѣ бури, онъ рвалъ на своей груди цѣлыми клочьями бѣлую изъ тонкой бумаги сорочку. (Это, впрочемъ, продѣлывалъ впослѣдствіи и Милославскій). Ревѣлъ онъ тоже какъ-то крайне неестественно. И, тѣмъ не менѣе, такъ велика была въ немъ сила темперамента и искусства, что дѣланность

его пріемовъ выяснялась лишь впослѣдствіи, при разборѣ его исполненія; во время-же игры публика не успѣвала ничего критиковать и отдавалась цѣликомъ производимому на нее глубокому впечатлѣнію.

Матеріальный успѣхъ его былъ у насъ небольшой. Да, впрочемъ, не только у насъ. Уже тотъ фактъ, что Ольдриджъ забрелъ къ намъ одинъ, безъ собственной труппы, и что онъ рѣшился играть, получая на свои англійскія рѣчи русскія реплики, свидѣтельствовалъ, что дѣла нашего гастролера были не блестящи. Вообще, ему въ жизни крайне не везло. Отецъ его, сынъ рабовладѣльца въ Западной Африкѣ, принялъ христіанство и сталъ миссіонеромъ среди негровъ, затѣмъ переселился въ С.-Америку. Айра Ольдриджъ родился христіаниномъ съ африканскою кровью. Лицо его было слишкомъ свѣтлое для негра и слишкомъ темное для мулата. (Играя Отелло, чтобъ оттѣнить его африканское происхожденіе, и въ сценѣ слуги Ольдриджъ подгримировывалъ себя въ черное. Наоборотъ, играя Ричарда III или Гамлета, онъ старался себя освѣтлить). Пристрастившись къ сценическому искусству, онъ выступилъ впервые въ городахъ Соединенныхъ Штатовъ, но искусство не могло смыть въ глазахъ американцевъ его чернаго цвѣта и онъ вынужденъ былъ уѣхать въ Европу. Здѣсь онъ подвизался, главнымъ образомъ, въ Англіи. Но свойство его игры въ связи съ однотонностью его цвѣта было таково, что онъ не могъ нравиться долго въ одномъ городѣ и ему надо было переѣзжать изъ одной труппы въ другую. Въ концѣ концовъ онъ пріѣхалъ къ намъ, въ Россію. и игралъ въ Петербургѣ, Москвѣ, Харьковѣ и другихъ городахъ провинціи. Изъ Одессы онъ уѣхалъ въ Кіевъ при грустныхъ обстоятельствахъ. Денежныя дѣла его были такъ плохи, что его долженъ былъ выручить мѣстный англійскій консулъ Гренвиль-Муррей (впослѣдствіе извѣстный англійскій писатель), выкупивъ его заложенные костюмы. Изъ Кіева Ольдриджъ поѣхалъ въ Польшу, но на пути онъ заболѣлъ въ какомъ-то захолустномъ городкѣ, гдѣ долго пролежалъ, не имѣя возможности играть: костюмы ему пришлось заложить и выкупить ихъ онъ не могъ... Такъ печально и безцѣльно нося свой черный образъ еще въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ изъ города въ городъ, Ольдриджъ добрался до Лодзи, гдѣ въ 1876 году умеръ въ совершенно нищенской обстановкѣ.

Николай Карловичъ Милославскій.

Надо поспѣшить поговорить о Милославскомъ. [illegible] меньше и меньше остается людей, которые видѣли [illegible] слышали и восторгались имъ. Надо поговорить о нем[illegible] потому, что, кромѣ доставленнаго имъ своимъ современникамъ высокаго эстетическаго наслажденія, онъ оставил[illegible] еще въ наслѣдіе новымъ поколѣніямъ дивные и ц[illegible] завѣты.

Какъ король Лиръ, оставшійся королемъ съ головы до ногъ въ дни бури и изгнанія, такъ Милославскій оставался всю свою жизнь, какъ на сценѣ, такъ и внѣ ея, съ головы до ногъ артистомъ.

Всѣмъ памятно, конечно, толкованіе, данное знаменитымъ итальянскимъ трагикомъ Эрнесто Росси образу и характеру короля Лира. Къ удивленію одесситовъ, пр[illegible] выкшихъ къ торжественно-величавому первому выходу Лира въ изображеніи Милославскаго, Эрнесто Росси п[illegible] вбѣгалъ на сцену, стуча палкою, сердито озираясь и [illegible] мѣста проявляя черты старика-самодура.

Милославскій считалъ такое толкованіе неправильнымъ. «Трагедія Лира»,—сказалъ онъ мнѣ,—заключается въ томъ, что неблагодарность дочерей и подданныхъ [illegible]няла у него высшее его достояніе—его королевское величіе, превративъ его изъ короля въ несчастнѣйшаго человѣка. Какъ же дать почувствовать эту трагедію, если не показать Лира, въ первомъ же его появленіи, настоящимъ королемъ!

Сценѣ въ пустынѣ, когда Лиръ, въ проблескѣ сознанія, какъ въ блескѣ молніи въ грозу, восклицаетъ: «я король, король отъ головы до самыхъ пятъ»! Милославскій придавалъ особо важное значеніе, какъ кульминаціонному пункту въ трагедіи Лира. Сгорбленный, разбитый, немощный, онъ вдругъ выпрямляется во весь свой высокій ростъ и произноситъ свое восклицаніе, какъ вернувшій себѣ всю полноту своего королевскаго величія.

Несомнѣнно, Росси былъ ближе къ Шекспиру, нежели Милославскій, играя Лира въ болѣе реальныхъ тонахъ. Кто не помнитъ чуднаго, ни съ чѣмъ не сравнимаго по трогательной простотѣ, момента, когда Лиръ-Росси узнаетъ Корделію? Но за то поэтичность образа Лира, его сказочная поэтичность, лучше передавалась Милославскимъ.

Раньше Милославскаго, въ шестидесятыхъ годахъ, какъ я уже разсказывалъ, короля Лира игралъ знаменитый англійскій черный трагикъ Айра Ольдриджъ. Въ сценѣ бури онъ рвалъ на себѣ сорочку (спеціально сдѣланную для этого изъ тонкой бумаги) и оглашалъ воздухъ дикими воплями. Чувствовалась искусственность игры, даже, пожалуй, неестественность изображаемаго типа, а между тѣмъ зритель уходилъ глубоко потрясенный, исполненный величайшей жалости и состраданія.

Милославскій не потрясалъ сердецъ. Онъ игралъ слишкомъ умно. Но его образы запечатлѣвались, какъ картины лучшихъ старыхъ мастеровъ.

Всѣ трое—и Ольдриджъ, и Милославскій и Росси, и многіе, многіе старые актеры, продолжающіе свѣтить намъ на небѣ прошлаго, были прежде всего людьми цѣльными, отдававшимися служенію искусству, какъ отдается вѣрующій жрецъ служенію Богу.

Не роль овладѣвала ими и не тотъ или иной авторъ подчинялъ ихъ себѣ. Они, наоборотъ, овладѣвали ролью, претворяя ее въ себѣ, въ горнилѣ своего таланта, темпе-

рамента и пониманія, и далеко, подчасъ, опережая, углубляя и видоизмѣняя замыселъ автора... Они никогда не были коментаторами чужого. Они всегда играли свое.

Въ настоящее время актеръ боится автора и, въ робости своей, не играетъ роли, а читаетъ ее. Современный актеръ, поэтому, мало захватываетъ публику.

А въ прежнія времена Милославскій настолько не боялся ни Шекспира, ни Кукольника, ни Дьяченко, что ставилъ ихъ чуть не на одну доску, беря изъ нихъ лишь тѣ черты, которыя были свойственны его собственному генію.

Личность, индивидуальность актера были тогда на первомъ планѣ. Авторы, поэты, драматурги помогали лишь своими произведеніями проявленію типичныхъ чертъ актера.

Прежніе актеры совершали святотатства, кромсая творенія великихъ писателей, выбрасывая все, что казалось имъ для себя излишнимъ. Но на мой вопросъ Милославскому, по какимъ соображеніямъ онъ выбросилъ многія сцены изъ «Шейлока» Шекспира, онъ мнѣ отвѣтилъ: я играю Шейлока, а не Шекспира!

Я далекъ отъ мысли дать обстоятельную характеристику прежнихъ актеровъ въ сравненіи съ нынѣшними и вовсе не хочу сказать, что Милославскій и другіе лучшіе представители стараго театра были болѣе близки къ сценической правдѣ, нежели нынѣшніе служители драматическаго искусства, но я не могу не констатировать, что прежде въ театрѣ какъ-то легче жилось, какъ-то искреннѣе и смѣялось, и плакалось.

Милославскій пріѣхалъ въ Одессу, послѣ Петербурга и провинціи, со славою преемника Каратыгина. Эстляндскій дворянинъ Фридебургъ, блестящій кавалеристъ, онъ бросилъ свѣтскую праздную жизнь, чтобы цѣликомъ отдаться сценѣ. Лучшими его ролями въ первые годы его театральной карьеры были такія яркія до лубочности, какъ деньщика Петра Великаго, Прокопія Ляпунова, князя Скопина Шуйскаго, Малюты Скуратова (въ «Псковитянкѣ» Мея), Іоанна Грознаго (въ «Василисѣ Мелентьевой» Островскаго) и другія. Милославскій, при всей своей европейской и свѣтской образованности, былъ глубокимъ приверженцемъ и лучшимъ выразителемъ національнаго русскаго искусства. Костлявый, высокій, съ тонкими, аристократическими чертами, онъ умѣлъ въ Прокопіи Ляпуновѣ преобразиться въ самаго настоящаго «рубашечнаго» героя, съ широкимъ размахомъ плечъ и съ чисто народною рѣчью.

Коронною ролью его былъ Іоаннъ Грозный въ трагедіи графа Алексѣя Толстого «Смерть Іоанна Грознаго». Здѣсь Милославскій былъ на вершинѣ своего всеобъемлющаго генія. Трагедія эта, сначала свободно исполнявшаяся въ провинціи, была впослѣдствіи воспрещена по тѣмъ соображеніямъ, что нельзя позволять всякому провинціальному актеришкѣ «ломать» личность грознаго царя. Милославскій былъ глубоко огорченъ этимъ запретомъ и въ утѣшеніе себѣ и своимъ поклонникамъ сталъ читать монологи Іоанна, вмѣсто сцены, у себя на дому и на торжественныхъ собраніяхъ. Особенно трогательно было слышать Милославскаго, читающаго Іоанна предъ самымъ авторомъ трагедіи, Алексѣемъ Толстымъ, посѣтившимъ Одессу въ 1869 году и присутствовавшимъ на банкетѣ, данномъ въ его честь одесскимъ Англійскимъ клубомъ. Позже, когда не взирая на ходатайства графа Толстого-драматурга и графа Михаила Толстого, состоявшаго тогда директоромъ Городского театра—запрещеніе Іоанна не было снято, Милославскій, на зло начальству, рѣшился все-таки выступить въ Іоаннѣ, но не въ сценѣ изъ трагедіи, а въ живой, безмолвной картинѣ. И видѣвшіе его въ этой картинѣ утверждали, что Милославскій былъ въ ней такъ хорошъ и выразителенъ, что, казалось, онъ не молчалъ, а говорилъ.

Вообще, Милославскому больше всего подходили роли людей властвующихъ, роли царей и повелителей. Онъ былъ безподобенъ въ Людовикѣ XI, въ кардиналѣ Ришелье, въ королѣ Лирѣ, въ Велизаріи. Всей головой своей онъ доминировалъ надъ театромъ, какъ надъ актерами, такъ и надъ публикою, и когда надо было властностью голоса, сарказмомъ рѣчи или царственнымъ движеніемъ положить конецъ ропоту толпы, козням врага или недоумѣнію публики, онъ дѣлалъ это такъ рѣзко и рѣшительно, какъ будто былъ самъ одаренъ высшею надъ всѣми властью.

Иногда казалось, что онъ относился къ публикѣ, какъ къ черни, окружавшей Ляпунова, съ полнымъ презрѣніемъ. Онъ позволялъ себѣ, не зная роли, придумывать собственныя слова, дѣлать вставки, говорить вслухъ замѣчанія суфлеру, неумѣлому актеру, отвѣчать находчиво, но дерзко нетерпѣливому слушателю съ галерки и т. д., и т. д. Но въ дѣйствительности Милославскій глубоко любилъ и уважалъ все, рѣшительно все, относящееся къ искусству, и чутко прислушивался къ голосу публики и товарищей. Своими отсебятинами онъ ни на мигъ не нарушалъ сценическаго священнодѣйствія, потому что мгновенно подхватывалъ нить исполняемаго и не давая опомниться слушателямъ, велъ ихъ дальше въ самую душу драмы.

Онъ могъ, въ глубоко прочувствованной роли старика Моора въ «Разбойникахъ» Шиллера, прервать свои монологи язвительною руганью по адресу не во время выпустившаго его режиссера и тѣмъ не менѣе держать публику подъ обаяніемъ своихъ геніально выраженныхъ старческихъ стенаній.

Милославскій любилъ мелодраму. Графиня Клара д'Обервиль, Убійство Коверлей, Воровка дѣтей, Ограбленная почта и другія эффектныя, но искусственныя пьесы не сходили съ его репертуара. Но кто не помнитъ его глубоко потрясающей игры, исполненной самаго реальнаго, психологически вѣрнаго тона, въ роли несчастнаго невинно-осужденнаго Лезюрка! Моментъ его прощанія съ семействомъ передъ уводомъ на казнь былъ моментомъ такой сценической правды, что публика не отличала сцены отъ дѣйствительности и выходила изъ театра, глубоко негодуя на несовершенство земного правосудія.

Милославскій имѣлъ во всей своей фигурѣ, въ движеніяхъ и въ дикціи нѣчто природно-аристократическое. Онъ никогда не прибѣгалъ къ дешевымъ эффектамъ и производилъ впечатлѣніе неподдѣльною яркостью игры. Очень удавались ему характерныя роли донъ-Цезаря де-Базана въ пьесѣ «Испанскій дворянинъ» и Жоржа Дорси въ «Гувернерѣ» Дьяченко. Эти два типа въ его изображеніи останутся въ памяти старыхъ одесскихъ театраловъ, какъ живые.

Помните-ли вы пѣсенку:

Amour, bonheur tout passe
Si bien, si bien
Qu'il ne reste de trace
De rien, de rien.

То поетъ ее Милославскій—Дорси, зашедшій мимоходомъ въ домъ Гречкина провѣдать о здоровьи старика и его дочери и тутъ же сообщающій, что у него въ домѣ тоже все обстоитъ благополучно: «и у насъ madame la générale se porte bien, monsieur Voldemar aussi, la Перепетуй Егоръ aussi, le Prochka aussi, le Mitka aussi, Грушка aussi et moi, citoyen de Paris, parisien pur sang aussi. Eh bien, слава Богу, tout le monde se porte bien».

Отъ этой болтливости француза вѣяло такой заразительною жизнерадостью, что во всемъ театрѣ создавалось бодрое, живое настроеніе.

И когда Милославскій, ловко вскинувъ ружье за плечи, выпивалъ encore une рюмошка и уходилъ, напѣвая

свою пѣсенку, то даже становилось грустно, какъ будто закатилось солнце.

Безподобенъ былъ Милославскій въ Кречинскомъ. Я помню его въ городскомъ сгорѣвшемъ театрѣ, когда Расплюева игралъ знаменитый Васильевъ второй. Какая это была удивительная пара другъ друга понимающихъ актеровъ! Они не играли, они творили.

Васильева я видѣлъ еще въ Любимѣ Торцовѣ. Онъ игралъ просто, достигая безъ всякаго напряженія эффекта самой глубокой правды.

Позже Милославскій сталъ играть Стараго барина въ пьесѣ Пальма. Но можно ли передать словами то обаяніе, которое онъ производилъ на публику? Милославскій сжился съ этой ролью, какъ будто изображалъ самого себя. И не было на сценѣ старика Опольева, а былъ старый баринъ Милославскій.

Жакоба, т. е. Якова, стараго слугу Опольева, игралъ Николаевъ.

Я не могу не остановиться на этомъ дивномъ актерѣ, равнаго которому не было и не будетъ никогда.

Николаевъ игралъ только слугъ, не брезгая ролями даже безмолвными. Достаточно было появленія Николаева во фракѣ, несущаго подносъ съ письмами или фруктами, чтобы тотчасъ создавалась барственность и уютность обстановки.

А какъ онъ былъ хорошъ въ Осипѣ и въ дворецкомъ изъ «Лакейской» Гоголя!

Я помню еще Николаева въ пьесѣ «Картежникъ», написанной на тему Пиковой дамы, гдѣ онъ изображалъ вѣчно пьянаго деньщика. Но здѣсь онъ не былъ такъ хорошъ, какъ въ роляхъ честныхъ и вѣрныхъ слугъ.

Его коронною ролью, послѣ Осипа, ролью, въ которой онъ достигалъ высочайшей степени самаго реальнаго драматизма, была роль стараго слуги въ Разбойникахъ Шиллера.

Въ Николаевѣ было что-то крѣпостническое. Онъ былъ беззавѣтно преданъ старому искусству.

И вотъ Милославскій, Старый баринъ, обращается къ Николаеву, старому слугѣ:

«Помнишь, Яшенька, бывало походы, биваки, ночи на пролетъ, золото горстями, все нипочемъ? Яковъ. Настоящая дворянская жизнь была. Опольевъ. А помнишь, какой у насъ порядокъ былъ заведенъ, какъ мы съ тобой каждое утро бесѣду вели? Яковъ. Какъ не помнить? Словно вчера. Опольевъ. А ну-ну, разсказывай какъ. Яковъ. (Усмѣхнувшись въ кулакъ). Проснетесь, бывало, потягиваетесь и перво на перво сейчасъ крикнете: Жакобъ!—Я вхожу; вы спрашиваете: Жакобъ, авонъ ну де ларжанъ? Отвѣчаю: нонъ, мусье. Опольевъ. Браво! такъ! — А знаешь что, Жакобъ! умри-ка ты поскорѣе. Яковъ. Зачѣмъ это-съ? Опольевъ. Околѣй, старый хрычъ! намъ съ тобою на свѣтѣ больше дѣлать нечего. Понимаешь. Яковъ. Ну, нѣтъ... Лучше поѣдемъ за-границу. Что тутъ маяться? Опольевъ (Строго). Жакобъ! Яковъ (Вытягивается). Чего изволите, сударь? Опольевъ. Avons nous de l'argent? Яковъ. Нонъ, мусье. Опольевъ. Ну такъ пошелъ вонъ!

А потомъ являлся Бухарцевъ, и Бухарцева игралъ Кирѣевъ!..

Хороша была прежде въ Одессѣ русская драма.

Милославскій легко перевоплощался изъ одного типа въ другой. Въ немъ было что-то Пушкинское, по умѣнію проникаться различными эпохами и характерами.

Однажды онъ совершилъ чудо. Въ одинъ вечеръ онъ сыгралъ пять ролей, но какихъ! Это было въ его бенефисъ, въ театрѣ Великанова, въ 1874 году. Онъ сыгралъ: Гамлета, Ришелье, Гувернера, Ляпунова и Стараго барина,

по одному наиболѣе яркому акту изъ каждой пьесы. А было ему тогда 63 года, и игралъ онъ Гамлета, какъ юноша!

Милославскій имѣлъ въ свое время въ Россіи только одного соперника — Самойлова. Они не любили другъ друга, но интересовались взаимными успѣхами. Самойловъ пріѣзжалъ въ Одессу спеціально, чтобы посмотрѣть на Милославскаго въ Ришелье и въ Гувернерѣ. Не подражая другъ другу, они имѣли въ своей игрѣ много общаго, больше всего того, что иначе не назовешь, какъ аристократизмомъ исполненія.

Милославскій былъ у себя дома большой баринъ и хлѣбосолъ. Онъ и жена его Воронина часто устраивали у себя вечера послѣ театра, на которые приглашались не только актеры, но и представители одесской прессы и общества.

Въ качествѣ рецензента французской газеты «Journal d'Odessa» я бывалъ на собраніяхъ у Милославскаго въ тотъ періодъ, когда, во время его антрепренерства въ театрѣ Великанова, онъ жилъ въ домѣ гостиницы «Франція» на Дерибасовской, въ глубинѣ двора, на-лѣво. Тамъ я познакомился ближе съ Николаемъ Карловичемъ и удостоился частыми съ нимъ бесѣдами. Въ разговорахъ объ искусствѣ, въ критикѣ данной пьесы и въ разборѣ [illegible]ненія ея Милославскій сказывался, какъ глубоко сознающій себя артистъ. Онъ чутко прислушивался къ голосу критики и охотно давалъ отчетъ въ томъ, почему онъ толкуетъ такъ, а не иначе, изображаемый имъ типъ.

Въ немъ не было того, что можно назвать инстинктивной стихійностью въ игрѣ, какая, говорятъ, была у Мочалова и у Рыбакова. Онъ былъ актеромъ сознательнымъ, увѣреннымъ въ каждомъ своемъ шагѣ и почти всегда одинаковымъ. Но эта одинаковость была такъ человѣчна, такъ богата внутреннимъ содержаніемъ и такъ внѣшне ярка, что она никогда не производила впечатлѣнія однообразія.

Милославскій былъ долгое время въ Одессѣ антрепренеромъ, сначала въ театрѣ, передѣланномъ изъ цирка Сура, на Александровскомъ проспектѣ, потомъ въ театрѣ Эрмитажъ за Строгановскимъ мостомъ и, наконецъ, въ театрѣ Великанова (Русскій театръ).

Я помню торжество открытія этого послѣдняго театра. Помню молодого, бѣлокураго архитектора Виктора Великанова, помню отца его, сѣдобородаго Александра Семеновича Великанова, бывшаго члена управы. Помню веселый, жизнерадостный театръ. Множество публики, музыка, фойе съ живыми фонтанами, произведшими на всѣхъ особое впечатлѣніе, цвѣты, шампанское. Великановъ, Рафаловичъ принимали гостей. А въ публикѣ, состоявшей изъ лучшихъ представителей одесскаго общества, тамъ и сямъ появлялись русскіе артисты: Форкатти, Лелевъ, Калиновичъ, Киселевскій, Козловская, Яблочкина, Журинъ, Таланова, Майкова и другіе и еще многіе другіе, которыхъ одесская публика впослѣдствіи такъ искренно полюбила...

Я совершенно не касаюсь личности Н. К. Милославскаго, какъ человѣка и какъ антрепренера. О немъ писалось много анекдотовъ и характеристикъ. Это можетъ составить предметъ особаго очерка. Я хотѣлъ лишь возобновить въ памяти одесситовъ его свѣтлый образъ артиста. Одесса можетъ гордиться, что она имѣла у себя не преувеличенную мѣстнымъ патріотизмомъ знаменитость, а дѣйствительно великаго артиста.

Милославскій отдался всецѣло Одессѣ, претерпѣвая въ ней тяжелые годы антрепренерскихъ неудачъ. Но заслуги его по насажденію въ Одессѣ русской драмы огромны. Онъ собралъ вокругъ себя, въ теченіи многихъ лѣтъ, многочисленную труппу прекрасныхъ русскихъ актеровъ, одни имена которыхъ достаточны, чтобы воскресить въ памяти

старыхъ одесситовъ самыя лучшія театральныя впечатлѣнія...

Кто еще помнитъ Коврова, Никитина, Брянскую, Холодова, Новикова-Иванова, Андреева-Бурлака, Горева, Кирѣева, Форкатти, Иванова-Козельскаго, Линовскую, Яблочкину вторую, Журина, Глѣбову, Волгину, Кисилевскаго, Лелева, Ленскаго?...

Я не скоро пересталъ бы, если-бы хотѣлъ перечислить всѣхъ, кого Милославскій привлекъ въ Одессу, создавъ въ русской драмѣ такой ансамбль, котораго съ тѣхъ поръ у насъ не бывало. И въ этомъ ансамблѣ Милославскій былъ все-таки, по генію, по опыту и по красотѣ исполненія наиболѣе свѣтлою вершиною — какъ Монбланъ, который не только не мѣшаетъ своими бѣлыми снѣгами а, наоборотъ, способствуетъ общей красотѣ альпійскихъ горъ.

Скрипачъ Консоло.

Однажды вечеромъ во дворѣ дома, гдѣ мы жили, залаяла чужая собака; залаяла такъ настойчиво-визгливо, что вскорѣ ей начали вторить другія собаки, какъ нашего, такъ и сосѣдняго дворовъ, а затѣмъ огласился лаемъ и воемъ чуть ли не весь кварталъ. Мы вышли во дворъ, чтобы узнать, что случилось. Оказалось, что всю эту кутерьму возбудилъ шедшій къ намъ въ гости скрипачъ Консоло: онъ остановился посреди двора и сталъ такъ искусно подражать собачьему лаю, что заставилъ всѣхъ мѣстныхъ и сосѣднихъ Полкановъ и Азоровъ залаять вмѣстѣ съ нимъ. — Что вы тутъ дѣлаете? спрашиваю его. Онъ преспокойно: vous voyez, je m'amuse avec les chiens.—Консоло, вообще, любилъ продѣлывать всякія шалости, фокусничалъ, кувыркался по полу. Послѣ игры на скрипкѣ бросался вдругъ обнимать незнакомыхъ дамъ, то совершенно неожиданно для друзей впадалъ въ глубочайшую грусть и меланхолію и послѣ веселаго смѣха безпричинно, какъ дитя, плакалъ.

Консоло былъ у насъ заѣзжимъ гостемъ откуда-то съ востока, но онъ окончилъ консерваторію въ Парижѣ. Онъ былъ чуднымъ артистомъ-скрипачемъ, совершенно своеобразной школы. Для него на первомъ планѣ въ игрѣ были чувство и пѣніе. Онъ говорилъ, что скрипка тотъ же человѣческій голосъ, выражающій тѣ же человѣческія чувства, но которыя не передашь словами. Онъ предста-

влялъ собою, какъ виртуозъ, полнѣйшую противоположность подвизавшемуся у насъ же въ Одессѣ на эстрадѣ сгорѣвшаго Городского театра Апполинарію Контскому. Контскій такъ же шарлатанилъ на своей скрипкѣ, какъ и въ своихъ концертныхъ программахъ, въ которыхъ онъ фантастически расписывалъ содержаніе исполнявшихся имъ произведеній. Блестяще, сильно, съ фейерверкомъ исполнялъ онъ чисто виртуозныя вещи, въ ущербъ простотѣ и глубинѣ содержанія. Если не ошибаюсь, онъ первый ввелъ въ моду такой скрипичный эффектъ: во время исполненія «Венеціанскаго карнавала» Паганини вдругъ лопается у него струна; онъ ее обрываетъ, играетъ на остальныхъ трехъ; потомъ лопается другая—онъ играетъ на двухъ, а затѣмъ обрывается третья и онъ заканчиваетъ карнавалъ съ шикомъ и блескомъ на одной, послѣдней, струнѣ. По странному совпаденію, почти одновременно съ А. Контскимъ, подвизался на той же эстрадѣ Городского театра другой виртуозъ, но не на одной струнѣ, а на одной ногѣ. То былъ знаменитый одноногій танцоръ Донато. Опершись на шестъ, онъ вылеталъ изъ-за кулисъ на сцену большимъ красивымъ прыжкомъ и здѣсь на одной ногѣ (другая, вслѣдствіе какого-то несчастья, была у него отрѣзана) онъ граціозно и легко танцовалъ самые разнообразные танцы, выдѣлывая вольты, баллоны, пируэты и, вообще, труднѣйшие балетные па искуснѣе лучшей балерины. Невольно напрашивалось сравненіе между этимъ танцоромъ на одной ногѣ со скрипачемъ на одной струнѣ. Оба не далеко ушли отъ поверхности таланта.

Но Консоло не былъ на нихъ похожъ ни въ чемъ: чудакъ и сумасбродъ въ жизни, онъ, играя на скрипкѣ, священнодѣйствовалъ. Будучи искренно вѣрующимъ человѣкомъ, онъ выражалъ въ игрѣ свое религіозное настроеніе. Обладая значительною техникою, онъ ею не щеголялъ и придавалъ ей лишь вспомогательное значеніе: вся суть его игры была въ силѣ тона и въ экспрессіи. Скрипка звучала у него, какъ віолончель. Въ настоящее время, когда... и прочее, какъ то неловко даже говорить о репертуарѣ Консоло: пожалуй, посмѣются. Игралъ онъ почти исключительно пѣвучія вещи: berceuse'ы, nocturne'ы, романсы и свои переложенія Шуберта; въ особенности хорошо передавалъ онъ знаменитую его серенаду. Но то, что приводило въ восторгъ одесситовъ и вызывало въ нихъ искренніе слезы умиленія — это были «Ave Maria» Гуно и молитва изъ «Мойсея» Россини. Скрипка пѣла и выражала всю силу экзальтаціи самаго Консоло, заражая публику его религіознымъ подъемомъ. Пріѣзжалъ къ намъ Консоло нѣсколько разъ, останавливаясь у своего друга, чуднаго человѣка и отличнаго піаниста Рудольфа Фельдау. Въ послѣдній разъ онъ носилъ на головѣ турецкую феску. Оказалось, что, побывавъ въ Константинополѣ, онъ принялъ тамъ магометанство. Это всѣхъ насъ поразило, такъ какъ раньше онъ былъ фанатикомъ-католикомъ. Но надо было, чтобы понять Консоло, проникнуть глубже въ его душу.—Еврей по происхожденію, родившійся гдѣ-то на Востокѣ, кажется въ Сиріи, Консоло рано принялъ христіанство маронитскаго толка, былъ монахомъ, а потомъ перешелъ во Франціи, гдѣ онъ учился музыкѣ, въ чистое католичество. Красивый, смуглый съ блестящими страстными глазами, вѣчно ищущій правды жизни, онъ былъ фанатическимъ исповѣдникомъ каждой воспринятой имъ вѣры, но быстро сгоралъ въ ней. Страсть жизни разъѣдала его, онъ мучился, выражая свою муку то въ мальчишескихъ сумасбродствахъ, то въ дивной прочувствованной игрѣ. Цѣлые годы онъ жилъ строжайшимъ аскетомъ, а затѣмъ цѣлые періоды отдавался совершенно необузданной любви. Кончилъ онъ тѣмъ, что со свойственнымъ ему увлеченіемъ повѣрилъ въ спасительную истину Корана. «Религія Магомета», — говорилъ онъ

имѣетъ то преимущество передъ другими, что она не мѣшаетъ жить». Изъ Одессы Консоло окончательно переѣхалъ въ Константинополь, гдѣ послѣ игры у султана получилъ званіе его придворнаго солиста. Съ тѣхъ поръ мы о немъ ничего не слыхали, и осталось неизвѣстнымъ, не перешелъ ли онъ послѣ магометанства въ другую вѣру. Но однажды появился въ одесскихъ газетахъ, заимствованный изъ турецкихъ, разсказъ о томъ, какъ Консоло на одномъ изъ константинопольскихъ базаровъ, увидѣвъ нищаго скрипача и взявъ изъ его рукъ его грошевый инструментъ, сталъ играть на немъ такіе жалобные восточные мотивы, что собравшаяся многочисленная толпа, разчувствовавшись, набросала въ чашку нищаго цѣлыя груды всякихъ монетъ. И этому разсказу мы всѣ повѣрили; такъ онъ правдиво характеризовалъ глубоко артистическую и глубоко сердечную натуру Консоло.

Странности артистовъ.

Мѣшковъ.— Скрипачи Ап. Контскій, Консоло, Де-ла Раншерк.— Одноногій танцоръ Донато.— Престидижитаторъ Ведь.— Фабрикантъ-фокусникъ Питансье.— Родольфъ.— Прежніе каламбуристы.

На дачѣ, гдѣ мы жили, въ Ботаническомъ саду, рядомъ съ дачею Струкова, занималъ отдѣльную комнату артистъ-скрипачъ, по фамиліи Мѣшковъ. Это былъ странный музыкантъ. Онъ упражнялся по цѣлымъ днямъ и ночамъ на своемъ инструментѣ, но исключительно на одной струнѣ, на баскѣ. Тянетъ, тянетъ нѣсколько минутъ одну ноту, стараясь извлечь изъ струны звукъ возможно ровный и сильный, потомъ тянетъ, тянетъ съ той-же цѣлью другую ноту на той-же струнѣ, и такъ въ теченіе цѣлаго дня. Тщетно мы—дѣти, да и наши родные—взрослые, ожидали, что артистъ сыграетъ намъ какую-нибудь мелодію, или, по крайней мѣрѣ, перейдетъ на другую ноту—Мѣшковъ тянулъ свое. Даже ночью, при лунномъ свѣтѣ, онъ бралъ свою скрипку и у открытаго окна упорно разыгрывалъ на томъ-же баскѣ свои тоскливо-тягучія упражненія. Въ концѣ-концовъ эта «музыка» стала наводить на всѣхъ такое уныніе, что дачники рѣшили послать къ нему делегата для объясненій, чтобы убѣдить его или играть что-нибудь болѣе живое, или удалиться съ дачи.

Мѣшковъ встрѣтилъ делегата удивленно и сказалъ ему, что обитатели Ботаническаго сада ничего не понима-

ютъ въ музыкѣ. Музыка, настоящая музыка, вовсе не въ мелодіи. Мелодія—это такъ, пустая забава. Весь смыслъ музыки въ звукѣ. Всякій звукъ, какой бы онъ ни былъ, если знать, какъ извлекать его и если глубоко вслушаться въ него, представляетъ собою неисчерпаемый источникъ музыкальной красоты. Музыка возникаетъ не изъ сочетанія нѣсколькихъ звуковъ, а изъ различныхъ особенностей каждаго звука въ отдѣльности. Мѣшковъ сталъ развивать передъ делегатомъ цѣлую теорію музыкальной однозвучности, отъ которой совершенно неожиданно перешелъ къ теоріи одиночества въ жизни. Гармонія жизни вовсе не тамъ, говорилъ онъ, гдѣ соединяются пары людей, а тамъ, гдѣ человѣкъ находитъ смыслъ и счастье въ одномъ себѣ.

Изъ дальнѣйшаго разговора выяснилось, что Мѣшковъ былъ незадолго до пріѣзда на дачу страстно, но безнадежно влюбленъ въ одну дѣвицу. Безъ сомнѣнія, эта-то несчастная любовь и была причиной его странной мизантропіи, перешедшей отъ отвращенія къ совмѣстной жизни съ людьми въ форму пристрастія къ однозвучной игрѣ на скрипкѣ.

Мѣшковъ былъ маніакъ, сумасшедшій, но были артисты нормальные, которые тоже страдали музыкальною, если можно такъ выразиться, однобокостью. Извѣстно, что знаменитый скрипачъ Апполинарій Контскій очень любилъ щеголять игрою на одной струнѣ. Правда, онъ игралъ на ней не одни однозвучныя упражненія, какъ Мѣшковъ, а цѣлыя фантазіи. Контскій пріѣзжалъ въ Одессу часто, сначала одинъ, потомъ со своею дочерью Вандою. Онъ игралъ съ нею свои пресловутыя «музыкальныя поэмы для скрипки и фортепіано, отличавшіяся тѣмъ, что изложенное въ программахъ концерта фантастическое содержаніе этихъ поэмъ было гораздо интереснѣе самаго произведенія.

Контскій былъ кумиромъ польскаго свѣтскаго общества Одессы. Его принимали въ домахъ Юрьевичей, Сабанскихъ, Свенторжицкихъ.

Подражателемъ Контскаго былъ значительно позже пріѣхавшій въ Одессу скрипачъ Консоло. Но это былъ артистъ другого типа. Сильнаго, страстнаго темперамента, Консоло захватывалъ душу своею игрою. Онъ не любилъ скрипичныхъ фокусовъ и игралъ на одной струнѣ лишь знаменитую Молитву Моисея, но игралъ съ такою задушевною экспрессіею, что вызывалъ слезы восторга и умиленія.

Еще однимъ «однобокимъ» артистомъ былъ Донато. Но этотъ артистъ былъ не скрипачъ, а танцоръ на одной ногѣ. Участвовалъ онъ также въ балетныхъ пантомимахъ, которыя, кстати сказать, были въ большой модѣ въ старой Одессѣ.

Кто помнитъ еще «Средство изгонять волокитъ»?...

Не могу забыть о чудномъ скрипачѣ-французѣ Де-ла-Раншере. Блѣдный, интересный, съ длинными волосами, онъ отличался тѣмъ, что влюблялся ежедневно въ другую женщину, и влюблялся каждый разъ серьезно, искренно. Выходило это у него такъ: каждый вечеръ, гдѣ бы онъ ни бывалъ въ гостяхъ, если только были тамъ женщины, онъ намѣчалъ себѣ одну, какъ свою героиню, которой онъ на этотъ день отдавалъ всю свою душу и весь свой талантъ. Онъ игралъ исключительно для нея и затѣмъ, во время бесѣды, объяснялся ей въ своей любви, ничуть не считаясь съ тѣмъ, была ли его избранница свободна и отвѣчала ли она ему взаимностью. На другой день онъ о ней совершенно забывалъ. Такъ какъ такія увлеченія происходили съ нимъ почти каждый день, то можно представить себѣ, какъ много онъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ пребыванія въ Одессѣ создалъ «ге-

роинь» и сколько легковѣрныхъ сердецъ онъ разбилъ своими неожиданными охлажденіями.

Де-ла-Раншере былъ самолюбивъ, обидчивъ и ревнивъ. Онъ не переносилъ соперниковъ и не позволялъ даже законному супругу ухаживать за его очередною избранницею. Я помню, какой скандалъ онъ учинилъ однажды у насъ въ домѣ, на приглашенномъ вечерѣ, знаменитому французскому престидижитатору Велю. Вель, продѣлывая во время ужина фокусы съ волшебными шариками, которые неожиданно появлялись и исчезали то тутъ, то тамъ, вытащилъ вдругъ одинъ заблудшш шарикъ изъ-за корсажа своей хорошенькой сосѣдки. Эта особа оказалась какъ разъ героиней на этотъ вечеръ де-ла-Раншере и онъ, вскипѣвъ отъ негодованія, набросился на Веля со словами: n'osez pas toucher à cette dame! (не смѣйте касаться этой дамы!).

— Mais c'est ma femme! (но это моя жена!) — воскликнулъ Вель.

— Ça m'est égal! Je vous le défends! (мнѣ все равно. Я вамъ это запрещаю).

Дѣло едва не дошло до дуэли.

Вель былъ очаровательный салонный престидижитаторъ. Онъ приходилъ въ одесскіе великосвѣтскіе дома съ массою заготовленныхъ сюрпризовъ, зная, что его непремѣнно попросятъ показать какіе-нибудь фокусы. Самые лучшіе его фокусы были съ картами. Ихъ нынче почти не дѣлаютъ. А между тѣмъ въ нихъ много было прелести и изящества. Летающія и возвращающіяся карты удивляли и очаровывали одесскую публику. Въ городскомъ театрѣ Вель умудрялся бросать карты такъ, что онѣ совершали кругъ отъ сцены до галерки и обратно.

Фокусниковъ въ Одессѣ перебывало много. Были у насъ и Германъ, и Беккеръ, и Ленцъ, и Казеневъ. Съ Германомъ случилась непріятность: при переходѣ его со сцены въ партеръ по деревянному мостку, доски обломились и Германъ провалился въ оркестръ. При оказаніи ему помощи обнаружился секретъ его знаменитаго фокуса съ золотыми рыбками. Германъ оказался весь облѣпленнымъ плоскими стеклянными сосудами съ водою, обтянутыми непроницаемыми пленками.

Оправившись отъ паденія, Германъ вышелъ на сцену и обратился къ публикѣ со слѣдующими словами (онъ былъ французъ).

— Вы видите, господа, что я не большой волшебникъ, такъ какъ не могъ предотвратить происшедшее несчастье.—Но я надѣюсь, что оно останется безъ послѣдствій и исчезнетъ, какъ вотъ это. При этомъ онъ показалъ публикѣ шаръ изъ слоновой кости, который вдругъ исчезъ съ его ладони и оказался потомъ на ея оборотной сторонѣ.

Былъ у насъ и свой собственный одесскій престидижитаторъ — Родольфъ. Это былъ основатель первой въ Одессѣ фабрики стеариновыхъ свѣчей—французъ Жоржъ Питансье. До своего перехода къ фабричной дѣятельности Питансье занимался профессіональнымъ престидижитаторствомъ подъ именемъ Родольфа. Въ Одессѣ онъ давалъ публикѣ представленія съ разными благотворительными цѣлями. Фокусы были преимущественно карточные или болѣе сложные, но продѣлываемые съ помощью комперовъ (сообщниковъ).

Онъ давалъ задумывать кому-нибудь изъ публики (заранѣе подготовленному имъ лицу) какое-нибудь слово. На вечерѣ, на которомъ я присутствовалъ, было задумано Stéarine. Затѣмъ просилъ написать его на листкѣ бумаги и передать на разсмотрѣніе всѣхъ присутствующихъ. Въ тотъ-же моментъ входилъ въ залу почтальонъ съ огромнымъ пакетомъ и объявлялъ: une lettre chargée pour monsieur Rodolphe! Родольфъ смущался, извинялся и при-

нимался, съ разрѣшенія публики, за вскрытіе пакета. Десятки конвертовъ одинъ за другимъ слетали съ пакета, пока не оказывалось въ немъ, наконецъ, маленькое письмецо, въ которомъ было сказано: я знаю задуманное слово: это—Stéarine.—Общее удивленіе и восторгъ.

Этотъ Питансье (онъ-же Родольфъ) былъ не только фокусникомъ, но еще и каламбуристомъ. Неисправимый, безнадежный каламбуристъ. Кстати—некстати онъ игралъ словомъ, поражая собесѣдника во время дѣлового разговора совершенно неожиданнымъ jeu de mot. Большимъ каламбуристомъ былъ также другъ Питансье, хорошо извѣстный въ общественной жизни старой Одессы архитекторъ Отонъ. Онъ самъ нашелъ въ своей фамиліи Autonne слово Tonneau (бочка), что вполнѣ соотвѣтствовало его толстой фигурѣ. Но Питансье былъ каламбуристомъ, какъ иные бываютъ лгунами, отъ природы. Это была его болѣзнь. Онъ каламбурилъ даже на одрѣ смерти.

Отецъ мой, только что назначенный цензоромъ одесской иностранной цензуры, пришелъ навѣстить умирающаго Питансье. Едва шевеля губами, Питансье спросилъ отца о здоровьи его сестры мадамъ Брунъ. Тронутый вниманіемъ больного, отецъ отвѣчалъ, что мадамъ Брунъ, слава Богу, вполнѣ здорова.—А другая ваша сестра мадамъ Тальяферо еще жива?—Жива и здорова.—А ваша сестра мадамъ Миланта?—Слава Богу, жива тоже.—Питансье вздохнулъ и слабымъ голосомъ проговорилъ: mais pourquoi donc m'avait on dit que vous étiez censeur?... (Но почему же мнѣ сказали, что вы цензоръ?).

Питансье, умирая, игралъ словомъ «censeur», что означаетъ ц е н з о р ъ, и «sans soeurs», что означаетъ «б е з ъ с е с т е р ъ».

Большимъ острякомъ былъ также редакторъ «Journal d'Odessa» Леонъ Даниканъ. Каждый вечеръ въ редакціи газеты собирались друзья и сотрудники Даникана. Оживленіе царило общее. Остроты и каламбуры взлетали, перекрещивались и разлетались, какъ звѣзды фейерверка. Между двумя періодами злободневной передовицы Даниканъ умудрялся разрѣшать труднѣйшія шарады или логогрифы изъ свѣже-полученныхъ парижскихъ газетъ. А если загадка была черезчуръ замысловата, то передовица откладывалась и сотрудники приглашались бросить на время текущую работу, чтобы заняться болѣе серьезнымъ дѣломъ исканія труднаго рѣшенія. Приходившій за газетнымъ матеріаломъ метранпажъ останавливался въ благоговѣніи передъ священнодѣйствіемъ редакціи и самъ увлекался головоломною роботою. Но вотъ искомое слово найдено; происходило общее ликованіе; закипала вновь газетная работа, и Даниканъ принимался за продолженіе громоносной статьи противъ Бисмарка, котораго онъ искренно ненавидѣлъ.

У французовъ легкость ума и поверхностное отношеніе къ внѣшнимъ проявленіямъ жизни не исключаютъ глубокихъ душевныхъ переживаній. Питансье острилъ на смертномъ одрѣ, какъ тотъ бѣдняга поэтъ Эжезипъ Моро, который каламбурилъ во время мучительно-хирургической операціи извлеченія у него изъ почекъ камней и со стономъ восклицалъ: quand serai-je enfin au bout de ma carrière! (Когда-же настанетъ конецъ моей карьеры (каменоломни)! Изящный, остроумный Даниканъ, такъ легко разрѣшавшій всякія замысловатыя загадки въ своей редакціи, не могъ, однако, совладать съ труднѣйшею изъ нихъ — съ шарадою жизни—и разрѣшилъ ее не шутливымъ каламбуромъ, а самоубійствомъ. Онъ застрѣлился изъ двухъ револьверовъ двумя одновременными выстрѣлами — въ високъ и въ сердце.

Садъ Форкатти, Лелевъ и Горева. Еще о Милославскомъ.

Карнавалъ въ Венеціи.—Горитъ разноцвѣтными фонариками садъ внизу приморскаго бульвара. Со стороны Воронцовской площадки и по большой лѣстницѣ тысячная толпа спѣшитъ на бенефисъ Форкатти.

Самъ Викторъ Людвиговичъ, гибкій, статный, со смуглыми, арабскими чертами, суетится, распоряжается, всюду поспѣваетъ. Онъ сіяетъ отъ восторга, скаля ослѣпительные зубы. Сборъ предвидится огромный.

А деньги Форкатти нужны. Онъ весь въ долгахъ. Кредиторы осаждаютъ его съ утра...

Музыканты ропщутъ, не получивъ слѣдуемаго жалованья; но все же идутъ къ оркестровой раковинѣ. Появляется Гаэтано Грація. Сверкая черными глазами и поглаживая лѣвою рукою сѣдоватые усы, онъ взмахиваетъ палочкою, и послушные музыканты (среди которыхъ были такіе заправскіе артисты, какъ Буонфильоли, Брамбилла и понынѣ здравствующій Лаэцца) мощно и бодро оглашаютъ садъ звуками знаменитаго въ свое время Скобелевскаго марша.

Публика съ бульвара спѣшитъ внизъ на зовъ музыки и заполняетъ всѣ аллеи. Верхняя и нижняя кассы не успѣваютъ продавать билеты.

На нынѣшней площадкѣ дѣтскаго сада, гдѣ устраиваются дѣтскія игры, прежде высилось огромное, бревенчатое, въ русскомъ стилѣ, зданіе театра, построенное архитекторомъ Масомъ. Много чужихъ денегъ положилъ на эту постройку Форкатти.

Въ описываемый мною вечеръ, театръ этотъ еще не былъ соединенъ, какъ впослѣдствіи, деревянною террасою съ верхней стороной бульвара. На фасадѣ театра было построено нѣчто вродѣ обширнаго открытаго вокзала въ два этажа, съ великолѣпнымъ видомъ на море. На галлереяхъ его толпилась публика элегантная, жизнерадостная, говорливая.

Въ театрѣ шла французская оперетка, а на открытой эстрадѣ—разнообразный дивертисментъ.

Форкатти первый познакомилъ одесситовъ съ кафешантаннымъ жанромъ. Онъ выписывалъ непосредственно изъ-за-границы лучшихъ артистовъ и приглашалъ изъ Москвы и Кіева выдающихся русскихъ пѣвицъ и куплетистовъ.

Кто не помнитъ произведшаго на всѣхъ ошеломляющее впечатлѣніе своими веселыми выходами знаменитаго еврейскаго квартета братьевъ Земель?.. Квартетъ былъ въ самомъ дѣлѣ безподобный. Чудные голоса, выдающаяся музыкальность, искренній задоръ и неподражаемая комичность.

„Паулина», «о Пепита!» «Ихъ бинъ шнейдеръ» и много другихъ артистически исполненныхъ квартетовъ.

Нельзя не отмѣтить въ исполненіи, какъ братьевъ Земель, такъ и, вообще, всѣхъ артистовъ сада Форкати, отсутствіе пошлости, той пошлости, безъ которой въ настоящее время ни одинъ опереточный или кафе-концертный артистъ не можетъ имѣть въ Одессѣ успѣха.

Пикантною, женственно-граціозною была русская пѣвица Столлингъ. Великолѣпенъ былъ Рига, «человѣкъ о тридцати шести головахъ».

А чудный чтецъ Григоровскій, старикъ, передававшій съ такою серьезной теплотою стихи Розенгейма, Некрасова, Курочкина!

А Мюраторъ, Бюслэ, Бланшъ Мируаръ!

А французскія одноактныя оперетки: Les deux chanteurs sans place, La rose de Saint Flour M-r Choufleuri, L'acteur omnibus и другія, веселыя, но музыкальныя бездѣлушки!

А цыганскій, настоящій, изъ Москвы, цыганскій хоръ, расположившійся въ саду шатрами!

Въ саду, въ этотъ вечеръ, на ярко иллюминованныхъ аллеяхъ, царило, по случаю бенефиса Форкатти, необычайное оживленіе. Публика все прибывала.—Какъ вдругъ, въ самомъ разгарѣ празднества, произошелъ колоссальный скандалъ.

Викторъ Людвиговичъ, все время радостно распоряжавшійся устройствомъ гулянья, вдругъ тревожно засуетился. Ему сообщили, что въ верхнюю кассу сада явился судебный приставъ для ареста выручки.

Весь сборъ вечера долженъ былъ погибнуть.

Форкатти летитъ наверхъ, и въ то время какъ кассиръ, вступивъ въ пререканія съ судебнымъ приставомъ, не допускаетъ кредиторовъ къ кассѣ, Форкатти захватываетъ въ свои карманы всю кассовую выручку и билеты.

Публика, требующая билетовъ, напираетъ на кассу. Кассиръ ссылается на отсутствіе билетовъ. Публика шумитъ и бранитъ пристава. Тотъ запираетъ верхнюю кассу и направляется къ нижней. Многочисленная толпа слѣдуетъ за нимъ.

Но внизу Форкати успѣлъ продѣлать то же, что и наверху, т. е. забралъ къ себѣ всѣ вырученныя деньги, а продажу билетовъ продолжалъ лишь до прихода пристава. Когда же приставъ появился у кассы, то въ ней, какъ и наверху, билетовъ не оказалось.

Поднялся ропотъ, крикъ, брань, требованія билетовъ. Раздались возгласы: долой пристава! Скандалъ разростался и Богъ его знаетъ, чѣмъ-бы онъ закончился, если-бы Форкатти не придумалъ геніальной выходки.

Чтобы не лишиться входной платы, а, съ другой стороны, чтобы выручка не попала въ руки кредиторовъ, онъ вдругъ распорядился открыть передъ публикой двери сада и своимъ зычнымъ голосомъ объявилъ, что входъ для всѣхъ свободенъ.

Огромная толпа хотѣвшихъ и не хотѣвшихъ быть въ саду хлынула на зовъ Форкатти и повалила въ садъ, внося входную плату самому Виктору Людвиговичу на виду у сидѣвшаго въ кассѣ блѣднаго, растерявшагося и не знавшаго, что предпринять, судебнаго пристава.

Набралось много публики въ саду такой, которой никогда и не мечталось быть на карнавалѣ въ Венеціи.

Убѣдившись, что съ такимъ геніальнымъ дѣльцомъ, какъ Форкатти, ничего обычнымъ судебнымъ порядкомъ не подѣлаешь, кредиторы его, въ сопровожденіи пристава, ушли изъ сада и гуляніе закончилось благополучно къ общему удовольствію.

Форкатти, дѣйствительно, былъ дѣльцомъ. Добродушный, славный, любящій, онъ, какъ артистъ, одинаково талантливо игралъ и «Забубенную головушку» и «Нашего друга Неклюжева», а какъ человѣкъ, одинаково щедро сорилъ, какъ своими, такъ и чужими деньгами.

Воспитавшійся въ школѣ Николая Карловича Милославскаго, онъ смотрѣлъ на денежныхъ людей, какъ на собственныхъ кассировъ и не стѣснялся прибѣгать къ средствамъ, явно предосудительнымъ, чтобы добыть деньгу въ трудную минуту.

Свое дѣло внизу бульвара—большое, съ постройкою грандіознаго театра, съ приглашеніемъ крупныхъ артистовъ, Форкатти началъ буквально безъ копѣйки. У него

была въ карманѣ телеграмма изъ Казани. Въ этой телеграммѣ, полученной имъ за два года до начала предпріятія, извѣщалось о высылкѣ ему 2000 рублей. Деньги были давно потрачены, а телеграмма оставалась. И вотъ, посредствомъ ея, Форкатти, какъ Боско, лилъ вино изъ неисчерпаемой бутылки, открывая себѣ повсюду неисчерпаемый кредитъ.

Въ ожиданіи двухъ тысячъ рублей, лѣсники отпускали ему лѣсъ, кредиторы учитывали его векселя. Явились компаніоны, буфетчики съ залогами.

Милѣйшій и остроумный парень Форкатти привлекалъ къ себѣ много хорошихъ людей, заражавшихся его воодушевленіемъ и отдававшихъ ему безкорыстно свой грудъ и время. Въ числѣ друзей его былъ симпатичный архитекторъ Масъ.

Онъ былъ большимъ приверженцомъ русскаго стиля и первый ввелъ въ Одессѣ русскую народную архитектуру.

Театръ въ саду Форкатти имѣлъ видъ большой русской избы.

Былъ въ числѣ компаньоновъ Форкатти и судебный приставъ Гошовскій.

Викторъ Людвиговичъ привлекъ его въ дѣло на равныхъ доляхъ участія, какъ въ основномъ капиталѣ, такъ и въ прибыляхъ. Но при исчисленіи капитала Форкатти оцѣнилъ первоначальное имущество сада, взятое имъ въ кредитъ, какъ сполна оплаченное и ему принадлежащее, а затѣмъ оцѣнилъ въ большія деньги привносъ своего личнаго труда. Въ результатѣ Гошовскій далъ свѣжія деньги, которыхъ не хватило на веденіе дѣла. Пришлось давать еще и еще...

Дѣло сада Форкатти лопнуло. Театръ былъ разобранъ.

Изъ лучшихъ эпизодовъ жизни этого театра надо отмѣтить приглашеніе въ Одессу любимицы и гордости русской сцены М. Г. Савиной. Она приняла участіе въ нѣсколькихъ спектакляхъ труппы, въ которой въ то время, между прочими хорошими артистами, отличался В. Н. Давыдовъ. Маститый артистъ не гнушался тогда выступать въ водевиляхъ и даже участвовалъ однажды въ веселой пародіи еврейскаго квартета Земель, но онъ игралъ тогда же и свою коронную, драматически-трогательную роль въ «Нахлѣбникахъ» Тургенева. М. Г. Савина обратила на игру Давыдова особое вниманіе, оцѣнила его и предложила ему перейти на сцену Александринскаго театра.

Другой эпизодъ, другого рода, изъ интимной жизни театра Форкатти, сохранился во мнѣ, какъ мое личное воспоминаніе.

Я былъ близкимъ другомъ симпатичнѣйшаго артиста, Константина Гавриловича Лелева, служившаго раньше въ труппѣ Милославскаго (въ Русскомъ театрѣ), а затѣмъ въ саду Форкатти.

Слабогрудый, съ ласкающимъ взоромъ, всегда изящный Лелевъ исполнялъ свои роли драматическаго любовника въ симпатичныхъ тонахъ. Но въ немъ чувствовался скорѣе хорошій человѣкъ, нежели профессіональный артистъ. Отлично образованный, начитанный, онъ былъ всегда вдумчивъ. Лелевъ—братъ недавно умершаго въ Одессѣ извѣстнаго писателя Вучетича.

Большою слабостью Лелева было то, что онъ безконечное число разъ влюблялся... и каждый разъ серьезно. Онъ влюблялся эпизодически, но въ каждомъ его эпизодѣ былъ отблескъ вѣчнаго романа.

Пріѣхалъ онъ въ Одессу съ Софіей Петровной Волгиной. Потомъ его симпатіи смѣнялись одна другою, чуть-ли не ежемѣсячно. Но онъ такъ искренно увлекался, что каждый разъ, при малѣйшей неудачѣ или разочарованіи, приходилъ въ отчаяніе и былъ недалекъ отъ самоубій-

ства. Утѣшить его словами было невозможно. Онъ утѣшался—и довольно скоро, лишь при новомъ увлеченіи.

Въ труппѣ Форкатти начинала свою сценическую карьеру Елизавета Николаевна Горева, сестра Анны Николаевны Ворониной, жены Н. К. Милославскаго. Красивая, статная, нѣсколько холодная съ виду женщина, Горева, покинутая своимъ мужемъ, поступила на сцену по совѣту Милославскаго. Играла она робко, и не чувствовалось въ ней въ тѣ времена той показной, эффектной артистки, которою она сдѣлалась впослѣдствіи.

Лелевъ влюбился въ нее безумно, но она была къ нему равнодушна. На этой почвѣ между ними происходили любовныя размолвки. Приходилось успокаивать ихъ, быть довѣреннымъ обѣихъ сторонъ.

По своему обыкновенію, Лелевъ дошелъ до такого состоянія отчаянія, что объявилъ Елизаветѣ Николаевнѣ, что если она не отвѣтитъ ему взаимностью, то онъ лишитъ себя жизни. На это артистка равнодушно отвѣчала, что эта угроза ее нисколько не трогаетъ и что она, какъ женщина, никогда Лелеву принадлежать не будетъ.

До сихъ поръ, какъ усмотритъ читатель, исторія самая обыкновенная. Но вотъ дальнѣйшій эпизодъ ея, эпизодъ, замѣчательный тѣмъ, что героиня его, Е. Н. Горева, нынѣ здравствующая, сама ничего о немъ не знаетъ. Лелевъ умеръ—и я одинъ могу разсказать объ этомъ любопытномъ романическомъ случаѣ.

Лелевъ и Горева жили въ одной гостиницѣ, въ двухъ смежныхъ комнатахъ. Въ дни размолвокъ дверь, раздѣлявшая ихъ, запиралась, и стуки Лелева въ нее оставались безъ отвѣта. Дошло разъ ночью до того, что Лелевъ выломалъ дверь. Тѣмъ не менѣе Горева осталась неприступною. Пришедшій въ изступленіе Лелевъ объявилъ, что онъ когда-нибудь овладѣетъ Горевой силою.

И вотъ однажды представился къ этому случай... Въ театрѣ Форкатти играли «Блестящую партію» Дьяченко, въ которой Лелевъ и Горева исполняли роли князя и Сесиль Орасъ. Въ послѣднемъ дѣйствіи, во время объясненія влюбленныхъ, Горева, давая реплики Лелеву, стала вдругъ запинаться, что-то про себя бормотать, забывать слова... Лелевъ сталъ подсказывать ей роль, но ей видимо дѣлалось дурно. Она шаталась и, совсѣмъ не по пьесѣ, все ближе стала подходить къ дивану, на который, къ удивленію Лелева и публики, вдругъ опустилась. Голосъ ея превратился въ дуновеніе, реплики ея стали все тише и тише и... она заснула.

Произошелъ переполохъ, спектакль прервали, занавѣсъ опустили. Я побѣжалъ на сцену. Оказалось, что Горева, для успокоенія нервовъ, приняла какое-то наркотическое вещество, но вмѣсто ограниченной дозы, осушила сразу весь флакончикъ. Дѣйствіе яда, незамѣтное сначала, обнаружилось лишь къ концу спектакля, и Горева не могла во время сцены съ Лелевымъ преодолѣть овладѣвшій ею сонъ.

Позвали доктора Я. М. Попича, но никакія средства не могли пробудить Гореву, и ее пришлось оставить на ночь въ ея уборной съ тѣмъ, чтобы ктонибудь былъ около нея и ждалъ момента, когда она очнется.

Хранителями уснувшей остались Лелевъ и я.

Вообразите себѣ большую, просторную, русскую избу. Въ такомъ видѣ были устроены въ театрѣ Форкатти уборныя артистокъ. Вокругъ ночь. Весь театръ опустѣлъ. Всѣ со сцены ушли. Въ избѣ, на стѣнахъ, какія-то женскія платья, на столикѣ большое зеркало, пудра, щипцы, двѣ свѣчки... а на кушеткѣ посреди избы роскошная, съ ослѣпительно бѣлыми плечами, въ полуразстегнутомъ лифѣ, уснувшая женщина.

Эта женщина—Горева—была сейчасъ во власти Лелева... Но Лелевъ ни за что не хотѣлъ отпустить меня и мы расположились стеречь ее вдвоемъ.

Въ возникшей между нами бесѣдѣ не могла не быть поднята, по поводу происшедшаго, любопытная тема: можно-ли, искренно любя и будучи чувственно увлеченнымъ женщиною, испытывать къ ней одинаковое влеченіе когда она, какъ въ данномъ случаѣ, безпомощна и безвольна?

Лелевъ былъ глубоко благороднымъ человѣкомъ. Онъ не могъ не почувствовать, что любовь несовмѣстима съ подлостью, и онъ отнесся къ Горевой, какъ къ святынѣ, какъ къ сестрѣ. Не отходя другъ отъ друга по его настоянію, мы пробыли у изголовья артистки до слѣдующаго дня. Очнулась Елизавета Николаевна послѣ 18 часовъ непрерывнаго сна.

Но вернемся къ Форкатти, къ милѣйшему Виктору Людвиговичу, всю жизнь проведшему въ проектахъ, фантазіяхъ и антрепризахъ. Онъ не брезгалъ нѣкоторыми предосудительными пріемами, чтобы начать трудное дѣло, но у него никогда не было цѣли личнаго обогащенія. Онъ искренно любилъ сцену и служилъ искусству ради самаго искусства.

Я указывалъ уже на то, что Форкатти воспитался въ школѣ Милославскаго, а Милославскій былъ въ сравненіи съ нимъ геніемъ по части всякихъ рискованныхъ аферъ не даромъ онъ былъ такъ великолѣпенъ въ Кречинскомъ.

Знаменитый русскій трагикъ Нильскій (А. А. Нилусъ) въ своихъ воспоминаніяхъ характеризуетъ Милославскаго въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

Онъ стяжалъ себѣ довольно своеобразную славу, какъ анекдотистъ, благодаря тому, что все его остроуміе сводилось къ собственному матеріальному благополучію, ради чего онъ не останавливался передъ завѣдомымъ плутовствомъ; однако, всѣ его продѣлки носили характеръ до того наивно-безобидный, что достойны вниманія по своей исключительности. Онъ умѣлъ удивительно ловко комбинировать обстоятельства. Его изворотливость и находчивость въ трудныя минуты жизни были изумительны и служатъ нескончаемой темою потѣшныхъ разсказовъ въ артистической семьѣ».

Извѣстенъ, напримѣръ, анекдотъ о томъ, какъ Милославскій выигралъ въ Одессѣ въ безпроигрышную лоттерею серебряный самоваръ, на который билета въ урнѣ не было. Милославскій просто поддѣлалъ этотъ билетъ и самъ вытащилъ его изъ урны, къ удивленію устроителя лоттереи.

Въ другой разъ Милославскій поддѣлалъ телеграмму о приглашеніи его въ харьковскую драматическую труппу и заставилъ антрепренера повѣрить, что эту телеграмму составилъ и послалъ ему самъ антрепренеръ.

Милославскій былъ грозою антрепренеровъ, пока, ставъ антрепренеромъ, не сталъ грозою артистовъ.

На сценѣ въ провинціи онъ былъ беззастѣнчивъ. Однажды, въ нетопленномъ театрѣ, онъ игралъ Гамлета въ шубѣ. На замѣчаніе антрепренера, что такъ нельзя, онъ отвѣчалъ: почему нельзя? Все можно. Вотъ Енохъ былъ взятъ живымъ на небеса.—То Енохъ.—А я Милославскій!

Любопытны его пререканья со знаменитымъ Н. Х. Рыбаковымъ, который, при всемъ своемъ геніи, былъ очень мало образованнымъ человѣкомъ. Рыбаковъ игралъ при антрепризѣ Милославскаго Людовика XI въ бородѣ. Это возмутило Милославскаго.—Людовикъ, сказалъ онъ товарищу, не носилъ бороды.—А ты его видѣлъ?—Да это по исторіи.—Ну вотъ! А можетъ быть Людовика XI и вовсе не существовало.—Ну, замѣтилъ Милославскій, если не существовало Людовика, такъ на немъ не могло быть и бороды.

Не было-бы конца разсказамъ о всѣхъ продѣлкахъ и комическихъ выходкахъ Милославскаго. Но заслуживаетъ вниманія одинъ, совершенно неизвѣстный еще разсказъ изъ жизни Милославскаго въ Одессѣ, отлично характеризующій его.

Разсказъ этотъ я передаю здѣсь со словъ редактора «Одесскаго Листка», В. В. Навроцкаго, который былъ въ свое время очень близокъ къ одесскому театральному міру и, въ частности, къ Н. К. Милославскому.

Событіе относится ко времени первыхъ лѣтъ существованія сгорѣвшаго недавно Русскаго театра, построеннаго архитекторомъ Викторомъ Великановымъ и принадлежавшаго братьямъ Рафаловичъ. Театръ этотъ былъ сначала заарендованъ Галаховымъ, а затѣмъ перешелъ къ Милославскому въ 1877 году.

Но какъ перешелъ—это любопытная исторія.

У Милославскаго не было денегъ, а братья Рафаловичъ не соглашались заключать договора безъ задатка въ 5000 рублей.

Были, конечно, и въ прежнія времена въ Одессѣ такіе-же «благодѣтели человѣчества», какъ и нынѣ, ссужавшіе артистовъ деньгами за большіе проценты. Къ числу такихъ благодѣтелей Милославскаго принадлежали знаменитые въ анналахъ Русскаго театра Бонгартъ и Софія Дорфманъ. Но Милославскій былъ у нихъ въ большомъ долгу.

Могъ-бы выручить его изъ бѣды итальянецъ Кане, державшій буфетъ въ сгорѣвшемъ Городскомъ театрѣ, нажившій деньги больше ростовщичествомъ, нежели буфетомъ, и извѣстный тѣмъ, что онъ, толстякъ, вѣчно спалъ за своею стойкою. Кане объявилъ обратившемуся къ нему Милославскому, что онъ заключитъ съ нимъ буфетный договоръ и дастъ ему 5 тысячъ рублей денегъ лишь п о с л ѣ т о г о, какъ Милославскій принесетъ ему заключенный съ братьями Рафаловичъ формальный контрактъ на аренду театра.

Положеніе было безвыходное—безвыходное для обыкновеннаго смертнаго, но не для Милославскаго. Въ немъ заговорила струнка стараго штукаря. Онъ обратился къ В. В. Навроцкому: есть у тебя деньги?—Есть пять рублей.—Отлично; принеси мнѣ на эти деньги грифельную доску, гербовую бумагу и приведи мнѣ писаря.

Съ писаремъ, бумагою и грифельной доскою Милославскій продѣлалъ слѣдующее: онъ заставилъ писаря написать начисто формальный договоръ на аренду Русскаго театра, затѣмъ поддѣлалъ на контрактѣ всѣ подписи и росписки и приложилъ къ нему печать нотаріуса Гольденвейзера, сфабрикованную имъ самодѣльно изъ грифеля и намазанную простою сажею.

Съ такимъ «контрактомъ» Милославскій пошелъ къ Кане. Толстякъ, ослѣпленный заключенною арендою, согласился уплатить Николаю Карловичу потребованные имъ за буфетъ уже не 5, а 8 тысячъ рублей.

— Это тебѣ въ наказаніе за то, сказалъ Милославскій, что ты былъ слишкомъ ко мнѣ недовѣрчивъ.

Поплелся Кане съ Милославскимъ къ настоящему нотаріусу, но не къ Гольденвейзеру, конечно, а къ другому — Яковенко, гдѣ и заключилъ буфетный договоръ и внесъ деньги. А когда вся процедура была окончена, Николай Карловичъ вынулъ изъ кармана прежній фальшивый договоръ и на глазахъ нотаріуса и перепуганнаго на смерть Кане порвалъ его въ клочки.

Изъ полученныхъ отъ Кане денегъ Милославскій внесъ братьямъ Рафаловичъ требуемый задатокъ и, такимъ образомъ, Русскій театръ перешелъ въ аренду геніально изворотливаго дѣльца.

Изъ міра загадочнаго

Поэтическая Одесса.—О башмачкѣ привидѣнія.—Таинственныя явленія въ домѣ Гагарина. — Одесскія катакомбы. — Сонамбулизмъ и магнетизмъ. — Столоверченіе. — Художникъ Плисъ. – Ночное приключеніе съ каррикатуристомъ Треско.

Меркантильная, пшеничная, бездушная Одесса». Такъ говорятъ о нашемъ городѣ тѣ, кто не знаетъ его старины.

А я утверждаю, что въ Одессѣ была и есть душа, чуткая, поэтическая душа.

Городъ традицій, легендъ и воспоминаній, городъ духовъ, призраковъ и привидѣній, городъ минъ, катакомбъ и подземелій—это-ли бездушный городъ!?

А море, Черное море!... Развѣ бываетъ бездушное море!

Вѣдь, это море—вѣчный любовникъ красавицы Одессы. И когда въ осеннюю ночь оно разыграется и сѣдыя его волны со стономъ и ревомъ разметаются на просторѣ, вся Одесса, въ глубокихъ своихъ нѣдрахъ, откликается со вздохомъ и трепетомъ на его страстные призывы.

Бездушная Одесса!—Но я не хочу впадать въ негодованіе.

Вмѣсто лирическихъ изліяній, я лучше разскажу вамъ истинныя событія изъ поэтически-таинственной Одессы въ ея доброе старое время.

Въ концѣ Торговой улицы, къ морю, гдѣ нынче красуется великолѣпный замокъ Де-Азарта, былъ нѣкогда пустырь, заросшій пыльною травою, окаймленный съ одной стороны хлѣбными магазинами Сабанскаго, съ другой – садомъ архіерейскаго дома, а съ моря—крутымъ обрывомъ. На самомъ краю этого обрыва, почти вися надъ нимъ, стоялъ ветхій одноэтажный домикъ, изъ котораго давно были вынуты двери и окна, вслѣдствіе чего онъ былъ очень похожъ издали на беззубую и безглазую старуху. Въ этомъ заброшенномъ домѣ днемъ не жилъ никто, а ночью въ немъ искали убѣжища лишь тѣ, въ комъ нужда превозмогала чувство страха, и кого не пугали ходившія о домѣ страшныя легенды. Забирались сюда на ночь бездомные портовые рабочіе, нищіе, жулики и тѣ обитатели сосѣднихъ катакомбъ, которые, придя къ ночи къ своему теплому, подземному убѣжищу, находили входное въ него отверстіе замурованнымъ полиціею.

Вылъ вѣтеръ, пронизывалъ холодъ; ночлежники, сбившись въ кучу и обогрѣвая другъ друга собственными тѣлами, спали, какъ невинные. Иные, впрочемъ, при освѣщеніи сальными огарками, распивали водку и играли въ карты, въ фильки.

Заброшенъ этотъ домикъ былъ давно и разсказывалось, что въ немъ появлялось по ночамъ страшное привидѣніе.

Разсказывалось, что здѣсь жила нѣкогда мирная, честная семья. Въ этой семьѣ была красавица дочь. Она влюбилась въ одного негодяя и отдалась ему до вѣнчанія. Мать прокляла ее за это и умерла отъ горя. Потомъ умерла и дочь. Но такъ какъ надъ нею тяготѣло материнское проклятіе, то, когда вынесли тѣло красавицы изъ дому, ея душа не могла послѣдовать за нею и осталась въ ея комнатѣ.

Домъ былъ покинутъ всѣми. Но по ночамъ въ его окнахъ стало появляться привидѣніе—дѣвушка въ подвѣ-

печномъ платьѣ. Она простирала руки къ прохожимъ и жалобно стонала: «Спасите меня! Спасите»!

Нѣкій юноша, сжалившись, бросился къ дому, схватилъ дѣвушку и хотѣлъ вынести ее, но во время похищенія у дѣвушки спалъ съ ноги башмачекъ. Юноша остановился, чтобы поднять его. Башмачка онъ не нашелъ, а когда обернулся къ дѣвушкѣ, то исчезла и она.

Черезъ нѣсколько дней привидѣніе стало появляться снова съ тѣми-же жалобными криками. Но когда другіе храбрецы—а ихъ въ старой Одессѣ было много—рѣшались придти на помощь несчастной, то съ ними случалось то-же, что и съ первымъ юношей. Они всѣ останавливались на пути ради спадавшаго съ ноги башмачка и не находили потомъ ни башмачка, ни дѣвушки.

Никакъ не могли догадаться одесситы, что душа дѣвушки важнѣе ея башмака!...

Мнѣ неизвѣстно, къ сожалѣнію, чѣмъ въ дѣйствительности завершилась эта исторія съ привидѣніемъ. Но судя по тому, что оно перестало появляться, можно предположить, что душѣ дѣвушки удалось-таки улетѣть на тотъ свѣтъ безъ башмака, но съ помощью не одессита, вѣроятно, а какого-нибудь заѣзжаго иностранца.

Домъ сталъ приходить понемногу къ разрушенію. Сначала его боялись, а потомъ изъ него повынимали всѣ рамы дверей и оконъ—и расхрабрившіеся бродяги, какъ воробьи, присмотрѣвшіеся къ огородному пугалу, стали искать въ немъ ночное убѣжище отъ непогоды.

Явился Де-Азартъ, облюбовалъ пустопорожнее мѣсто съ видомъ на море, снесъ домикъ, построилъ на его мѣстѣ великолѣпное палаццо и похоронилъ подъ нимъ старо-одесскую легенду.

А домъ князя Гагарина! тотъ домъ, въ которомъ открылъ свою дѣятельность одесскій Литературно-Артистическій клубъ! Многочисленная публика, посѣщавшая вечера этого клуба, скользила по расшатавшемуся, но сохранившему свою аристократичность паркету и любовалась залами, окаймленными золоченными карнизами и причудливо расписанными плафонами и не подозрѣвала она, что въ этихъ самыхъ залахъ происходили такія чудеса, отъ которыхъ волосы вставали дыбомъ.

Домъ Гагарина, по преданію, былъ соединенъ подземными ходами съ катакомбами, начало которыхъ находилось въ обрывѣ подъ домомъ Жеребцова, на томъ-же концѣ Торговой улицы, гдѣ домъ Де-Азарта. Для чего были сдѣланы эти подземныя сообщенія — неизвѣстно. Предположеній можно было-бы сдѣлать много. Тутъ могли происходить тайныя совѣщанія франъ-масоновъ, могло быть подготавливаемо греческое возстаніе 1828 г. Могло быть и такъ, что эти подземелья служили для склада контрабанды или просто они были минами виннаго погреба. Но дѣло въ томъ, что благодаря имъ въ Гагаринскомъ домѣ стали происходить необыкновенныя явленія.

Лѣтъ сорокъ тому назадъ въ этомъ домѣ была квартира и танцъ-классъ нѣкоего Резголя. Бывшіе княжескіе салоны были переполнены по вечерамъ веселою молодежью, которая рѣзвилась, плясала, устраивала игры. И вдругъ, въ танцовальномъ залѣ, совершенно неожиданно, погасали свѣчи. Веселіе замирало и молодежь со страхомъ прислушивалась къ поднимавшемуся въ комнатахъ таинственному шопоту какихъ-то воздушныхъ голосовъ.

Потомъ слышалось шуршаніе по паркету не то шелковыхъ юбокъ, не то атласныхъ башмачковъ, и чудилось, что вошли въ танцъ-классъ какіе-то невидимые гости, которые завертѣлись здѣсь, какъ осенніе листья, въ вихрѣ таинственной пляски, обмѣниваясь вздохами и страстными шептаніями.

Все это длилось сравнительно недолго. Явленія исчезали внезапно. Прислуга зажигала свѣчи—и прерванное веселіе возобновлялось.

Но была въ этомъ домѣ одна комната, расположенная въ сторону моря и напоминавшая по формѣ узкую и высокую гробницу, въ которой никто не рѣшался оставаться на-единѣ. Да и вдвоемъ было страшно. Въ ней раздавались днемъ и ночью странные голоса, похожіе на стоны, плачъ или рыданья. То вдругъ послышится вой, то кто-то протяжно свистнетъ. Находившіеся же въ комнатѣ предметы приходили безъ всякой видимой причины въ движеніе: то перевернется книга, то дрогнетъ занавѣска, то пролетитъ по полу неизвѣстно откуда появившаяся бумажка.

Все это пугало до того обитателей дома, что они рѣшились пригласить спеціальную коммиссію изъ техниковъ, спиритовъ и чиновъ полиціи для выясненія происхожденія загадочныхъ явленій.—И что-же оказалось? — Оказалось, что виновникомъ всей вышеописанной чертовщины былъ никто иной, какъ вѣтеръ съ моря. Вѣтеръ, который забирался черезъ щели въ стѣны княжескихъ подземелій и, проникнувъ оттуда въ верхнія помѣщенія, разгуливалъ по заламъ и потѣшался надъ танцующими: задувалъ свѣчи, производилъ шумъ и шелестъ, вылъ, стоналъ и плакалъ.

Замуровали щели въ стѣнахъ дома. Попробовалъ вѣтеръ проникнуть вновь въ танцъ-классъ, чтобы напугать молодежь, но это ему не удалось—и чудеса исчезли.

Давно извѣстно, что вся Одесса построена на катакомбахъ, т. е. на пустотахъ, образовавшихся отъ выемки изъ ея нѣдръ строительнаго камня. Одесса строилась сама изъ себя. Эти катакомбы представляли самое удобное убѣжище для всякаго бездомнаго люда и служили притономъ для разныхъ преступныхъ организацій. Ихъ развѣтвленія были настолько обширны, что проникавшая въ катакомбы полиція запасалась провизіей и свѣчами на нѣсколько дней. Большинство изъ нихъ въ настоящее время засыпано и входы въ нихъ замурованы. Но не все, что было сокрыто въ нѣдрахъ Одессы, что было принесено туда и зарыто турками послѣ взятія Хаджибея, одесскими богатыми жителями передъ бѣгствомъ отъ чумы, контрабандистами, не успѣвшими сбыть свой безпошлинный товаръ, и разбойниками, сложившими здѣсь награбленное добро—не все это найдено и изслѣдовано.

Катакомбы Одессы были не разъ описаны романистами. Я въ нихъ бывалъ; я помню, какъ жутко становится, когда проникнешь въ ихъ извилистые, каменные ходы. Теплая душная атмосфера. Дышется тяжело. Идешь и боишься, что не вернешься. Въ пещерообразныхъ углубленіяхъ—слѣды человѣческаго пребыванія. Какіе-то знаки, сдѣланные копотью сальной свѣчи. Чья-то фуражка. Разбитый штофъ. Идешь, спотыкаешься. Вотъ стѣна, преграждающая путь. Но нѣтъ, здѣсь въ сторонѣ, въ углу, есть щель, достаточная для прохода человѣка. Вы проникаете въ нее, а тамъ просторъ, кое-гдѣ кресты, какъ на дверяхъ въ Страстную Субботу. И чѣмъ дальше вы идете, тѣмъ развѣтвленій больше. Пламя вашего фонаря подозрительно мигаетъ. Вамъ становится страшно. Вы спѣшите поскорѣе вернуться къ выходу. И, Боже, какое радостное чувство охватываетъ васъ, когда вы выходите изъ царства духоты и мрака къ чистому и свѣтлому воздуху!

Старая Одесса, Одесса катакомбъ и привидѣній, Одесса страховъ и суевѣрій давно умерла. Но воспоминанія объ этой Одессѣ полны своеобразной поэзіи. Прежнихъ одесситовъ сильно привлекало все таинственное и они очень недружелюбно относились къ непрошеннымъ «ученымъ», которые объясняли естественными причинами всякія ихъ предчувствія и видѣнія.

Быть можетъ, прежнія души были въ самомъ дѣлѣ болѣе чуткими. Онѣ гораздо чаще преисполнялись предчувствіями. Вотъ, я помню, жена фотографа Мигурскаго. Ея душа, какъ барометръ, отмѣчающій измѣненія атмо-

сферы, откликалась на всѣ приближающіяся къ ея дому семейныя горести или радости. Она напередъ знала все, что должно съ ней случиться. Въ случаяхъ смерти кого-либо близкаго, задолго до полученія объ этомъ формальнаго извѣстія, къ ней являлся человѣкъ, одѣтый въ черное, который кивалъ ей головой и исчезалъ.

Но такихъ чуткихъ женщинъ въ Одессѣ было много. Отличалось въ этомъ отношеніи все семейство Витте.

А кому памятна еще эпоха, когда у насъ увлекались сонамбулизмомъ и магнетизмомъ?...

Особенно увлекался сонамбулизмомъ фотографъ Федоровецъ. Какой это былъ дивный художникъ! — Онъ вѣрилъ въ ясновидѣніе и очень часто продѣлывалъ опыты съ разными субъектами, которыхъ усыплялъ и затѣмъ разспрашивалъ по самымъ замысловатымъ вопросамъ.

Я помню сеансы, на которыхъ присутствовали лучшіе представители умственной жизни Одессы: врачи, журналисты, профессора лицея. Усыпленная дѣвушка отвѣчала на всѣ вопросы, угадывала полъ и возрастъ, давала медицинскіе совѣты, рѣшала философскія задачи. Отецъ мой спросилъ сомнамбулу: «что меня въ настоящую минуту безпокоитъ?» Она отвѣчала: «экзема на лѣвой ногѣ.» И это была правда. Но дѣло въ томъ, что до вопроса отецъ вовсе не чувствовалъ боли въ ногѣ и думалъ о другомъ. А послѣ отвѣта сразу почувствовалъ, какъ открылась его старая рана.

Магнетизмомъ, или, какъ теперь его называютъ, спиритизмомъ занимались очень многіе. Было время, когда всѣ одесситы поголовно такъ увлекались столоверченіемъ, что мебельные фабриканты не успѣвали изготовлять заказываемые имъ легкіе столики на трехъ ножкахъ. Былъ голодъ на столы. Сеансы чередовались и столики переносились изъ одного дома въ другой. Столики вертѣлись, поднимались, переваливались съ ноги на ногу, изображали пьяныхъ, стучали, отвѣчали на вопросы, — словомъ, продѣлывали все, что продѣлывается и нынѣ на спиритическихъ сеансахъ. Но летающихъ гитаръ и таинственнаго прикосновенія рукъ къ дамскимъ колѣнямъ еще тогда не знали...

Большимъ спиритомъ былъ художникъ Плисъ. Съ нимъ продѣлывали чудеса. Ему завязывали глаза и онъ исполнялъ все задуманное. Однажды задумали, чтобы онъ полѣзъ подъ диванъ. Онъ это исполнилъ, но вылѣзть оттуда уже не могъ. И когда пришли къ нему на помощь, то онъ оказался въ глубокомъ обморокѣ.

Другой художникъ, знаменитый въ Одессѣ каррикатуристъ, итальянецъ Треско, отличавшійся, между прочимъ, тѣмъ, что послѣ посѣщенія свѣтскихъ вечеровъ онъ всѣ свои впечатлѣнія разсказывалъ друзьямъ въ рисункахъ, былъ лунатикомъ. По крайней мѣрѣ онъ самъ признался однажды въ этой своей особенности. Случилось такъ, что онъ забрался ночью въ домъ одной свѣтской красавицы, за которой ухаживалъ на балахъ, и успѣлъ уже проникнуть въ ея спальную, но былъ замѣченъ проснувшимся мужемъ. На вопросъ о причинѣ ночного посѣщенія, Треско объяснилъ это лунатизмомъ.

Мнѣ грустно отмѣтить, что ревнивый мужъ г. Ю. оказался маловѣрующимъ въ таинственныя явленія и отколотилъ лунатика Треско, какъ самаго обыкновеннаго ловеласа.

Жизнь и типы Дерибасовскаго сада.

Запущенныя аллеи между старыхъ запыленныхъ кустовъ сирени и причудливо-извилистыхъ стволовъ акацій...

Воды въ городѣ было мало, поливать было нечѣмъ, дышать деревьямъ было трудно—и изъ прежней богатѣйшей растительности сада Феликса де-Рибаса сохранились здѣсь въ «Казенномъ» саду (какъ назывался прежде подаренный моимъ дѣдомъ городу садъ) лишь выносливыя сирени, да акаціи. Зато онѣ овладѣли садомъ цѣликомъ и такъ переплелись корнями въ его почвѣ, выпуская ростки изъ своихъ побѣговъ, что образовали здѣсь почти непроходимую чащу.

Чудныя, симпатичныя акаціи! На нихъ нельзя смотрѣть, какъ на обыкновенныя деревья. Въ глазахъ одессита онѣ должны имѣть большее значеніе. Онѣ были украшеніемъ и отрадою первыхъ моментовъ жизни нашего города. Когда создавалась Одесса и не было ни одного деревца (кромѣ трехъ легендарныхъ грушъ) на ея каменистой почвѣ, изъ числа многихъ выписанныхъ адмираломъ де-Рибасомъ изъ Италіи и Испаніи деревьевъ, однѣ только акаціи поняли свое трудное и великое назначеніе, — и между тѣмъ, какъ другія растенія болѣли, капризничали, чахли, требуя за собою самаго тщательнаго ухода—на который у тогдашнихъ градоправителей не было времени, однѣ акаціи сразу примирились съ отсутствіемъ благопріятныхъ для себя условій и, бодро перенося всѣ невзгоды, крѣпко впустили свои корни въ нашъ едва зарождавшійся городъ. Онѣ первыя дали тѣнь и благоуханіе первымъ усталымъ строителямъ Одессы — и да будутъ онѣ за это благословенны!

Теперь—въ шестидесятыхъ годахъ—онѣ пережили въ «Казенномъ» саду всѣ другія растенія (кстати сказать: и сейчасъ въ этомъ саду въ сторонѣ къ дому Исаковича имѣются акаціи—ровесницы основанія Одессы) и образовали здѣсь вмѣстѣ съ сиренью густыя чащи. Въ эти дебри забирались на ночь бездомные люди, и, нерѣдко, тѣ, кому жизнь пришла въ тягость. Сторожей въ тѣ поры въ саду не было и въ его чащахъ была полная свобода для отдыха... Лишь полиція дѣлала здѣсь иногда облавы для ловли жуликовъ, и тогда она наталкивалась не разъ на висѣвшій на низкой вѣтви акаціи давно застывшій трупъ самоубійцы.

Оживленно-люднымъ мѣстомъ въ саду было лишь отдѣленіе Алексѣева, впослѣдствіи Дезирова (гдѣ можно было прекрасно пообѣдать и поужинать) и площадь около павильона Общества искусственныхъ минеральныхъ водъ, въ которомъ нынѣ помѣщается иллюзіонъ. Прежде въ этомъ помѣщеніи было прекрасное лечебное заведеніе, въ которомъ болѣвшіе или мнившіе себя больными одесситы и одесситки пили по утрамъ минеральныя воды, дыша чуднымъ утреннимъ воздухомъ и слушая прекрасную музыку струннаго оркестра. И былъ въ тѣ времена нашъ нынѣшній городской садъ оживленъ и хорошъ, какъ настоящій Баденъ-Баденъ.

Раннее утро. «Еще влачась на ложѣ лѣни, едва подъемлетъ солнце взоръ», а въ павильонѣ минеральныхъ водъ уже суетятся оффиціанты. На площади, передъ павильономъ окаймленная тѣми же акаціями и сиренью, открытая эстрада для оркестра, куда собираются одинъ за другимъ еще сонные музыканты. Наступило 6 часовъ, взмах-

нулъ палочкой дирижеръ (это былъ, кажется Лупашка, а если нѣтъ, то прошу меня исправить) и грянула музыка. Все сразу оживилось въ саду; затрещалъ подъ ногами публики морской граветь и больные—или мнившие себя больными—одинъ за другимъ входятъ въ павильонъ, въ просторномъ и прохладномъ помѣщеніи котораго шагаютъ, бесѣдуя и попивая предписанныя докторомъ Шорштейномъ или Прицковымъ минеральныя воды. Вотъ движется, отдуваясь, толстѣйшій Мурзакевичъ, профессоръ археологъ. Ему воды необходимы. Онъ лечится отъ феноменальнаго аппетита. Какъ великолѣпно изобразилъ его извѣстный въ старое время каррикатуристъ Треско! Мурзакевичъ въ изображеніи Треско сидитъ за столомъ передъ огромнымъ индюкомъ, съ которымъ справляется одинъ. А вотъ мадамъ Папудова. Какая роскошная красавица! Всѣхъ озаряющая своими черными глазами. За нею цѣлая свита изъ посѣщающихъ ея салонъ молодыхъ людей. Ради умной и обольстительной женщины они приписывали себѣ всяческія болѣзни и усердно пили совершенно излишнія для нихъ воды, чтобы лечиться вмѣстѣ съ нею. Тутъ-же ея мужъ—крупный греческій коммерсантъ, въ плохо прилаженномъ парикѣ; но онъ нисколько не ревнивъ: его гораздо болѣе интересуетъ разговоръ со старикомъ Родоконаки. Вотъ графъ Строгановъ, первый вѣчный гражданинъ Одессы, со своей сестрою г-жею Полетика; онъ въ шелковой шапочкѣ, которую не снималъ ни въ театрѣ, ни въ гостиныхъ, ни въ думѣ, въ которой былъ гласнымъ. Личность его еще мало оцѣнена. О немъ разсказывалось больше анекдотовъ, нежели правды. Это былъ человѣкъ прямой и, несомнѣнно, свѣтлаго направленія. Онъ бесѣдуетъ сейчасъ съ графомъ Толстымъ, Михаиломъ Дмитріевичемъ, дѣдомъ нынѣшняго благотворителя, тоже гласнымъ. Рѣчь идетъ о проектѣ соединенія Одессы съ Вознесенскомъ посредствомъ шоссейной дороги и о развитіи судоходства на Днѣстрѣ. Тутъ-же, широко шагая, горячо спорятъ Семенъ Степановичъ Яхненко съ Абрамомъ Марковичемъ Бродскимъ: оба энергичные, завзятые общественные дѣятели, но одинъ съ кипучимъ темпераментомъ и творческою фантазіею, а другой съ сильнымъ, но спокойно-разсудительнымъ умомъ. Споръ возникъ изъ-за рѣзко выраженнаго Яхненко убѣжденія, что всѣ предстоявшія городу работы по водопроводу, канализаціи, мостовымъ и проч. должны быть исполнены самимъ городомъ собственными людьми и средствами, безъ обращенія къ иностранцамъ. Бродскій возражалъ, что у города нѣтъ ни людей, ни средствъ. Не берусь судить, кто изъ нихъ былъ тогда правъ. Могу лишь сообщить, что первая въ Одессѣ паровая мукомольная мельница, созданная трудами и геніемъ Яхненко и построенная имъ на широкихъ началахъ (въ концѣ Херсонской улицы) перешла довольно скоро въ собственность Бродскаго.—А вотъ и «генеральша». Она держится въ сторонѣ, но всѣ обращаютъ на нее вниманіе. Еще хорошо, что она здѣсь одна, безъ дочери; дочь ея отдыхаетъ, спитъ еще. Эта «генеральша», невозмутимо-спокойнаго вида, посѣщала всѣ общественныя гулянья сначала одна, а потомъ, когда дочь подросла, то съ нею. Въ театрахъ она сидѣла во второмъ ряду, и когда знаменитый чтецъ Некрасова Никитинъ произносилъ, глядя на нее въ упоръ, молніеносные стихи: «и на лбу роковыя слова—продается съ публичнаго торга» или «плюньте въ глаза ему, честные люди!» она демонстративно вставала съ креселъ и уходила въ корридоры. По окончаніи же стихотворенія, преспокойно возвращалась. Она лечилась здѣсь отъ ожирѣнія сердца.—А это кто со старикомъ любителемъ музыки Кальбицемъ? Это Рудольфъ Фельдау, прекрасный піанистъ, прозванный Гансомъ фонъ-Бюловымъ «Chopin's spieler par excellence». Его гостиную посѣщали всѣ пріѣзжія аристократическія свѣтила. Еще вчера

гостила у него знаменитая Марія Вильтъ, женщина уродливо огромная съ феноменально-прекраснымъ голосомъ. Она пріѣхала сюда въ Одессу въ первый разъ вслѣдъ за нѣкіимъ профессоромъ нашего Новороссійскаго университета, въ котораго была безумно влюблена. Къ Фельдау подходитъ его неизмѣнный другъ віолончелистъ Тработти. Они разговариваютъ о музыкѣ, прислушиваясь къ оркестру, въ которомъ въ тѣ времена были выдающіяся артистическія силы: скрипачъ Бабушка, Россетъ и другіе. А вотъ и вѣчно суетящійся Моранди, городской архитекторъ, создатель одесскаго общества изящныхъ искусствъ и первой въ Одессѣ рисовальной школы. Съ нимъ какой-то блѣдный военный, въ жандармской формѣ; я узнаю его: это Вилье-де-Лиль-Адамъ, знаменитый впослѣдствіи акварелистъ, а нынѣ мало извѣстный художникъ, мудрено сплегавшій военное званіе съ должностью преподавателя живописи въ школѣ Моранди. Тутъ-же красавецъ полякъ Іосифъ Мигурскій оживленно жестикулируетъ, убѣждая въ чемъ-то блѣднаго, всегда спиритически-настроеннаго Ѳеодоровца: оба фотографы, оба чистѣйшіе художники. Поодаль толстый Симонъ Гуровичъ съ гофъ-маклеромъ одесской биржи Мишелемъ Бернштейномъ. Рѣчь идетъ о наступающемъ днѣ и о наступающихъ злобахъ его. Что принесла только что отошедшая ночь, какіе курсы, какія политическія извѣстія? Да, вотъ, кстати, и самъ редакторъ французской газеты «Journal d'Odessa» Михаилъ Феликсовичъ де-Рибасъ, мой отецъ. Вокругъ него собираются понемногу почти всѣ посѣтители павильона минеральныхъ водъ, и я, около отца, съ любопытствомъ разсматриваю ихъ, какъ бы предчувствуя, что мнѣ впослѣдствіи придется вспомнить о нихъ и описывать.

Увы! я о многихъ, очень многихъ уже успѣлъ забыть...

Но вотъ Лупашка въ послѣдній разъ взмахнулъ палочкою и оборвалъ оркестръ на финальномъ аккордѣ какого-то воинственнаго марша. Больные, или мнившіе себя больными, понемногу расходятся по домамъ или по конторамъ, бесѣдуя о предстоящихъ дѣлахъ. Садъ опустѣваетъ и замолкаетъ, но не надолго. Воробьи, попрятавшіеся по кустамъ и умолкнувшіе было, заслушавшись струнныхъ звуковъ оркестра, встрепенулись и зачирикали бойчѣе прежняго. На смѣну фешенебельному обществу появляются въ саду няньки съ дѣтьми, какіе-то старички съ газетами, бездомная прислуга, хозяйки, спѣшащія на греческій базаръ, гдѣ рыбаки продаютъ только что принесенную съ моря живую рыбу.

А вотъ и онъ, любимецъ Одессы и всѣхъ ея дѣтей, всегда веселый, всегда подвыпившій, подслѣповатый, бойкій на языкъ, легкій на риѳму, ядовитый въ юморѣ, говорунъ безъ умолку, наша мѣстная знаменитость—Слѣпцовъ съ его собственнаго издѣлія панорамою. За нимъ мальчишки, няни, да и всѣ посѣтители сада, которыхъ онъ потѣшаетъ своими хлесткими прибаутками. Мнѣ напомнилъ о немъ одинъ изъ одесскихъ старожиловъ, сообщивъ мнѣ любопытныя подробности о томъ, какъ «этотъ Слѣпцовъ лѣтъ тридцать, тридцать пять путешествовалъ по Одессѣ съ деревяннымъ сооруженіемъ за плечами и треножникомъ въ рукахъ, всегда готовый за нѣсколько копѣекъ, (а иногда и просто за одну копѣйку) въ угоду мальчишекъ и простонародья показать содержимое панорамы, сопровождая развертывавшуюся картину массою прибаутокъ и веселыхъ разсказовъ въ риѳму, пересыпая ихъ бойкими остротами лубочнаго характера». «Не помню—пишетъ мнѣ г. Л. Ч.,—былъ-ли Слѣпцовъ точно слѣпъ или онъ симулировалъ слѣпоту, но глаза его были всегда полузакрыты, и когда, казалось, онъ отдавался вдохновенно своей болтовнѣ, онъ неожиданно весьма лов-

кимъ ударомъ ноги отбрасывалъ хитраго мальчишку, покушавшагося на контрабандное обозрѣніе внутренности панорамы въ одну изъ многочисленныхъ щелей, которыми она изобиловала». Это былъ типъ настоящаго русскаго самородка раешника, съ его неподражаемо-народнымъ юморомъ.

Слѣпцовъ какъ-то внезапно исчезъ изъ Одессы. Кажется, что онъ сталъ запивать до бѣлой горячки, и его отправили куда-то въ Великую Русь, на родину.

На смѣну Слѣпцову появился въ городскомъ саду другой панорамщикъ, но совершенно другого типа, котораго я очень близко зналъ. Это былъ итальянецъ—Каpоссо. Мнѣ больно о немъ вспоминать, потому что, послѣ беззаботно счастливо проведенной жизни, онъ—весельчакъ и фантазеръ — любимецъ вечернихъ посѣтителей всѣхъ итальянскихъ винныхъ погребовъ, никому въ жизни не сдѣлавшій зла, умеръ трагически въ припадкѣ буйнаго помѣшательства. Я узналъ о его болѣзни, когда меня не было въ Одессѣ, и ничѣмъ не могъ ему помочь. А между тѣмъ, онъ бывалъ у насъ въ домѣ: отецъ мой любилъ угощать его макаронами и вспоминать съ нимъ о старыхъ итальянскихъ операхъ. Кароссо пришелъ въ Одессу изъ Италіи пѣшкомъ, послѣ того, какъ обошелъ всю Европу съ шарманкою на рукахъ. Съ нимъ шла его подруга, первая жена, которая пѣла подъ его аккомпаниментъ.—Но жена не выдержала трудностей и лишеній кочевой жизни и умерла гдѣ-то въ Германіи. Чтобы похоронить ее, Кароссо вынужденъ былъ продать свою шарманку. Въ Одессу онъ прибылъ ни съ чѣмъ. Маленькій, коренастый, сморщенный, безобразный, онъ былъ удивительно выносливъ и энергиченъ, не взирая на постоянно преслѣдовавшія его невзгоды. Большой добрякъ, на все смотрѣвшій съ философской точки зрѣнія, онъ былъ неутомимымъ фантазеромъ. Средствомъ къ его существованію въ Одессѣ служило изготовленіе и продажа хитро запутанныхъ проволочныхъ издѣлій-фокусовъ, подъ самыми затѣйливыми названіями: восточный вопросъ, дамскіе капризы, тайна сердца, крестъ и могила и т. п. Потомъ онъ сталъ показывать стереоскопъ, который вскорѣ замѣнилъ подзорною трубою. По вечерамъ, усталый отъ хожденій по городу, онъ забирался въ винные погреба (cantina con diversi vini), которыми изобиловала тогда Греческая улица и, потѣшая своихъ соотечественниковъ философскими сентенціями, пилъ и кормился на чужой счетъ. Былъ въ этихъ погребкахъ еще любопытный типъ мандолиниста Pochintesta (мало въ головѣ); когда онъ встрѣчался съ Кароссо, то они распѣвали дуэты съ такимъ истинно итальянскимъ задоромъ и неподдѣльною музыкальностью, что производили впечатлѣніе настоящихъ заправскихъ оперныхъ пѣвцовъ.

Бѣдный Кароссо! Онъ былъ большимъ мечтателемъ и мечтанія его поднимались очень высоко. Надо сказать, что онъ всегда носилъ съ собою книжечку, содержаніе которой, впрочемъ, зналъ наизусть: это были Мысли императора Марка Аврелія, на французскомъ языкѣ. Онъ любилъ эти мысли, какъ евангеліе, и постоянно цитировалъ ихъ. Онѣ поднимали его душу на великіе подвиги. Кароссо вздумалъ, что можно обогатить весь Новороссійскій край разведеніемъ здѣсь тутовыхъ деревьевъ и созданіемъ шелководства. Эта мечта чуть не свела его съ ума. Онъ началъ пропагандировать всюду свою идею, показывалъ мальчишкамъ, вмѣстѣ со своимъ стереоскопомъ, и коробочку съ шелковичными червями. Ходилъ къ разнымъ высокопоставленнымъ лицамъ, говорилъ, убѣждалъ. Но въ его устахъ проектъ этотъ звучалъ комично и надъ нимъ смѣялись. Кароссо разочаровался, изнемогъ и сталъ грустить. Мечтанія его приняли оборотъ безумія: онъ вообразилъ, что открылъ всеміровой флюидъ, жизненное начало всего міра.—Флюидъ этотъ онъ получалъ, вытягивая своими

руками проволочную пружину въ обѣ противоположныя стороны. Руки отъ напряженія вертѣлись нѣкоторое время непроизвольно, и Кароссо приписывалъ это флюиду. Потомъ еще ему показалось, что онъ открылъ способъ видѣть движеніе земного шара. Онъ становился у начала Ришельевской улицы и, глядя возможно дальше впередъ, утверждалъ, что видитъ, какъ каланча полицейскаго участка постепенно передвигается вправо. Но самымъ смѣлымъ и наиболѣе практичнымъ его мечтаніемъ было созданіе въ Одессѣ Хаоса. Онъ раздобылъ у города разрѣшеніе на сооруженіе въ казенномъ саду балагана. Проходя, однажды, по саду, я увидѣлъ его на крышѣ сколоченнаго имъ самимъ деревяннаго сарая. Большою кистью онъ окрашивалъ крышу въ голубую краску. — Что вы тутъ дѣлаете?—спрашиваю его.—А вотъ, какъ видите, я дѣлаю небо. И онъ, слѣзши съ неба, ввелъ меня въ свой балаганъ и торжественно объявилъ: «а здѣсь хаосъ». И въ самомъ дѣлѣ, лучшаго выраженія для того, что я тамъ увидѣлъ, нельзя было-бы придумать. Какіе-то театральные костюмы, обломки желѣза, бутафорскіе шлемы, кипы шелковичныхъ коконовъ, разбитые стереоскопы. Тутъ же матрацъ, на которомъ онъ спалъ, и на грязной подушкѣ Мысли Марка Аврелія...

Вскорѣ городъ, убѣдившись, что Кароссо не выполнитъ своего обѣщанія украситъ садъ «великолѣпнымъ сооруженіемъ для представленія Хаоса», велѣлъ ему снести свою постройку. Не знаю, куда перенесъ онъ тогда свое драгоцѣнное имущество. Его отовсюду гнали. Не знаю, эта-ли неудача окончательно убила Кароссо... Но вскорѣ онъ заболѣлъ душевнымъ разстройствомъ и умеръ.

Городской (Дерибасовскій) садъ сталъ нынче благоустроеннымъ. Акаціи и сирень изъ него выброшены. Воды теперь много: можно удовлетворить капризныя растенія. Дѣтямъ здѣсь хорошо: воздухъ чистый. Только жаль, что нѣтъ въ живыхъ Слѣпцова и Кароссо, чтобы потѣшать дѣтей и взрослыхъ смѣшными, но умными прибаутками.

Русская опера Бергера съ «галерки» театра «Эрмитажъ».

Много, много лѣтъ тому назадъ—въ 1874 году въ самую жаркую іюльскую пору, тянулись по вечерамъ вереницы экипажей и пѣшеходовъ черезъ Строгановскій мостъ къ парку, но не Александровскому, который тогда еще не существовалъ, такъ какъ первое дерево его было посажено лишь годъ спустя [illegible] этомъ паркѣ высилось огромное и неуклюжее, въ формѣ резервуара для керосина, круглое деревянное зданіе, предназначенное сначала для цирка (тамъ подвизались [illegible] подъ оперный театръ. Въ этомъ обширномъ, крайне неудобномъ и неудовлетворительномъ въ отношеніи акустики, помѣщеніи шли при полныхъ сборахъ и съ огромнымъ художественнымъ успѣхомъ спектакли русской оперной труппы Бергера. Нѣтъ одессита, который, при напоминаніи ему объ этой оперѣ, не помолодѣлъ-бы сразу на десятки лѣтъ и не пришелъ бы въ восторженное воодушевленіе. И посыпятся тогда изъ его устъ сотни анекдо- [illegible] тѣ и будутъ его воспоминанія полны и радости, и грусти.

[illegible] дающеюся. Замѣчательно то, что, когда начались ея представленія, никакія рекламы имъ не предшествовали и ни

одно имя изъ состава исполнителей никому не было извѣстно. Но уже послѣ первыхъ спектаклей успѣхъ оперы прочно утвердился, одесская публика была очарована и завоевана, и имена Орлова, Корсова, Палечека, Барцала, Стравинскаго, Раабъ, Крутиковой, Абрассъ, Рубини и др. стали намъ близкими, родными. Не могу не отмѣтить по этому поводу особенной художественной чуткости, которою отличались прежніе одесситы, да, впрочемъ, кажется, отличаются и теперь. (Чѣмъ иначе объяснялось бы то, что успѣхъ молодого опернаго артиста въ нашемъ нынѣшнемъ Городскомъ театрѣ служитъ почти всегда началомъ его блестящей карьеры за-границей?).

Я знаю относительно старыхъ одесситовъ нѣсколько случаевъ проявленія этой чуткости. Пріѣхала какъ-то къ намъ безъ всякой предварительной рекламы итальянская драматическая труппа съ никому неизвѣстною Пеццаною-Гвальтери во главѣ. Давала она свои представленія въ Маріинскомъ театрѣ (бывшемъ циркѣ Гютемана въ Театральномъ переулкѣ) и начала съ ультра-трагической «Медеи», въ которой раньше подвизалась у насъ Аделаида Ристори. Театръ былъ пустъ. Но Пеццана-Гвальтери такъ захватила сразу немногихъ своихъ слушателей глубокой искренностью и художественностью игры, что театръ уже въ первый вечеръ «трещалъ отъ рукоплесканій»; на второмъ спектаклѣ, на «Дамѣ съ камеліями», театръ уже былъ переполненъ; успѣхъ матеріальный труппы оказался блестящимъ, и на 7-мъ спектаклѣ — на ея бенефисѣ, невѣдомой артисткѣ, признанной чуткостью одесской публики великою, былъ поднесенъ золотой вѣнокъ. Подобный фактъ произошелъ и съ концертами Маріи Вильдтъ, о которой въ Одессѣ никто раньше ничего не зналъ, вслѣдствіе чего первый ея концертъ въ Биржевомъ залѣ прошелъ почти въ отсутствіи публики. Но уже второй и слѣдующіе вечера привлекли всю музыкальную Одессу, и феноменально-некрасивая съ феноменально-прекраснымъ голосомъ вѣнская пѣвица пѣла, счастливая, при огромной, восторженной аудиторіи. То же самое было и съ флорентинскимъ квартетомъ Беккера. Вообще, очень много фактовъ можно было бы привести въ подтвержденіе того, что одесситы не нуждаются въ предварительномъ взвинчиваніи себя рекламами, чтобы оцѣнить и создать успѣхъ дѣйствительно выдающагося таланта. Такъ произошло у насъ и съ труппою Бергера, которая, какъ я говорилъ уже, будучи совершенно намъ невѣдомою, стала послѣ первыхъ спектаклей намъ безконечно дорогою. Впослѣдствіи участвовали еще въ этой труппѣ такія огромныя силы, какъ Меньшикова и Лавровская, и тогда ея спектакли восходили до небывалой художественной высоты.

На галерку высокаго деревяннаго театра нужно было подниматься по наружной узкой, ажурной чугунной лѣстницѣ. Это должно было предохранить публику на случай пожара въ театрѣ, но нисколько не гарантировало ее отъ искалѣченія при паденіи съ лѣстницы. Такіе случаи паденія были, но молодежь быстро освоилась съ этимъ маленькимъ неудобствомъ и ловко взбиралась по лѣстницѣ, весело подталкивая другъ друга. Галерка за то была замѣчательно удобная и состояла не изъ скамей, а изъ ступеней, на которыхъ можно было такъ-же удобно сидѣть, какъ на полу. А въ антрактахъ можно было, полулежа, приняться за принесенный съ собою холодный ужинъ и даже, если антрактъ затянулся, то и сыграть въ картишки. Порядки въ тѣ времена были, такъ называемые, «патріархальные» и блюстители этихъ порядковъ, сами восторгаясь небывалою въ Одессѣ оперою, никогда не мѣшали слушать ее другимъ. Зато восторгъ былъ общій, неудержимый и искренній. Надо разсказать еще, что эта галерка, благодаря, именно, ея расположенію, располагала посѣтителей ея и къ ближайшему другъ съ другомъ пере-

знакомленію. Сидѣнія ничѣмъ не отмежевывались и просто обозначались цифрами. Легко понять, что въ минуту эстетическихъ восторговъ, когда вся галерка поднималась, какъ одинъ человѣкъ, чтобы осыпать хлопками или цвѣтами Корсова или Меньшикову, то нумера сидѣній теряли всякое значеніе и публика, перепутавъ свои мѣста, садилась на чужія: происходило замѣшательство, разговоры и пріятныя знакомства. Я знаю немало симпатичныхъ и даже счастливыхъ романовъ, начавшихся на галеркѣ «Эрмитажа». Искусство объединяетъ души, и въ особенности хорошее искусство и хорошія души. А искусство во времена Бергера было дѣйствительно хорошимъ.

Вспомнимъ о Корсовѣ въ «Донъ-Жуанѣ» Моцарта. Безъ грима, красавецъ отъ природы, съ роскошными волосами и бородою «à la Barbe Bleue», съ мягкимъ, бархатистымъ, но мужественнымъ голосомъ, могъ-ли онъ не очаровать одесситовъ на сценѣ своею знаменитою серенадою или дуэтомъ съ Церлиною, когда онъ успѣлъ уже въ жизни очаровать «тысячи и три» Лауръ! Надо было видѣть его гуляющимъ на нашемъ приморскомъ бульварѣ со своимъ другомъ Барцаломъ или Палечекомъ и видѣть его сверкающіе изъ-подъ широкой фетровой шляпы глаза, чтобы понять, почему такъ легко влюблялись въ него чуть не всѣ одесскія дочери и маменьки. Но онъ былъ, прежде всего, артистомъ, и легкія увлеченія не мѣшали ему серьезно служить искусству. Онъ создавалъ образы за образами, изумляя и восторгая разнообразіемъ своего художественнаго генія. Сегодня Донъ-Жуанъ или благородный Неверъ, а завтра—Вильгельмъ Телль или Валентинъ. И этотъ, предназначенный, казалось-бы, лишь для мягкихъ и пѣвучихъ партій баритонъ, вдругъ преображался въ разгульнаго опричника князя Вяземскаго (въ «Опричникахъ» Чайковскаго) или въ колоссальную фигуру озвѣрѣвшаго царя Олоферна (въ Юдиѳи» Сѣрова). И какъ онъ чудно эти партіи игралъ и пѣлъ!

Вспомните еще о Меньшиковой. Это была поистинѣ богатырь-пѣвица. Такихъ пѣвицъ уже нѣтъ и не будетъ, и не потому только, что исчезли такіе голоса, но и потому, что исчезли такія женщины. Сила темперамента била изъ нея вулканомъ и не было достаточно просторной сцены для ея размаха. Широкая, мощная, страстная, Меньшикова вносила во всѣ исполняемыя партіи элементы здоровой силы. Ея Антонида, изъ нѣжно-печальной русской дѣвушки, преображалась въ былиннаго склада русскую женщину подъ стать не слащавому Сабинину, а своему родному отцу Сусанину. Ея пѣніе всегда какъ бы переливалось за предѣлы партіи, какъ рѣка въ половодье, не нарушая красоты и теченія музыки. Въ особенности хорошо выходило это у нея въ партіяхъ кипуче-страстныхъ, какъ напримѣръ, донны Анны въ «Донъ-Жуанѣ» Моцарта или Элеоноры въ «Трубадурѣ» Верди. Такою-же неудержимо-размашистою она была и въ Валентинѣ въ «Гугенотахъ». Ходили слухи, что теноръ Орловъ, такой-же богатырь по голосу и по сложенію, какъ Меньшикова, былъ съ нею въ открыто враждебныхъ отношеніяхъ. Публика подмѣтила это изъ того, что, когда они пѣли вмѣстѣ, даже нѣжнѣйшие дуэты, то всегда на значительномъ другъ отъ друга разстояніи. Но въ «Гугенотахъ», въ 4-мъ дѣйствіи, имъ нельзя было пѣть врозь, и вотъ Рауль-Орловъ, у ногъ Валентины-Меньшиковой, вынужденный признаваться ей въ любви, продѣлывалъ это съ такою силою феноменальнаго голоса, что для всѣхъ становилось яснымъ, что онъ хотѣлъ заглушить имъ навсегда свою ненавистную возлюбленную. Но и Меньшикова не оставалась въ долгу и, когда наступалъ ея чередъ, она отвѣчала Раулю съ такою удесятеренною мощью и съ такою ошеломляющею красотою, что тотъ съеживался у ея колѣнъ, не смѣя на нее взглянуть...

Потомъ пріѣхала въ эту-же труппу на гастроли Лавровская и прибавился новый самоцвѣтный камень въ бергеровскомъ ожерельи. Ваня въ «Жизни за Царя», мать Морозова въ «Опричникахъ», княгиня въ «Русалкѣ», Азучена въ «Трубадурѣ», Зибель—сколько чарующихъ образовъ!—Я чувствую, что пишу объ оперѣ Бергера въ тонѣ сплошного диѳирамба; но, право-же, ссылаюсь на свидѣтельство всѣхъ старыхъ одесситовъ, появленіе этой оперы въ Одессѣ было высшимъ пунктомъ подъема ея артистической жизни. До нея Одесса не знала вовсе ни русской оперы, ни русской музыки, а послѣ нея мы имѣли, конечно, прекрасныя оперныя труппы, но значительно слабѣйшія по составу. Вѣдь, я еще не сказалъ ничего ни о Палечекѣ съ гибкимъ и, если можно такъ выразиться, ковкимъ басомъ, какіе бываютъ только у басовъ парижской комической оперы (вспомните его въ Лепорелло и знаменитую арію «тысяча и три»); ни о нѣжномъ Барцалѣ, ни о художественномъ Стравинскомъ, ни о добродушномъ Фюрерѣ, ни о страдальцѣ Ляровѣ, ни о знаменитомъ гастролерѣ французскомъ басѣ Мерли; ни объ очаровательныхъ Раабъ, Крутиковой, Милорадовичъ, Абрассъ, ни о красавицѣ Рубини. Эту послѣднюю публика недолюбливала, какъ пѣвицу, хотя и прекрасную, но итальянской школы. И когда ее выпускали, вмѣсто Меньшиковой, то ее встрѣчали шиканіемъ. Но вотъ, однажды, въ ея бенефисъ, была поставлена «Юдиѳь» Сѣрова. Театръ былъ переполненъ ради Корсова въ его коронной партіи Олоферна. Поднимается занавѣсъ и, послѣ оркестроваго вступленія, появляется въ глубинѣ сцены Юдиѳь. Да, это не была Рубини, это была сама Юдиѳь. Она медленно подходитъ къ рампѣ во всей своей библейской красотѣ, и еще она не произнесла ни звука, какъ весь театръ вдругъ разразился громомъ рукоплесканій. Рубини была смущена неожиданностью восторженнаго пріема. Застыла она, застылъ оркестръ, а рукоплесканія публики еще долго, долго не умолкали. Потомъ Рубини запѣла и публика все время проявляла къ ней живѣйшую симпатію. Такъ всевластная красота побѣдила одесситовъ и слила ихъ разрозненныя партіи въ одну, чуткую ко всему истинно-прекрасному.

Чудакъ Зиминъ.

Небритый, близорукій, почти слѣпой, но всегда съ высоко поднятою головою—въ фетровой шапкѣ à la Людовикъ XI, — обмотанный нѣсколько разъ вокругъ шеи, какъ гусеницею, гаруснымъ шарфомъ — въ ваточномъ пальто, скорѣе похожемъ на плохо стеганное одѣяло—въ высокихъ кожанныхъ галошахъ съ истоптанными задками—съ толстою палкою, которою онъ ощупывалъ впереди себя путь, и со множествомъ книгъ, брошюръ и грязныхъ бумажекъ во всѣхъ широко оттопыренныхъ карманахъ-такимъ мнѣ запомнился Зиминъ, извѣстный своею внѣшнею оригинальностью всей Одессѣ шестидесятыхъ годовъ. За нимъ, разумѣется, бѣгали мальчишки, дразня его, но Зиминъ не отмахивался отъ нихъ палкою, какъ это дѣлаютъ современные «оригиналы», а вытаскивалъ изъ кармановъ, изъ-подъ книгъ, грошевыя конфекты и раздавалъ ихъ дѣтямъ. Когда-же прохожіе выражали ему сочувствіе и возмущались назойливостью мальчугановъ, Зиминъ говорилъ: «оставьте ихъ, пусть шалятъ» и вступалъ съ прохожимъ въ разсужденія: «Надо дѣтей любить. Еще Викторъ Гюго сказалъ о нихъ жесточайшее слово: «Cet age est sans pitié» (этотъ возрастъ безъ состраданія). А онъ-ли не любилъ дѣтей? Вспомните хотя бы его: lorsque l'enfant parait, le cercle de famille...» и Зиминъ начиналъ декламировать прохожему строфа за строфою стихи В. Гюго. Прохожій недоумѣвалъ, пожималъ плечами и проходилъ, мальчишекъ разгонялъ будочникъ, а Зиминъ продолжалъ декламировать, но уже про себя, едва шевеля губами, чудное стихотвореніе й лишь по окончаніи его продолжалъ свой путь, тяжело волоча по грязи свои тяжелыя галоши.

На старости лѣтъ Зиминъ былъ застывшимъ юношею. Подъ нищенскими лохмотьями онъ былъ богатъ душою и ни въ чемъ и ни въ комъ не нуждался. Современныя событія не представляли для него никакого интереса, онъ жилъ однимъ только своимъ прошлымъ. Это прошлое спало въ немъ, но спало чуткимъ сномъ. И едва что-либо касалось его, оно пробуждалось въ Зиминѣ во всей своей, какъ бы, нетронутой временемъ свѣжести. Это прошлое состояло не изъ фактовъ изъ жизни Зимина, сравнительно мало интересныхъ, а изъ его душевныхъ переживаній, изъ его литературныхъ симпатій и политическихъ увлеченій. Въ противорѣчіе съ его кореннымъ русскимъ происхожденіемъ и чисто русскою наружностью гоголевскаго типа, Зиминъ былъ по образу мыслей, по идеаламъ и даже во многихъ своихъ манерахъ настоящимъ французомъ, а по политическимъ убѣжденіямъ—чистѣйшеи воды республиканцемъ. Нѣкогда состоятельный помѣщикъ, съ молоду вольнодумецъ, увлекавшійся энциклопедистами, Зиминъ частью прокутилъ, частью раздарилъ свое имѣніе и, покончивъ, такимъ образомъ, съ благами крѣпостничества, покинулъ деревню и переселился къ намъ, въ Одессу. Здѣсь онъ сталъ серьезно заниматься изученіемъ древнихъ и новыхъ языковъ «для того—говорилъ онъ—чтобы все великое, что было создано людьми въ области слова, слышать въ родныхъ звукахъ и въ подлинныхъ выраженіяхъ». Французскій же языкъ и французскую литературу, которые Зиминъ зналъ великолѣпно, онъ изучилъ спеціально еще по другой причинѣ: во Франціи кипѣли тогда революціонныя событія, связавшія, какъ

пороховою ниткою, 1830 годъ съ 1848-мъ, и Зиминъ, увлекшись этимъ движеніемъ, сталъ слѣдить за нимъ по возникшей въ Парижѣ обширной политической литературѣ. Онъ выписывалъ черезъ одесскіе книжные магазины Сорона и Камоэна (предшественниковъ нынѣшняго Руссо) все, что относилось къ интересовавшимъ его событіямъ, и сталъ зачитываться книгами, брошюрами и разными повременными листками съ такою страстью, что, обладая феноменальною памятью, онъ незамѣтно для себя заучилъ наизусть все, что прочиталъ. Въ пылу разговора, для подтвержденія своей мысли, онъ могъ вдругъ процитировать не только отдѣльныя мѣста, но иногда и весь текстъ сочиненія подходящаго къ его убѣжденіямъ автора; трудно было отличить, когда Зиминъ высказывалъ свое и когда онъ цитировалъ чужое. Памфлеты Поля-Луи Курье, «Осы» Альфонса Карра, «Ямбы» и др. сатиры Барбье, «Немезиду» Мери, всѣ творенія Прудона, «Исторію десяти лѣтъ» Луи Блана, всѣ рѣчи оппозиціонныхъ депутатовъ, всѣ дошедшія къ нему прокламаціи народныхъ вожаковъ, словомъ, все, что выражало протестъ противъ существовавшаго во Франціи стараго строя и противъ буржуазіи и что провозглашало принципъ возвращенія къ завѣтамъ великой французской революціи -- все это усвоилъ Зиминъ, какъ будто лично имъ созданное, пережитое, написанное и сказанное. Судьба республиканской идеи во Франціи сдѣлалась для Зимина, какъ онъ самъ объ этомъ разсказывалъ, его личною драмою. Онъ страстно слѣдилъ за успѣхами или неудачами того или другого революціоннаго дѣятеля, боготворилъ Ледрю-Роллена, возмущался Тьеромъ, негодовалъ на недостатокъ энергіи у Луи Блана, то благословлялъ, то проклиналъ братьевъ Кавеньяковъ, восторгался энергіею Бланки и Распайля и. вообще, такъ отзывчиво относился къ тогдашнимъ дѣламъ во Франціи, что, по мѣрѣ того, какъ его любимые герои

торжествовали или были подавляемы, онъ самымъ настоящимъ образомъ то заболѣвалъ, то выздоравливалъ. Увлеченіе Зимина Франціею дошло до того, что онъ совершенно пересталъ интересоваться остальными событіями не только въ Европѣ, но и во всемъ мірѣ, а о Россіи не хотѣлъ и слышать, какъ будто она перестала для него существовать. Позабылъ онъ совершенно и о своихъ личныхъ дѣлахъ. Между тѣмъ, родственники Зимина не дремали; они добились опеки надъ нимъ за расточительность и при этомъ, какъ это всегда бываетъ, обобрали его. Онъ повелъ противъ нихъ процессъ, но такъ неумѣло, что, ничего не добившись, истратилъ послѣдніе гроши на дореформенную судебную волокиту. Совершенно не способный къ труду для заработка, да и не умѣвшій, по своеволію характера, подчиниться кому бы то ни было, Зиминъ не могъ и не хотѣлъ найти платнаго занятія и постепенно опустился до жалкаго нищенскаго состоянія. Уже въ шестидесятые годы у него не было постояннаго пристанища, одежда на немъ истрепалась, онъ ходилъ въ лохмотьяхъ, нося на себѣ и лѣтомъ и зимою, по примѣру греческаго мудреца, все свое ничтожное достояніе. Но Зиминъ нисколько не падалъ духомъ отъ матеріальныхъ неудачъ и, наоборотъ, чѣмъ дѣла его становились хуже, тѣмъ состояніе его духа приходило въ болѣе устойчивое равновѣсіе. Это объяснялось не столько философскимъ отношеніемъ Зимина къ жизни вообще, сколько потерею въ немъ интереса къ жизни настоящаго. Разореніе Зимина совпало съ крушеніемъ революціи 48-го года. Побѣда принца Бонапарта надъ Кавеньякомъ и Луи Бланомъ и затѣмъ провозглашеніе во Франціи имперіи до того ошеломили Зимина, что онъ порѣшилъ, что послѣ такого мірового «скандала» дальнѣйшая жизнь не имѣетъ никакого смысла. Онъ сразу измѣнился, изъ живого и дѣятельнаго сталъ неподвижнымъ, сосредоточеннымъ и весь замкнулся въ свое

пережитое, объявивъ друзьямъ, что «лучше жить хорошимъ прошлымъ, нежели плохимъ настоящимъ». Но вмѣстѣ со своимъ прошлымъ Зиминъ сохранилъ въ себѣ глубокую, непоколебимую вѣру въ то, что идеалы этого прошлаго никогда не умрутъ и что они вскорѣ восторжествуютъ, «и тогда создастся совсѣмъ новая, прекрасная жизнь на землѣ, къ которой въ свое время можно будетъ и воскреснуть».

Зиминъ былъ очень интереснымъ собесѣдникомъ, но на однѣ политическія темы, и до того рѣзкій и крайній въ выраженіи своихъ убѣжденій, что трусливые одесситы сами не рады были, когда вызывали его на разговоръ. Впрочемъ, Зиминъ начиналъ обыкновенно самъ опасную бесѣду. Въ ту эпоху, когда въ Одессѣ еще не было въ обществѣ никакого политическаго настроенія, Зимину не съ кѣмъ было дѣлиться своими воспоминаніями о прошломъ и надеждами на будущее, некому было декламировать тирады изъ рѣчей его любимыхъ ораторовъ-героевъ или строфы изъ сатиръ революціонныхъ поэтовъ. За ненахожденіемъ людей себѣ сочувствующихъ, Зиминъ сталъ излагать свое credo первому встрѣчному, при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ, не считаясь со взглядами и убѣжденіями собесѣдника. Какого-нибудь заговорившаго съ нимъ на тему о его процессѣ съ родственниками дѣлового человѣка, Зиминъ, вдругъ, неожиданно, ошарашитъ вопросомъ: «А что, Наполеонъ III еще живъ?» и на утвердительный отвѣтъ выразитъ гримасою крайнюю досаду и тутъ же пойдетъ ораторствовать: Обидно, но... терпѣніе! Вотъ увидите, все пойдетъ въ Европѣ иначе и повсюду восторжествуетъ идея самой чистой народной республики, какъ только исчезнутъ со сцены исторіи всѣ эти Наполеоны III, Вильгельмы прусскіе и Викторіи англійскія. Въ нихъ, въ ихъ личности, корень всего злого и препятствіе ко всему хорошему». И Зиминъ начи-

[illegible]
[illegible] всемъ земномъ шарѣ республикъ, что его собесѣдникъ, боязливо озираясь, спѣшилъ уйти отъ него подальше. А, между тѣмъ, Зиминъ былъ совершенно неспособнымъ ни къ какой серьезной агитаціи. Онъ говорилъ свои убѣжденія, самъ наслаждаясь ими и нисколько не интересуясь тѣмъ, какое они производятъ впечатлѣніе на другихъ. Добрый, онъ не могъ бы причинить кому бы то ни было зло не только на дѣлѣ, но даже и на словахъ. Онъ говорилъ со всѣми горячо, но утонченно вѣжливо, боясь обидѣть намекомъ.

Шли годы, Наполеонъ III еще былъ живъ, Зиминъ старѣлъ. Онъ жилъ кое-какъ на средства нѣсколькихъ добрыхъ людей. Неизвѣстно было, гдѣ онъ ночевалъ, чѣмъ онъ питался. Но въ опредѣленные дни недѣли, съ неизмѣнною аккуратностью, онъ посѣщалъ своихъ знакомыхъ и, никогда не жалуясь, всегда въ хорошемъ расположеніи духа, приступалъ у нихъ къ своему любимому занятію. Отъ времени его поэтическихъ и политическихъ увлеченій у Зимина сохранилась довольно большая библіотека. Спасъ онъ ее отъ расхвата тѣмъ, что разложилъ книги въ нѣсколько сундучковъ, а сундуки помѣстилъ у нѣсколько знакомыхъ. Вотъ ради этихъ-то книгъ и посѣщалъ Зиминъ своихъ друзей. Сегодня онъ пришелъ къ намъ. Мы слышимъ, какъ онъ въ прихожей шуршитъ бумагами: это онъ вытираетъ свои грязныя галоши принесенными съ собою бумажками (которыя, послѣ употребленія, аккуратно кладетъ обратно въ карманы). Вотъ онъ входитъ и сейчасъ-же, никого по близорукости не видя и поэтому ни съ кѣмъ не здороваясь, направляется къ спальной, за ширму, къ кровати, подъ которою стоитъ его сундукъ. Ему даютъ сальную свѣчу, и онъ, при ея [illegible] забывая снимать нагаръ, погружается со страстностью скупого рыцаря въ созерцаніе содержимаго своей

сокровищницы. Тамъ книги, въ роскошныхъ переплетахъ, нѣкоторыя съ золотымъ тисненіемъ (не напрасно, значитъ, обвиняли Зимина въ расточительности). Это избранныя творенія великихъ классиковъ, выдающихся энциклопедистовъ, а затѣмъ и излюбленныхъ его французскихъ писателей революціонной эпохи тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ. Онъ перебираетъ книги одну за другою и, ничего не видя на разстояніи, приближаетъ каждую вплотную къ своему лицу и такъ жадно ее разсматриваетъ, широко открывая ротъ, вмѣсто глазъ, что кажется, будто онъ не прочь былъ бы ее проглотить. Каждую книжку онъ перелистываетъ страница за страницею, желая, повидимому, удостовѣриться, дѣйствительно-ли онъ знаетъ ее наизусть. Потомъ смахиваетъ пыль съ каждой книги краснымъ въ клѣткахъ платкомъ, еще разъ прикладываетъ заглавіе ея къ потускнѣвшимъ глазамъ и, наконецъ, нехотя, со вздохомъ, кладетъ ее обратно въ сундукъ.

Зиминъ любилъ чистоту и цѣломудріе, придавая равное значеніе обоимъ. «La chasteté—цитировалъ онъ чье-то изреченіе—est la propreté de l'ame comme la propreté est la chasteté du corps». Но, вслѣдствіе своей близорукости и грязности тѣхъ угловъ, въ которыхъ онъ ютился, онъ никогда не могъ почистить себя такъ, какъ бы желалъ. Трогательно было видѣть, какъ, по приходѣ къ знакомымъ, въ особенности, когда онъ посѣщалъ одинъ домъ, хозяйку котораго онъ рыцарски боготворилъ, Зиминъ долго возился въ передней, очищая отъ сапогъ знаменитую своею прилипчивостью одесскую грязь (шестидесятыхъ годовъ) и затѣмъ, не замѣчая, что его сапоги все еще оставались невычищенными, легко и не безъ граціи входилъ въ гостиную, оставляя на полу большіе грязные слѣды: «Madame говорилъ онъ—permettez moi de vous présenter mes hommages et de vous offrir ce petit gage de mon inaltérable amitié» и при этомъ преподносилъ своей дамѣ въ подарокъ

одну изъ своихъ завѣтныхъ книжекъ. Но это были не Ямбы» Барбье и не «Немезида» Бартелеми, а «Le merite des femmes» Легуве или «Le langage des fleurs» или еще Lettres à Emilie sur la Mythologie» слащаваго полу-прозаика, полу-поэта Демутье. Къ женщинамъ Зиминъ относился не иначе, какъ къ богинямъ, считалъ ихъ міръ особеннымъ, ничего не имѣвшимъ общаго съ обыденнымъ, и въ вопросѣ, тогда еще робко поднимавшемся, объ эмансипаціи женщинъ высказывался, что женщины потому только недовольны теперь своимъ положеніемъ, что мужчины перестали ухаживать за ними по прежнему.

Зиминъ страстно любилъ раздаривать все, что у него ю, все, за исключеніемъ своихъ книгъ, изъ которыхъ онъ иногда, какъ мы видѣли, подносилъ дамамъ лишь тѣ, кія считалъ для себя баластомъ. Держась Прудоновскаго принципа: «La propriété—c'est le vol», онъ не признавалъ ничьей собственности, ни чужой, ни своей. Чужого не оралъ, а свое, когда что-либо къ нему перепадало, сейчасъ-же раздавалъ. Наступила эпоха великихъ р рмъ въ Россіи, были введены и въ Одессѣ новые суды. ились люди, которые возбудили въ Зиминѣ увѣрен что съ новыми порядками можно будетъ легко вовить и выиграть старый, быльемъ поросшій процессъ возвращеніи неправильно отнятаго имущества. Зиминъ вдругъ оживился и взялся за этотъ процессъ съ лихорадоч энергіею. Многіе еще, вѣроятно, помнятъ его постоян ождения по судамъ для предъявленія безчисленнаго ства, большей частью, неосновательныхъ прошеній, въ, жалобъ... Вскорѣ онъ превратился въ типичнаго нака-сутягу. Когда, однажды, его спросили: вы всегла али, что вамъ для себя ничего не нужно, такъ зави ведете съ такимъ упорствомъ вашъ нескончацессъ?»— Зиминъ отвѣтилъ просто: «чтобы отдать себѣ возвращу, болѣе достойнымъ бѣднякамъ».

Процессъ затянулся. Зиминъ изнемогъ и дошелъ до состоянія безысходной нищеты. Онъ распродалъ даже свои книги.

Я уѣзжалъ изъ Одессы и, какъ разъ наканунѣ отъѣзда, встрѣтилъ Зимина на Дерибасовской все въ тѣхъ-же тяжелыхъ галошахъ и въ той-же фетровой шапкѣ à la Людовикъ XI, но онъ имѣлъ видъ значительно постарѣвшаго, хотя голову держалъ по прежнему высоко. Онъ былъ уже совсѣмъ ослѣпшимъ. По прежнему онъ ощупывалъ палкой путь впереди себя, но дѣти уже за нимъ не бѣгали. Я заговорилъ съ нимъ; онъ съ трудомъ узналъ меня, а когда вспомнилъ, то вдругъ зашамкалъ что-то про Бонапарта и про Кавеньяка и неожиданно брякнулъ: «А что, Викторія еще жива?».

Когда я возвратился въ Одессу, Зимина уже не было въ живыхъ. Мнѣ разсказывали, что онъ умеръ гдѣ-то на окраинѣ города, въ грязномъ углу квартиры пріютившаго его изъ жалости сапожника.

Обрядъ публичной казни.

На веселой площади Куликоваго поля, гдѣ въ свѣтлые пасхальные дни вертятся, какъ мельницы, духъ захватывающія перекидки, и народъ, толпясь у балагановъ, топчется въ глубокой пыли Одессы хаджибеевскихъ временъ, возвышалась еще не такъ давно тюрьма, и въ этой тюрьмѣ, выше уровня ограды, были камеры съ окнами, обращенными на поле. Заключеннымъ въ этихъ камерахъ было видно, сквозь рѣшетку, какъ свободный народъ, въ пасхальные дни, ликуетъ и гуляетъ. Нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ, однажды, лѣтомъ, съ утра сталъ стекаться на площадь народъ. Въ то время Старый базаръ тянулся вдоль Рыбной улицы почти до Итальянской. Съ толпою, стремившейся къ Куликовому полю, смѣшались базарные торговцы и покупатели. Всѣ они спѣшили, перегоняя другъ друга, толкаясь, бранясь,—иные съ дѣтьми на рукахъ. Толпа увеличивалась и сосредоточивалась у того мѣста площади, гдѣ теперь разбитъ предвокзальный скверъ. Я, тогда еще совсѣмъ малышъ, былъ захваченъ движеніемъ толпы... Тамъ, гдѣ теперь такъ заботливо стригутъ газоны и холятъ золотистыя туи, строились подмостки изъ заранѣе окрашеннаго въ черное дерева и на подмосткахъ воздвигался столбъ безъ перекладины, тоже черный. Базарные мальчишки принимали участіе въ работѣ; лазили на мостъ, цѣплялись за столбъ; ихъ отгоняли, и это вызывало смѣхъ. Пришли войска, оцѣпили площадь,

конные жандармы «осадили публику назадъ» — настала зловѣщая тишина, и вскорѣ, изъ воротъ тюрьмы, выѣхали дроги, тоже черныя, на которыхъ сидѣли, одѣтые въ длинные «балахоны», связанные люди. Мое дѣтское сердце забилось, у меня захватило дыханіе; я не зналъ, что съ этими связанными людьми сдѣлаютъ и мнѣ вообразилось ужасное. Въ толпѣ раздавалось гиканье, свистки, охи, всхлипыванія, ругань. Дроги медленно приблизились къ помосту; людей взвели на эшафотъ. Мнѣ стало страшно, я хотѣлъ уйти, но толпа нахлынула еще сильнѣе къ мѣсту позорнаго обряда и стиснула меня такъ, что я не могъ шевельнуться. Я спрашивалъ: «что имъ будетъ, что съ ними сдѣлаютъ?» — Высѣкутъ, сказалъ кто-то, и отпустятъ. Лишь-бы отпустили, лишь-бы отпустили! молился я. Что врешь? замѣтилъ другой. При всемъ народѣ сѣчь не будутъ. Это ихъ здѣсь выставили на позоръ.—А потомъ отпустятъ? добивался я.—Чего отпустятъ? Разбойниковъ-то? На каторгу ихъ, душегубовъ!—Но я, въ своемъ дѣтскомъ умѣ, не могъ примириться съ мыслью, что наказаніе этихъ несчастныхъ людей будетъ продолжаться и былъ увѣренъ, что ихъ только немножко попугаютъ и отпустятъ. Я видѣлъ, какъ ихъ привязали къ столбу, какъ на нихъ надѣли нѣчто вродѣ широкаго пояса съ надписью (обозначеніе рода преступленій), какъ какой-то чиновникъ прочиталъ о лишеніи преступника правъ и о ссылкѣ его на каторгу и ушелъ и какъ преступникъ, ближайшій ко мнѣ, остался одинъ у позорнаго столба и свои страдальческіе, сильно выпученные глаза вращалъ по сторонамъ. Мнѣ показалось, что онъ кого-то ищетъ глазами—и сердце меня не обмануло: я услышалъ позади шумъ. Толпа заколыхалась, раздались голоса: — пропустите женщину! она ему жена!—Любопытные дали дорогу и къ помосту протиснулась женщина съ ребенкомъ на рукахъ. Всхлипывая, рыдая, она молила: «дайте посмотрѣть на голубчика,

на родимаго!» И когда преступникъ замѣтилъ ее и услышалъ, на его лицѣ изобразилось что-то до того жалкое, что многіе въ толпѣ взволновались, не выдержали и начали роптать на начальство за то, что оно такъ мучаетъ людей. А женщина, жена преступника, высоко подняла на руки ребенка, чтобъ показать его отцу.

На Чумной горѣ.

Вольно, широко гуляетъ вѣтеръ на Чумной горѣ. Не здѣсь ли его постоянное пребываніе, не отсюда ли онъ срывается, чтобы полетать, посвистать по городу, да на пути помѣряться съ соперникомъ, съ вѣтромъ изъ-за моря? Обитатели Чумки—люди, собаки, вороны и ястребы давно съ нимъ знакомы и хорошо къ нему привыкли. Да и онъ привыкъ къ нимъ и на своихъ, тутошнихъ, не злится. Посмотрите, какъ онъ треплетъ грязный шалашъ тряпичниковъ: треплетъ, а съ кольевъ не срываетъ; или какъ онъ заботливо раздуваетъ огонь подъ котелкомъ съ варящеюся картошкою. Онъ любитъ здѣсь пошалить, порѣзвиться: то вдругъ, какъ будто ненарочно, вырветъ изъ рукъ мальчишекъ запущенный на гнилой ниткѣ бумажный змѣй или стремглавъ погонится за хищными птицами, уносящими въ пастяхъ куски кровавой падали. Когда я поднялся въ первый разъ на Чумную гору, вѣтеръ встрѣтилъ меня не дружелюбно и все время старался сбить съ ногъ. Залаяли собаки (какой-то особенной породы, съ рѣдкими клоками шерсти на рѣзко выступающихъ костяхъ), но не напали на меня, слишкомъ занятыя разгребаніемъ только что привезенныхъ отбросовъ и сообразивъ, вѣроятно, что я имъ не конкурентъ. Воронье презрительно закаркало; дескать, мы знаемъ, что ты не здѣшній: побудешь и уйдешь. Дѣти испугались меня; но люди-тряпичники, тѣ — бывалые — успокоили ихъ и спросили меня: «чего вамъ тутъ надо?

Оказалось изъ разговоровъ, что на Чумной горѣ есть цѣлое кочевье тряпичниковъ, поселяющихся сюда на время свалки городскихъ отбросовъ. Эти тряпичники—это тѣже городскіе отбросы. Здѣсь, на Чумкѣ, они, какъ цыгане въ таборахъ, имѣютъ свои традиціи, свои законы и образуютъ изъ своихъ членовъ союзъ, чтобы справедливо дѣлить добычу и чтобы не допускать сюда «чужаковъ». Собаки — трудно сказать: подражали ли онѣ людямъ, или люди взяли съ нихъ примѣръ—тоже соединялись здѣсь въ организованную стаю и если бы «чужой» голодный песъ имѣлъ дерзость сюда забрести, то онъ былъ бы немедленно загрызенъ и разодранъ. Господи, изъ-за чего-же эти люди и эти собаки грызутся? Не изъ-за золотыхъ, вѣдь, розсыпей Клондайка и даже не изъ-за кухонныхъ отбросовъ изъ ресторановъ, а изъ-за какой-то дряни, изъ-за смрадныхъ мусорныхъ и навозныхъ кучъ, въ которыхъ, казалось, не могло оставаться ничего годнаго ни для людей, ни для животныхъ! Такъ я думалъ. Вдругъ около меня раздался веселый дѣтскій крикъ. Изъ кучи отбросовъ ребятишки вытащили картоннаго паяца: носъ и горбъ его еще были цѣлы, а также одна нога и нитки, и когда дѣти дернули за нитку, то паяцъ задрыгалъ ногою, какъ живой, и это вышло такъ смѣшно, что все вокругъ мусорной кучи залилось живымъ, человѣческимъ смѣхомъ. Размѣялся и я, разсмѣялись и тряпичники, и одинъ изъ нихъ сказалъ: «у насъ и получше бываютъ находки. Вотъ я нашелъ здѣсь эту трубку». Онъ вынулъ изо рта трубку, изъ которой курилъ вонючую махорку. «А знаете изъ чего она?—Изъ тигра».—Какого тигра?—«А вотъ прочтите». На трубкѣ была вырѣзана надпись: «Тигръ. 1854 г.». Я сталъ объяснять тряпичнику, что его трубка сдѣлана не изъ тигра, а изъ обломковъ англійскаго военнаго парохода Тигръ», затонувшаго у береговъ Одессы и взятаго нами въ плѣнъ въ Крымскую кампанію; но онъ и не понялъ

меня и не слушалъ. Обитатели Чумки принялись за прерванную работу: мужчины на большомъ качающемся рѣшетѣ просѣивали мусоръ и на рѣшеткѣ оставались самые разнообразные по виду и по цѣнности отбросы: куски угля, кокса, кости, тряпки, бумажки, обои, стекло, обломки желѣза, осколки посуды, старыя подошвы, флаконы съ остатками лекарствъ, коробки отъ сардинокъ и проч.. А женщины, поодаль, сортировали снятое съ рѣшетокъ, отдѣляя нужное отъ ненужнаго и издавали радостные возгласы при счастливой находкѣ и тутъ-же украшали себя тѣмъ, что оказывалось пригоднымъ для женскаго туалета. При мнѣ одна женщина, найдя въ отбросахъ роговой беззубый гребешокъ, ловко подобрала имъ свои распущенные волосы. На этой-же площадкѣ, рядомъ съ людьми, происходило пиршество собакъ и хищныхъ птицъ надъ завезенною сюда съ отбросами какою-то гнилою падалью.

Зрѣлище было гадкое, отвратительное, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, не лишенное живописности, и эта живописность бросилась мнѣ въ глаза, какъ только разсѣялась собравшаяся въ моей душѣ грусть. Мнѣ думалось сначала, что эти, открытые мною на ближайшей окраинѣ Одессы, полулюди—полу-собаки должны были быть несчастнѣйшими существами, но, всматриваясь, я увидѣлъ у нихъ несомнѣнное довольство своимъ положеніемъ. Этимъ, сжившимся въ одну семью, людямъ и животнымъ, было здѣсь, очевидно, хорошо. Да, впрочемъ, само собою становилось понятнымъ, что если они рѣшили переселиться сюда, покинувъ нашъ наружно великолѣпный городъ ради Чумки, то сдѣлали они это лишь потому, что имъ было лучше здѣсь, нежели тамъ...

Смерть поэта.

Докторъ ушелъ, близкихъ друзей у умиравшаго Турнефора не было—и мы съ Торшинымъ остались вдвоемъ, чтобы дождаться наступленія его смерти. Надо было сдѣлать сообщеніе въ газеты и распорядиться о похоронахъ. Была поздняя ночь. Маленькая, бѣлая, какъ келья, комната слабо освѣщалась зеленою лампою. Турнефоръ лежалъ въ агоніи и тяжело, прерывисто дышалъ. Агонія тянулась долго, уже нѣсколько часовъ, и можно было ожидать съ минуты на минуту, что вотъ кто-то войдетъ въ комнату и сорветъ съ устъ поэта его послѣднее дыханіе. Мы съ Торшинымъ приготовились къ этому моменту, а все же намъ обоимъ было жутко. Въ комнатѣ было душно, я вышелъ во дворъ (это было въ домѣ Карузо, на Ланжероновской). Ворота были открыты изъ суевѣрія, что надо облегчить душѣ умершаго свободный выходъ изъ дому. Все спало: звѣзды сіяли. Я съ наслажденіемъ надышался воздухомъ ночи и направился уже обратно въ комнату, какъ вдругъ увидѣлъ на ея порогѣ собаку—чернаго, лохматаго пса, съ обращенными на меня пылающими взорами. Я, вообще, не трусливъ, но, признаюсь, это неожиданное видѣніе порядкомъ таки меня испугало. Бродячее, голодное животное забрело сюда, воспользовавшись открытыми воротами и незапертою дверью въ комнату; это было естественно. Но совпаденіе... Собака въ этотъ именно день, въ этотъ часъ... Какъ она могла проскользнуть въ комнату,

такъ, чтобы я не замѣтилъ ея?.. И зачѣмъ же она еще стоитъ на порогѣ?.. Все это показалось мнѣ страннымъ, необъяснимымъ... Я дождался исчезновенія привидѣнія (оно убѣжало, какъ обыкновенная собака) и храбро вошелъ въ комнату. Торшинъ былъ еле живой и совершенно зеленый. Ты видѣлъ собаку? спросилъ я Нѣтъ. Здѣсь кто-нибудь только что былъ? Нѣтъ. Отчего же ты такой зеленый? Торшинъ вздрогнулъ и повелъ рукой по лицу.—Постой! воскликнулъ онъ. Ты зеленый тоже!—Да ну?—И я тоже повелъ рукой по щекѣ. Но вдругъ мы оба разсмѣялись: на нашемъ лицѣ былъ свѣтъ отъ зеленой лампы. Намъ стало весело, я пришелъ въ себя, мы принялись дружно за припасенный ужинъ но вспомнили о Турнефорѣ, подошли къ нему: онъ былъ мертвъ.

Наполеонъ-Луи-Жозефъ Вишневскій де-Турнефоръ полякъ по отцу и французъ по матери—былъ лекторомъ французскаго языка, сначала въ Ришельевскомъ лицеѣ, а затѣмъ въ Новороссійскомъ университетѣ. Студенты знали его мало. Онъ былъ болѣе извѣстенъ частными уроками, которые онъ давалъ въ высшемъ одесскомъ обществѣ, преимущественно дамамъ. Старенькій, согбенный, въ очкахъ, нѣсколько разъ, вслѣдствіе близорукости, падавшій съ лѣстницъ — однажды онъ даже сломалъ себѣ ногу — Турнефоръ очаровывалъ дамъ прелестью своего разговорнаго ума. Слегка атеистъ, слегка эпикуреецъ, всегда съ тонкою улыбкою, поэтъ не въ однихъ своихъ стихотвореніяхъ, но и въ свѣтломъ отношеніи къ жизни, онъ имѣлъ даръ такъ увлекательно говорить, что можно было слушать его цѣлыми часами съ истиннымъ наслажденіемъ. Въ особенности интересны были его публичныя Conférences» о современной французской литературѣ. Большинство аудиторіи его состояло изъ дамъ, упивавшихся каждымъ его словомъ. Искренно возмущался этимъ

чтеніемъ и дамскимъ восторженнымъ отношеніемъ къ нему баронъ Иксъ; онъ посвятилъ имъ одинъ изъ своихъ остроумно-ядовитыхъ фельетоновъ въ «Одесскомъ Вѣстникѣ». Баронъ требовалъ общественной идейности отъ совершенно ничего общаго съ нею не имѣвшаго Турнефора. Турнефоръ прельщалъ дамъ легкимъ, чувственнымъ оттѣнкомъ своей бесѣды. Самъ онъ былъ чрезвычайно влюбчивъ, не взирая на преклонные годы и на свой совершенно не героическій внѣшній видъ, и свободно говорилъ самъ о своихъ слабостяхъ. Дамы возмущались: «ахъ, м-сье Турнефоръ, неужели?»—но всегда скоро мирились со старичкомъ и, въ свою очередь, сами дѣлали ему свои confidences, довѣряясь ему, жаловались на своихъ мужей и философски разбирали съ нимъ вопросъ объ адюльтерѣ по поводу комедій и статей бывшаго тогда въ модѣ Александра Дюма-фиса. Турнефоръ умѣлъ какъ-то такъ ловко устраиваться, что каждая дама въ отдѣльности была увѣрена, что старикъ оказываетъ ей преимущественное вниманіе; поэтому онъ былъ встрѣчаемъ во всѣхъ домахъ съ исключительною любезностью. Но вдругъ произошло нѣчто невѣроятное. Его перестали принимать, онъ лишился почти всѣхъ уроковъ и всѣ его бывшія обожательницы сразу отвернулись отъ него съ негодованіемъ. Произошло это оттого, что Турнефоръ влюбился въ одну еврейку и позволилъ себѣ не только не скрыть этого своего постыднаго увлеченія, но еще, какъ бы нарочито, публично признаться въ немъ, написавъ и напечатавъ въ честь своего «предмета» прелестное стихотвореніе «A une Juive». Еврейку эту онъ увидѣлъ сквозь очки у мѣняльнаго столика на Ришельевской улицѣ, когда она высыпала изъ кошелька горсть золотыхъ монетъ, причемъ Турнефоръ не могъ точно установить, была-ли она сама мѣняльщицею или она только подошла къ столику, чтобы размѣнять свои деньги. Но не все-ли это равно? Еврейка показалась

влюбчивому поэту до того очаровательной и до того, какъ онъ выразился, библейскою, что онъ сразу почувствовалъ при ней le coup de foudre, т. е. молніеносный ударъ любви.

Эта поздняя и послѣдняя любовь погубила Турнефора. Онъ остался совершенно одинокимъ. Онъ жилъ во дворѣ дома Карузо. Бѣлую свою комнатку онъ самъ называлъ кельей, хотя въ ней не было ни иконъ, ни цвѣтовъ. Варила ему обѣдъ дворничиха (она разсказывала впослѣдствіи, что старика посѣщала иногда какая-то таинственная дама). До поздней ночи онъ сидѣлъ передъ зеленою лампою и писалъ стихи (есть нѣсколько сборниковъ его стихотвореній, изъ которыхъ многія были проникнуты неподдѣльною поэзіею). Онъ заболѣлъ— и порѣшилъ, что выздоравливать не стоитъ. Ему прислали доктора, но болѣзнь усугубилась старческою немощью и вскорѣ его положеніе стало безнадежнымъ.

Мы съ Торшинымъ отлично обо всемъ распорядились. Дворничиха и еще какія-то женщины обмыли трупъ и принарядили Турнефора въ черное. Къ утру стоялъ въ комнатѣ гробъ и Турнефоръ удобно лежалъ въ немъ со своей неизмѣнившеюся тонкою улыбкою.

Слышимъ: у подъѣзда раздался топотъ лошадей и грохотъ подкатившей кареты. Хлопнула дверка и въ комнату вошла, почти вбѣжала, дама въ глубокомъ траурѣ. При видѣ гроба она грохнулась на полъ безъ чувствъ. Мы съ Торшинымъ растерялись, засуетились, но все-же кое-какъ подняли даму и усадили ее на стулъ. Отъ нея пахло чудными англійскими духами. Она скоро пришла въ себя и мы узнали въ ней г-жу Б.—дочь бывшаго одесскаго городского головы Новосельскаго, умную и интересную женщину, оказывавшую въ своемъ салонѣ любезное гостепріимство лучшимъ артистическимъ и литературнымъ силамъ Одессы.

Она спросила меня: какія были послѣднія слова Турнефора? Сударыня, его послѣдними словами былъ стихъ:

«Et la nuit nous ouvre les portes du tombeau».

Внесите сюда цвѣты! распорядилась г-жа Б., и лакей ея внесъ въ комнату цѣлый снопъ великолѣпныхъ цвѣтовъ, которыми она любовно осыпала гробъ поэта.

Филиппъ Пелагеичъ и птица на Успенской церкви.

А Филиппъ Пелагеичъ! Я чуть было не забылъ про Филиппа Пелагеича! Вотъ онъ, большими шагами, съ непокрытой головой, размахивая палкою, прорывается сквозь толпу бѣгущихъ за нимъ мальчишекъ. — Онъ суровъ, сердитъ и большая бородавка, покрытая волосами, на его лишенномъ растительности лицѣ, производитъ впечатлѣніе тоже чего-то сердитаго. Никакой мысли въ его сѣрыхъ глазахъ, но въ нависшихъ бровяхъ упорство фанатика. Филиппъ Пелагеичъ попадалъ на главныя улицы Одессы, собственно говоря, безъ всякой надобности, такъ, проходилъ метеоромъ, сверкалъ сердитыми глазами и исчезалъ куда нибудь далеко, гдѣ онъ чувствовалъ себя лучше, чаще всего въ монастырь на Большомъ Фонтанѣ. Но не было ни одной религіозной церемоніи, торжественнаго богослуженія, ни крестнаго хода, на которыхъ Филиппъ Пелагеичъ не присутствовалъ-бы, быстро шевеля губами, которыми онъ неслышно шепталъ молитвы. Женщины боготворили Филиппа Пелагеича (не даромъ ему было дано женское отчество), хотя онъ, при приближеніи ихъ, сердито сплевывалъ. Женщины вѣрили въ его святость, потому что знали тѣ лишенія, которымъ онъ себя добровольно подвергалъ. Онъ не былъ нищимъ и ему охотно дали-бы пріютъ и одежду въ любомъ монастырѣ. Но онъ, какъ волкъ, любилъ свободу. Лѣтомъ и зимою онъ спалъ на церковныхъ колокольняхъ, и въ зной и въ стужу ходилъ босикомъ и въ исподнемъ платьѣ въ видѣ длинной, почти до щиколки, сорочки, раскрытой на груди, поверхъ которой носилъ такой-же длинный до земли балахонъ изъ арестантскаго или больничнаго сукна. Питался онъ горячимъ отъ щедротъ монастырской кухни Успенскаго монастыря на Большомъ Фонтанѣ, но не брезговалъ садиться за трапезу на поминкахъ у добрыхъ людей. — Филиппъ Пелагеичъ много странствовалъ, много монастырей исходилъ пѣшкомъ: былъ въ Кіево-Печерской лаврѣ, ѣздилъ на Аѳонъ, часто сопровождалъ икону Касперовской Божіей Матери, но никогда ничего о своихъ странствованіяхъ не разсказывалъ, потому что всегда былъ молчаливъ и только изрѣдка что-то бурчалъ себѣ подъ носъ, и то въ сердитомъ тонѣ.

Я встрѣтился съ нимъ, однажды, на поминальномъ обѣдѣ у одной старушки вдовы на Молдаванкѣ. Онъ жадно поѣдалъ большою ложкою борщъ, запихивая ротъ пирогомъ съ капустою. Продѣлывалъ онъ это сердито, не выражая ни малѣйшаго чувства удовольствія, какъ волкъ, съ той только разницею, что не оскаливалъ зубовъ на сосѣдей. По окончаніи обѣда, онъ всталъ и, не сказавъ никому спасибо и только лишь перекрестившись, собрался уходить, но мы его задержали: «посидите, Филиппъ Пелагеичъ!». Онъ остался; суровость исчезла съ его взора, появились невиданныя мною раньше на его лицѣ мягкія черты. Онъ пріятно потянулся, посмотрѣлъ вокругъ себя ласково и, узнавъ хозяйку, пробормоталъ удивленно, какъ будто лишь только что ее замѣтилъ: «а, Татьяна Гордѣевна!». Мы возрадовались, увидѣвъ впервые Филиппа Пелагеича въ такомъ необыкновенномъ, естественномъ, состояніи, мнѣ захотѣлось испытать его, что онъ за человѣкъ: юродивый-ли, сумасшедшій или просто притворяющійся святошею—и я спросилъ его, давно-ли онъ живетъ въ Одессѣ. Онъ внимательно вслушался въ мой

вопросъ, подумалъ, посмотрѣлъ на меня проницательнымъ взоромъ и совершенно естественно отвѣтилъ: «спроси у Богородицы».

Много потерялъ Филиппъ Пелагеичъ во мнѣніи одесситовъ, когда появился однажды на улицахъ города... въ сопровожденіи женщины. И вотъ подите-же! Какое было дѣло намъ до нравственности и цѣломудрія этого обыкновеннаго юродиваго? А между тѣмъ всѣ были возмущены имъ, какъ будто онъ совершилъ всенародное безстыдство. — Подруга его — довольно молодая — носила такой-же, какъ и онъ, балахонъ и походила на свѣтлую монашенку. Филиппъ Пелагеичъ тѣсно держалъ ее около себя, оберегая ее палкою и сердитымъ взоромъ отъ удивленныхъ прохожихъ. А мальчишки, какъ будто тоже возмущенные его поведеніемъ, пуще прежняго стали гнаться за нимъ, дразня его подругу, чтобы больше его разсердить. Это привело къ тому, что вскорѣ онъ совершенно исчезъ изъ нашихъ главныхъ улицъ.

Мнѣ удалось видѣть Филиппа Пелагеича еще только разъ.—На крестѣ Успенской церкви, на Преображенской улицѣ, появилась однажды птица—большая, неуклюжая, но снизу, если глядѣть на верхушку колокольни, казавшаяся маленькою. Она вела себя странно, смотрѣла внизъ съ любопытствомъ, то отлетала, то возвращалась и можно было подумать, что она задумала свить на крестѣ гнѣздо. Позднѣе было выяснено, что это былъ морской бакланъ, но сначала сами ученые не могли опредѣлить породы этой птицы, а тѣмъ болѣе не могли этого сдѣлать прежніе простодушные одесситы, которымъ было куда интереснѣе чудо, нежели естественный фактъ. Большими толпами собирался народъ вокругъ церкви и съ суевѣрнымъ страхомъ выворачивалъ себѣ шеи, чтобы разглядѣть странное существо. Смотрѣли на него въ бинокли и въ подзорныя трубы и всѣхъ поражало, что птица и не думала

смущаться вызываемымъ ею любопытствомъ. Она какъ будто ждала публики еще, чтобы сообщить ей нѣчто важное или вообще, чтобы совершить что нибудь необыкновенное. «Не могло быть» разсуждали одесситы, чтобы невѣдомая птица залетѣла къ намъ и сѣла на крестъ безъ какого-нибудь умысла». И всѣ старались, каждый по своему, разгадать эту птицу. Говоръ толпы принималъ оживленный и даже бурный характеръ. Отогнать народъ отъ церкви нельзя было, полиція ограничилась усиленіемъ надзора на случай безпорядковъ. Говорили о возможности объявленія войны—хотя ее не предвидѣлось ни откуда—о гладѣ и о морѣ, о томъ, что одесситы мало посѣщаютъ храмы—чѣмъ объяснялась возможность, что на ихъ крестахъ появилась нечисть — требовали служенія особаго молебствія объ изгнаніи птицы...

И вотъ въ этой, охваченной любопытствомъ и страхомъ, толпѣ—появился однажды Филиппъ Пелагеичъ. Онъ былъ одинъ, безъ подруги, и смотрѣлъ на птицу безстрашно, сверкая на нее сердитыми глазами. Видѣлъ-ли онъ часто такихъ птицъ въ своихъ странствованіяхъ по сушѣ и по морямъ, или просто не боялся никакой нечисти но смѣлость его была неподдѣльная. Онъ изумилъ публику и кто-то изъ толпы обратился къ нему: «а ну-ка, Филиппъ Пелагеичъ, поговори съ дьяволомъ». Но онъ ограничился тѣмъ, что погрозилъ птицѣ палкою и тотчасъ-же ушелъ.

Черезъ нѣсколько дней птица расправила широко свои крылья и улетѣла. Съ тѣхъ поръ — а это было лѣтъ сорокъ тому назадъ—она въ Одессу не возвращалась. Не могу припомнить, не была-ли она синяго цвѣта.

Мои учителя.

Одесское Коммерческое Училище.— Р. В. Орбинскій.— Вобстъ.— Рупнѣвскій.—Доулингъ.— Ж. Брюни.—Делль-Бубба.—Г. Е. Аѳанасьевъ. — Беркевичъ. — Чепинскій.

Во времена директорства Роберта Васильевича Орбинскаго Одесское Коммерческое Училище дышало воздухомъ свободы. Преподавателей избиралъ самъ директоръ и самостоятельно устанавливалъ съ ними программу преподаванія. Лишь бы программа соотвѣтствовала свѣтлому, прогрессивному взгляду на жизнь и на науку, въ остальномъ—въ способѣ изложенія, въ распредѣленіи матеріала, въ выборѣ источниковъ—преподавателямъ предоставлялась полная свобода. Орбинскій на первый планъ ставилъ личность преподавателя—и если она удовлетворяла его, то онъ довѣрялся ей вполнѣ. Преподаватель училъ не только тому, что онъ зналъ, но и тому, что онъ любилъ, и училъ свободно, какъ считалъ это лучшимъ для пріобщенія дѣтей къ любимому предмету. Коммерческое училище въ тѣ времена имѣло только четыре высшихъ класса, такъ что для поступленія въ первый надо было знать курсъ четырехъ классовъ гимназіи. Предполагалось, что, поступая въ коммерческое училище, дѣти уже знаютъ достаточно для своего низшаго образованія и что здѣсь они должны учиться не элементамъ науки, а ея прикладному, жизненному значенію. Съ перваго класса преподаваніе было поставлено на практическую ногу. Коммерческая

ариѳметика, коммерческая географія, лекціи французскаго, итальянскаго, англійскаго и нѣмецкаго языковъ сразу вводили учениковъ въ практическую жизнь. Преподаватели бесѣдовали съ учениками, объясняли имъ прикладное значеніе той или иной науки. Дѣти знали, чему они учились и ради чего. Рутинное, машинальное преподаваніе не имѣло здѣсь мѣста. Не было ни сонныхъ, переутомленныхъ учителей, ни сонныхъ, переутомленныхъ учениковъ. Въ училищѣ царила бодрость. Надо прибавить еще, что задавшись цѣлью подготовленія дѣтей къ будущей коммерческой дѣятельности и снабжая ихъ для этого всѣми необходимыми знаніями, училище не относилось къ коммерціи съ исключительно практической точки зрѣнія, т. е. не ограничивалось подготовленіемъ однихъ торговцевъ и счетоводовъ, а стремилось къ выработкѣ въ своихъ ученикахъ широкаго, общественно-практическаго кругозора. Для этого въ высшихъ классахъ училища преподавалось, въ видѣ лекцій, и государствовѣдѣніе и политическая экономія.

Никакими программами преподаванія, никакими интересными предметами нельзя было бы, однако, создать живую жизнь училища. Можно, преподавая важнѣйшіе предметы, ну, хотя бы, русскую словесность или ту-же политическую экономію, дѣлать это въ такой формѣ, что дѣти не поймутъ ихъ жизненнаго значенія, не усвоятъ ихъ живого начала. Вся суть преподаванія, конечно, не въ предметѣ его, а въ личности преподавателя. Чтобы дѣти проникались значеніемъ науки, надо чтобы они чувствовали въ преподаваніи не только предметное изложеніе ея, но и человѣческое ея освѣщеніе. Большинство преподавателей коммерческаго училища временъ Орбинскаго удовлетворяло вполнѣ этимъ требованіямъ, внося въ преподаваніе свой личный, бодрый и здоровый элементъ. Слушая ихъ, ученики заинтересовывались предметами, проникались

ими. Важнѣе всего то, что ученики чувствовали себя на этихъ урокахъ хорошо. Я не думаю, чтобы былъ хотя одинъ ученикъ временъ Орбинскаго, который не относился бы къ прежнему училищу и къ составу его преподавателей съ искреннею, благодарною памятью.

Изъ учащаго персонала отрадно вспомнить о нѣсколькихъ личностяхъ, замѣчательныхъ не только какъ преподаватели, но и какъ хорошіе и интересные люди. Здѣсь кстати будетъ сказать, что въ прежней Одессѣ было гораздо болѣе, нежели теперь, такъ называемыхъ, типичныхъ людей. Типичныхъ не только въ смыслѣ оригинальности или чудачества, но и по своей цѣльности, по ясности міровоззрѣнія и по силѣ характера. Въ средѣ преподавателей Коммерческаго училища, не говоря уже о лицеѣ и университетѣ, было много выдающихся личностей. Изъ нихъ числа надо, прежде всего, выдѣлить личность самого директора—Роберта Васильевича Орбинскаго. Человѣкъ большого, свѣтлаго ума, многосторонне образованный, всегда исполненный инициативы, всякую идею свою стремившійся привести къ осуществленію, Орбинскій сумѣлъ сочетать въ себѣ ученаго профессора съ практическимъ дѣятелемъ. Но его «практичность» выразилась не такъ, какъ у другихъ, тоже одесскихъ ученыхъ, которые на ряду съ профессурой и служеніемъ наукѣ занимались или занимаются «практическою» банковскою дѣятельностью. Въ этомъ смыслѣ Орбинскій былъ человѣкъ крайне непрактичный. Онъ былъ въ широкомъ смыслѣ общественнымъ дѣятелемъ, отдававшимъ свои знанія и свои идеи на служеніе жизненнымъ интересамъ общества и государства. Классикъ, знатокъ древняго міра, профессоръ, педагогъ, онъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ спеціалистомъ по вопросамъ политической экономіи и торговой политики. Онъ много занимался вопросами о народной грамотности, пропагандировалъ, а впослѣдствіи и осуществилъ въ Одессѣ мысль о

необходимости расширенія коммерческаго образованія въ Россіи, заботился спеціально о поднятіи торговаго значенія Одессы, составляя по этимъ вопросамъ доклады въ министерство и печатая статьи и брошюры. Онъ былъ, между прочимъ, сотрудникомъ одесской газеты «Правда». Его знанія и живая дѣятельность были особенно оцѣнены въ Петербургѣ и, послѣ оставленія имъ директорства въ коммерческомъ училищѣ, онъ получилъ отъ нашего министерства финансовъ командировку въ Соединенные Штаты Америки для изученія условій ея міровой хлѣбной торговли.—Въ училищѣ онъ былъ прекраснымъ администраторомъ и сумѣлъ привлечь къ нему симпатіи не только одесскаго купеческаго общества, но и всего Новороссійскаго края. Привлекало, главнымъ образомъ, его свѣтлое, гуманное отношеніе къ ученикамъ, безъ различія ихъ національности. Въ училищѣ было много помѣщичьихъ дѣтей, сыновей богатыхъ польскихъ аристократовъ, и на ряду съ ними, на одной скамьѣ, дѣти одесскихъ мѣщанъ—русскихъ и евреевъ. И всѣ они были товарищами, и не было еще тогда между ними ни намека на то, что стало впослѣдствіи называться «національною рознью». Неудивительно, что подъ свѣтлою администраціею Орбинскаго училище научно процвѣтало и подготовило многихъ коммерческихъ и общественныхъ дѣятелей. Какъ велось въ немъ преподаваніе, можно будетъ судить по нѣсколькимъ примѣрамъ. Дѣло это было давно, я пишу на память, и потому остановлюсь лишь на личности преподавателей, оставившихъ во мнѣ наиболѣе яркое впечатлѣніе.

Вобстъ—преподаватель русскаго языка и словесности. Онъ пробылъ въ училищѣ не долго. Скоро умеръ. Но какъ свѣтла его память во мнѣ! Онъ былъ инородецъ, Богъ его знаетъ какого происхожденія, кажется, нѣмецъ, но онъ любилъ русскую словесность, какъ мало кто ее любитъ изъ коренныхъ русскихъ преподавателей. Тихій,

мягкій, съ лицомъ чиновника гоголевской «Шинели», Вобстъ былъ страстнымъ поклонникомъ Гоголя и любилъ читать его вслухъ ученикамъ, устраивая ради этого чуть-ли не еженедѣльно по «красному» уроку, т. е. такой урокъ, когда можно было выйти изъ рамокъ курсовой программы и поговорить съ дѣтьми или разсказать имъ о чемъ-нибудь болѣе живомъ и интересномъ. Вобстъ читалъ Гоголя тихо, просто, съ какимъ-то своимъ личнымъ, тонкимъ и грустнымъ юморомъ — и все въ классной комнатѣ затихало, чтобы не проронить ни слова изъ чудныхъ страницъ великаго писателя. Казалось, что читаетъ ихъ намъ самъ Гоголь. Когда звонокъ извѣщалъ объ окончаніи урока, мы вздрагивали, какъ пробужденные отъ очарованнаго сна. Грустно было разставаться съ сновидѣніями. Въ особенности хорошо читалъ Вобстъ «Шинель», на героя которой онъ былъ такъ похожъ, и «Повѣсть о капитанѣ Копейкинѣ». Какъ живой рисовался передъ нами этотъ героическій капитанъ, весь скроенный изъ сердечной простоты и чувства долга, неслыханно обиженный въ своихъ лучшихъ чувствахъ холоднымъ формализмомъ петербургскихъ чиновниковъ, да и столицей, столь обольстительной для незнающаго жизни провинціала и оказавшейся столь къ нему безжалостно равнодушной. Мы все ждали, когда же правда браваго Копейкина восторжествуетъ, и надъ его похожденіями мы не смѣялись. Намъ скорѣе было грустно. Зато, когда Вобстъ, знавшій повѣсть наизусть, вдругъ закрывалъ книгу и, входя въ роль разсказчика, начиналъ, какъ бы отъ себя, горячо доказывать, что капитанъ Копейкинъ и Павелъ Ивановичъ Чичиковъ одно и то-же лицо, мы понемногу начинали приходить въ веселое настроеніе и въ моментъ, когда на замѣчаніе, что у Чичикова двѣ руки, а у Копейкина только одна, Вобстъ изображалъ глубочайшее изумленіе и потомъ, хлопнувъ себя по лбу, трагически восклицалъ: «ахъ, я телятина!»,

нашему смѣху уже не было удержу и мы всѣ поголовно хохотали во всѣ наши молодыя глотки.—Вобстъ держался принципа, что дѣтей не слѣдуетъ мучить. Вмѣсто того, чтобы требовать отъ нихъ знанія отвлеченной грамматики, онъ предпочиталъ вызывать въ нихъ умѣніе связно и ясно излагать свою живую мысль. Онъ любилъ заставлять дѣтей разсказывать, передавать своими словами прочитанное, писать сочиненія на свободно избираемыя темы. Нѣкоторые изъ учениковъ приносили въ классъ свои стихотворныя произведенія и Вобстъ или добродушно критиковалъ ихъ, или одобрительно хвалилъ. И совершались чудеса: нѣкоторые изъ малоуспѣшныхъ (въ первый классъ училища принимались т. н. вольнослушающіе ученики, т. е. плохо выдержавшіе экзамены, но допущенные къ слушанію курса съ условіемъ, что они должны будутъ оставаться въ первомъ классѣ два года)—малоуспѣшные по разнымъ другимъ предметамъ, — неожиданно оказывались весьма талантливыми сочинителями, съ яснымъ поэтическимъ міросозерцаніемъ. Чудеса эти совершалъ Вобстъ, безъ всякаго насилія надъ умомъ и душою учениковъ умѣвшій открывать къ свѣту ихъ скромныя силы.

Вобстъ состоялъ еще преподавателемъ, кажется, въ институтѣ или въ женской гимназіи и въ частныхъ училищахъ, и всегда онъ держался своей системы свободнаго и живого преподаванія и вездѣ былъ горячо и искренно любимъ. Какъ тихо и просто онъ читалъ, такъ тихо и просто онъ умеръ. Никто изъ учениковъ не зналъ даже, что онъ былъ боленъ. Просто Р. В. Орбинскій сообщилъ намъ однажды, что учитель Вобстъ умеръ.

Совершенно другого типа преподавателемъ, но тоже очень симпатичнымъ и искренно любимымъ дѣтьми, былъ Рупнѣвскій, доцентъ дерптскаго университета, учитель географіи. Блѣдный, поэтичный, аристократъ во всѣхъ своихъ движеніяхъ и въ самомъ способѣ изложенія своего

предмета, всегда обвѣянный какою-то грустью, вѣчно занятый чистотою, въ особенности чистотою ногтей на своихъ красивыхъ длинныхъ пальцахъ, Рупнѣвскій не любилъ взбираться на каѳедру; онъ сидѣлъ около нея на стулѣ, бокомъ къ ученикамъ и говорилъ о своемъ предметѣ, съ полузакрытыми глазами, какъ будто куда-то въ пространство. Картины природы онъ рисовалъ мастерски, но какъ будто не для слушателей, а для себя. Ему нужно было говорить намъ о торговомъ значеніи государствъ и городовъ, и онъ дѣлалъ это, но безъ всякаго одушевленія. Прикладное значеніе географіи ему претило. Это былъ мечтатель чистѣйшей воды. Но мечтатель о чемъ? Еще свѣжи были тогда испытанныя обиды, еще не зажили глубокія раны. Рупнѣвскій, полякъ, не примирился съ совершившимся, и мечтанія его относились къ возможности возрожденія его родины. Ему, съ его нѣжною, женственною натурою, тяжело было быть преподавателемъ и онъ не былъ имъ. Онъ не преподавалъ, а разсказывалъ, и то больше для себя, и на слушателей смотрѣлъ, какъ на равныхъ себѣ, а вовсе не какъ на учениковъ.—Щепетильно вѣжливый со всѣми, относясь ко всѣмъ, какъ къ взрослымъ, Рупнѣвскій умѣлъ, самъ того не замѣчая, вызывать въ ученикахъ чувство собственнаго достоинства. Обычныхъ шалостей на его урокахъ почти не бывало. Правда, пользуясь его близорукостью и привычкою смотрѣть по долгу на свои красивые пальцы, ученики отвѣчали урокъ чуть-ли не по принесенному съ собою къ доскѣ учебнику, но это не исключало уваженія къ учителю. Въ особенности тяжело чувствовалъ себя Рупнѣвскій, когда ему приходилось задавать ученику вопросы и тотъ сбивался и отвѣчалъ плохо. Рупнѣвскій краснѣлъ, досадовалъ, какъ будто плохо зналъ урокъ онъ самъ. Онъ сейчасъ же помогалъ ученику и отвѣчалъ за него. Если-же ученикъ оказывался совсѣмъ таки ничего не подготовившимъ и не понима-

вшимъ даже того, что ему подсказывалъ учитель, то Рупнѣвскій брезгливо отходилъ отъ него, какъ отъ чего-то неопрятнаго и, процѣдивъ сквозь зубы краткое «садитесь», самъ умолкалъ на нѣсколько минутъ и принимался сейчасъ же за энергичную чистку своихъ ногтей. Намъ всѣмъ становилось неловко и стыдно. Рупнѣвскій тоже не долго оставался въ училищѣ, но онъ не умеръ, а куда-то уѣхалъ. Живъ-ли онъ еще?

А мистеръ Доулингъ, лекторъ англійскаго языка! Мы еще вчера видѣли его на ледяномъ каткѣ въ городскомъ саду въ отдѣленіи Алексѣева. Рыжій, красный, съ короткими волосами, въ короткой курткѣ онъ продѣлывалъ на льду самые замысловатые зигзаги, стараясь, какъ будто нечаянно, завернуть къ группѣ, въ которой была та, за кѣмъ онъ ухаживалъ. Доулингъ почему-то воображалъ, что онъ предназначенъ жениться на богатой аристократкѣ и, исходя изъ такого самомнѣнія, онъ совершенно неожиданно, но крайне рѣшительно, дѣлалъ предложеніе ничего не подозрѣвавшей, но намѣченной имъ дѣвушкѣ, а иногда, минуя дѣвушку, прямо обращался къ родителямъ. Онъ получалъ, конечно, отовсюду отказы, но это нисколько его не обезкураживало и онъ обращалъ свое предложеніе къ другимъ, столь-же мало ожидавшимъ его, богатымъ невѣстамъ. Кажется, что онъ въ концѣ концовъ женился таки на какой-то аристократкѣ. Доулингъ былъ плохимъ преподавателемъ (въ высшихъ классахъ коммерческаго училища лекторомъ англійскаго языка состоялъ Рендель, гораздо болѣе опытный и умный). Онъ заставлялъ весь классъ коверкалъ себѣ челюсти для произношенія скверно произносимыхъ имъ самимъ англійскихъ словъ. У меня до сихъ поръ зудитъ языкъ при воспоминаніи о томъ, какъ ему трудно приходилось, лавируя между нёбомъ и зубами, дѣлать неимовѣрныя усилія, чтобы произнести англійское: «the». Доулингъ сердилъ меня, упорствуя, не

взирая на мои протесты, называть меня: де-Рейбесъ зи Сегондъ. (Со мною былъ въ училищѣ мой старшій братъ). Въ классѣ стоялъ ужасный шумъ, ученики спрашивали Доулинга о его романахъ, прыгали по скамьямъ, хохотали—и такъ какъ никакія оставленія послѣ уроковъ и другія кары учениковъ не унимали — то Орбинскій вынужденъ былъ разстаться съ Доулингомъ.

Зато былъ красивъ и авторитетенъ лекторъ французскаго языка Жоржъ Брюни. Отличный «conférencier» онъ читалъ не разъ интересныя публичныя лекціи о современныхъ теченіяхъ во французской литературѣ. Кстати сказать, въ прежней Одессѣ гораздо болѣе интересовались публичными бесѣдами о европейской литературѣ, нежели теперь. О французскихъ писателяхъ читали у насъ лекціи Турнефоръ, Шапеллоны, отецъ и сынъ его, покойный лекторъ Новороссійскаго университета, Жоржъ Брюни, Леонсъ Малефиль и др.—О прочихъ литературахъ читали Петръ Вейнбергъ, проф. Григоровичъ, Сычевскій, Орбинскій, Маркевичъ и еще многіе, которыхъ сейчасъ не припомню. Не зная ни слова по-русски, Брюни, однако, умѣлъ становиться понятнымъ ученикамъ, до того была проста и ясна его дикція и такъ талантливо умѣлъ онъ пользоваться знаніями нѣкоторыхъ изъ учениковъ, говорившихъ по французски дома, для перевода другимъ трудныхъ словъ и фразъ изъ его рѣчей. Свѣтлый, серьезный умъ, благожелательно строгій Брюни былъ очень любимъ и уважаемъ учениками.

А Фабіо дель-Бубба, лекторъ италіанскаго языка, наивный и хитрый генуезецъ! Если вы спросите меня, почему я называю его хитрымъ и въ чемъ выражалась его наивность, и какъ, вообще, можно сочетать хитрость съ наивностью, то поставите меня этимъ въ большое затрудненіе. Такимъ онъ казался съ виду, а въ душѣ—я его зналъ семейно—онъ былъ прекраснымъ человѣкомъ; но

всѣмъ исторически извѣстно, что генуезцы, каковы бы они ни были въ частности, должны непремѣнно быть характеризуемы всѣ, какъ наивные хитрецы; и мы такимъ считали нашего дель-Бубба, не потрудившись даже удостовѣриться, былъ-ли онъ въ дѣйствительности генуезцемъ. А, между тѣмъ, ходили слухи, что Орбинскій пригласилъ его вовсе не изъ Генуи, а изъ Падуи. Какъ никакъ, а мы любили его какъ большого добряка и очень снисходительнаго лектора, на урокахъ котораго можно было дѣлать, что угодно. Каково-же было мое удивленіе, когда я узналъ впослѣдствіи, что дель-Бубба былъ избранъ инспекторомъ училища и превратился въ очень строгаго и требовательнаго педагога! Ужъ не былъ-ли онъ въ самомъ дѣлѣ генуезцемъ?

Самымъ живымъ и энергичнымъ дѣятелемъ въ коммерческомъ училищѣ былъ молодой преподаватель всеобщей исторіи Георгій Емельяновичъ Аѳанасьевъ, нынѣ управляющій кіевскимъ отдѣленіемъ государственнаго банка. Трибунъ на каѳедрѣ, горячій, убѣжденный, красиво выражавшійся, слегка картавящій, съ энергичными жестами и съ интонаціями человѣка, призывающаго дѣтей не коснѣть здѣсь, въ душныхъ стѣнахъ училища, а выйти съ нимъ на площадь, Аѳанасьевъ былъ стѣсненъ возложеннымъ на него курсомъ исторіи и поэтому постоянно выходилъ за его предѣлы. Онъ не любилъ преподавать сжатый хронологическій ходъ событій. Онъ останавливался на яркихъ ея моментахъ и тогда его лекціи (именно лекціи, а не уроки) были блестящими характеристиками великихъ людей или великой эпохи. Онъ завлекалъ слушателей своимъ краснорѣчіемъ, хотя чувствовалось, что, какъ ни говорилъ онъ горячо, онъ все-же не досказывалъ многаго... Занималась въ Одессѣ новая жизнь. Поднималось въ обществѣ политическое броженіе. Разворачивая историческія картины, Георгій Емельяновичъ от-

крывалъ намъ и историческія перспективы. И когда звонокъ «перемѣны» прерывалъ его урокъ,—въ его недосказанномъ словѣ всегда слышался успѣвавшій прорваться ясно раздававшійся призывъ.—Но во времена Орбинскаго мы всѣ были молоды...

Слѣдовало-бы еще упомянуть о симпатичномъ проф. Беркевичѣ съ его деревяннымъ костылемъ и всегда пріятною улыбкою и о Чепинскомъ, съ его, наоборотъ, всегда злобною усмѣшкою, но это слишкомъ удлинило-бы мой очеркъ.

Математикъ Штейнъ.

Бѣдно одѣтый, грязный, тяжело дышащій, сопящій, со всклокоченными волосами, съ запутавшеюся, заплеванною бородою и со слегка косящими, но сливающимися въ одно выраженіе, мягкими, умными и скорбными глазами. Его звали Штейномъ. За грошевое вознагражденіе онъ давалъ уроки математики, въ которой былъ чрезвычайно силенъ, хотя научился ей одинъ, самоучкою, въ углу лачуги своихъ бѣдныхъ родителей. Какъ всѣ самоучки, онъ быстро поднялся въ высь, изъ низовъ элементарной математики въ область ея высшихъ теоретическихъ построеній, и былъ поэтому мало способнымъ къ преподаванію практически необходимой въ жизни ариѳметики. Университетскія свѣтила, профессора-спеціалисты, любили вступать со Штейномъ въ разборъ труднѣйшихъ математическихъ задачъ, которыя, обыкновенно, задавались профессорамъ самимъ Штейномъ. Разсказывали, что онъ, будто, иногда такъ озадачивалъ своими задачами, что только съ его собственною помощью ихъ можно было разрѣшить. Кромѣ математики, Штейнъ не зналъ ничего. Онъ могъ бы легко добиться званія домашняго учителя ариѳметики и зарабатывать этимъ, какъ говорится, приличный кусокъ хлѣба, но для этого нужно было, во 1-хъ, слѣзть съ высотъ высшей математики, гдѣ Штейнъ чувствовалъ себя такъ хорошо, и, во 2-хъ, сдавать экзаменъ еще изъ побочныхъ предметовъ: географіи, рус-

ской грамматики и др., къ которымъ онъ чувствовалъ непреодолимое отвращеніе. Штейнъ предпочелъ остаться на своихъ высотахъ, но это не давало ему хлѣба и онъ былъ нищимъ.

Я готовился къ экзаменамъ и мнѣ порекомендовали Штейна въ помощь по алгебрѣ. Не могу забыть нашъ первый урокъ. Учитель вошелъ, поражая своей неряшливою внѣшностью, и проговорилъ какъ то про себя, въ свою бороду: «Я Штейнъ».—«Очень радъ, садитесь». Онъ конфузливо сѣлъ на кончикъ стула. Нѣкоторое время мы не знали, что сказать другъ другу. Онъ молчалъ и сопѣлъ. Я ждалъ. Наконецъ, онъ сильно втянулъ въ себя воздухъ и заговорилъ, почти скороговоркою, съ рѣзкимъ еврейскимъ произношеніемъ: «Сказать вамъ что такое математика? Математика это поэзія. Высшая математика — это высшая поэзія. Но вы же спросите: отчего это называется математикою, а это называется поэзіею? Такъ я вамъ скажу. Математика это поэзія, только совсѣмъ особенная; это поэзія безкорыстная. Вы слыхали, чтобы поэтъ чего нибудь не хотѣлъ? Онъ всегда чего-нибудь хочетъ. Математикъ не хочетъ ничего. Поэтъ пишетъ стихи, что луна желтая. Математикъ себѣ думаетъ: пусть луна будетъ красная, лишь бы моя задача вышла. А главное: поэтъ любитъ деньги, онъ продаетъ свои стихи, а математикъ любитъ только счетъ». И Штейнъ, довольный своимъ послѣднимъ сравненіемъ и, вообще, пріободрившись, спросилъ меня: «Вы знаете разницу, что такое деньги и что такое счетъ?» — Нѣтъ, не знаю. — «Такъ я вамъ скажу: деньги это капиталъ того, у кого деньги есть, а счетъ это капиталъ того, у кого денегъ нѣтъ. Вы меня поняли?»—Понялъ, понялъ; но скажите, г. Штейнъ, если вы такого нехорошаго мнѣнія о поэзіи, то зачѣмъ же вы математику сравниваете съ поэзіей, хотя бы и безкорыстною?—«Я вамъ — скажу» — и Штейнъ лукаво улыбнулся,

какъ будто заранѣе торжествуя побѣду своего аргумента: «Потому что только въ математикѣ и въ поэзіи—свобода. Вы знаете Ланжеронъ? Вы ходите туда купаться? Такъ математика и поэзія—это океанъ, гдѣ можетъ плавать сколько хочетъ всякій, кто любитъ настоящую свободу». И Штейнъ особенно сильно подчеркнулъ слово: настоящую. Но, вдругъ, онъ спохватился: «Но вы же хотите, чтобы я васъ училъ ариѳметикѣ!». И только тогда начался нашъ правильный урокъ. Любопытна была у Штейна метода преподаванія. Онъ объявилъ мнѣ сразу, что ничему учить меня не будетъ, потому что каждый долженъ учиться самъ, и что онъ будетъ только отвѣчать мнѣ на вопросы, если я чего нибудь не пойму.

...Бѣдный, безкорыстный поэтъ! Съ уроковъ онъ шелъ въ кухмистерскую на Новомъ базарѣ и, если при немъ были какіе либо гроши, то онъ крѣпко держалъ ихъ въ кулакѣ, чтобы отдать ихъ сейчасъ же хозяйкѣ, потому что раньше бывали частые случаи, что онъ получалъ деньги и самъ не зналъ, куда ихъ дѣвалъ. Въ денежномъ отношеніи онъ былъ совершенное дитя.

Штейнъ не зналъ никакихъ развлеченій и когда, уставши отъ математическихъ задачъ, онъ чувствовалъ потребность въ отдыхѣ, то всегда направлялся къ своимъ ученикамъ, нынѣшнимъ или бывшимъ, ибо всѣхъ учениковъ считалъ сроднившимися съ собою въ самомъ дорогомъ, что было для него въ жизни,—въ безкорыстной поэзіи. Придетъ онъ, бывало, къ своему ученику, сядетъ конфузливо гдѣ-нибудь въ углу и молчитъ, тяжело дыша. И часто уходилъ онъ, такъ ни слова и не проронивъ, но успѣвъ набраться, неизвѣстно откуда, бодрости и свѣжихъ силъ для своихъ дальнѣйшихъ математическихъ работъ.

Страничка изъ исторiи газ. «Правда».

Редакторъ-издатель газеты «Правда» (она просуществовала въ Одессѣ съ 1 октября 1877 года по 1 ноября 1880 г.), Iосифъ Флоровичъ Доливо-Добровольскiй былъ человѣкъ замѣчательный. Замѣчательный, прежде всего, своей красотою. Отставной офицеръ лейбъ-гвардiи, не помню, уланскаго или кирасирскаго полка, онъ и въ пожилые годы сохранилъ ту пару великолѣпныхъ бѣлокурыхъ усовъ, тѣ мало выразительные, но ясные и красивые глаза, тѣ бѣлые зубы и тотъ открытый, свѣтлый лобъ, которые въ молодости выдвинули его въ ряды первыхъ красавцевъ гвардiи. Благодаря этой красотѣ, въ 1853 г., въ Парижѣ, на бракосочетанiи Наполеона III съ Евгенiей Монтихо, Iосифъ Флоровичъ присутствовалъ въ качествѣ депутата отъ полка и удостоился счастья поднести императрицѣ роскошный букетъ. Замѣчателенъ былъ еще Iосифъ Флоровичъ своею страстною, но нѣсколько своеобразнаго характера, любовью къ музыкѣ, любовью до самозабвенiя, до готовности, ради музыки, потерять здоровье. Однажды, онъ пришелъ въ редакцiю простуженный, охрипшiй. Было начало марта. По дворамъ, съ первыми весенними лучами солнца, стали ходить италiанскiе шарманщики. Окна были еще закупорены по зимнему. Iосифъ Флоровичъ не выдержалъ; онъ мощными руками расконопатилъ рамы, открылъ въ своей спальной окно и, жадно впивая дивные звуки «addio del passato bei sogni riddenti», схватилъ вмѣстѣ съ ними сильную простуду горла.—Каждый вечеръ аккуратно онъ посѣщалъ театръ Великанова, въ которомъ тогда шла русская драма подъ антрепризою Милославскаго. Но если спрашивали Iосифа Флоровича его мнѣнiе о той или другой пьесѣ, онъ предобродушно восклицалъ: «да я, батенька, хожу въ драму только ради музыкальныхъ антрактовъ!». И дѣйствительно, въ случаяхъ надобности видѣть его по дѣламъ газеты, его, во время хода драмы, всегда можно было найти въ буфетѣ.

Iосифъ Флоровичъ былъ человѣкъ открытой души и то, что я сейчасъ о немъ разсказываю, онъ самъ любилъ разсказывать всѣмъ, бравируя странностью своей меломанiи. Вообще, онъ любилъ разсказывать о себѣ все, что могло придать ему тѣнь оригинальности, и не останавливался ради этого даже передъ приписыванiемъ себѣ несуществующихъ недостатковъ. Добродушный, добрѣйшiй и безхарактерный Iосифъ Флоровичъ съ трудомъ рѣшился на издательство въ Одессѣ газеты «Правда», но когда рѣшился, то поспѣшилъ установить въ ея редакцiи товарищеское, коллегiальное начало, что значительно облегчало его личную въ ней дѣятельность. Этому началу коллегiальности онъ придавалъ, вообще, огромное значенiе и примѣнялъ его не только къ дѣламъ газеты, но и къ вопросамъ своей личной жизни.

Iосифъ Флоровичъ былъ большой либералъ и даже, если спросить его, то народникъ. Когда основывалась «Правда», онъ, прежде всего, озаботился о наборщикахъ, пошелъ лично въ помѣщенiе для рабочихъ въ типографiи Л. Нитче (кто еще помнитъ этого маленькаго сморщеннаго, черненькаго старика?) и произнесъ имъ рѣчь о великомъ значенiи печатнаго слова. А наканунѣ выпуска перваго номера газеты (1 октября 1877 г.) устроилъ наборщикамъ угощенiе, прислалъ имъ полковую музыку и самъ танцо-

валъ съ ними трепака (съ особеннымъ эффектомъ онъ на ходу снималъ сапогъ и тутъ же во время присядки надѣвалъ его). Къ сотрудникамъ «Правды», старшимъ и младшимъ, онъ относился, какъ къ равнымъ себѣ товарищамъ, и, строго придерживаясь принципа коллегіальности, любилъ говорить имъ: «отдѣльно отъ васъ, господа, я не значу ничего; съ вами-же я такая-же единица, какъ и каждый изъ васъ». Редакціонные вопросы обсуждались всѣми сообща; заготовленный матеріалъ отдавался въ печать или нѣтъ сообразно съ мнѣніемъ большинства; новые сотрудники принимались лишь съ согласія первообразовавшейся группы. Довѣріе и товарищескія отношенія редактора къ сотрудникамъ дѣлали работу въ газетѣ свободною и пріятною. Тогда свирѣпствовала во всю предварительная цензура. Газета составлялась изъ клочьевъ возвращеннаго отъ цензора, испачканнаго въ красное, матеріала. До слезъ было больно за напрасно потраченный трудъ, за безрезультатные порывы...

Вокругъ милѣйшаго І. Ф. Доливо-Добровольскаго сгруппировалось нѣсколько видныхъ общественныхъ дѣятелей и опытныхъ газетныхъ сотрудниковъ: Г. Е. Афанасьевъ, Карлъ Евгеньевичъ Розенъ (считавшійся вторымъ редакторомъ), А. С. Попандопуло, С. И. Сычевскій, С. А. Барскій, Евгеній де-Брюксъ (талантливый карикатуристъ), Ѳ. Штернъ, Н. Пересвѣтовъ и другіе. Впослѣдствіи сотрудничали въ «Правдѣ» еще: Адольфъ Игнатьевичъ Черкассъ—по земскимъ дѣламъ, Робертъ В. Орбинскій—по торговой политикѣ, Илья Михайловичъ Рева—по народному хозяйству, Шульгинъ—по вопросамъ народнаго образованія. Изъ этихъ дѣятелей печати одни теперь покойники, съ другими произошли «перемѣны», какъ, напримѣръ, съ И. М. Ревою, который изъ прогрессиста сталъ нынче консерваторомъ. Нѣкоторые отошли отъ газетной работы и перенесли свою просвѣтительную дѣятельность

на государственную службу, какъ Георгій Емельяновичъ Афанасьевъ, завѣдывавшій въ «Правдѣ» иностраннымъ отдѣломъ (впослѣдствіи перешедшимъ къ А. С. Попандопуло) и состоящій нынѣ управляющимъ кіевскимъ отдѣленіемъ государственнаго банка, или какъ симпатичнѣйшій Шульгинъ, учительствующій нынѣ въ кіевскихъ казенныхъ гимназіяхъ. Самуилъ Андреевичъ Барскій, усерднѣйшій газетный работникъ, нынче адвокатствуетъ въ Харбинѣ. Писалъ въ «Правдѣ» и Евгеній Марковъ, а затѣмъ, однажды, Всеволодъ Крестовскій (разсказъ «Бакшишъ», во всѣхъ отношеніяхъ невинный и неинтересный). Писалъ и Маркяронъ и, одинъ единственный разъ, С. Краевъ (отличившійся тѣмъ, что почти одновременно помѣстилъ подъ разными псевдонимами два фельетона: одинъ въ «Новороссійскомъ Телеграфѣ» съ руганью противъ «Правды» и другой въ «Правдѣ» съ рѣзкой бранью противъ «Телеграфа»). Имѣлись въ «Правдѣ» опытные корреспонденты: П. Гроссулъ-Толстой на театрѣ военныхъ дѣйствій, Рабиновичъ — провинціальный, и живой и юркій Борисъ Чивилевъ въ Парижѣ. Этотъ Чивилевъ умудрился заинтересовать въ судьбѣ «Правды» такихъ крупныхъ корифеевъ французской литературы, какъ Эмиля Золя (позволившаго печатать въ Одессѣ одновременно съ Парижемъ свой романъ: «Une page d'amour»), Альфонса Додэ, приславшаго «Правдѣ» нѣсколько неизданныхъ рождественскихъ разсказовъ, и даже Виктора Гюго. Маститый поэтъ въ день первой годовщины «Правды» удостоилъ редакцію собственноручнымъ письмомъ, въ которомъ старался «encourager les nobles efforts des collaborateurs de la «Pravda» и которое, послѣ поздравленія сотрудниковъ, заканчивалъ эффектнымъ восклицаніемъ: «Lumière et Vérité!».

«Правда» была основана въ самый разгаръ русско-турецкой войны 1877 — 78 года. Сердце Одессы билось

тогда въ униссонъ со всей Россіей въ тревожномъ ожиданіи извѣстій съ театра военныхъ дѣйствій на Балканахъ и въ Азіатской Турціи. Столбцы газеты были переполнены военными корреспонденціями и не было почти мѣста для статей по другимъ общественнымъ вопросамъ. Однако, на четырнадцатый день своего существованія, редакція сочла уже себя вправѣ обратиться къ своимъ читателямъ съ изложеніемъ того, что она успѣла за эти двѣ недѣли сдѣлать, и съ просьбою дать ей указанія относительно ея дальнѣйшей дѣятельности. Редакція обѣщала чутко прислушиваться къ голосу общества. Но тогда общество было всецѣло занято войною. Силы и упорство Турціи оказались большими, нежели мы предполагали, и борьба съ врагомъ становилась трудною. Безпокойство росло. Но вотъ пришли радостные дни. Кто не помнитъ того взрыва патріотическаго восторга, съ которымъ встрѣтила Одесса извѣстіе о взятіи нашими войсками въ ноябрѣ 1877 г. крѣпости Карсъ, а затѣмъ черезъ нѣсколько дней о паденіи Плевны и о плѣненіи всей арміи Османа-Паши?!.

Правда» была живою, отзывчивою и открыто прогрессивною газетой. Іосифъ Флоровичъ пошелъ охотно по теченію, созданному его сотрудниками, но ему, конечно, приходилось тяжелѣе всѣхъ, такъ какъ онъ долженъ былъ лично, ежедневно, по нѣсколько разъ въ день, ходить отстаивать чуть-ли не каждую строку своей газеты. Это не нарушало, однако, его обычной бодрости и онъ долго, долго высоко держалъ знамя либеральнаго направленія «Правды», пока, въ одинъ прекрасный день... это ему не надоѣло... Но объ этомъ я разскажу дальше. Я хочу разсказать теперь объ участіи въ «Правдѣ» еще одного крупнаго дѣятеля одесской печати — Семена Титыча Герцо-Виноградскаго (Барона Икса). Кратковременное его сотрудничество было кульминаціоннымъ пунктомъ въ дѣятельности газеты. Семенъ Титычъ попытался поднять ослабѣвавшія силы

сотрудниковъ и думалъ, что сумѣетъ сказать въ «Правдѣ въ живомъ и яркомъ словѣ то, что ему никакъ не удавалось досказать въ другихъ одесскихъ газетахъ; но это ему не удалось и здѣсь...

Интересны обстоятельства, сопровождавшія вступленіе Барона Икса въ число сотрудниковъ «Правды». С. Т. Герцо-Виноградскій самъ часто называлъ себя ремесленникомъ печати и даже гордился этимъ титуломъ. «Я служу обществу, я работаю для него», говорилъ онъ и писалъ. Я хочу быть ремесленникомъ въ газетѣ и никогда не буду въ ней шарлатаномъ». Но эта скромная характеристика не исчерпывала личности талантливаго фельетониста. Это было живое, чуткое, вѣчно бьющееся сердце журналиста. Онъ ничего не писалъ, что не было бы имъ самимъ. Фельетоны его, какъ бы они ни были остроумны и интересны, всегда оставляли нѣсколько тягостное впечатлѣніе — потому что въ каждой строкѣ его фельетона нельзя было не почувствовать мучительно бившагося сердца самого журналиста. Баронъ Иксъ писалъ во всѣхъ одесскихъ газетахъ — поочередно, не взирая на различіе ихъ направленій, но онъ писалъ въ нихъ только одно и это одно было стремленіемъ къ правдѣ и къ прогрессу. Въ началѣ 1878 года онъ работалъ въ «Новороссійскомъ Телеграфѣ» М. П. Озмидова, но онъ бился, изнемогалъ, стараясь вырваться изъ тяжелой атмосферы редакціи, созданной въ ней тяжелою личностью самого редактора. Тогда у І. Ф. Доливо-Добровольскаго возникла мысль о привлеченіи къ себѣ мятущагося фельетониста. Ему черезъ А. С. Попандопуло было сдѣлано предложеніе. Семенъ Титычъ обрадовался; дѣло наладилось, какъ вдругъ въ самой редакціи «Правды» произошелъ по поводу этого приглашенія рѣзкій расколъ. Большинство состава редакціи, въ томъ числѣ, Г. Е. Афанасьевъ, К. Е. Розенъ, С. И. Сычевскій, Ѳ. Штернъ и другіе объявили своему редактору, а

затѣмъ и оповѣстили въ газетахъ, что «въ виду прошлой литературной дѣятельности Барона Икса» они считаютъ невозможнымъ сотрудничество съ нимъ въ «Правдѣ». Въ pendant къ этому двое другихъ журналистовъ—А. С. Попандопуло и С. А. Барскій—объявили печатно, что они будучи тоже сотрудниками «Правды», ничего, напротивъ, не имѣютъ противъ совмѣстной работы съ С. Т. Герцо-Виноградскимъ». Самъ же Семенъ Титычъ отвѣтилъ готовностью раскрыть передъ обществомъ всю свою жизнь для доказательства чистоты ея и предлагалъ своимъ противникамъ сдѣлать тоже самое. Оригинальная эта дуэль, однако, не состоялась. Прошли мѣсяцы, составъ редакціи Правды» измѣнился и сторонникамъ Барона Икса удалось таки устроить переходъ его въ новую газету. Онъ вошелъ въ нее не одинъ, а съ группою друзей.

Въ началѣ ноября 1878 года Баронъ Иксъ написалъ въ «Правдѣ» свой первый фельетонъ, въ которомъ, объясняя свой переходъ сюда, говорилъ: «Насъ собралось нѣсколько человѣкъ, вполнѣ согласныхъ другъ съ другомъ во взглядахъ и въ желаніи образовать редакціонную семью на началахъ круговой поруки, нравственной отвѣтственности другъ за друга. Въ «Новороссійскомъ Телеграфѣ» такой группы нельзя было образовать, потому что М. П. Озмидовъ откровенно высказалъ, что онъ не понимаетъ редакціоннаго дѣла, имѣющаго семь нянекъ. Идея, одушевляющая насъ, это отысканіе отвѣтовъ на тревожные вопросы времени. Наша читающая публика похожа на того царя, который видѣлъ страшный сонъ и не могъ понять его. Но пришла добрая фея и объяснила его. Можетъ быть, намъ удастся внести лучъ свѣта въ тотъ хаосъ событій и понятій, мучительныхъ сомнѣній и противорѣчій, которые держатъ наше общество въ тревожномъ безпокойствѣ. Если эта задача окажется намъ не по силамъ, мы останемся въ скромной роли поставщиковъ новостей, но, во всякомъ случаѣ, останемся въ сторонѣ отъ шарлатановъ, софистовъ и попугаевъ, которые не найдутъ ни подъ какимъ видомъ у насъ мѣста ...

Создалось въ «Правдѣ» новое, бурное теченіе, по которому, какъ цвѣтокъ въ потокѣ, поплылъ и Іосифъ Флоровичъ. Когда въ городѣ распространился слухъ, что въ Правдѣ» теперь «новое» направленіе и «новая» редакція, самолюбивый Іосифъ Флоровичъ обидѣлся и поспѣшилъ напечатать, что никакихъ перемѣнъ въ газетѣ не произошло и что онъ по прежнему тотъ-же ея редакторъ.

Непродолжительно, однако, было пребываніе Барона Икса въ «Правдѣ». Онъ проработалъ въ ней всего два мѣсяца—и эта работа была для него сплошнымъ мученичествомъ. Цензура усилила свой надзоръ за газетою. Іосифу Флоровичу все чаще приходилось отстаивать статьи своихъ сотрудниковъ. Но Барону Иксу не разрѣшалось ничего. Разочарованный и въ полномъ изнеможеніи, онъ вынужденъ былъ уже въ январѣ 1879 года сообщить одесскому обществу въ письмѣ въ редакцію, что вслѣдствіе «болѣзни», онъ долженъ прекратить свою работу въ «Правдѣ». Вскорѣ послѣ этого ему пришлось выѣхать изъ Одессы.

Съ уходомъ Барона Икса, уныніе овладѣло сотрудниками «Правды» и самъ Іосифъ Флоровичъ сильно упалъ духомъ. Онъ измучился. Всѣ работники газеты ожидали съ момента на моментъ, что съ «Правдою» произойдетъ катастрофа и что Іосифъ Флоровичъ, потерявъ надежду на торжество своихъ идей, сложитъ оружіе и прекратитъ изданіе газеты. Катастрофа произошла, но, къ неописуемому изумленію сотрудниковъ и къ великому огорченію всѣхъ почитателей либеральнаго редактора, совсѣмъ не при тѣхъ обстоятельствахъ, при какихъ ее ожидали.

Въ одинъ прекрасный день—весною 1879 года—І. Ф. Доливо-Добровольскій пришелъ въ редакцію раньше обыкновеннаго. Онъ имѣлъ привычку сейчасъ же по при-

ходѣ любезно поздороваться съ сотрудниками и съ каждымъ изъ нихъ побалагурить. На этотъ разъ, къ общему недоумѣнію, онъ прошелъ прямо въ свой кабинетъ, удостоивъ всѣхъ лишь однимъ общимъ—убійственно холоднымъ—кивкомъ головы. На лицѣ Іосифа Флоровича, всегда бодромъ и привѣтливомъ, изобразилось нѣчто совершенно новое—нѣчто повелительное и деспотическое. Сотрудники бросились къ кабинету для объясненій, но курьеръ объявилъ, что его превосходительство приказали никого не принимать, даже своихъ. Раздался рѣзкій звонокъ и въ кабинетъ изволили потребовать письмоводителя редакціи Винера. Этотъ Винеръ отличался красивымъ, каллиграфическимъ почеркомъ. Іосифъ Флоровичъ заперся съ нимъ на два часа. Всѣ ждали съ напряженнымъ любопытствомъ результата таинственнаго совѣщанія. Работа не клеилась, предчувствовалось недоброе... Наконецъ, дверь открылась, Іосифъ Флоровичъ вышелъ изъ кабинета и, не сказавъ никому ни слова, поспѣшно ушелъ изъ редакціи. Всѣ набросились на Винера, державшаго въ рукахъ большой листъ красиво, большими буквами, исписанной бумаги. На заголовкѣ было изображено: «Объявленіе гг. сотрудникамъ «Правды». Сожалѣю, что не помню содержанія этого объявленія дословно. Въ немъ были необычайны не только смыслъ объявленія, но и тонъ, въ которомъ онъ былъ изложенъ. Главные пункты гласили, что отнынѣ всѣ порядки въ «Правдѣ» кореннымъ образомъ измѣняются и, прежде всего, отмѣняется навсегда и безповоротно коллегіальное въ ней начало. Редакторствуетъ газетою единолично онъ, І. Ф. Доливо-Добровольскій. Никакого голоса въ газетѣ никто изъ сотрудниковъ не имѣетъ. Порядокъ этотъ вводится съ сегодняшняго дня. Гг. сотрудники приглашаются выразить свое согласіе или несогласіе съ новыми правилами, проставивъ тутъ-же внизу листа противъ своей фамиліи: да или нѣтъ. Несогласные считаются уволившимися и приглашаются пріискать себѣ занятія, гдѣ имъ будетъ угодно.—Внизу листа, дѣйствительно, были прописаны фамиліи всѣхъ сотрудниковъ съ оставленнымъ мѣстомъ для отвѣта. Сотрудниковъ охватило негодованіе, негодованіе не противъ новаго порядка—а противъ тона, формы и категоричности, въ которыхъ было составлено объявленіе. Вѣдь, тоже самое могъ бы сдѣлать Іосифъ Флоровичъ, откровенно поговоривъ съ сотрудниками! Зачѣмъ понадобилась эта таинственность, эта неожиданность? Вспомнили сотрудники, что ихъ редакторъ, будучи въ Парижѣ на вѣнчаніи Наполеона III, могъ оставаться подъ впечатлѣніемъ произведеннаго тогда во Франціи государственнаго переворота, и имъ стало ясно, что Іосифъ Флоровичъ рѣшился, слѣдуя примѣру Наполеона, примѣнить такое-же coup d'état къ своей газетѣ. И всѣ сотрудники, всѣ безъ исключенія, проставили противъ своихъ фамилій, на листѣ объявленія, категорическое «нѣтъ».

Прежній составъ редакціи распался, но на мѣсто ушедшаго пришли сотрудники изъ другихъ газетъ и «Правда» продолжала существовать. Газета стала благодушнѣе, но дѣла ея пошли хуже. Въ маѣ 1880 г. Доливо-Добровольскій, служившій и раньше по вѣдомству народнаго просвѣщенія, покинулъ газетную дѣятельность и перешелъ на государственную службу. «Правда» перешла въ руки К. Е. Розена, но просуществовала лишь до ноября 1880 года.

Илья Ильичъ Мечниковъ и его Одесскіе друзья.

Итакъ, нашъ дорогой Илья Ильичъ, гордость Одессы, профессоръ-естественникъ Новороссійскаго университета, а нынѣ научное свѣтило Европы—Илья Ильичъ Мечниковъ, завернувшій изъ Стокгольма въ Россію, чтобы повидаться съ роднымъ себѣ по генію Л. Н. Толстымъ и сообщить ему секретъ прожить еще сто лѣтъ—Илья Ильичъ отсюда изъ Ясной Поляны ѣдетъ по желѣзной дорогѣ прямо въ Испанію, а потомъ въ Кембриджъ и оттуда назадъ къ себѣ... въ Парижъ!

А Одесса? И какъ же мы? Неужели почтенный профессоръ насъ минуетъ? Но, вѣдь, это не только будетъ обидно для насъ, но и неудобно для самаго Ильи Ильича. Вѣдь, отсюда въ Испанію по морю—прямо изъ Одессы до Барцелоны—гораздо пріятнѣе ѣхать, нежели въ жару по сухому пути. Да, кстати, между Одессою и Барцелоною И. И. могъ бы остановиться въ Неаполѣ, чтобы посѣтить тѣ мѣста, гдѣ онъ съ женою проводилъ долгіе счастливые мѣсяцы въ совмѣстномъ изученіи подводнаго міра животныхъ. Право, И. И., заѣзжайте къ намъ въ Одессу! Вы ея не узнаете, но найдете въ ней много людей, которые еще помнятъ о васъ и дорожатъ и гордятся вами. Вы заѣзжайте къ намъ, какъ къ себѣ, въ тотъ городъ, гдѣ вы провели двадцать лучшихъ лѣтъ вашей жизни. Лучшихъ лѣтъ? Да, конечно, потому что здѣсь, въ Одессѣ, зародились ваши лучшія научныя мысли, потому что вы тогда

были молоды и не нуждались въ секретѣ долгой жизни и потому, что здѣсь, въ Одессѣ, были ваши лучшіе друзья: Сѣченовъ, Минхъ, Леонтовичъ, Орбинскій, Яхненко, Мочутковскій и другіе. И повѣрьте, Одесса васъ встрѣтитъ какъ своего, съ великою радостью и искреннею теплотою. Слишкомъ живы еще въ ней воспоминанія о той золотой порѣ расцвѣта естественныхъ наукъ въ Россіи, лучшимъ соцвѣтіемъ котораго былъ нашъ Новороссійскій университетъ и лучшимъ его украшеніемъ были вы.

Илья Ильичъ перевелся къ намъ изъ Петербурга въ концѣ 60-хъ годовъ и отдалъ намъ 20 слишкомъ лѣтъ научной и общественной дѣятельности. Онъ покинулъ Одессу въ 1889 году, оставивъ постъ завѣдующаго городскою бактеріологической станціей, которую самъ же создалъ. Мечниковъ былъ всегда крайне свободолюбивымъ и вслѣдствіе этого немножко непосѣдливымъ. Онъ постоянно переѣзжалъ съ мѣста на мѣсто, ища лучшихъ условій для своей научной дѣятельности и даже, будучи профессоромъ Новороссійскаго университета, онъ подолгу отлучался изъ Одессы въ научныя командировки въ Италію, Германію, Францію. Такъ какъ онъ вездѣ былъ желаннымъ гостемъ и вездѣ ему предоставлялись наибольшія удобства для его работы, то неудивительно, что Илья Ильичъ, разочаровавшись въ Одессѣ, легко нашелъ въ Парижѣ (въ институтѣ Пастера) пріютъ для своего живого, рабочаго генія.

Но было время, когда Мечниковъ горячо любилъ Одессу и вѣрилъ въ нее. Онъ предпочелъ профессуру въ Одессѣ многимъ сдѣланнымъ ему блестящимъ предложеніямъ въ Петербургѣ и тотчасъ по переѣздѣ къ намъ, освоившись со свѣтлымъ духомъ, царившимъ тогда въ нашемъ университетѣ, сталъ звать сюда на работу и своихъ ученыхъ друзей. По предложенію Мечникова былъ приглашенъ въ Новороссійскій университетъ въ 1876 году

его ближайшій другъ, знаменитый физіологъ Иванъ Михайловичъ Сѣченовъ. Сѣченовъ состоялъ тогда, въ званіи доктора медицины, преподавателемъ въ медико-хирургической академіи; но тамъ не было простора для его смѣлыхъ работъ по физіологіи, и когда Мечниковъ сообщилъ ему, что здѣсь, въ Одессѣ, онъ будетъ имѣть полную свободу для пропагандированія своихъ научныхъ мыслей, то онъ съ радостью принялъ сдѣланное ему предложеніе. Насколько Сѣченовъ былъ тогда увлекающимся и молодымъ и какого чуднаго мнѣнія были тогда ученые о нашемъ университетѣ, можно судить по письму Сѣченова къ профессору Леонтовичу (въ 1870 году), въ которомъ онъ выражалъ согласіе перейти въ Новороссійскій университетъ на какой угодно окладъ и въ какомъ угодно званіи, такъ какъ единственнымъ мотивомъ, продиктовавшимъ ему высказанное рѣшеніе, было желаніе сохранить дорогую для него возможность служить дѣлу развитія русской молодежи.

Предоставляю людямъ болѣе компетентнымъ, нежели я, сопоставить эти золотыя слова, смыслу которыхъ Сѣченовъ никогда не измѣнилъ, съ тѣмъ, какъ думаютъ и поступаютъ многіе наши современные ученые. Могу засвидѣтельствовать лишь, что въ былые годы въ Одессѣ доминирующей нотой въ работахъ почти всѣхъ профессоровъ всѣхъ факультетовъ звучала любовь къ наукѣ и энтузіазмъ. Мечниковъ и Сѣченовъ, въ частности, являли живой примѣръ безкорыстія и самоотверженія. Вы читали, конечно, о томъ, сдѣланномъ Мечниковымъ въ Петербургѣ сенсаціонномъ сообщеніи, что онъ прививалъ себѣ, а также профессору Минху и доктору Мочутковскому брюшной тифъ, чтобы прослѣдить на себѣ за ходомъ его развитія. Но вы не знали, можетъ быть, что этотъ удивительный опытъ былъ произведенъ въ Одессѣ и что его иниціатива принадлежала удивительному человѣку,

доктору Минху, бывшему въ 70-хъ годахъ прозекторомъ нашей городской больницы. Этого доктора Минха, впослѣдствіи прославившагося многими работами по вопросу о заразныхъ болѣзняхъ, не надо было, какъ говорится, хлѣбомъ кормить — подавай лишь ему сибирскую язву, тифъ, проказу или какую-нибудь еще худшую болячку и онъ съ какимъ-то особеннымъ наслажденіемъ возился во внутренностяхъ зараженнаго трупа, съ энтузіазмомъ передавая друзьямъ о сдѣланныхъ имъ открытіяхъ. Кстати сказать, когда Мечниковъ читалъ въ Петербургѣ свой знаменитый докладъ о тифѣ, въ которомъ сообщилъ, что Европа выписываетъ русскихъ клоповъ, чтобы изучить на нихъ причину продолжающихся въ Россіи эпидемій тифа, онъ, вѣроятно, вспомнилъ, что его другъ Григорій Николаевичъ Минхъ еще въ 1877 году издалъ въ Одессѣ брошюру на ту-же тему подъ названіемъ: О высокомъ вѣроятіи переноса возвратнаго и сыпного тифа посредствомъ насѣкомыхъ.

Такъ какъ же вы, дорогой Илья Ильичъ, не заглянете къ намъ въ Одессу по пути въ Испанію, къ намъ, гдѣ когда-то вамъ было такъ хорошо среди такихъ-же самоотверженныхъ, какъ и вы, тружениковъ науки?—А помните-ли вы тотъ избытокъ силъ и знаній, которымъ вы и ваши товарищи были полны и для котораго не было достаточно простора въ стѣнахъ нашего университета, тотъ избытокъ, ради котораго вы рѣшили выйти за предѣлы вашихъ каѳедръ, чтобы отдавать свою науку не однимъ лишь студентамъ университета, но и остальной одесской молодежи, жаждавшей вашего живого слова?

По мысли Сѣченова и Мечникова, былъ прочитанъ въ Одессѣ въ срединѣ 70-хъ годовъ кругъ публичныхъ лекцій по различнымъ отраслямъ естественныхъ наукъ, особенность которыхъ заключалась въ томъ, что профессора-лекторы читали неподготовленной молодежи не эле-

ментарныя основы своихъ предметовъ, а, въ популярной формѣ, послѣдніе выводы своихъ наукъ. Молодежь была тогда понятлива и быстро осваивалась съ трудными по темѣ, но легкими по ясности изложенія лекціями. Впрочемъ, читались эти публичныя лекціи тогда съ какимъ-то особеннымъ увлеченіемъ, какъ будто профессора сознавали, что ихъ знанія принадлежали не имъ, а составляли общее, народное, достояніе.

Я не могу забыть аудиторіи (въ зданіи университета, что на Преображенской) въ дни этихъ лекцій, когда не имѣвшая дипломовъ многочисленная одесская молодежь взбиралась съ какимъ-то священнымъ ужасомъ на высокія скамьи амфитеатра и когда этой молодежи не вѣрилось, что вотъ сейчасъ профессоръ взойдетъ на каѳедру ради нея, чтобы подѣлиться съ нею, непосвященною, тайнами своего знанія. Какъ хороши, какъ интересны, какъ увлекательны были эти лекціи! Сѣченовъ съ его новыми мыслями о рефлексахъ человѣческаго мозга, смотрѣвшій на распространеніе физіологическихъ данныхъ, какъ на общественное дѣло, ровный, точный, убѣжденный; Мечниковъ, не бывшій еще тогда такимъ растрепаннымъ, какъ изображаютъ его теперь, но уже съ длинными волосами и въ очкахъ, съ порывистыми движеніями, читавшій объ эмбріологіи (какимъ новымъ и страннымъ звучало тогда это слово!) и творившій свою науку здѣсь же на лекціи, самъ восхищаясь своимъ открытіямъ. Головкинскій—профессоръ геологіи — съ его мечтами о будущности нашего земного шара. Астрономъ Блокъ, рисовавшій мѣломъ по черной доскѣ карту звѣзднаго неба, читавшій красиво и поэтично. Вериго, профессоръ химіи, спокойный, настойчивый, врагъ фальсификаціи не только въ продуктахъ жизни, но и въ способахъ изложенія своихъ лекцій. Шведовъ, профессоръ физики, красивый, ровный, мало увлекавшій аудиторію, потому, что мало въ нее вѣрилъ. И Вальцъ,

суетливый, неряшливый, безалаберный, страстный обожатель своего предмета—ботаники, неустанный лекторъ гдѣ хотите и очень часто при пустыхъ аудиторіяхъ, почти всегда въ состояніи невмѣняемости, алкоголикъ, мученикъ. Онъ говорилъ сильно въ носъ, мало понятно, но чувствовалось, что онъ глубоко любилъ природу, и было обидно, что его старанія увлечь слушателей и пріобщить ихъ къ своему культу оставались тщетными.

Большую, неизгладимую изъ памяти одесситовъ, услугу оказалъ намъ Мечниковъ этими лекціями — не столько фактомъ устройства этихъ лекцій, которыя, будемъ надѣяться, могутъ быть когда-нибудь возобновлены у насъ съ новымъ составомъ профессоровъ, сколько той жизненностью и любовью, которыя онъ самъ вдохнулъ въ нихъ своимъ примѣромъ и которыя воскресить будетъ не такъ-то легко. Эту жизненность, неисчерпаемую, какъ эманаціи радія, Илья Ильичъ продолжаетъ сохранять и расточать и теперь еще, гдѣ-бы онъ ни работалъ.

Въ Одессѣ, вокругъ Мечникова и Сѣченова, было много людей, зараженныхъ ихъ научною энергіею, и даже такихъ людей, которые никакого непосредственнаго касательства къ наукѣ не имѣли. Однимъ изъ ихъ близкихъ друзей былъ извѣстный общественный дѣятель Семенъ Степановичъ Яхненко. Бывшій городской голова, потомъ членъ управы при реформированной думѣ, Яхненко отличался крупнымъ, яснымъ умомъ и неутомимою энергіею. Онъ вѣрилъ въ силу русскаго генія и хотѣлъ, чтобы одесское городское хозяйство велось собственными силами и средствами, не прибѣгая ни къ чужимъ людямъ, ни къ чужимъ деньгамъ. Эти мечтанія его не сбылись, какъ и многіе другіе его личные планы. Но онъ находилъ утѣшеніе въ научныхъ успѣхахъ своихъ друзей, успѣхахъ, которымъ онъ и самъ содѣйствовалъ посильно.—Иванъ Михайловичъ Сѣченовъ увлекался тогда своими опытами надъ нервною системою

лягушекъ. Ему нужны были многія сотни этихъ лягушекъ, и вотъ Семенъ Степановичъ взялся доставлять ихъ Сѣченову изъ своего имѣнія близъ Тирасполя—Косоговки. Любопытно было встрѣчаться съ Яхненко въ поѣздѣ, когда онъ, спѣша въ Одессу, въ управу, безъ галстуха, который онъ, по обыкновенію, забылъ надѣть, тщательно берегъ огромную корзину, изо всѣхъ щелей которой выглядывали испуганныя очи невольныхъ жертвъ науки. Случалось и такъ, что, воспользовавшись разговоромъ Яхненко съ попутчикомъ о городскомъ хозяйствѣ, его лягушки расползались изъ корзины въ разныя стороны и производили переполохъ въ вагонѣ своими безпорядочными прыжками подъ ноги публики или подъ юбки дамъ. Всѣ принимались за ловлю бѣглецовъ при общемъ хохотѣ... По пути въ управу Яхненко завозилъ Сѣченову тѣхъ несчастныхъ, которыя не успѣли возвратиться въ свое родное болото...

. . . .

... Неужели, дорогой Илья Ильичъ, всѣ эти воспоминанія не тронутъ васъ и не побудятъ заглянуть къ намъ хоть не на долго? Конечно, многіе ваши одесскіе друзья уже умерли, Одесса стала совсѣмъ другою, вы многаго не найдете здѣсь изъ того, что вы сами здѣсь создали—ну, хотя бы оставленныхъ вами здѣсь традицій, неизвѣстно гдѣ затерявшихся; но все-же Одесса еще на своемъ мѣстѣ, въ ней есть скрытыя культурныя силы, есть старожилы, и она вся, въ общемъ, такая-же ваша теперь, какою была и раньше. И если вы, продолжая свою экспериментальную дѣятельность на благо человѣчества, будете нуждаться, такъ же какъ Сѣченовъ, въ экземплярахъ для вивисекціи, то помните, что вы найдете ихъ у насъ въ изобиліи, въ особенности изъ класса земноводныхъ и пресмыкающихся.—Яхненко уже умеръ, Косоговка давно уже принадлежитъ кому-то другому, но лягушекъ въ ней есть и теперь, сколько вамъ будетъ угодно.

Старые дома. Театральная площадь. Бульварные типы.

Старая Одесса съ внѣшней стороны была куда проще нынѣшней, но въ этой простотѣ былъ стиль. Начать съ того, что всѣ первые обывательскіе дома строились по одному Высочайше утвержденному шаблону: одноэтажный домъ, ворота посрединѣ, по три окна слѣва и справа, крыша покатостью во дворъ. Какъ украшенье, круги и гирлянды. Образецъ такихъ домовъ можно видѣть еще теперь на улицахъ Старопортофранковской, Новосельскаго, Градоначальнической и другихъ.

Зато въ центральныхъ частяхъ города отдѣльные дома богатыхъ владѣльцевъ и общественныя зданія были строго стильные и изящные. Преобладали греческій стиль и ренессансъ.

Старые одесситы любили колонны: высокія, стройныя и изящно-строгія. Колонны эти, свободныя, украшали фасады Городского театра, зданія Биржи, дворца Нарышкиной (впослѣдствіи Юрьевича и Маразли), гдѣ нынѣ Городской музей, дома, гдѣ теперь военно-окружной судъ, дворца князя Воронцова, дома, гдѣ теперь Пассажъ Менделевича, дома Рено и другіе. Были, кромѣ того, отдѣльно красовавшіяся колоннады: одна около зданія Биржи, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ теперь бывшее зданіе Публичной Библіотеки, другая — существующая и понынѣ — надъ обрывомъ къ Практической гавани — въ усадьбѣ Воронцова.

Къ стариннѣйшимъ одесскимъ постройкамъ относится и весь рядъ домовъ на Старомъ базарѣ на Черепенниковской площади, замѣчательныхъ своимъ двойнымъ рядомъ колоннъ въ первомъ и второмъ этажахъ.

Нынче въ Одессѣ полнѣйшая путаница стилей; городъ нашъ совершенно утратилъ свою прежнюю наружность. Колонны, съ цѣлью утилизаціи пространства, постепенно стали замуровываться. Кто изъ одесскихъ старожиловъ не помнитъ великолѣпнаго фасада въ сторону Англійскаго клуба нашего стараго, сгорѣвшаго театра?

Любопытно вспомнить о жизни прежней театральной площади.

Многотысячная толпа. Съ вершины Городского театра протянутъ канатъ къ Англійскому клубу. По канату съ балансиромъ въ рукахъ, осторожно ступая, спускается русскій Блонденъ Иванъ Молодцевъ. Толпа съ замираніемъ сердца слѣдитъ за каждымъ его движеніемъ и радостнымъ вздохомъ облегченія рукоплещетъ ему, когда онъ, окончивъ свое опасное путешествіе по канату, обходитъ толпу съ широкимъ кошелькомъ въ рукахъ. Крупные старые пятаки и серебряныя монеты падаютъ обильно въ его суму. Добровольный сборъ оказывается большимъ, нежели тотъ, который могъ-бы быть при огороженіи площади съ платными мѣстами. Прежняя толпа была, право, добросовѣстнѣе нынѣшней.

На этой-же площади разрѣшалось строить балаганы съ кукольнымъ театромъ, звѣринцы и даже цирки. Долгое время здѣсь подвизался циркъ Сура, впослѣдствіи перекочевавшій на Александровскій проспектъ.

Какія великолѣпно-эффектныя сраженія представлялись въ «механическомъ» театрѣ! Сраженіе грековъ съ турками при Миссолонги, съ выстрѣлами, фейерверкомъ и апоѳеозомъ. Горошины изображали ядра и сыпались, какъ дождь, на обѣ воюющія стороны. Головы, руки и

ноги грековъ и турокъ разлетались по всей сценѣ театра. И было всѣмъ зрителямъ, а въ томъ числѣ и мнѣ, и хорошо, и страшно.

Позже на этой-же площади былъ кукольный театръ Ольдена. Сначала онъ понравился, потому что его куклы были удивительно хорошо сдѣланы и представленія отличались роскошью и фееричностью обстановки. Но потомъ мы, дѣти, соскучились по прежнему балагану.

Для дѣтей, какъ для народа, чѣмъ сказка проще сказывается, тѣмъ она сильнѣе запечатлѣвается.

По ночамъ Театральная площадь представляла изъ себя пріютъ для всякаго бездомнаго люда. Прежніе городовые, называвшіеся будочниками, гораздо меньше тревожили людей по ночамъ.

Ихъ нисколько не смущало то, что между колоннами театра или гдѣ нибудь на боковыхъ аллеяхъ площади, въ кустахъ, спитъ какой-нибудь бѣднякъ. Пусть себѣ спитъ!

Отлично спали въ прежнее время бездомные и въ городскихъ канавахъ, когда онѣ были сухи отъ дождя и отъ помоевъ, и въ пустыхъ бочкахъ, какъ Діогенъ, и въ прежнемъ казенномъ (нынѣ Дерибасовскомъ) саду.

Фонари горѣли тускло—не было еще ни электричества, ни газа—и освѣщались они керосиномъ; луна всходила, какъ и теперь, тогда, когда ей вздумается. По закоулкамъ было темно. И потому бѣднякамъ спалось вездѣ спокойно.

Быть можетъ, кто нибудь изъ нынѣшней молодой Одессы полюбопытствуетъ узнать: а не было-ли прежде, благодаря снисходительности полиціи и плохому освѣщенію города, больше, нежели теперь, нищенства, разврата или грабежей? И придется на это отвѣтить, что, какъ разъ наоборотъ, на прежнихъ улицахъ было гораздо спокойнѣе и безопаснѣе.

Оживленъ и многолюденъ Приморскій (впослѣдствіи названный Николаевскимъ) бульваръ. Передъ взоромъ гуляющихъ разстилается портъ и открытое море.

Около полудня важно и мѣрно шагаетъ у памятника Ришелье часовщикъ Штернъ. Съ правой стороны бульварной лѣстницы два бравыхъ артиллериста стоятъ у пушки, изъ которыхъ одинъ, съ фитилемъ въ рукахъ, смотритъ на Штерна, не спуская глазъ. Вдругъ... Штернъ машетъ рукою, грянулъ пушечный выстрѣлъ—и всѣ портовыя суда, оглашаются веселыми звонками.

Еще не было тогда такъ называемой угольной гавани, совершенно обезобразившей прекрасный видъ съ бульвара на море.

Прежній павильонъ, на мѣстѣ нынѣшняго, не былъ такъ затѣйливъ какъ теперь. Содержалъ его швейцарецъ Кель, владѣлецъ «Петербургской» гостинницы; но красою павильона былъ незабвенный для старыхъ одесситовъ его управляющій Годфруа. Веселый, жизнерадостный, шепелявившій, болтливый, услужливый, вѣчно суетящійся, онъ былъ душею бульварнаго павильона.

Онъ умудрялся быть одновременно у всѣхъ столовъ, въ бесѣдѣ со всѣми гостями и отвѣчающимъ на всѣ вопросы; однако, это нисколько не мѣшало ему бдительно слѣдить за прислугою и за буфетомъ.

Не было человѣка, который не любилъ-бы Годфруа.

Собиралась у бульварнаго павильона вся та Одесса, которая въ лѣтнюю пору оставалась въ городѣ и не хотѣла ѣхать на далекій Ланжеронъ. Другихъ благоустроенныхъ мѣстъ гуляній не было.

Говоръ на всѣхъ языкахъ, споры о событіяхъ дня.

Всѣ бульварные завсегдатаи были знакомы другъ съ другомъ, такъ что разговоры принимали очень часто характеръ общей бесѣды.

И не было въ старой Одессѣ, на старомъ бульварѣ той разобщенности и той молчаливости, которыя наблюдаются теперь.

Были дни на бульварѣ особенно шумные и даже бурные. Помню начало франко-прусской войны, когда первая телеграмма сообщила о побѣдѣ французовъ подъ Саарбрюкеномъ, а затѣмъ послѣдняя — о цѣломъ рядѣ ихъ пораженій. На бульварѣ собирались французы, среди которыхъ редакторъ «Journal Odessa» Леонъ Даниканъ, канцлеръ французскаго консульства толстякъ Соронъ, Поль Раканье, шляпочникъ Дельпешъ, сапожникъ Сирьякъ, портной Лантье, поэтъ Турнефоръ, молодой Шапелонъ и другіе. Всѣ они радостно комментировали первыя побѣдныя телеграммы и всѣ они, въ слѣдующіе дни, сидѣли тревожно молчаливы, подавленные вѣстями о торжествѣ пруссаковъ.

Вдругъ, взрывъ патріотическаго чувства. Во всемъ виноватъ Наполеонъ. Долой его! Да здравствуетъ французская республика!

Между тѣмъ въ пивной Николаи, предшественника Брунса, происходили сцены какъ разъ противоположнаго характера. Сначала уныніе, потомъ ликованья и, подъ впечатлѣніемъ побѣды, да здравствуетъ Германская имперія!

Кто этотъ толстякъ, почти такой-же толстый, какъ профессоръ Мурзакевичъ, но совсѣмъ на него не похожій? Это Самуилъ Абрамовичъ Бродскій, сынъ извѣстнаго общественнаго дѣятеля Абрама Бродскаго, прозванный boeuf à la mode, безпощадный истребитель замбриніевскихъ пирожныхъ въ Пале-Роялѣ.

Ему навстрѣчу другой толстый-морякъ князь Голицынъ съ огромной папиросой во рту, величиною съ пушку.

Имъ улыбнулся не менѣе толстый Низгурицеръ, съ такою же огромною, какъ пушка, сигарою между двухъ пальцевъ. Вотъ подъ руку съ градоначальникомъ М. Н. Бухаринымъ городской голова Н. А. Новосельскій. Прежде власти гораздо открытѣе и чаще гуляли по городу пѣшкомъ.

Вотъ дѣвицы Кешко, изъ которыхъ одна, Наталія, вышла впослѣдствіи замужъ за сербскаго короля Милана.

А это кто? Художникъ Мальманъ съ красавцемъ фотографомъ—Мигурскимъ. Ихъ останавливаетъ всегда живой, всегда предпріимчивый и всегда увлекающійся собственными измышленіями, городской архитекторъ Моранди.

Вотъ биржевой маклеръ Швамбергъ; съ нимъ Симонъ Гуровичъ. Къ нимъ присоединяются Мишель Бернштейнъ и вѣчно говорливый Леонъ Перельманъ.

Вотъ Пашковъ со своимъ зятемъ Прилуцкимъ; тутъже староста мѣщанъ г. Добровольскій.

А вотъ и Озмидовъ—редакторъ «Новороссійскаго Телеграфа», окрещенный барономъ Иксомъ въ Озмидъ-оглы.

Штапельбергъ и Ханджери спорятъ о лучшемъ способѣ разведенія растительности на правомъ запущенномъ склонѣ бульвара. Рождается мысль объ Александровскомъ паркѣ.

Но вотъ грянулъ военный оркестръ подъ дирижерствомъ Бернарди—и все смолкло, чтобы послушать его увлекательные звуки.

Юные дни. Институтки. Говоръ и пѣніе Одессы. Судьба одесскихъ женщинъ.

Давно извѣстенъ фактъ, что чѣмъ больше человѣкъ старѣетъ, тѣмъ ярче становятся его воспоминанія о юныхъ дняхъ.

Кто не помнитъ величаво-грустной фразы Данте въ его «Божественной Комедіи»:

Nessun maggior dolore che ricordarsi dei tempi felici nella miseria».

(«Нѣтъ большаго страданія, какъ вспоминать о дняхъ счастливыхъ въ дни несчастія»).

А, между тѣмъ, великій флорентинецъ самъ испыталъ величайшія невзгоды и находилъ утѣшеніе отъ нихъ лишь въ своихъ воспоминаніяхъ.

Его Беатриче—это свѣтлый образъ его дѣтства, сопутствовавшій ему въ его мрачномъ изгнаніи.

Такъ и старые одесситы любятъ возвращаться къ своимъ молодымъ годамъ, какъ къ сновидѣніямъ.

Я не отчаиваюсь, что найдутся люди—есть еще теперь въ Одессѣ такія старинныя кресла въ семьяхъ и такія койки въ богадѣльняхъ, гдѣ живутъ въ теплѣ и забвеніи старички, больше насъ знавшіе и меньше насъ мудрившіе — которые вдругъ встанутъ и придутъ ко мнѣ, чтобы сказать, что они были свидѣтелями еще тѣхъ временъ, когда Одесса была Хаджибеемъ...

Г-жа Ольга Накко пишетъ мнѣ нѣсколько строкъ о тѣхъ дняхъ золотой Одессы, «когда, по тогдашней модѣ, мои распущенные и натурально вьющіеся волосы блестѣли на солнцѣ и искрились, какъ золото, и это, когда я гуляла на бульварѣ или въ саду, собирало за мною публику».

Оказывается, что объ этихъ дняхъ и объ этихъ волосахъ можетъ засвидѣтельствовать нынѣ здравствующій одесскій нотаріусъ Зигмундъ Гуровичъ.

Еще вспоминаетъ г-жа Накко, что въ годъ ея выпуска изъ института, осенью 1857 года, ей пришлось фигурировать въ любительскомъ спектаклѣ, устроенномъ старухою графинею Толстою, бабушкою графа М. М. Толстого. Во французской пьесѣ «Gérard, le tueur de lions» главную роль игралъ Гр. Гр. Маразли. Въ одномъ мѣстѣ пьесы группа пейзановъ должна была поднести Маразли букетъ или вѣнокъ цвѣтовъ. «Въ числѣ пейзанокъ была и я». «На сцену вышли попарно, пейзанъ подъ руку съ пейзанкою. Помню, что моимъ кавалеромъ былъ какой-то полякъ огромнаго роста (фамиліи его не помню) и я, послѣ шестилѣтней замкнутой жизни въ институтѣ, 17-лѣтняя простушка, въ первый разъ очутилась рядомъ съ мужчиною, страшно конфузилась и боялась (о, святая глупость!— говоритъ г-жа Накко). Послѣ театра всѣ мы, въ своихъ костюмахъ, были у графини Толстой и тамъ ужинали».

О, Боже! какъ далеки отъ насъ, и годами и нравами, времена Одессы, пейзановъ, любительскихъ великосвѣтскихъ спектаклей и конфузливыхъ институтокъ!

Теперь Одесса стала гораздо болѣе серьезною, но жить въ ней стало... скучно.

Кстати. Когда я съ легкою грустью вспоминаю о былой Одессѣ и говорю объ ея счастливыхъ дняхъ, да не подумаетъ читатель, что я, подобно многимъ отжившимъ и брюзжащимъ старикамъ, вижу счастіе Одессы только въ

прошломъ и не вѣрю въ ея настоящее и грядущее значеніе и добро.

Какъ передъ человѣчествомъ, такъ и передъ Одессою, еще цѣлая вѣчность—и за это время можно будетъ сдѣлать много. Мнѣ кажется только, что сейчасъ, въ данное время, Одесса какъ-то сбилась съ толку. Она потеряла свою прежнюю физіономію, а новой не пріобрѣла. И вышло такъ, что ея прежніе недостатки и достоинства, имѣвшіе яркій и совершенно опредѣленный характеръ, теперь обратились въ нѣчто безформенное и безобразное.

Нѣтъ въ современной Одессѣ ни типичности, ни живописности, ни рельефности. Не на чемъ остановиться ни сердцу, ни глазу.

Не было въ старой Одессѣ такого множества газетъ, какъ сейчасъ, и поэтому новости передавались отъ человѣка къ человѣку, изъ устъ въ уста. И люди волновались, горячились, спорили, приходили въ ужасъ или въ восхищеніе, выражая свои настроенія въ возгласахъ и жестахъ. И никто не могъ сдержать въ себѣ ни узнанной новости, ни вызваннаго этою новостью чувства. Одесса говорила.

Если рѣчь шла о музыкѣ, о впечатлѣніи, вынесенномъ изъ театра, то одесситъ къ словамъ и жестамъ добавлялъ и пѣніе. Одесса пѣла.

А теперь? Теперь живую бесѣду замѣнило молчаливое чтеніе газетъ. Вмѣсто своего мнѣнія о драмѣ или музыкѣ, мы читаемъ мнѣніе критика. Но я не знаю, стали-ли мы отъ этого болѣе понимающими искусство.

Во всякомъ случаѣ, Одесса—и это очень грустно— перестала говорить и пѣть. Вмѣсто этого, она читаетъ и пишетъ, а въ промежуткахъ—искривляетъ себѣ челюсти отъ зѣвоты.

Вотъ, въ своихъ очеркахъ, я и преслѣдую мысль: напомнить одесситамъ о необходимости зажить по старому,

т. е. вернуться къ той естественности, которая единственно имѣетъ смыслъ и прелесть въ жизни.

Это не значитъ, что я пропагандирую, напримѣръ, чтобы всѣ институтки, по выходѣ изъ института, переодѣвались въ пейзанокъ, какъ г-жа Накко, но я очень хотѣлъ-бы, чтобы онѣ, подобно златокудрой Аврорѣ, берегли свои естественно-вьющіеся волосы, а не начиняли ихъ, какъ теперь, копнами войлока и сѣна.

Чтобы доказать свое безпристрастное отношеніе къ старой Одессѣ, т. е., что любя ее всѣми фибрами души, я тѣмъ не менѣе нисколько не умаляю ея недостатковъ и не боюсь показать читателю ея тѣневыя стороны—я, послѣ панегирика одесскимъ женщинамъ, охотно помѣщаю здѣсь письмо, въ которомъ прекрасному полу Одессы высказывается по заслугамъ много горькихъ истинъ.

Письмо это прислано мнѣ лицомъ, пожелавшимъ оставить свое имя неизвѣстнымъ для публики.

Въ сороковыхъ годахъ прошлаго столѣтія въ Одессѣ жила молодая дѣвушка, извѣстная русская беллетристка, Анастасія Яковлевна Марченко, вышедшая замужъ за блестящаго офицера, гвардейскаго гусара М. М. Киріякова, владѣльца обширныхъ помѣстій въ Херсонской губерніи по теченію рѣки Буга, существующихъ и понынѣ: мѣстечки Ковалевка, Богдановка, Ташино, болѣе тридцати тысячъ десятинъ земли. Широкій образъ жизни полковника гвардіи М. М. Киріякова въ Петербургѣ пошатнулъ его громадное богатство, такъ что жена его А. Я. Киріякова въ концѣ шестидесятыхъ годовъ исходатайствовала учрежденіе надъ своимъ мужемъ опеки за расточительность, чтобы спасти имущество для своихъ дѣтей. Свои отношенія къ опекѣ А. Я. Киріякова изобразила въ формѣ романа «Разлучники». М. М. Киріяковъ добился вскорѣ

снятіи опеки; мало того, онъ развелся съ своей женой и женился на г-жѣ Исленевой, дочери тульскаго помѣщика, родственника семьи Гончаровыхъ, о чемъ вспоминаетъ въ своихъ запискахъ г-жа Арапова, урожденная Ланская, характеризующая свою мать Наталью Гончарову, которая въ первомъ бракѣ была замужемъ за русскимъ поэтомъ А. С. Пушкинымъ.

Обширныя имѣнія М. М. Киріякова распроданы. Въ настоящее время въ Одессѣ не осталось никого изъ нѣкогда славнаго дворянскаго рода.

Въ концѣ шестидесятыхъ годовъ жила въ Одессѣ семья Рославлевыхъ, старшая дочь которыхъ вышла замужъ за генерала Семеку.

Среди талантливыхъ одесситокъ нельзя не вспомнить Ольгу Аполлоновну Скальковскую, которая выступила на сценѣ Маріинскаго театра въ Петербургѣ въ роли Маргариты въ оперѣ «Фаустъ» Гуно въ половинѣ семидесятыхъ годовъ и оставалась на сценѣ до выхода замужъ за лейбъ-медика Льва Бернардовича Бертенсона, послѣ чего въ ея гостиной собирались представители литературы и искусства. Здѣсь можно было встрѣтить: Я. Полонскаго, А. Плещеева, Гр. Градовскаго. На вечерахъ молодыя артистки декламировали отрывки изъ драматическихъ произведеній, пѣли аріи изъ оперъ, которыя онѣ разучивали подъ руководствомъ Ольги Аполлоновны Бертенсонъ. Страшный ударъ поразилъ ее, когда старшій ея сынъ, врачъ гвардейскаго экипажа, погибъ во время Цусимскаго боя 14 мая 1905 года. Въ настоящее время О. А. Бертенсонъ пріобрѣла себѣ дачу въ Теріокахъ, гдѣ поселилась на покоѣ.

Среди семействъ русскихъ помѣщиковъ въ шестидесятыхъ годахъ въ Одессѣ обращали на себя вниманіе Варвара Васильевна Якунина, вышедшая замужъ за князя Дадешкеліани, г-жа Петковичъ, тоже замужемъ за другимъ

братомъ княземъ Дадешкеліани, послѣ смерти котораго вернулась въ Одессу и заняла должность начальницы одной изъ одесскихъ женскихъ гимназій. Обѣихъ нѣтъ давно въ живыхъ, В. В. Якунина умерла въ половинѣ шестидесятыхъ, а г-жа Петковичъ въ девяностыхъ годахъ[1]).

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ извѣстный издатель кафедры Исаакіевскаго собора генералъ Богдановичъ посѣтилъ Одессу, гдѣ онъ жилъ въ молодости, служа адъютантомъ у генералъ-губернатора Анненкова. Генералъ Богдановичъ навѣстилъ своего стариннаго знакомаго Гр. Гр. Маразли. Вечеромъ онъ вспомнилъ старую Одессу. «Помните-ли вы, говорилъ генералъ Богдановичъ,—когда мы съ вами танцовали vis-à-vis въ кадрилѣ, вашей дамой была красавица пани Пшездецкая»!...

Видною личностью въ одесскомъ обществѣ шестидесятыхъ годовъ являлась княгиня Барятинская, рожденная Бутенева, отецъ которой, бывшій русскій посолъ въ Константинополѣ, потерявъ зрѣніе, жилъ на покоѣ въ Одессѣ. О семьѣ Бутеневыхъ подробно вспоминаетъ въ своихъ запискахъ о Натальѣ Гончаровой, по мужу Пушкиной и потомъ Ланской, ея дочь г-жа Арапова.

Сестра гр. А. Г. Строганова г-жа И. Г. Полетика жила вмѣстѣ съ нимъ въ Одессѣ. Въ упомянутыхъ запискахъ г-жи Араповой приводится фактъ, что ея мать Наталья Гончарова, будучи замужемъ за Пушкинымъ, имѣла свиданіе, единственное, съ Дантесомъ въ квартирѣ г-жи Полетика (мужъ которой командовалъ лейбъ-гвардіи коннымъ полкомъ) въ присутствіи хозяйки. Ревность А. С. Пушкина исказила значеніе этого свиданія; послѣдовала дуэль съ Дантесомъ и смерть поэта...

[1]) Еще одинъ Дадешкеліяни былъ женатъ на д-цѣ Дараганъ, теткѣ получившаго грустную извѣстность графа Комаровскаго. *Авт.*

Американка Саводжъ, отецъ которой издалъ нѣсколько романовъ на англійскомъ языкѣ изъ жизни русскихъ революціонеровъ, по первому мужу Бодиско, вышла замужъ за Де-Карьера, бывшаго елисаветградскаго предводителя дворянства. Г-жа Саводжъ вспоминала, что въ Америкѣ она училась въ одной школѣ съ извѣстной пѣвицей Sybil Sanderson, прославившейся въ ролѣ Фрины въ Парижѣ. Сама-же г-жа Саводжъ, будучи послѣдовательно замужемъ дважды за русскими и живя въ Россіи,—совершенно обрусѣла и получила обликъ добродушной россіянки съ наклонностью къ полнотѣ.

Кто изъ старыхъ одесситовъ не помнитъ генеральшу Марини[1]), то ѣдущей въ изящной каретѣ, то сидящей въ боковой ложѣ бель-этажа въ оперѣ съ семействомъ Цициніи[2]), которое жило въ своемъ домѣ у Сабанѣева моста, нынѣ домѣ графа Толстого. Генеральша Марини вывозила въ свѣтъ дочь Цициніи, вышедшую замужъ за князя Мурузи, занявшаго впослѣдствіи должность члена международной финансовой коммиссіи въ Египтѣ.

Создала-ли старая Одесса своеобразный женскій типъ?

Большинство женщинъ, выдвинувшихся среди одесскаго общества, обращаютъ на себя вниманіе тѣмъ, что однѣ вышли замужъ за генераловъ, другія за князей, и достигли, такимъ образомъ, обезпеченнаго положенія въ обществѣ.

Можетъ быть новой Одессѣ, Одессѣ будущаго, суждено выработать иной женскій типъ, болѣе дѣятельный, не ставящій своей конечной цѣлью бракъ по разсчету. Но до этого пока далеко не только въ Одессѣ, но и въ другихъ болѣе культурныхъ центрахъ...

На этой печальной истинѣ заканчиваются цѣнныя записки «неизвѣстнаго».

[1]) О г-жѣ Марини интересныя воспоминанія написалъ мой отецъ. Они приведены въ книгѣ моего брата „Изъ прошлаго Одессы". *Авт.*

[2]) Австрійскаго консула въ Одессѣ.

Вилье-де-Лиль-Адамъ.

Однажды, въ 1874 году, къ моему отцу М. Ф. де-Рибасу, состоявшему тогда редакторомъ «Journal d'Odessa», пришелъ жандармскій офицеръ. Высокій, блѣдный, туго затянутый въ синій мундиръ, съ деревяннымъ, безжизненнымъ выраженіемъ лица. Онъ представился: «Эмилій Вилье-де-Лиль-Адамъ, художникъ. Узнавъ отъ Франца Осиповича Моранди, что у васъ есть интересныя гравюры, я пришелъ просить позволенія полюбоваться ими».

Отецъ мой былъ радъ художникамъ и самъ кое-что малевалъ. Особенно близокъ онъ былъ ко всѣмъ одесскимъ художникамъ потому, что былъ однимъ изъ зачинателей одесскаго общества изящныхъ искусствъ.

Общество это, основанное въ 1865 году, объединило всѣ художественные и музыкальные элементы Одессы. Душою общества былъ незабвенный Ф. О. Моранди, городской архитекторъ, а первымъ основателемъ школы черченія и рисованія при обществѣ—художникъ Ф. Ф. Мальманъ.

Вокругъ нихъ сплотились художники: Анискевичъ, Цезарь и Пьетро Бони, Колловичъ, Плисъ, Треско, Хойнацкій, Паламаренко и другіе.

Въ тѣ времена стояло очень высоко въ Одессѣ искусство фотографіи, и фотографы Мигурскій, Федоровецъ, Хлопонинъ, Мичри принимали дѣятельное участіе въ обществѣ, какъ заправскіе художники.

Вмѣстѣ съ ними работали на созданіе и упроченіе общества архитектора: Боффо, Отонъ (сынъ знаменитаго ресторатора временъ Пушкина), Озмидовъ (впослѣдствіи редакторъ «Новороссійскаго Телеграфа»), ученые Брунъ и Мурзакевичъ и журналисты П. Сокальскій и мой отецъ.

Въ музыкальномъ отдѣленіи общества участвовали гг. Занотти, бывшій дирижеръ оркестра итальянской оперы въ «сгорѣвшемъ» театрѣ, а впослѣдствіи владѣлецъ перваго въ Одессѣ магазина нотъ, Руфъ, извѣстный преподаватель хороваго пѣнія въ высшемъ одесскомъ обществѣ, Кузьминскій, сдѣлавшійся впослѣдствіи извѣстнымъ музыкальнымъ критикомъ подъ всевдонимомъ Бемоль, Джервази, Угонини и другіе.

Учрежденію общества очень сочувствовалъ и много содѣйствовалъ тогдашній генералъ-губернаторъ графъ П. Е. Коцебу. Принимали въ немъ дѣятельное участіе и дамы высшаго свѣта: княгиня Е. К. Воронцова, Е. И. Манукъ-бей и др.

Но все-же, съ матеріальной стороны, дѣла общества были трудныя. Приходилось устраивать выставки. На первой изъ нихъ, устроенной въ 1865 году, фигурировали картины, собранныя у всѣхъ одесскихъ меценатовъ. Потомъ лоттереи-аллегри. Особеннымъ успѣхомъ пользовались литературно-драматическіе собранія, спектакли.

Помню вечера на приморской дачѣ генерала Даннен-берга (смежной съ нынѣшней усадьбой художника Кузнецова). Свѣтила луна, плескалось море о берега Ланжерона, на площадкѣ широкой мраморной лѣстницы, на открытомъ воздухѣ, разыгрывались шарады; танцовали въ саду между деревьевъ...

Отецъ мой принялъ Вилье любезно. Это было, какъ я уже говорилъ, въ 1874 году. Изъ разговора выяснилось, что Вилье былъ только что приглашенъ въ школу рисованія при обществѣ изящныхъ искусствъ въ качествѣ пре-

подавателя по классу акварели. Немного странно было видѣть преподавателя въ мундирѣ жандармскаго офицера, но Вилье былъ такимъ искреннимъ и восторженнымъ художникомъ, что самъ забывалъ и другихъ заставлялъ забывать объ этомъ.

Вилье былъ художникомъ самоучкой, не прошедшимъ никакой школы. Онъ окончилъ въ Петербургѣ Николаевское кавалерійское училище и сейчасъ поступилъ на службу. Живописью онъ занимался въ часы досуга. Когда онъ перешелъ на службу по жандармеріи, вслѣдствіе разстройства своего здоровья въ Петербургѣ, и пріѣхалъ въ Одессу, то здѣсь сразу было обращено вниманіе на его выдающійся художественный талантъ. Увлекавшійся, но вмѣстѣ съ тѣмъ художественно-чуткій Моранди, подмѣтивъ отсутствіе школьной техники въ произведеніяхъ Вилье, предложилъ ему поступить въ школу рисованія, но не въ качествѣ ученика, а въ качествѣ преподавателя: «вы будете учить другихъ» сказалъ онъ Вилье «и, такимъ образомъ, научитесь сами». Вилье послушалъ его, поступилъ въ школу, но пробылъ въ ней всего лишь одинъ мѣсяцъ.

Знакомство Вилье съ нашей семьей завязалось близкое. Онъ говорилъ, что у насъ онъ отдыхаетъ. Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ чаще онъ у насъ бывалъ, тѣмъ онъ сталъ представляться намъ все менѣе безжизненнымъ, все менѣе деревяннымъ. Были моменты, когда Вилье шутилъ, острилъ и былъ веселъ. Но это случалось съ нимъ рѣдко.

У Вилье былъ крупный поэтическій даръ. Первыя его работы, акварели моря, береговъ Одессы, Крыма были въ особенности полны поэзіи. Его художественную натуру влекло къ свободѣ, къ искусству, къ поэзіи, къ природѣ, а суровая служба, которую онъ исполнялъ убѣжденно и ревностно, разсѣивала всѣ его мечтанья.

Мечтанья его сводились къ тому, чтобы отправиться въ Италію, куда-нибудь по южнѣе, тамъ отдохнуть, поправить свое расшатанное здоровье, заняться серьезно живописью, глядя собственными глазами на то солнце, то небо, ту воздушную лазурь, о которыхъ онъ отсюда, издали, грезилъ въ своихъ картинахъ.

Для осуществленія этихъ плановъ надо было покинуть военную службу и скопить нѣкоторую сумму денегъ на поѣздку. Вилье сталъ продавать свои акварели. Онѣ выставлялись въ витринахъ магазина фотографическихъ принадлежностей К. І. Мигурскаго. Но у Вилье еще не было имени, и за картины платили мало. Онъ сталъ играть въ Англійскомъ клубѣ по большой, но неудачно.

Между тѣмъ, служба его становилась все болѣе трудною, все болѣе отвѣтственною. Въ Одессѣ началось то, такъ называемое, подпольное революціонное движеніе, которое привело къ извѣстнымъ событіямъ второй половины семидесятыхъ годовъ. Обыски, аресты участились. Во время игры въ клубѣ Вилье, получивъ какія-то бумаги, какія-то предписанія, вдругъ прерывалъ игру и отправлялся куда-нибудь на обыскъ, послѣ чего возвращался въ клубъ нервный, раздраженный.

Какъ нарочно, чѣмъ болѣе энергіи и усердія требовала отъ него служба, тѣмъ болѣе росло его художественное настроеніе, возбуждая въ немъ сильнѣйшую жажду къ работѣ на искусство. Лучшія его художественныя произведенія одесскаго періода относятся къ тому времени, когда онъ былъ наиболѣе обремененъ служебными обязанностями. Онъ говорилъ, что въ искусствѣ онъ забывается и живетъ въ немъ второю, настоящею своею жизнью.

Но такая двойственная, душевная и служебная, дѣятельность не могла продолжаться долго. Долженъ былъ наступить переломъ.

Вилье сталъ чаще посѣщать нашъ домъ и бесѣды его съ моимъ отцомъ становились все болѣе задушевными и интимными.

Онъ не разсказывалъ намъ, конечно, никакихъ фактовъ изъ своей служебной дѣятельности, ограничиваясь голымъ сообщеніемъ, что вчера онъ былъ въ ночномъ обходѣ или на обыскѣ, но самый тонъ его при упоминаніи о службѣ сталъ раздражительнымъ. Все чаще и чаще онъ сталъ приходить къ намъ разстроенный и нервный, становясь съ каждымъ днемъ все болѣе молчаливымъ. И когда, посидѣвъ у насъ съ часъ—другой въ молчаніи, онъ такъ и уходилъ, не проронивъ ни слова, мы понимали, что онъ переживалъ тяжелую душевную драму.

Какъ-то разъ его спросили: «отчего вы не покинете службы, если она васъ такъ тяготитъ»? Виле разсердился: «потому что въ настоящее время это было-бы подлостью; это было-бы равносильно дезертирству въ военное время».

И онъ продолжалъ нести свои обязанности, руководствуясь глубокимъ сознаніемъ святости служебнаго долга, пока не случилось съ нимъ одно, сразу измѣнившее всю его дальнѣйшую жизнь, событіе.

Виле умеръ лѣтъ двадцать тому назадъ, умеръ въ славѣ крупнаго художника, которой онъ достигъ послѣ того, какъ окончательно порвалъ со своимъ служебнымъ дѣломъ и отдался весь любимому искусству. Я думаю, что могу открыть теперь одну тайну изъ его забытаго прошлаго—тайну, которую онъ довѣрилъ отцу, а отецъ передалъ мнѣ, тайну, объясняющую его внезапный уходъ со службы по собственному желанію и вопреки своему взгляду на такой уходъ, какъ на дезертирство.

Однажды Виле пришелъ къ намъ сильно взволнованный: «я подалъ въ отставку» — воскликнулъ онъ. Довольно»! На вопросъ о причинѣ, Виле отвелъ отца въ отдѣльную комнату и разсказалъ ему слѣдующее:

— Вы замѣтили всѣ, какъ я былъ въ послѣднее время разстроенъ. Со мною случилось нѣчто необыкновенное. Мы получили приказъ объ арестѣ намѣревавшагося пріѣхать въ Одессу одного опаснаго политическаго агитатора. Имя, отчество, фамилія и примѣты совпадали съ такими-же моего стараго учителя, котораго я очень любилъ и уважалъ. Но я не былъ безусловно увѣренъ, къ нему-ли относился приказъ. Мнѣ стало, однако, жутко. Недѣли двѣ тому назадъ, гуляя по обыкновенію раннимъ утромъ на бульварѣ, я замѣтилъ въ концѣ аллеи, на скамейкѣ человѣка, въ которомъ тотчасъ узналъ моего учителя и, значитъ, того, кого я долженъ былъ арестовать. Что мнѣ было дѣлать?—Исполнить свой долгъ, конечно. Но какой долгъ? Долгъ-ли служебный или мой личный долгъ, долгъ человѣческій, по отношенію къ моему учителю?.. Я рѣшился на второе и подошелъ къ старику: «зачѣмъ вы здѣсь?—спросилъ я его. Онъ не узналъ меня сначала и испугался моего мундира. Я ему назвалъ себя.—А, Эмилій!—воскликнулъ онъ добродушно.—Уѣзжайте немедленно изъ Одессы.—Онъ широко открылъ глаза. Уѣзжайте, повторилъ я, уѣзжайте немедленно, прямо отсюда на вокзалъ, иначе, я долженъ буду васъ арестовать. Онъ понялъ, но замѣшкался и, видя мое нетерпѣніе, сказалъ, что у него нѣтъ при себѣ денегъ на дорогу.—Вотъ вамъ 25 руб., берите и скорѣе исчезайте.—Старикъ взялъ деньги, сѣлъ на дрожки и уѣхалъ. Я вздохнулъ легко.—Все время на службѣ я чувствовалъ себя скверно, но старался оправдать себя тѣмъ, что этотъ случай былъ исключительнымъ, что о немъ никто не узнаетъ и что это не помѣшаетъ мнѣ продолжать службу. Но вотъ на-дняхъ я получилъ въ канцеляріи почтовую повѣстку на присланныя мнѣ деньги. Сверхъ обыкновенія, вмѣсто того, чтобы поручить полученіе денегъ служителю, я отправился на почту самъ. И вообразите: мнѣ вручаютъ пакетъ на 25 рублей отъ такого-то съ полнымъ именемъ, отчествомъ и адресомъ моего учителя, моего агитатора. Представьте

себѣ мое изумленіе и состояніе моего духа. Въ письмѣ старикъ писалъ, что я поступилъ благородно, что онъ и его друзья никогда этого не забудутъ, но что, однако, онъ спѣшитъ возвратить мнѣ 25 рублей, такъ какъ не хочетъ быть денежно обязаннымъ жандарму. Я похолодѣлъ. Попади это письмо не сразу въ мои руки, а пройди оно черезъ нашу канцелярію, фактъ моего содѣйствія бѣгству политическаго преступника былъ-бы открытъ, я былъ-бы отданъ подъ судъ, я погибъ-бы. Пережитое мною волненіе было такъ сильно, что я утратилъ всякое душевное равновѣсіе. Я почувствовалъ, что лишь въ сферѣ чистаго искусства и художественнаго творчества я могу дышать свободно. Товарищи замѣтили, что со мною творится что-то неладное. Да и вы замѣтили, что въ послѣдніе дни я не могъ проронить у васъ ни слова. Я сказался больнымъ, пересталъ исполнять даваемыя мнѣ порученія и подалъ въ отставку.

Нѣкоторое время спустя, Вилье поѣхалъ въ Петербургъ, показалъ свои работы въ академіи художествъ. Нашлись цѣнители, которымъ онъ продалъ свои картины и на собранныя деньги поѣхалъ въ Италію, откуда вернулся знаменитостью.—Онъ умеръ отъ чахотки.

Дамы, молодежь, салоны, еще бульварные типы.

По поводу моего описанія типовъ прежняго одесскаго бульвара на меня посыпались упреки со всѣхъ сторонъ. Вы забыли о такомъ-то, вы ничего не сказали про этого. А гдѣ-же тотъ? И развѣ можно было совершенно пропустить дамъ?

Но, позвольте, я назвалъ дѣвицъ Кешко!

Этого мало. Были еще дѣвицы Пасто. Двѣ красавицы сестры, вышедшія впослѣдствіи замужъ: одна за Порро, другая—за Г. Е. Карузо.

Въ такомъ случаѣ, почему не вспомнить также и о сестрахъ княжнахъ Манукъ-бей? Онѣ, положимъ, никогда не были красавицами, но какія это были милыя и симпатичныя дѣвицы!

Я помню костюмированный дѣтскій балъ у князей Манукъ-бей въ ихъ роскошномъ домѣ, который впослѣдствіи былъ занятъ клубомъ Благороднаго собранія.

Дочери-княжны были одѣты одна цыганкою, что чрезвычайно шло къ ея лицу, другая—волшебницею, съ магическою палочкою въ рукахъ.

Было это лѣтъ сорокъ тому назадъ. И вотъ, какъ-разъ въ этотъ чудный вечеръ, впервые появился въ Одессѣ и составилъ особый сюрпризъ на балу американецъ, замѣчательно искусно танцовавшій на колесныхъ конькахъ.

А сестры Бурксеръ, тоже красавицы, еврейскаго типа, изъ которыхъ одна стала впослѣдствіи трагическою актрисою въ Парижѣ?

А сестры Редеръ, музыкантши, составившія извѣстный квартетъ? Одна изъ нихъ вышла замужъ за графа Комаровскаго и умерла какъ-то загадочно на рукахъ той самой Тарновской, которая впослѣдствіи овладѣла сердцемъ и состояніемъ ея мужа и содѣйствовала убійству графа въ Венеціи?

А сестры Вучетичъ, а сестры Швамбергъ, а сестры Крапивины?

Богъ ты мой, какъ много бывало прежде на гуляньи на бульварѣ миловидныхъ и жизнерадостныхъ сестрицъ!

Что касается какого-либо флирта съ молодыми людьми, такъ о немъ не было и помысла.

Вообще, о флиртѣ, какъ о чемъ-то скользящемъ по поверхности любви, никто въ старой Одессѣ не имѣлъ и понятія. Любили такъ любили, а не баловались.

Зато свѣтское ухаживаніе со всѣмъ блескомъ французской галантности, ухаживаніе, скорѣе воспитывавшее молодежь, нежели развращавшее ее, было тогда въ полномъ расцвѣтѣ.

Старая Одесса была тогда еще близка къ блестящей эпохѣ герцога Ришелье, графа Ланжерона и графа, впослѣдствіи князя, Воронцова. (Въ тѣ времена, кстати сказать, были тоже сестры: сестры Бриммеръ, изъ которыхъ одна вышла замужъ за графа Ланжерона, а другая — за Аркудинскаго; сестры Голицыны, сестры Нарышкины, а изъ артистическаго міра сестры-скрипачки Неруда).

Прежде было гораздо больше салоновъ, въ которыхъ встрѣчалось лучшее общество Одессы. Коммерсанты или, какъ ихъ тогда называли, негоціанты не ограничивались заработкомъ денегъ и не играли ими, какъ теперь, ради процесса игры, а обращали ихъ въ жизнь. Жены негоціантовъ въ свою очередь тратили деньги на туалеты, на вечера, на театры.

Всѣ негоціанты имѣли прежде въ театрѣ свою абонированную ложу. Дамы, въ дни спектаклей, отправлялись въ театръ, какъ на приглашенный вечеръ. Ложи переговаривались съ партеромъ. Никто въ антрактахъ не скучалъ и не зѣвалъ.

Зѣвалъ, быть можетъ, Константинъ Папудовъ, но это потому, что окружавшая его ложу въ бенуарѣ молодежь меньше ухаживала за нимъ, нежели за его красавицею-женою.

Г-жа Папудова была для Одессы 60-хъ годовъ тѣмъ-же предметомъ эстетическаго обожанія, какимъ была г-жа Ризничъ, тоже жена одесскаго негоціанта, въ тридцатыхъ годахъ. Но за Ризничъ ухаживалъ Пушкинъ, а за Папудовой — менѣе поэтическіе, но добрые малые, Росси и Вуро.

Въ мое время, сравнительно недавнее, я помню г-жу Папудову еще красавицею, въ театрѣ Великанова, въ такой-же бенуарной ложѣ, въ обществѣ съ дочерью, вышедшей впослѣдствіи замужъ за Мартынова.

Г-жа Папудова долго имѣла открытый салонъ. Она блистала въ немъ и красотою, и умомъ, и гостепріимствомъ.

Позже въ Одессѣ были блестящіе журъ-фиксы у г-жи Бушенъ, дочери бывшаго одесскаго городского головы Н. А. Новосельскаго.

Скромные, но радушные пріемы оказывала у себя графиня Коцебу; зато особенно великолѣпны были у нея ежегодные балы.

Балы, въ прежнее время, не только имѣли значеніе, какъ объединявшіе свѣтское общество, но преслѣдовали еще спеціальную цѣль: оживить движеніе торговли въ городѣ. Въ особенности рады были этимъ баламъ швейныя мастерскія и модные магазины.

Но, конечно, наибольшее предбальное оживленіе царило въ мастерской дамскихъ туалетовъ знаменитыхъ въ свое время въ Одессѣ г-жъ Піетерсъ и Томазини.

Не знаю почему — предоставляю разрѣшить эту загадку будущимъ историкамъ эстетическаго развитія нашего города—но прежде въ Одессѣ было гораздо больше красивыхъ женщинъ, нежели теперь.

Помнитъ-ли еще кто-либо красавицу-гречанку Чебыкину, жену начальника одесской почтовой конторы, обвиненнаго въ растратѣ почтовыхъ денегъ?—Замѣчательна она была тѣмъ, что на ея лицѣ смуглой брюнетки, изъ подъ длинныхъ черныхъ рѣсницъ, ярко блистали небеснаго цвѣта голубые глаза.

А Роза Артуровна Бродская, около которой всегда галантный Григорій Григорьевичъ Маразли!

А г-жа Зильбгеръ, извѣстная по своимъ отношеніямъ къ графу Лидерсу, — она здѣсь, на бульварѣ, со своей красавицею-дочерью, вышедшею впослѣдствіи замужъ за Доре.

А мадамъ Ческини, жена австрійскаго консула!

А мадамъ Тальяферо, близкій другъ англійскаго консула въ Одессѣ Гренвиль-Муррея, впослѣдствіи извѣстнаго писателя!

А красавица Аиральди! А мадамъ Зарифи, урожденная Клодницкая!

И еще много я могъ-бы привести именъ интересныхъ прежнихъ одесскихъ женщинъ. Но мнѣ не хочется оказаться слишкомъ нелюбезнымъ къ нынѣшнему поколѣнію.

На томъ-же жизнерадостномъ бульварѣ, куда собиралась вся свѣтская Одесса, великолѣпный баронъ Остенъ-Сакенъ, защитникъ Одессы въ крымскую кампанію.

Молодежь: Де-Лазари, Зарифи, Стамеровъ, Энрико Чиприіани, Росси, Вуро. А потомъ, еще Вернетта, Котронео съ ихъ учителемъ фехтованія Панчи.

Александръ Вучина, крупный греческій негоціантъ, славившійся своими роскошными обѣдами.

Его братъ, греческій консулъ Иванъ Вучина, учредитель столь симпатичной по мысли и столь неудачной до сихъ поръ по результатамъ «драматической» преміи.

Вотъ Леонъ Даниканъ, редакторъ «Journal d'Odessa» послѣ моего отца Михаила де-Рибаса, по срединѣ между двухъ братьевъ Рафаловичей. Онъ считался лучшимъ совѣтникомъ въ коммерческихъ дѣлахъ Рафаловичей, но самъ для себя былъ настолько плохимъ коммерсантомъ, что вынужденъ былъ окончить жизнь самоубійствомъ.

Вотъ Родоканаки съ такимъ-же моноклемъ, какъ у Даникана, въ глазу. Монокль этотъ, однако, не достаточно помогалъ зрѣнію Родоканаки, который славился тѣмъ, что заглядывался на дамъ съ такого близкаго разстоянія, что постоянно нарывался на скандалы.

Около него Юрьевичъ, піанистъ короля Сардинскаго, авторъ неудачной оперы «Петръ Калабрійскій», замѣчательный исполнитель шансонетъ-пародій, которыми въ свое время увлекалъ парижскую публику Левассеръ. Пародіи эти на оперы: «Робертъ Дьяволъ», «Фрейшютцъ» и др. исполнялись Юрьевичемъ въ сгорѣвшемъ Городскомъ театрѣ съ удивительнымъ комическимъ талантомъ. Онъ былъ любимцемъ и баловнемъ свѣтскихъ салоновъ. Не знаю, помнитъ-ли еще теперь самъ Юрьевичъ объ этихъ своихъ счастливыхъ юношескихъ дняхъ.

А вотъ Игнатій Ефрусси, блестящій и красивый юноша, сердечно откликавшійся на всѣ добрыя дѣла. Съ нимъ блѣдный, худой Леонино.

Толстякъ Фолетти оживленно споритъ со своимъ компаньономъ Серматеи о томъ, почему итальянская опера въ Одессѣ перестала дѣлать сборы. Гуляющій съ ними кассиръ Фрабони объясняетъ это тѣмъ, что итальянцы не достаточно разнообразятъ свой репертуаръ. «Русскіе игра-

ютъ каждый разъ новую пьесу, а итальянцы только и исполняютъ, что «Трубадуръ» да «Риголетто».

Мимо нихъ проходитъ извѣстный въ свое время музыкальный критикъ Бемоль—желчный врагъ итальянской музыки, которую онъ называлъ: вердіевщиной. Подъ псевдонимомъ Бемоль скрывался И. М. Кузьминскій, инспекторъ студентовъ Новороссійскаго университета, большой любитель старинныхъ скрипокъ, но самъ плохой скрипачъ.

Фолетти отворачивается отъ него, какъ отъ своего злѣйшаго врага. Отворачивается отъ него и піанистъ Фельдау, котораго Бемоль безпощадно преслѣдовалъ во всѣхъ своихъ рецензіяхъ. Кузьминскій пропагандировалъ тогда новую русскую музыку, но среди одесситовъ, воспитанныхъ на итальянскихъ традиціяхъ, проповѣдь его звучала странно.

Поддерживалъ его въ «Одесскомъ Вѣстникѣ» редакторъ этой газеты Петръ Сокальскій, самъ серьезный музыкантъ, авторъ оперы «Тарасъ Бульба», недавно, но, кажется, безъ особеннаго успѣха, поставленной въ Харьковѣ.

Сгорѣлъ Городской театръ (въ 1873 году). Замолкли надолго звуки итальянской музыки. За то на смѣну ей въ театрѣ Эрмитажъ за Строгоновскимъ мостомъ—раздались мощные и свѣжіе мотивы русской народной пѣсни. Сегодня даютъ тамъ «Жизнь за Царя», а завтра «Рогнѣду». А тамъ готовятъ «Опричники» Чайковскаго и «Юдифь» Сѣрова.

Да вотъ, кстати, и Корсовъ—краса и гордость русской оперной труппы театра Эрмитажъ. Въ широкополой фетровой рембрандтовской шляпѣ, въ бородѣ à la Barbe Bleue, сверкая чудными черными глазами и ослѣпительно-бѣлыми зубами, Корсовъ обращаетъ на себя общее вниманіе бульварной публики. Въ особенности засматриваются на него дамы. Но онъ, какъ жрецъ чистаго искусства, равнодушенъ къ низменнымъ успѣхамъ. Онъ мечтаетъ о созданіи Олоферна въ оперѣ Сѣрова «Юдифь».

Съ нимъ другъ его Палечекъ, сухопарый, но гибкій, извивающійся на бульварѣ, какъ на сценѣ Мефистофель. Какъ онъ былъ хорошъ въ Лепорелло, вѣрномъ, но трусливомъ слугѣ неотразимаго Донъ-Жуана (въ исполненіи того-же Корсова)!

Тутъ-же Ляровъ — русское, глубокое басище, и Орловъ—богатырь-теноръ съ плечами въ косую сажень.

А вотъ онѣ, въ свѣтлыхъ туалетахъ, Милорадовичъ, Крутикова, Раабъ, и Лавровская, и Меньшикова. Онѣ счастливы одержанною ими побѣдою надъ одесскою публикою и это счастье свѣтится въ ихъ улыбкахъ.

Съ ними антрепренеръ ихъ Бергеръ и тутъ-же Іосифъ Яковлевичъ Сѣтовъ—этотъ удивительнѣйшій артистъ-антрепренеръ, который подвизался, главнымъ образомъ, въ Кіевѣ, но привозилъ свою оперу и оперетку въ Одессу, и котораго по артистической типичности и по антрепренерскому генію можно сравнить только съ нашимъ незабвеннымъ Н. К. Милославскимъ.

Семенъ Степановичъ Яхненко.

Домъ на Херсонской.—Старая мебель.—Левшинскія плантаціи.—Первая паровая мельница.—Личность и дѣятельность С. С. Яхненко.—Шестидесятые годы въ Одессѣ.—Реформа думы.—Содѣйствіе администраціи.—Знаменательныя слова графа А. Г. Строганова.—Первые водостоки; мостовыя, освѣщеніе.—Фондъ народнаго образованія.—Прежніе общественные дѣятели.

Знаете-ли вы домъ, въ которомъ нынѣ одесскіе высшіе женскіе медицинскіе курсы, на концѣ Херсонской? Онъ странной архитектуры: не то англійская, не то германская готика. Красно-коричневый, со стрѣльчатыми окнами и съ зубчатыми верхами стѣнъ. Передъ домомъ, со стороны Херсонской, запущенный садикъ со старыми деревьями, съ сохранившеюся каменною вычурною бесѣдкою, съ полусгнившими скамьями, а позади дома, построеннаго на самомъ обрывѣ Херсонскаго спуска, большой садъ уступами, въ которомъ были когда-то яблони, вишни, каштаны, тополи, дубы и благословенныя акаціи.

Войдите въ домъ: тамъ нынѣ огромный улей. Цѣлые рои пчелъ — курсистокъ то и дѣло входятъ и выходятъ, жужжатъ, кружатся, несутъ подъ крылышками медъ, тобишь, медицинскія книжки. Тамъ парты, кафедры, черные доски, изображенія на стѣнахъ внутренностей человѣческаго тѣла. А прежде... тамъ была во всѣхъ комнатахъ уютная старинная мебель: въ большой овальной залѣ бѣлая съ золотомъ; въ гостиныхъ—краснаго дерева; въ столовой—дубъ; въ спальняхъ—палисандра. И повсюду колонки изъ чернаго дерева, паркеты изъ оливковаго, зеркала въ золоченыхъ рамахъ, люстры, картины. Вотъ чудная гравюра дрезденской Мадонны. Вотъ Наполеонъ, верхомъ, на бѣломъ конѣ, на Аустерлицкомъ полѣ, на картинѣ Ораса Вернэ.

Вся мебель изъ мастерской Мерклинга. Вы помните еще, конечно, эту фирму и ея огромный домъ за Куликовымъ-полемъ. Богъ знаетъ почему въ старое время было не только въ Одессѣ, но и во всемъ, кажется, мірѣ гораздо больше добросовѣстныхъ и талантливыхъ ремесленниковъ! Можетъ быть потому, что ремесломъ не гнушались заниматься люди чистаго искусства. Вспомните Бенвенуто Челини, Гобелены, ковры Обюсона, вѣера Буше.

Въ первыя времена Одессы фанеръ не знали, т. е. не имѣлись еще придуманныя впослѣдствіи фанерныя машины; мебель дѣлалась изъ цѣльныхъ кусковъ дерева. Привозившіеся на корабляхъ обрубки чернаго, краснаго, орѣховаго дерева обрабатывались и шлифовались, какъ драгоцѣнные камни. На ножкахъ столиковъ и на рамахъ туалетныхъ зеркалъ выточенныя рукою изъ цѣльнаго дерева гирлянды розъ и амуровъ. Лакъ наводился навѣки, какъ на старыхъ скрипкахъ. Дерево было тяжелое, видъ легкій. Садись, мечтай и спи.

А паркеты, а деревянная мозаика на шкафчикахъ маркетери! А тяжелые серебряные канделябры, а бронзовые часы то съ Сатурномъ, то съ Демосфеномъ подъ играющими всѣми лучами солнца стеклянными колпаками. А ковры, восточныя портьеры и, прямо изъ Тюля выписанныя, ручной работы занавѣски!..

Въ столовой описываемаго мною дома было венеціанское окно и изъ него обширный, свободный, à perte de vue. великолѣпный видъ на далекую Пересыпь.

Вотъ, я увѣренъ, при словахъ «великолѣпный видъ на Пересыпь», вы снисходительно, если не иронически,

улыбнулись. Но это потому, во-первыхъ, что вы не знаете, какою была прежняя Пересыпь, а во-вторыхъ, потому, что вы врядъ-ли любовались когда-либо видомъ съ Херсонскаго спуска въ сторону Жеваховой горы. Тамъ нынѣ цѣлый лѣсъ грязныхъ фабричныхъ трубъ, а все-же даль, видимая съ горы, остается поэтическою далью. Прежде, передъ взоромъ дѣтворы, глядѣвшей въ венеціанское окно, разстилались покрытые растительностью далекіе пески; слѣва были степныя дороги въ Новороссію, а справа синѣла, какъ и нынѣ, широкая Хаджибейская бухта.

Покрытыя растительностью», да. Неоднократно, въ своихъ воспоминаніяхъ, я говорилъ о Левшинскихъ плантаціяхъ. Онѣ были засажены на Пересыпи въ сторону Жеваховой горы и ближе, гдѣ нынче Крестовоздвиженская ярмарка, на протяженіи 250 десятинъ, одесскимъ градоначальникомъ, незабвеннымъ Алексѣемъ Ираклієвичемъ Левшинымъ въ 1831 году.

Сотни тысячъ деревъ, преимущественно дубъ и акація, сплотясь корнями подъ землею Пересыпи, сдерживали сыпучіе ея пески и вмѣстѣ съ вѣтромъ, вмѣсто пыли, посылали въ Одессу свое зеленое благоуханіе.

Не было еще тогда полей орошенія и можно было дышать, глядя въ окна, полною грудью.

Конечно, конечно, да здравствуетъ культура, канализація, фабрики и поля орошенія! Я охотно мирюсь съ преображеніемъ старой безлюдной Пересыпи въ нынѣшнюю заселенную фабриками мѣстность.—Но плантаціи, но зелень, но чистый воздухъ! Боже мой, вѣдь, они нужны всегда.

Левшинскія плантаціи, послѣ смерти Левшина, были запущены и постепенно замерли. Уже въ семидесятыхъ годахъ отъ нихъ не было и слѣда.

Домъ, въ которомъ нынѣ ютятся курсы, принадлежалъ сначала какому-то остзейскому барону—забылъ его фамилію, а потомъ перешелъ въ собственность одного изъ виднѣйшихъ общественныхъ дѣятелей старой Одессы — Семена Степановича Яхненко.

Рядомъ съ домомъ, по лѣвую его сторону, высилась и грохотала построенная тѣмъ-же Яхненко первая на югѣ Россіи паровая мукомольная мельница.

Изъ этого дома, изъ этой живописной обстановки, по иниціативѣ хозяина, возникли всѣ тѣ широкіе планы культурнаго и общественнаго возрожденія Одессы, которые, осуществленные самимъ Яхненко и его друзьями, поставили Одессу на высоту европейскихъ городовъ.

Водостоки, взамѣнъ зловонныхъ канавъ, гранитныя мостовыя, вмѣсто пыли и грязи; водоснабженіе днѣстровскою чистою водою, взамѣнъ солено-горькихъ колодцевъ, газовое освѣщеніе, взамѣнъ керосина и масла, народное образованіе, начатое на частныя общественныя деньги, упорядоченіе городскихъ финансовъ, подготовка новаго городового положенія, сначала для одной Одессы, а затѣмъ, въ 1870 году, и для всѣхъ городовъ Россіи все это было создано въ сравнительно короткій періодъ въ теченіе не болѣе десяти лѣтъ, въ незабвенные для Одессы шестидесятые годы.

Городъ, общество, администрація дышали тогда одною энергіею, жаждою широкаго общественнаго блага. Однимъ изъ лучшихъ представителей этого общественнаго подъема былъ Яхненко.

Многіе, вѣроятно, еще помнятъ его оригинальную фигуру:—его львиную голову со слегка саркастическою улыбкою, его широкій подбородокъ, стиснутый торчащимъ вверхъ воротникомъ; его открытый лобъ и большіе волосы, постоянно встряхиваемые имъ, какъ гривою. Весь полный движенія, нетерпѣнія и порыва, врожденно красно-

рѣчивый, человѣкъ сильной воли и каприза, Яхненко походилъ и лицомъ и силою темперамента на Дантона. Но на первомъ планѣ во всей его дѣятельности было одно общественное благо, общественное благо Одессы. Безкорыстный, самоотверженный, онъ былъ самъ и иниціаторомъ и исполнителемъ того, что считалъ полезнымъ для города, который не былъ ему роднымъ, но который онъ полюбилъ, какъ родину.

А пріѣхалъ онъ къ намъ изъ Украины, оттуда, откуда первые чумаки привозили въ Одессу хлѣбъ и сало. Путь былъ далекій, дни смѣнялись ночами, лѣса степями, чумаки широко дышали просторомъ Новороссіи и души ихъ и головы обвѣвались воздухомъ свободы.

Семенъ Степановичъ принадлежалъ къ тому знаменитому въ Кіевской губерніи дому братьевъ Яхненко и Симиренко, главари котораго, простые крестьяне, явились піонерами въ Россіи неисчерпаемо богатаго сахарнаго дѣла. Самъ онъ, получивъ отличное воспитаніе въ московскомъ коммерческомъ институтѣ, былъ директоромъ въ Городище—Млѣевскомъ сахарномъ заводѣ, упрочилъ его преуспѣяніе и заселилъ заводскую мѣстность мастерскими, больницами, школами. Послѣ смерти отца, онъ выбралъ свою долю изъ товарищескаго капитала и поселился со своею матерью въ Одессѣ.

Здѣсь онъ женился на дочери основателя Гроссъ-Либентальскаго лечебнаго заведенія, д-ра Іоганна Флокена.

Яхненко былъ послѣднимъ изъ городскихъ головъ дореформенной одесской думы въ періодъ съ 1860 по 1863 г. Въ 1863 году его замѣстилъ А. Н. Пашковъ, но это замѣстительство было очень непродолжительнымъ. Выработанное при участіи Яхненко новое городовое, спеціальное для Одессы, положеніе было введено въ концѣ 1863 г. и Пашкова смѣнилъ свѣтлѣйшій князь Семенъ Михайловичъ Воронцовъ.

Прошли легендарныя времена пресловутой шестигласной думы и для Одессы наступила новая эра общественной жизни.

Знаменательно то, что главную роль въ реформѣ одесской думы сыгралъ самъ голова прежняго ея режима и что этотъ же голова, Яхненко, ради служенія новому строю, не побрезговалъ, послѣ званія головы, ограничиться званіемъ члена управы реформированной думы...

Но въ прежнія времена Одессы было не мало примѣровъ такого гражданскаго самоотверженія. Вспомнимъ любопытную личность всевластнаго новороссійскаго генералъ-губернатора графа А. Г. Строганова, который сошелъ со своего высокаго административнаго поста и въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ несъ скромное, но почетное званіе гласнаго одесской думы.

Особенность дореформенной шестигласной думы заключалась въ томъ, что въ ней совершенно отсутствовала дума. Гласные собирались администраціею изрѣдка и только для избранія своихъ шести представителей, а затѣмъ они не принимали никакого участія въ городскихъ дѣлахъ. Дѣла эти вершались бюрократически связанными шестью представителями и головою по указанію градоначальника.

Общество совершенно не вѣдало, что творится въ думѣ и ничѣмъ, конечно, не помогало своимъ «представителямъ». Между тѣмъ, неурядицы въ городскомъ хозяйствѣ сказывались все ярче; необходимость улучшенія условій жизни гражданъ Одессы становилась все настоятельнѣе. Крупные одесскіе купцы, домовладѣльцы, профессора Ришельевскаго лицея, капиталисты и многіе простые обыватели стали понемногу все громче и громче вы-

ражать требованіе, чтобы Одесса вышла изъ состоянія провинціальной спячки.

Выразителемъ этого пробужденія явился, какъ я уже говорилъ, Семенъ Степановичъ Яхненко. Поддержали его видные одесскіе граждане: графъ Михаилъ Дмитріевичъ Толстой, профессоръ Александръ Михайловичъ Богдановскій, д-ръ Эрастъ Степановичъ Андреевскій, Николай Александровичъ Новосельскій, Абрамъ Марковичъ Бродскій, Осипъ Аароновичъ Рабиновичъ, предводитель дворянства Свѣчинъ, Евгеній Вассалъ, Илья и Логинъ Посоховы и многіе другіе.

Но самую существенную помощь одесскому обществу оказала администрація. Во главѣ ея стояли тогда графъ А. Г. Строгановъ (генералъ-губернаторъ) и баронъ Павелъ Федоровичъ Местмахеръ. Оба они живо и съ глубокой искренностью откликнулись на призывъ Яхненко.

Въ домѣ, который я описывалъ выше, составлялась профессоромъ А. М. Богдановскимъ, при участіи Яхненко и другихъ, та записка, которая, получивъ движеніе отъ барона Местмахера, легла въ основу новаго для Одессы Городового Положенія.

Насколько высшая администрація Одессы отнеслась сочувственно къ общественному почину гражданъ, видно изъ слѣдующихъ, высказанныхъ графомъ Строгановымъ, въ своемъ докладѣ министру внутреннихъ дѣлъ, знаменательныхъ словъ: «Административная дѣятельность начальства не можетъ безъ постояннаго участія всего общества и предоставленія ему первой иниціативы въ дѣлѣ общественнаго управленія изыскивать прочные и наименѣе обременительные для народонаселенія способы къ улучшенію городского хозяйства.

Ходатайство Строганова было уважено и новое положеніе было введено въ Одессѣ въ 1868 году. Дума была избрана въ составѣ 72 гласныхъ. Первая рѣчь въ ней была произнесена графомъ М. Д. Толстымъ на тему о необходимомъ участіи въ городскихъ дѣлахъ всѣхъ слоевъ общества, при полномъ освѣщеніи думской дѣятельности путемъ печати.

Я не пишу здѣсь исторіи одесскаго городского общественнаго самоуправленія и сожалѣю объ этомъ, потому что эта исторія, очень интересная сама по себѣ, могла-бы, возстановленіемъ въ памяти одесситовъ дѣятельности ихъ прежнихъ общественныхъ представителей, возбудить въ нынѣшнихъ одесскихъ обывателяхъ утраченныя ими чувства своего гражданскаго достоинства.

Скажу лишь, что первые гласные реформированной думы были всѣ исполнены одного самоотверженнаго порыва къ созданію благосостоянія Одессы. Иниціатива за иниціативою, проектъ за проектомъ—и Одесса вскорѣ обогатилась мостовыми, водостоками, освѣщеніемъ, школами.

Семенъ Степановичъ Яхненко былъ яркимъ сторонникомъ хозяйственнаго способа производства городскихъ работъ. Самородокъ, русскій по духу, онъ не любилъ иностранцевъ-предпринимателей: всѣ общества, въ которыхъ онъ былъ учредителемъ, состояли исключительно изъ русскихъ людей.

Любопытенъ случай, когда, чтобы убѣдить городскихъ дѣятелей въ невыгодности отдачи работъ по сооруженію бетонныхъ водостоковъ иностранной фирмѣ Задлеръ и Арманъ, онъ взялся самъ, на свои средства, за сооруженіе пробнаго водостока (кажется, на нынѣшней думской площади) и доказалъ, что при такомъ способѣ можно достичь экономіи въ 27 проц. противъ предложенныхъ иностранцами цѣнъ.

С. С. Яхненко былъ учредителемъ вмѣстѣ съ другими Общества одесско-днѣстровскаго водопровода (въ 1859 г.). Общество имѣло въ виду, помимо водоснабженія Одессы, устроить еще ирригацію всего степного пространства, окру-

жающаго Одессу. Когда впослѣдствіи Яхненко былъ избранъ городскимъ головою, а общество вступило съ городомъ въ переговоры и препирательства по условіямъ водоснабженія, онъ, Яхненко, тотчасъ-же отказался отъ своихъ учредительскихъ паевъ.

Длинна была бы исторія всѣхъ начинаній Яхненко въ городскомъ хозяйствѣ Одессы. Еще придется къ ней вернуться. Но особенно интересна его попытка положить начало всеобщему начальному народному образованію въ Одессѣ путемъ созданія при городской кассѣ особаго фонда, собраннаго изъ добровольныхъ общественныхъ приношеній.

Пользуясь своими связями со всѣми лучшими представителями одесскаго общества, онъ взялъ на себя обходъ всѣхъ купцовъ, домовладѣльцевъ и капиталистовъ, приглашая ихъ къ пожертвованіямъ на фондъ народнаго образованія. Первыми откликнулись графъ Толстой и купцы Абрамъ Марковичъ Бродскій и Игнатій Ефрусси (по десяти тысячъ рублей). Но пожертвованія приносились и копейками. При городской кассѣ былъ открытъ сборъ; одинъ за другимъ приходили въ думу граждане, богатые и бѣдные, приносившіе свою лепту на великое дѣло. Въ скорости былъ собранъ капиталъ въ 150.000 руб.

Яхненко велъ списокъ жертвователей и сообщалъ его гласнымъ по мѣрѣ заполненія, читая и текстъ препроводительныхъ писемъ. Одно изъ писемъ произвело особенно сильное впечатлѣніе и вызвало долго не смолкавшіе аплодисменты. Это было письмо одной вдовы, въ которомъ она выражала свое горячее сочувствіе дѣлу обученія грамотѣ одесскаго бѣднѣйшаго населенія. При письмѣ прилагалась крупная денежная сумма. Подписано письмо было: Дарья Нестеровна Яхненко, а за нее, неграмотную, подписался ея сынъ Семенъ Яхненко.

Семенъ Степановичъ былъ рьянымъ сторонникомъ гласности; по его инициативѣ былъ созданъ при городской управѣ органъ «Записки одесск. городск. обществ. управленія». Но кромѣ того, черезъ посредство «Одесскаго Вѣстника», совершались всѣ публикаціи о торгахъ, о вызовахъ предпринимателей и другія. Въ газетахъ («Одесскій Вѣстникъ» и «Journal d'Odessa») создалась полемика по городскимъ вопросамъ; цѣлые столбцы посвящались лучшему способу мостить улицы или устраивать водостоки. Общество внѣ думы и представители общества въ городскомъ самоуправленіи были въ полномъ взаимодѣйствіи.

Вообще, Яхненко былъ воплощеніемъ городского общественнаго дѣятеля. Работалъ онъ на благо города совершенно безкорыстно и даже отказался въ пользу служащихъ отъ своего жалованья городского головы. Настойчивый въ своихъ проектахъ, онъ добивался ихъ осуществленія съ такою горячностью, что часто его защита дѣлаемыхъ предложеній была исполнена нетерпимости къ мнѣнію другихъ, что создало противъ него въ думѣ цѣлую коалицію, но исключительно на дѣловой почвѣ. Иногда онъ совершалъ дѣйствія, носившія характеръ чистаго самоуправства. Считая себя дѣйствующимъ въ интересахъ города, онъ не боялся идти за предѣлы предоставленныхъ ему правъ. И много ему приходилось потомъ бороться и тратить бурнаго краснорѣчія, чтобы устоять предъ натискомъ оппозиціи.

Въ своей частной жизни Яхненко былъ такъ оригиналенъ и самобытенъ и проявлялъ столько любопытныхъ чертъ, что описаніе его домашняго быта могло бы быть въ высшей степени интереснымъ. Скажу пока, что лучшими его друзьями въ Одессѣ были такіе крупные люди, какъ

профессоръ Богдановскій, знаменитые Сѣченовъ и Мечниковъ, доктора Минхъ и Мочутковскій, педагогъ Бемеръ, музыканты Тедеско, Тритенъ, художники Плисъ, Мальманъ и многіе, многіе, которые придутъ еще мнѣ на память или о которыхъ, быть можетъ, соблаговолятъ мнѣ напомнить мои читатели.

Шестидесятые годы.

Пріѣздъ экономиста Молинари.—Еврейскій вопросъ.—Отсутствіе національной розни въ Одессѣ.—Письмо А. М. Бродскаго къ Н. И. Пирогову.—Манифестъ 1861 года. Друзья Яхненко: А. И. Пальма, Абаза. Н. И. Савичъ, Р. В. Орбинскій, Ягницкій, Богдановскій и другіе.—Домашній концертъ у Яхненко.

Однажды, пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, въ 1861 г., къ моему отцу, бывшему тогда редакторомъ «Journal d'Odessa» явился одинъ пріѣзжій господинъ и представился по-французски Gustave de Molinari, économiste.

Это былъ знаменитый бельгійскій политико-экономъ де-Молинари. Онъ пріѣхалъ моремъ въ Одессу, чтобы начать отсюда поѣздку по Россіи для чтенія публичныхъ лекцій по политической экономіи. Отецъ повелъ его въ Англійскій клубъ, гдѣ любили въ тѣ времена, кромѣ игры въ карты, откликаться также на крупныя общественныя событія (вспомнимъ чествованіе Фердинанда де-Лесепса, пріемъ графа Алексѣя Толстого и др.). Молинари очаровалъ всѣхъ своей горячностью, убѣжденностью и чисто французскою манерой излагать красиво самые трудные и глубокіе вопросы. Его стали приглашать во всѣ дома. Даже графъ Александръ Григорьевичъ Строгановъ, не любившій снисходить къ литераторамъ и ученымъ (вмѣсто личнаго знакомства, онъ предпочиталъ читать ихъ произведенія въ своей роскошной библіотекѣ), удостоилъ приглашеніемъ къ себѣ Молинари и поразилъ его либерализмомъ своихъ убѣжденій.

Въ 1861 году въ Одессѣ господствовало то огромное общественное движеніе, которое, какъ я разсказывалъ въ предыдущемъ очеркѣ, захватило и общество, и купечество, и администрацію. Боевой, страстный характеръ проповѣди де-Молинари вполнѣ соотвѣтствовалъ настроенію одесскаго общества. Особенно сильно увлекся идеями Молинари Семенъ степановичъ Яхненко.

Отецъ разсказывалъ мнѣ про незабвенный для него вечеръ, когда, познакомивъ пріѣзжаго бельгійца съ Яхненко, онъ провелъ у этого послѣдняго, въ его домѣ на Херсонской, нѣсколько часовъ въ бесѣдѣ на жгучія для того времени темы о способахъ поднятія народнаго благосостоянія. Оба горячіе, Молинари и Яхненко нуждались въ помощи отца не только для перевода другъ другу ихъ русско-французскихъ рѣчей, но и для примиренія ихъ не совсѣмъ сходившихся взглядовъ.

Какъ извѣстно, Молинари, какъ экономистъ, былъ выразителемъ такъ-называемой Манчестерской школы. Онъ проповѣдывалъ борьбу противъ какого-бы то ни было вмѣшательства государства въ дѣла народнаго хозяйства. Это было вполнѣ согласно съ убѣжденіями Яхненко, дореформеннаго городского головы, который самъ поднялъ вопросъ объ избавленіи одесскаго городского хозяйства отъ слишкомъ близкой опеки со стороны администраціи. Но Яхненко шелъ дальше и, исходя изъ чисто мѣстныхъ условій одесской жизни, полагалъ, что городское хозяйство можетъ быть ведомо не только безъ помощи администраціи, но и безъ участія иностранныхъ капиталовъ и предпринимателей, что глубоко возмущало Молинари.

Страстная бесѣда затянулась до глубокой ночи, и когда, уже на разсвѣтѣ, Молинари и отецъ мой возвращались отъ Яхненко, бельгійскій гость выразилъ сожалѣніе, что скорый отъѣздъ лишилъ его удовольствія говорить еще съ этимъ удивительнымъ умомъ: «Avec cet esprit prodigieux»...

Молинари уѣхалъ, но его идеи остались и не будетъ, кажется, преувеличеніемъ, если сказать, что тонъ рѣчей барона Местмахера, графа Строганова, профессора Богдановскаго и другихъ въ поднятой ими въ 1861 году борьбѣ за реформу одесской думы былъ полонъ отзвуковъ горячей проповѣди Молинари.

Говоря о томъ, что С. С. Яхненко былъ противъ веденія дѣла городского хозяйства при помощи иностранныхъ капиталистовъ и предпринимателей, я боюсь, какъ-бы не подумали читатели, что Яхненко былъ тѣмъ, что окрещено въ наше время кличкою «націоналистъ». Ничего узкаго, ничего нетерпимаго въ характерѣ Яхненко не было. Самъ малороссъ, онъ никогда не былъ узкимъ украинофиломъ. Онъ былъ человѣкомъ широкаго ума и сердца, а въ жизни былъ, прежде всего, человѣкомъ личной инипіативы и личнаго труда. Онъ вѣрилъ въ экономическія силы родного города, вѣрилъ, что въ нѣдрахъ самой Одессы есть достаточно и матеріальныхъ и духовныхъ богатствъ, чтобы безъ всякой посторонней помощи совершать чудеса.

Впрочемъ, въ 60-хъ годахъ въ Одессѣ не могло быть и рѣчи о какой-бы то ни было національной розни. Вотъ маленькая, но яркая характеристика того, какъ стоялъ у насъ пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ вопросъ объ отношеніяхъ между русскими и евреями.

Въ числѣ друзей и сподвижниковъ по одесскому городскому хозяйству С. С. Яхненко былъ извѣстный общественный дѣятель Абрамъ Марковичъ Бродскій. Бродскій былъ убѣжденнымъ сторонникомъ ассимиляціи евреевъ съ русскими. Однажды, въ 1861 году, къ нему обратился изъ Кіева тамошній попечитель учебнаго округа Н. И. Пироговъ, сохранившій послѣ краткаго пребыванія въ

Одессѣ глубокую духовную связь съ нашимъ городомъ и его лучшими представителями. Н. И. Пироговъ написалъ Бродскому, что еврейское студенчество кіевскаго университета Св. Владиміра терпитъ острую нужду, что предстоятъ увольненія за невзносъ платы и что кіевскіе евреи недостаточно состоятельны, чтобы поддержать своихъ единовѣрцевъ. Вся надежда была на помощь со стороны еврейскаго общества Одессы, къ которому Пироговъ, по старой памяти, и обращается.

Абрамъ Марковичъ не замедлилъ отвѣтить Пирогову, но такъ отвѣтилъ, что Пироговъ усмотрѣлъ въ письмѣ Бродскаго не простую отписку, а цѣлое profession de foi по еврейскому вопросу. По желанію самого Пирогова, письмо это было напечатано въ одесскихъ и кіевскихъ газетахъ въ 1861 году.

Вотъ главныя его строки: «Было-бы согласнѣе съ требованіями настоящаго времени, если-бы люди состоятельные помогали-бы людямъ нуждающимся безъ различія вѣроисповѣданія. Желательно было-бы, чтобы еврейское общество сдѣлало пожертвованіе въ пользу недостаточныхъ студентовъ вообще, а не однихъ студентовъ евреевъ. Это было-бы новымъ шагомъ къ уничтоженію той исключительности, которая служила и до сихъ поръ еще служитъ преградой для русскихъ евреевъ къ болѣе искренному и тѣсному сближенію со своими русскими согражданами.

Большинство евреевъ уже начинаетъ цѣнить въ человѣкѣ человѣка; поэтому оно способно желать и дѣлать добро своимъ согражданамъ безъ различія вѣроисповѣданія».

Въ дополненіе къ своему письму А. М. Бродскій выразилъ Н. И. Пирогову готовность принять на свой счетъ содержаніе двухъ недостаточныхъ студентовъ университета Св. Владиміра: одного изъ христіанъ, а другого изъ евреевъ—въ теченіе пяти лѣтъ, выдавая на каждаго по 200 рублей въ годъ.

Письмо произвело фуроръ. Изъ разныхъ слоевъ одесскаго общества, отъ евреевъ, русскихъ и иностранцевъ, посыпались къ Пирогову пожертвованія на помощь недостаточнымъ студентамъ съ обязательною отмѣткою: «безъ различія вѣроисповѣданія».

Трудно, вообще, было подняться въ Одессѣ вопросу о какой-бы то ни было розни въ 1861 году, въ томъ году, въ которомъ 16-го марта былъ торжественно прочитанъ въ соборѣ великій манифестъ 19 февраля и Положеніе о крестьянахъ!

16-го марта 1861 года, послѣ служенія въ Соборѣ, Семенъ Степановичъ Яхненко, бывшій еще тогда городскимъ головою, собралъ у себя вечеромъ, въ домѣ на Херсонской, небольшое общество добрыхъ знакомыхъ. Содержаніе Манифеста было извѣстно Одессѣ уже давно, но Яхненко хотѣлъ прочитать его еще разъ у себя на дому вслухъ, въ кругу друзей, чтобы вновь подѣлиться съ ними мыслями о происшедшемъ великомъ событіи.

Въ залахъ готическаго дома, освѣщенныхъ тяжелыми хрустальными люстрами со стеариновыми свѣчами, на ярко навощенныхъ паркетахъ собрались лучшіе люди тогдашней Одессы.

Но Богъ ты мой, какое разнообразное общество! Около старушки хохлушки, матери Семена Степановича Дарьи Нестеровны—ея дочь Дарья Степановна со своимъ мужемъ Иваномъ Петровичемъ Драго и, въ хлопотахъ по хозяйству, жена Семена Степановича—нѣмочка Луиза Ивановна, дочь доктора Флокена.

Въ гостинныхъ много гостей. Центромъ вниманія служитъ Александръ Ивановичъ Пальмъ, отставной маіоръ, большой любитель драматическаго искусства, отличный актеръ. Это тотъ Пальмъ, который впослѣдствіи

сталъ извѣстнымъ драматургомъ, авторъ комедій «Старый баринъ», «Нашъ другъ Неклюжевъ» и др. Здѣсь, въ Одессѣ, онъ еще носилъ ореолъ Петрашевца,—Петрашевца, отсидѣвшаго въ крѣпости около 8 мѣсяцевъ, хотя въ обвинительномъ актѣ было отмѣчено, что въ литературныхъ произведеніяхъ Пальма (сороковыхъ годовъ) чувствовалась «сильная любовь къ Россіи».

Пальмъ разговариваетъ съ Абазою. Оба выступали въ сгорѣвшемъ театрѣ въ любительскихъ спектакляхъ. Абаза такъ любилъ театръ, что построилъ сцену въ собственномъ домѣ въ Одессѣ, гдѣ нынѣ IV гимназія. На ней выступали Греве, Донаурова, Анастопуло и др..

Но вотъ профессоръ Ришельевскаго лицея Александръ Михайловичъ Богдановскій, редакторъ, вмѣстѣ съ Георгіевскимъ, «Одесскаго Вѣстника». Здѣсь-же Робертъ Васильевичъ Орбинскій, назначенный потомъ директоромъ открывшагося въ 1862 году одесскаго коммерческаго училища. Богдановскій и Орбинскій были ближайшими друзьями Яхненко и много содѣйствовали ему въ его общественныхъ начинаніяхъ.

Помнитъ-ли еще кто-либо удивительную личность Богдановскаго? Добрякъ, исполненный самой искренней любви къ людямъ, написавшій прекрасную книгу «о малолѣтнихъ преступникахъ» и самъ отдавшій значительную долю своей частной жизни на уходъ за своимъ калѣкой-сыномъ. Кто не видѣлъ его гуляющимъ подъ руку съ этимъ несчастнымъ?

А вотъ и Николай Ивановичъ Савичъ, участникъ составленія записки о реформѣ одесской думы, и въ возникшемъ тогда въ ученомъ мірѣ спорѣ о преимуществахъ классическаго и реальнаго образованія выступавшій въ защиту реализма. Тутъ-же съ нимъ Ягницкій, Иванъ Тимофеевичъ, участникъ фирмы «Яхненко и Симиренко», завѣщавшій впослѣдствіи все свое состояніе Новороссій-

скому университету. Здѣсь, конечно, и Абрамъ Марковичъ Бродскій, и Ефрусси, и русскіе купцы Авчинниковъ, Черепенниковъ, Валиховъ, Посоховъ, Андросовъ, Теутулъ и другіе.

Самъ хозяинъ бесѣдуетъ со своимъ будущимъ замѣстителемъ по званію городского головы Алексѣемъ Николаевичемъ Пашковымъ и Николаемъ Александровичемъ Новосельскимъ. Они намѣчаютъ программу широкой дѣятельности одесскаго городского самоуправленія.

Но не былъ забытъ въ этотъ вечеръ и эстетическій элементъ. С. С. Яхненко, малороссъ, страстно любилъ серьезную нѣмецкую классическую музыку и былъ учредителемъ въ Одессѣ перваго филармоническаго общества. Здѣсь-же его товарищи по обществу графъ Алопеусъ, швейцарскій консулъ Фридрихъ Тритенъ, Карлъ Стифель и піанистъ Тедеско. Тутъ-же Кальбицъ.*

Филармоническое общество устраивало концерты, на которыхъ исполнялась музыка (квартеты, хоры, сольные номера) исключительно классическаго характера: Гайднъ, Гендель, Гуммель, Бетховенъ, Мендельсонъ. Традиціи филармоническаго общества сохранились еще до сихъ поръ въ нѣкоторыхъ нѣмецкихъ домахъ (Шульце и др.).

Пѣли любители, но въ старыхъ классическихъ произведеніяхъ любители всегда поютъ лучше, нежели заправскіе исполнители.

У Яхненко въ этотъ вечеръ былъ исполненъ маленькій квартетъ, прослушанный всѣми, какъ умѣли слушать только въ старину. И не успѣли стихнуть послѣдніе звуки Моцартовскаго allegro, какъ Семенъ Степановичъ зычнымъ голосомъ провозгласилъ: а теперь, господа, еще разъ великій Манифестъ!

Взялся прочесть его А. М. Богдановскій (онъ былъ прекрасный чтецъ и ораторъ) и затѣмъ, перейдя къ

главнѣйшимъ статьямъ Положенія о крестьянахъ, сталъ разъяснять ихъ содержаніе и значеніе.

Какое-то особое чувство умиленія охватило всѣхъ. Отецъ мой, слушавшій это чтеніе, говорилъ, что у всѣхъ были слезы на глазахъ.

А потомъ подали ужинъ. Были на столѣ и малороссійская запеканка собственнаго издѣлія Дарьи Нестеровны и дорогія французскія вина. И говорилось много рѣчей. Но тонъ ихъ былъ серьезный.

Хрустальный дворецъ.

Вы хотите Рождественскій разсказъ? — Извольте. Я вамъ разскажу истинное происшествіе, свидѣтельствующее, что въ Одессѣ, въ старину, въ рождественскіе дни люди становились въ самомъ дѣлѣ болѣе добрыми.

Обратили-ли вы когда-нибудь вниманіе, гуляя по Дерибасовской въ часъ заката, на домъ, висящій надъ обрывомъ по ту сторону Польскаго спуска?—Трехъ-этажный, съ застекленными снизу до верха галлереями, онъ отражаетъ въ своихъ многочисленныхъ окнахъ золотисто-пурпурные лучи заходящаго солнца.—Феерическая картина! А было время, когда этотъ домъ назывался «Хрустальнымъ дворцомъ» въ насмѣшку. Въ насмѣшку—потому, что галлереи его были хотя такія-же, какъ и нынѣ, съ тѣми-же окнами, но въ нихъ не было ни одного цѣлаго стекла.

Заброшенный хозяиномъ (кажется, Илькевичемъ), домъ оставался на попеченіи старика-дворника, дававшаго въ немъ пріютъ многочисленнымъ бѣднякамъ, съ которыхъ взималъ гроши. Безъ поправокъ, безъ ремонта, жестоко обвѣтриваемый съ моря, ветхій, дряблый, домъ еле держался на обрывѣ и въ дни бури трясся всѣмъ существомъ своимъ, какъ въ лихорадкѣ.

Дома имѣютъ свою органическую жизнь. Этотъ домъ, чувствуя себя покинутымъ, пересталъ сопротивляться непогодѣ и времени и, какъ нѣкоторые утомившіеся жизнью старики, терпѣливо ждалъ своей кончины.

Выходившія во дворъ стеклянныя галлереи представляли удобнѣйшую мишень для мальчишекъ; очень скоро всѣ до единаго окна въ домѣ были выбиты. Голуби, воробьи, пользуясь случаемъ, забирались въ разбитыя окна и устраивались на галлереѣ, какъ у себя дома. Случалось, что залетали сюда какія-то странныя птицы, не то альбатросы, не то бакланы, что возбуждало въ населеніи дома оживленные разговоры, исполненные страха и суевѣрія. Лишенныя защиты отъ морского вѣтра, двери дома скрипѣли, хлопали и пропускали въ квартиры зловѣщіе сквозняки. Трудно было бѣднякамъ подниматься по шатавшимся лѣстницамъ. Только кошки, свои и бродячія, чувствовали себѣ здѣсь прекрасно. Всѣ галлереи были пропитаны ихъ специфическимъ ѣдкимъ запахомъ. За то изъ комнатъ открывался великолѣпный видъ на море. Вдыхая морской воздухъ, жители дома обновляли скудные запасы здоровья въ своихъ многострадальныхъ легкихъ.

Нынче домъ этотъ ремонтированъ. Въ немъ живутъ зажиточные люди, а прежде въ Хрустальномъ дворцѣ ютилась одна бѣднота: отставные, безъ пенсіи, моряки, портовые рабочіе, проститутки, подозрительные субъекты, мелкіе контрабандисты, швейки, поэты, студенты, идейная, но голодная молодежь, учителя безъ уроковъ и журналисты безъ газеты.

Старикъ-дворникъ не настаивалъ на срокахъ платежей; квартиранты могли жить спокойно, по нѣсколько мѣсяцевъ, не опасаясь принудительнаго выселенія. Это представляло такое большое удобство для нихъ, что, однажды, они рѣшились остаться въ домѣ, даже съ опасностью для жизни.

Дѣло въ томъ, что Хрустальный дворецъ далъ однажды трещину. Пришли архитектора, осмотрѣли, понюхали, пощупали домъ и признали его безнадежно больнымъ, т. е. совершенно не годнымъ для жилья. Съ часу

на часъ можно было ожидать его крушенья. Явилась полиція и пошла по всѣмъ квартирамъ объявить жильцамъ о необходимости немедленно выселиться изъ дворца.

Была зима, дѣти пищали; въ комнатахъ, хотя и со сквозняками, было теплѣе и уютнѣе, чѣмъ на улицѣ. Квартирохозяевъ, не требующихъ платы, не только впередъ, но и за прожитое время, также трудно было отыскать въ прежней Одессѣ, какъ и нынѣ. Жильцы пришли въ уныніе. Но ихъ вывелъ изъ затрудненія Мошка ростовщикъ.—Этотъ Мошка давалъ всѣмъ квартирантамъ деньги взаймы, по одному рублю, по два, безъ всякой росписки и никогда не требовалъ денегъ обратно. Вмѣсто денегъ, онъ бралъ то, что сами жильцы ему давали: подушку, старый комодъ, контрабанду—сигары или коньякъ съ заграничнаго парохода, юбку, кофту, швейную машину. Словомъ, онъ никого не душилъ, не грабилъ, а только помогалъ всѣмъ, и всѣ искренно считали его своимъ благодѣтелемъ.—Мошка собралъ жильцовъ въ своей сравнительно просторной комнатѣ (напоминавшей по обилію всякаго хлама антикварную лавку) и когда тѣ стали плакать, жалуясь на свое несчастье, онъ закричалъ на нихъ: ша! ничего не будетъ; и вы никуда не уйдете. И нашъ домъ никуда не провалится. Чтобъ я столько жилъ, сколько этотъ домъ будетъ стоять на этомъ самомъ мѣстѣ!

И тутъ-же Мошка разъяснилъ удивленнымъ жильцамъ свой планъ дѣйствій: вмѣсто выселенія, надо было просто собрать нѣсколько рублей и послать ихъ «куда слѣдуетъ». Но такъ какъ у васъ наличныхъ денегъ нѣтъ, добавилъ Мошка, то сколько надо пошлю я, а вы—кто захочетъ остаться въ домѣ, будете мнѣ должны по полтинику съ человѣка и отдадите ихъ мнѣ, когда кто сможетъ. Согласны?».

Взрывъ общаго восторга былъ отвѣтомъ на эту рѣчь. Женщины и дѣти плакали. Мужчины бросились цѣловать

благодѣтеля. Всѣ единогласно рѣшили не покидать своихъ жилищъ.

Послалъ-ли Мошка деньги, кому и сколько—неизвѣстно, но Хрустальный дворецъ не провалился.

Происходило это зимою не то 1874, не то 1875 года. Идейная молодежь называлась въ тѣ времена «нигилистами» и была настроена революціонно. Подготовлялось подпольно то движеніе, которое вызвало политическія событія семидесятыхъ годовъ. Въ домѣ Илькевича, въ благопріятной обстановкѣ холода и голода, въ конурѣ одного учителя безъ уроковъ была устроена «конспиративная квартира.

Но сюда собирались молодые люди не для выработки плана какихъ-либо дѣйствій (это было потомъ), а для обмѣна мыслей по поводу текущихъ событій. Настроеніе царило нигилистическое. Масса прочитанныхъ въ городской публичной библіотекѣ популярныхъ книгъ давала тему для самыхъ запутанныхъ разговоровъ. Тутъ переплетались Чернышевскій съ Дарвинымъ, Писаревъ со Спенсеромъ, Добролюбовъ съ Мальтусомъ,—разбирались соціальные вопросы на основаніи романовъ Шпильгагена и Михайлова. Говорили горячо, спорили до бѣлаго утра.

Сюда приходили длинноволосые нигилисты и коротко остриженныя нигилистки, братья Баламезы, поэтъ Панфиловъ, учитель Куртѣевъ, Гріельскій, каррикатуристъ Дебрюксъ, извѣстная впослѣдствіи Гуковская, заходилъ и Семенъ Титычъ Герцо-Виноградскій (Баронъ Иксъ). Споры о политикѣ чередовались съ восторгами о лекціяхъ Сѣченова и Мечникова. Изрѣдка говорилось о чудной русской оперѣ въ близкомъ къ дому Илькевича театрѣ Эрмитажъ.

А вокругъ «конспиративной» квартиры шла жизнь во всю. Стѣнки комнаты были тонкія. У сосѣдей раздавались пьяные голоса, звуки гармоники, визгъ дѣтей. Настоящихъ печей во дворцѣ не было. Ихъ замѣняли какіе-то опрокинутые верхъ дномъ котелки, отъ которыхъ тянулись длинныя желѣзныя трубы. Лучшимъ согрѣвателемъ бѣдноты былъ, однако, самоваръ.

И вотъ—это произошло какъ разъ на Рождество. Въ Хрустальномъ дворцѣ, въ комнатѣ учителя, собралась молодежь. По случаю праздника разговоръ перешелъ сразу на религіозныя темы и «нигилисты» стали одинъ передъ другимъ щеголять своимъ безвѣріемъ. Посыпались общія фразы о пережиткахъ первобытныхъ временъ, о необходимости обновленія жизни на почвѣ разума и утилитаризма. Сочельникъ порѣшено было игнорировать и провести его нарочито въ чтеніи какой-нибудь злободневной научной или публицистической статьи. Нашлась у кого-то послѣдняя книжка «Отечественныхъ Записокъ».

Панфиловъ началъ читать статью не то Михайловскаго, не то Щедрина, какъ вдругъ чтеніе было прервано сильнымъ крикомъ, раздавшимся въ домѣ, гдѣ-то въ далекой квартирѣ. Всѣ прислушались. Крикъ, сопровождаемый стонами, повторился. То былъ крикъ женщины. Всѣ жильцы дворца переполошились. Поднялась суета, бѣготня по лѣстницамъ.

Всѣмъ пришло въ голову, что произошла драма, что кто-то кого-то убиваетъ.

Вотъ тебѣ и Рождество!—воскликнулъ кто-то.

Бросилась по направленію крика и «конспиративная молодежь.

Уже наступили сумерки. Зіяющая разбитыми окнами галлерея Хрустальнаго дворца открывала ширь потемнѣвшаго неба, на которомъ стали появляться звѣзды.

Бѣжавшій со всѣхъ ногъ Куртѣевъ крикнулъ на ходу: Вотъ, господа, и рождественская звѣзда»!.

Крики раздавались изъ комнаты одинокой дѣвушки Сони. Она давно была больна и въ послѣднюю недѣлю не выходила на свой вечерній промыселъ.

— Батюшки! Да она рожаетъ!—Скорѣй за бабкою!—

У Сони не было ни родныхъ, ни друзей. Жильцы суетились, кричали, но никакой помощи не оказывали. Пришлось взяться за дѣло молодежи. Куртѣевъ оказался немножко медикомъ. Одна нигилистка прослушала лекціи по эмбріологіи Мечникова. Нашлись тряпки, корыто, вода. Что тамъ дѣлали «нигилисты», какъ справлялись они со своей неожиданной задачей—Богъ ихъ знаетъ! но крики и стоны вскорѣ стихли и вмѣсто нихъ раздался пискъ родившагося ребенка.

Измученные, въ поту, но довольные сознаніемъ исполненнаго долга человѣколюбія, возвратились молодые люди въ свою «конспиративную» квартиру. Странное совпаденіе этого рожденія въ день Сочельника взволновало ихъ душу. Что-то хорошее, новое, религіозное пробудилось въ нихъ. Разговоръ не клеился. Предложеніе продолжать чтеніе статьи было встрѣчено молчаніемъ.

— Посмотрите, господа, какой отсюда прекрасный видъ!—сказалъ Куртѣевъ. Всѣ бросились къ галлереѣ Хрустальнаго дворца, откуда, дѣйствительно, открывался очаровательный видъ на дальнія улицы Одессы. Голубая тьма сгущалась все больше. Рождественская звѣзда становилась все ярче. Во многихъ домахъ загорѣлись елочные огни.

Винные погреба.

Погребъ Корэ.— Пѣсни Беранже.— Сирьякъ.— Cantini con diversi vini. — Гарибальдійцы. — Кароссо. — Покинтеста. — Пиротехникъ Роджеро. — Ланжеронъ.

Было время, когда въ Одессѣ знали, любили и пѣли пѣсни Беранже.—Не только по русски, но и по французски.

Проходя по Дерибасовской вечеромъ мимо дома Черепенникова, можно было услышать раздававшiеся снизу, изъ французскаго погреба шабскихъ винъ Корэ, звучные, мужественные голоса, стройнымъ хоромъ исполнявшіе застольныя пѣсни французскаго народнаго поэта.

Запѣвалой былъ самъ Корэ, обладавшій чуднымъ и, какъ выражаются французы, горячимъ голосомъ—баритономъ; а подхватывали припѣвъ завсегдатаи погреба Сирьякъ, Алларъ, Каретъ, Рено и другіе.

Вино было хорошее, неподдѣльное, дешевое. И пѣсни разливались въ погребѣ такъ же свободно и задушевно, какъ лилось вино.

Винный запахъ прохладнаго погреба. Шумъ улицы гдѣ-то вдали на верху. А здѣсь тишина... и душа на распашку.

Пѣли французы про добряка короля Ивто, ложившагося рано, встававшаго поздно и отлично спавшаго безъ славы. И хоромъ хохотали:

Quel bon petit roi c'était là!

Пѣли они про дѣвушку-игрунью—Frétillon—подругу бѣдняка-поэта, у которой была одна лишь «юбка за душой».

Пѣли про «маленькаго капрала», про братство народовъ и про Лизетту, и про старый, потертый сюртукъ и про Бога бѣдныхъ людей

Про того Бога, который, увидѣвъ черезъ окно неба, какъ люди ведутъ на землѣ войны другъ противъ друга, призывая Бога каждый на свою сторону, восклицалъ:

Si jamais j'ai conduit une cohorte
Je veux que le diable m'emporte!

Пѣли они про «пьяненькаго человѣчка» — le petit bonhomme gris,—пѣснь о которомъ такъ чудно перевелъ Курочкинъ:

Какъ яблочко румянъ,
Одѣтъ весьма безпечно,
Не то, чтобъ очень пьянъ,
Но веселъ безконечно.

Пѣли французы про черныхъ вороновъ-іезуитовъ и про политическихъ провокаторовъ—«c'est un agent provocateur»—и про того мужа, восхищеннаго ухаживаньями сенатора за его женою, который, низко кланяясь передъ сенаторомъ, безконечное число разъ повторялъ:

Ah, monsieur le sénateur,
Je suis votre humble serviteur.

Одинъ изъ лучшихъ русскихъ актеровъ добраго стараго времени И. П. Киселевскій, симпатичный и неподдѣльно-умный чтецъ, какихъ теперь уже нѣтъ, съ неподражаемымъ комизмомъ читалъ это стихотвореніе порусски, въ переводѣ Курочкина, и слушатели испытывали чувство столь-же искренняго отвращенія, какъ и жалости къ приниженному чиновнику—герою пѣсенки—когда онъ подобострастно восклицалъ:

Вѣдь, я червякъ въ сравненьи съ нимъ,
Съ его сіятельствомъ самимъ!

Пѣли французы въ погребѣ Корэ и про преслѣдуемыхъ жандармеріей бѣднягъ браконьеровъ, и про рыжую Жанну, убившую сборщика податей—и въ этихъ пѣсняхъ голоса пѣвцовъ становились грозными.

Было тогда время еще близкое къ тому періоду негодованія, которое было вызвано во французскихъ республиканцахъ измѣническимъ переворотомъ Наполеона III. И были среди завсегдатаевъ погреба Корэ многіе завзятые приверженцы идей Прудона, Луи Блана и Распайля.

Кстати сказать, долгое время въ Одессѣ были въ модѣ не только идеи Распайля, но и его знаменитая вода и, вообще, его способъ леченья. Почти во всѣхъ домахъ пахло камфорой.

Наиболѣе пылкимъ республиканцемъ-соціалистомъ считался въ Одессѣ французъ—сапожникъ Луи Сирьякъ. Онъ всегда выражался такъ рѣзко и зажигательно, что всѣ остальные французы боялись его.

Даже когда, подъ легкимъ хмелемъ, Корэ, послѣ пѣсенъ Беранже, затягивалъ вдругъ своимъ звучнымъ голосомъ знаменитую пѣсню виноградарей — «le chant des vignerons», Сирьякъ умудрялся вплетать въ безобидные звуки хороваго пѣнія раскаты своего хриплаго, негодующаго на Наполеона и одесскую буржуазію, голоса.

Расходились изъ погреба поздно. Гасились сальные огарки. Одинъ за другимъ поднимались по крутой лѣстницѣ пѣвцы и политиканы, держась за веревочные перила и слегка шатаясь. Всѣ шли вмѣстѣ, отрезвляясь воздухомъ ночи. Лишь Сирьякъ шелъ, отставъ отъ товарищей, одинъ и сердито отплевывался.

Еще экспансивнѣе и пѣвучѣе были итальянцы въ своихъ винныхъ погребахъ—Cantina con diversi vini—на Греческой улицѣ.

Итальянцы гораздо музыкальнѣе французовъ, но они любятъ пѣть въ одиночку, а не хоромъ. Вслѣдствіе этого, въ ихъ погребахъ было хотя шумно и крикливо, но далеко не гармонично. Впрочемъ, жестоко было-бы требовать отъ итальянскихъ завсегдатаевъ виннаго погребка стройнаго пѣнія. Вѣдь, это были большею частью хористы итальянской оперы, только что сошедшіе съ подмостковъ «сгорѣвшаго» театра — усталые, измученные, пришедшіе сюда промочить свои черезчуръ усердно накричавшіяся глотки.

Кромѣ того, итальянцы того времени также сильно увлекались политикою, какъ и французы, но по другимъ политическимъ соображеніямъ. Они увлекались тогда подвигами Гарибальди—и не было погреба, и не было ночи, гдѣ и когда не находился-бы среди итальянцевъ какой-нибудь отставной соратникъ знаменитаго генерала. Раздавались патріотическія пѣсни, разсказывались кровавыя событія...

Въ тѣ времена свободно ходили по улицамъ Одессы итальянскіе шарманщики. Дворы одесскихъ домовъ были гораздо гостепріимнѣе, а дворники гораздо музыкальнѣе нынѣшнихъ. Едва появлялись въ Одессѣ первые весенніе лучи—вмѣстѣ съ ними врывались въ окна домовъ звуки арій Верди, Беллини, Россини и Доницетти.

Шарманщики сопровождали музыку своими собственными козлинаго оттѣнка голосами и производили фуроръ воинственнымъ гимномъ: Eviva Garibaldi!.

Пробродивъ цѣлыя сутки по дворамъ Одессы, шарманщикъ приходилъ къ вечеру отдыхать въ винномъ погребѣ, гдѣ пропивалъ собранные за день мѣдяки. Здѣсь-же, обыкновенно, онъ и ночевалъ на столѣ или поуютнѣе въ одной изъ минъ погреба, рядомъ съ душистою бочкою кисленькаго аккерманскаго вина.

Завсегдатаемъ итальянскихъ погребовъ былъ, между прочимъ, извѣстный въ свое время въ Одессѣ уличный астрономъ Кароссо, показывавшій публикѣ съ Воронцовской площадки бульвара въ плохую подзорную трубу то Венеру, то Сатурна, то луну. Не столько интересовали окружавшую его публику небесныя свѣтила, сколько личность астронома. Маленькій, сморщенный, въ изломанномъ котелкѣ, который часто замѣнялъ ему подушку, безобразный, но восторженный, онъ такъ невѣжественно, но увлекательно, говорилъ о свѣтилахъ, которыя виднѣлись не черезъ его трубку, а въ его воображеніи, что публика и дѣти, ничего не видавшія на небѣ черезъ его телескопъ, кромѣ черныхъ пятенъ, нисколько не были въ претензіи на бѣдняка.

Я близко зналъ Кароссо. Онъ часто приходилъ къ намъ. Мой отецъ любилъ угощать его итальянскими макаронами съ пармезаномъ и послѣ обѣда вспоминать съ нимъ старыя россиніевскія оперы. У Кароссо былъ прескверный голосъ, но феноменальная память; подъ аккомпаниментъ отца онъ распѣвалъ всѣ оперы и всѣ ихъ партіи, нисколько не смущаясь тѣмъ, что въ одномъ случаѣ ему приходилось изображать примадонну, а въ другомъ—цѣлый хоръ съ теноромъ во главѣ.

Маленькій, размахивающій руками, онъ производилъ уморительное впечатлѣніе.

Бѣдный Кароссо! Я передъ нимъ глубоко виноватъ.

Въ одномъ изъ моихъ разсказовъ въ газетѣ «Правда», я описалъ Кароссо, назвавъ его шарлатаномъ. Слово шарлатанъ итальянское, происходящее отъ «ciarlare, ciarlatano» носить, переносчикъ. Такъ назывались бродячіе комедіанты, носившіе на спинѣ свой кукольный театръ. Но по-русски слово «шарлатанъ» звучало грубо и многіе знавшіе Кароссо, какъ прекрасной души человѣка, обидѣлись за него.

Еще хуже я поступилъ, выдумавъ въ концѣ разсказа, что Кароссо, всю свою жизнь увлекавшійся грандіозными планами для облагодѣтельствованія человѣчества, покончилъ будто-бы свою жизнь самоубійствомъ, разочаровавшись въ какой-то красавицѣ, въ которую онъ, по волѣ моей выдумки, влюбился.

Вѣсть о самоубійствѣ Кароссо разнеслась по всему городу и по всѣмъ погребкамъ. Встревожилась вся итальянская колонія и въ редакцію «Правды» посыпались вопросы о томъ, гдѣ, когда Кароссо покончилъ съ собою.

Пришлось написать опроверженіе.

Пришелъ въ редакцію самъ Кароссо въ своемъ неизмѣнно помятомъ котелкѣ, со связкою проволочныхъ загадокъ въ рукахъ, и, не выразивъ ни малѣйшей обиды за преждевременное отправленіе его на тотъ свѣтъ, обратилъ только мое вниманіе на то, что если-бы ему было суждено наложить на себя руки, то сдѣлалъ-бы онъ это изъ-за болѣе серьзнаго повода, нежели изъ-за женщины.

Кароссо не былъ человѣкомъ образованнымъ. А между тѣмъ онъ увлекался философіей, въ особенности философіей нравственности. Онъ постоянно носилъ съ собою въ карманѣ засаленную книжку мыслей императора Марка-Аврелія. Въ ней онъ черпалъ свое спокойствіе духа и стоическое отношеніе ко всякимъ преслѣдовавшимъ его житейскимъ невзгодамъ.

Онъ женился здѣсь въ Одессѣ на русской; у него была отъ нея дочь, подвизавшаяся въ малолѣтствѣ въ какомъ-то циркѣ. Онъ очень любилъ свою семью, а все-же его мечтою было возвратиться когда-нибудь въ Италію богатымъ и по пути остановиться въ томъ городкѣ въ Германіи, въ которомъ онъ, когда шелъ пѣшкомъ изъ Италіи съ шарманкою на спинѣ, похоронилъ свою первую спутницу, не выдержавшую трудностей и лишеній бродячей жизни.

Кароссо былъ такимъ любящимъ, такимъ безобиднымъ и такимъ жизнерадостнымъ, что заслуживалъ не воображаемаго, а дѣйствительнаго счастья.

Увы! — Перебиваясь изъ-за куска хлѣба, разочаровавшись во всѣхъ своихъ увлеченіяхъ, онъ сталъ постепенно сходить съ ума—и, въ бѣдной комнаткѣ Когановскихъ учрежденій, умеръ ужасною смертью—въ припадкѣ буйнаго помѣшательства.

Другимъ завсегдатаемъ всѣхъ, поочередно, итальянскихъ винныхъ погребковъ былъ чудный музыкантъ на мандолинѣ — лысый старичокъ, пьяненькій, придурковатый и за эту придурковатость прозванный итальянцами Pochintesta (мало въ головѣ). Съ его приходомъ погребъ оживлялся пѣніемъ и танцами и вино лилось веселѣе.

Наиболѣе популярнымъ погребомъ въ Одессѣ считался принадлежавшій итальянцу Піемонта Тадеи. Еще въ недавнее время, погребъ этотъ находился въ домѣ, гдѣ Парижская гостинница. Сюда собирались артисты, хористы и музыканты городского театра.

Въ числѣ интересныхъ типовъ итальянцевъ доброй старой Одессы, надо отмѣтить незабвеннаго пиротехника Роджеро.

Черно-багровый съ воспаленными отъ постоянной близости къ огню глазами, съ выгорѣвшими отъ преждевременныхъ фейерверочныхъ взрывовъ бородою и бровями, съ руками, черными отъ несмываемаго пороха, Роджеро былъ на столько преданъ душею и тѣломъ своему пиротехническому дѣлу, что ради него отрекся отъ всѣхъ благъ земныхъ.

Въ деревянномъ сараѣ на Ланжеронѣ онъ весь день копошился съ разными фейерверочными препаратами, готовя къ вечеру грандіозные сюрпризы собравшейся на дачу публикѣ.

Боже! Какъ былъ прекрасенъ въ тѣ давніе дни нашъ приморскій Ланжеронъ!

Ресторанъ у самаго берега, свѣжее масло, живая рыба. Масса народу. Дѣтишки. Состязаніе въ «рикошетахъ» по гладкой поверхности воды. Шлюбка за шлюбкою, катанье на морѣ. А вечеромъ грандіозная иллюминація изъ плошекъ на берегу и арбузныхъ корокъ со свѣчами внутри на морѣ.

Вотъ въ эти-то дни и проявлялъ Роджеро весь свой пиротехническій геній. Къ десяти часамъ вечера, когда поздняя лѣтняя ночь, наконецъ, наступала, вдругъ раздавалось шипѣніе, трескъ и выстрѣлъ высоко взвившейся ракеты, разсыпавшейся съ неба звѣздами или огненными змѣйками. И затѣмъ одна за другою взвивались и разсыпались еще и еще все новыя затѣйливыя ракеты, перекрещиваясь на небѣ и обдавая другъ дружку огненнымъ дождемъ.

Луна и звѣзды небесныя изумлялись при видѣ этого волшебнаго зрѣлища.

Но главный эффектъ былъ впереди. — Приходили вдругъ въ движеніе и изрыгали цѣлые потоки пламени сдѣланныя изъ картонныхъ трубокъ колеса и мельничныя крылья, зажигались и неистово вертѣлись то въ одну, то въ другую сторону дамскіе капризы, разлетались молніеносными зигзагами искры электрической почты, взвивались и пахкали въ воздухѣ римскія свѣчи и понемногу весь небосклонъ Ланжерона заливался такимъ адомъ пламени, что зарево его распространялось далеко въ центральныя части Одессы и даже на окраины.—Трескъ, выстрѣлы, залпы ракетъ—и финальный, сопровождаемый пушечнымъ выстрѣломъ, тысячеогненный, съ милліонами разноцвѣтныхъ звѣздъ великолѣпный изъ великолѣпныхъ фейерверочный буракъ!

Этимъ заканчивался праздникъ Ланжерона. Красный, вспотѣвшій, измученный, но восторженно настроенный, какъ побѣдитель послѣ кроваваго сраженія, выходилъ откуда-то изъ внезапно наступившей тьмы Роджеро и скромно кланялся расходящейся публикѣ, награждавшей его долго не смолкавшимъ громомъ рукоплесканій.

Послѣ смерти Роджеро-отца, устраивалъ фейерверки на Ланжеронѣ Рождеро-сынъ. Но это было уже не то. Не чувствовалось прежняго увлеченія.

Были еще другіе любопытные типы итальянцевъ въ старыхъ одесскихъ погребкахъ...

Дешевое вино, дешевый сыръ — привлекали сюда усталыхъ, измученныхъ вечернею службою артистовъ и, главнымъ образомъ, музыкантовъ.

Нѣкоторые, подъ звуки чоканья стакановъ и подъ шумъ горячихъ политическихъ споровъ, играли въ Морру—игру, любопытную тѣмъ, что она основывалась на одновременномъ показываніи другъ другу кулаковъ съ выдвинутыми пальцами. Надо было напередъ угадать, сколько выйдетъ пальцевъ въ общемъ счетѣ.

Но вотъ Тадеи объявлялъ, что пора закрывать погребъ—и отдохнувшіе труженики шумно вставали, но нехотя расходились по домамъ.

Гастрономія въ прошломъ.

Апельсины, рожки, погреба на Греческой.—Итальянская колбасня Маріани. — Помидоры. — Итальянскія блюда. — Прежніе базары. — [illegible] переулокъ. — Греческое казино. — Рестораторы Отонъ, Карретъ, Паскаль. — Русская кухня. — Поминальные дни.

О, чудный запахъ апельсинъ!—Цвѣты и фрукты имѣютъ то преимущество передъ прочими, подверженными смерти, созданіями природы, что они, увядая, не лишаются своего специфическаго аромата. Но этотъ ароматъ становится какимъ-то грустнымъ... Вспомните запахъ увядшей розы или фіалки.

Таковъ и запахъ сорваннаго апельсина. Въ немъ есть что-то глубоко значительное, напоминающее не то о тлѣнѣ, не то о безсмертіи всего прекраснаго, всего душистаго на землѣ.

Проходя по Греческой, мимо открытыхъ погребовъ подъ колоніальными магазинами, вы не могли не слышать захватывающій запахъ этихъ дивныхъ, сочныхъ, солнечныхъ плодовъ, привезенныхъ сюда изъ благословеннаго юга!.. Изъ Барцелоны, Мессины, Кипра, Хіоса, Яффы и Смирны.

Десятки, сотни кораблей, переполненные тысячами ящиковъ апельсинъ, несутся вмѣстѣ съ ароматнымъ вѣтромъ въ нашъ портъ. Сотни людей выгружаютъ нѣжные апельсины на берегъ, складываютъ ихъ на громоздкіе биндюги, свозятъ къ оптовымъ торговцамъ на Греческую улицу и опускаютъ ящикъ за ящикомъ въ глубокіе погреба.

А въ тѣхъ погребахъ темно, сыро и жутко.

Есть дни, когда вся Греческая улица благоухаетъ апельсинами. Но это не запахъ свѣже-сорваннаго съ дерева золотистаго плода. Въ Испаніи, въ Италіи, на островахъ Греціи, въ Смирнѣ, въ Батумѣ, въ Сухумѣ апельсины сохраняютъ живой ароматъ оранжеваго цвѣтка. Здѣсь-же, въ Одессѣ, въ сырыхъ подземельяхъ, ихъ запахъ какой-то грустный, какъ будто-бы прощальный...

Будто апельсины вздыхаютъ по далекому солнцу.

Въ былыя времена, на Греческой улицѣ, могъ поспорить съ запахомъ апельсинъ одинъ лишь запахъ сахарныхъ рожковъ. Длинные, извилистые, какъ гигантскіе стручки акаціи, жирные, вкусные, полные кристаллизовавшагося сахарнаго сока, рожки — въ большихъ мѣшкахъ, или разсыпанные въ высокія груды на полу магазиновъ, привлекали обоняніе одесситовъ своимъ специфически-восточнымъ ароматомъ.

Мы, дѣти, поѣдали эти рожки десятками, такъ, сырыми, и поджаренными на первой попавшейся лучинкѣ. И часто, вмѣстѣ съ сахарнымъ мясомъ рожка, попадала намъ въ ротъ образовавшаяся въ немъ отъ старости труха. Но это нисколько, конечно, не останавливало нашего прожорства.

Греческая улица имѣетъ и теперь свой особенный запахъ. Пахнетъ на ней и финиками, и орѣхами, и рожками, и апельсинами, и всякими колоніальными специями. И тянетъ изъ ея погребовъ душистымъ воздухомъ старой Одессы.

Прибавьте къ этому ароматъ акацій и вѣчно новый соленый запахъ моря и... и вы помолодѣете на нѣсколько десятковъ лѣтъ.

Кто еще помнитъ колбасный магазинъ итальянца Джiузеппе Марiани на той-же Греческой, между Екатерининской и Ришельевской? — Неподалеку отъ него была колбасная его брата — Джiоакимо, но кто-же могъ сравниться съ Джiузеппе?

Копченная ветчина (presciuto), болонская колбаса, миланская, мортадели привозились въ Одессу непосредственно изъ Италiи. А всѣ другiе сорта колбасъ дѣлалъ самъ, собственноручно, Джiузеппе Марiани. И какiя это были дивныя, гастрономическiя издѣлiя!..

Такого обилiя окороковъ, какъ нынѣ, въ старой Одессѣ не было. Часто можно было, придя къ Марiани, не найдти у него того или другого сорта ветчины или колбасъ. На вопросъ о причинѣ, Марiани—красивый старикъ, съ сѣдою, остроконечною, итальянскою бородою—добродушно отвѣчалъ, что онъ вчера игралъ за городомъ въ бочча (шары). Но зато, то, что въ магазинѣ находилось, было всегда свѣжо и хорошо.

У него-же продавались настоящiе итальянскiе макароны, сицилiйскiе сушенные каштаны, ни съ чѣмъ, по вкусности, не сравнимое миланское коровье масло и маринованный тонъ, и жирные анчоусы, и безподобный сыръ пармезанъ, и рисъ, тотъ чудный, отливающiй перламутромъ, итальянскiй рисъ, безъ котораго немыслимо сдѣлать настоящiй хорошiй ризотто.

Джузеппе Марiани завѣщалъ свое искусство своимъ помощникамъ, изъ которыхъ выдѣлились впослѣдствiи Сондансъ и Лобачевъ. Но это уже было не то. Какъ нельзя никакими техническими ухищренiями современнаго искусства воскресить непосредственный генiй какого-нибудь Рафаэля или Микель-Анжело.

Нѣмецкiе колбасники появились въ Одессѣ значительно позже итальянскихъ. Изъ нихъ наилучшимъ былъ Фишеръ на Александровскомъ проспектѣ.

Повѣритъ ли кто-нибудь, что было время, когда въ Одессѣ почти не знали помидоръ?!

Это была рѣдкость. Ихъ привозили небольшими количествами изъ Италiи. А синiе баклажаны, или, какъ ихъ тогда называли, маленжаны и бавни привозились изъ Турцiи.

Не знала старая Одесса овощей съ полей орошенiя.

Зато прежнiе гастрономы отлично приготовляли соусы и подливки изъ чистаго мясного отвара. Вспомните штуфатъ. Облитые соусомъ изъ-подъ штуфата и обсыпанные сыромъ-пармезаномъ, макароны или ньоки получали такую вкусность, что счастливцы, приглашенные на итальянскiй обѣдъ, облизывали, не въ переносномъ смыслѣ, а въ дѣйствительности, свои пальцы.

А полента, а равiоли!

Это были въ сущности не дорогiя блюда, но они доставляли старымъ одесситамъ громадное, никогда не прiѣдавшееся, эстетически-гастрономическое наслажденiе.

Прежнiе одесситы-хозяева ходили сами на базаръ. Хозяйки не ломали своихъ хорошенькихъ головъ ночью, послѣ прiема гостей или вернувшись домой съ концерта, надъ придумыванiемъ меню завтрашняго обѣда. Усталыя, не зная, что будетъ завтра новаго или свѣжаго на базарѣ, что могли-бы придумать онѣ на обѣдъ, кромѣ чего-нибудь нелѣпаго или совсѣмъ обыкновеннаго, надоѣвшаго! — Отсюда неудовольствiе мужей, семейныя трагедiи. А прежде мужья, чуть свѣтъ, ходили сами на базаръ. На Греческiй, на Старый, на Новый. Пришла свѣжая икра съ Днѣстра — покупали икру. Появился барашекъ—покупали барашка. Вотъ онѣ трепещутъ, тяжело вздымая жабры, одноглазыя камбалы—давай камбалу. А тамъ кабачки—купить-бы еще кабачковъ. Такъ нѣтъ—на сегодня довольно.

Многіе, даже богатые, старые одесситы, совершали эти ежедневныя утреннія хожденія на базары. Они успѣвали, вернувшись домой съ провизіей, еще заснуть на одинъ или два часа и шли потомъ на свои занятія спокойные, въ отличномъ расположеніи духа, предвкушая удовольствіе отъ ожидавшаго ихъ дома обѣда.

Но не одни итальянцы были гастрономами. Отлично кушали и греки. Если вы потрудитесь пройти хотя-бы сегодня по Красному переулку, вы увидите въ немъ типичные староодесскіе дома, съ такими-же греческими ресторацiями, какія существовали въ Одессѣ еще въ первобытныя времена.

Слѣдовало-бы, пока вихрь современной цивилизаціи не смелъ этихъ живописныхъ остатковъ старины, увѣковѣчить ихъ на память потомству въ фотографіи или въ рисункахъ.

Маленькіе, тѣсные дворики, съ мраморной цистерной посрединѣ, наружныя деревянныя галлереи, длинные балконы въ уровень съ крышей, съ которыхъ когда-то было видно море. А внизу—обвитая плющемъ веранда. Шумъ, крики, греческая рѣчь, политическіе споры, чашки дымящагося густого кофе и запахъ жирной баранины, соленой лакерды или баклажанъ по-гречески.

Уже снесли домъ Новикова на углу Дерибасовской и Ришельевской. А, вѣдь, это былъ тоже историческій домъ и въ немъ было первое греческое казино. Крупныя коммерческія сдѣлки совершались около казино, на улицѣ, оживленныя бесѣды о прибывшихъ корабляхъ съ иностранными товарами смѣнялись спорами о театрѣ, старое зданіе котораго было тутъ-же, на мѣстѣ нынѣшняго.

Множество столиковъ денежныхъ мѣнялъ. Одинъ за другимъ иностранные матросы высыпаютъ изъ кармана червонцы, дукаты, лиры и получаютъ взамѣнъ наши русскія ассигнаціи.

Мимо казино проходилъ ежедневно по нѣсколько разъ герцогъ Ришелье, который жилъ здѣсь-же рядомъ, на углу, гдѣ нынѣ «Ришельевская» гостиница и Соединенный банкъ. Будучи близорукимъ и зная, что ему обязательно кланялись завсегдатаи казино, онъ непремѣнно снималъ шляпу, проходя мимо его балкона, даже тогда, когда на немъ никого не было.

Позже въ этомъ домѣ, на углу былъ магазинъ Петрококино и Гуммель.

А кисленькій запахъ винныхъ погребовъ — cantina con diversi vini!—Неужели онъ ничего не говоритъ вашему сердцу?.

Погребъ за погребомъ, вся Греческая улица была изрыта этими погребами съ извилистыми минами. Прежде въ нихъ пряталась контрабанда: бочки вина, оливковаго масла... а потомъ въ нихъ стали открываться распивочныя заведенія—благо было въ нихъ прохладно, тихо и уютно.

Лучшими первоначальными рестораторами въ старой Одессѣ были французы. Начиная, конечно, съ прославленнаго Отона. Онъ кормилъ Пушкина и Гоголя. Былъ также рестораторомъ и Дофинэ. Потомъ значительно позже были Паскаль Лателэ, содержатель первой «Лондонской» гостиницы, и Карута, и Карретъ, не долго, впрочемъ, продержавшійся въ Поле-Роялѣ. А кто помнитъ еще французскій ресторанъ на Екатерининской площади въ домѣ Бродской? Тамъ давали за 1 рубль 6 блюдъ, чашку кофе и полъ-бутылки вина. Множество блюдъ, въ микроскопическихъ порціяхъ, не составляло, однако, сытнаго обѣда. И французскій ресторанъ вскорѣ закрылся.

Отлично обѣдали въ Одессѣ не только иностранцы. Вкусъ и запахъ малороссійскаго борща съ саломъ долго дразнили нёбо одесситовъ еще со временъ запорожцевъ

Хаджибея. Да и теперь, мнѣ кажется, нигдѣ не готовится такой вкусный малороссійскій борщъ, какъ въ Одессѣ.

А русскія кулебяки! Кулебяки, которыми встрѣчались гости въ первыхъ русскихъ домахъ Одессы: у Лифенцова, Портного, Андросова, Чурилова, Желѣзнова! Въ старой Одессѣ долго сохранялся обычай, въ дни ангела или рожденія знакомыхъ, посылать другъ другу кулебяки. Нерѣдко можно было встрѣтить на улицѣ мальчика Фильку или дворника Еремея съ дымящимся пирогомъ на огромномъ блюдѣ. Теперь хозяйственная кулебяка замѣнена тортами съ фруктовыми цвѣтами и сахарными каскадами.

А квасъ, настоящій русскій клюквенный квасъ, собственноручно приготовляемый — вотъ забылъ ея фамилію!—толстою, степенною купчихою въ ея погребѣ около Покровской церкви!—Особенность этого кваса была та, что надо было выпить его непремѣнно двѣ кружки—двѣ большія жестяныя кружки по копейкѣ. Одну—для утоленія жажды, другую—для испытанія капля за каплей его вкуса и аромата.

Клюква была въ тѣ времена не подкрашенная.

А чудный русскій обычай кормить нищихъ безплатными обѣдами во всѣ поминальные дни! Нѣкоторые нищіе вели даже списки поминальныхъ дней всѣхъ маломальски зажиточныхъ домохозяевъ Молдаванки, Слободки, Усатовыхъ хуторовъ; и шли они гурьбою — калѣки, глухіе, слѣпые, шли они въ гостепріимные дома, чуя издали дивный запахъ борща и постныхъ пироговъ.

Въ нынѣшней Одессѣ существуетъ благословенный обычай устраивать на деньги жертвователей разговѣны для бѣдныхъ въ дни Свѣтлыхъ праздниковъ. За этотъ обычай, такъ напоминающій старую Одессу, многое простится нашему нынѣшнему поколѣнію.

Прежніе люди, прежніе нравы.

Рельефная карта Одессы. — Мосты — Сабанѣевскій и Строгановскій. — Мостъ самоубійствъ. — Польская улица. — Феликсъ де-Рибасъ. — Первая торговля хлѣбомъ. — Чумаки. — Обѣдъ на мѣшкахъ. — Мой отецъ М. де-Рибасъ. — Редакція „Journal d'Odessa". — Итальянецъ Витоло. — Царская милость. — Макароната на Маломъ Фонтанѣ.

Какъ жаль, что до сихъ поръ не составлена карта Одессы! Съ изображеніемъ балокъ, спусковъ, возвышеній надъ уровнемъ моря. Мы узнали бы, что нашъ городъ живописенъ, что онъ гористъ, скалистъ, что его пересѣкаютъ овраги, что въ немъ есть свои горы и долины. Мосты сглаживаютъ поверхность и мы проходимъ по ровному пути тамъ, гдѣ прежде люди съ трудомъ карабкались по крутымъ обрывамъ.

Вспомните Сабанѣевъ мостъ надъ Военнымъ спускомъ. Вѣдь, этотъ спускъ — это былъ оврагъ, тянувшійся отъ моря къ самой Дерибасовской улицѣ и даже дальше къ Греческому базару. Его засыпали, чтобы уравнить Дерибасовскую и Гаванную.

Артиллеріи Меркеля, чтобы содѣйствовать де-Рибасу во взятіи Хаджибея, пришлось спускаться по горѣ, отъ нынѣшней Преображенской улицы черезъ Дерибасовскій садъ, и подниматься къ нынѣшней Екатерининской площади.

А Строгановскій мостъ! Вѣдь, онъ виситъ надъ бездною. Онъ снабженъ нынѣ высокою чугунною рѣшеткою

для предотвращенія самоубійствъ. Несчастные, замученные жизнью, опираясь въ отчаяніи на прежнія низкія каменныя перила моста, испытывали непреодолимое стремленіе полетѣть внизъ головою. Случаи самоубійствъ такъ одно время участились, что пришлось сдѣлать высокую рѣшетку.

Замѣчательно, что такіе же мосты самоубійствъ существуютъ чуть-ли не во всѣхъ городахъ Европы. Проходя, однажды, въ Мадридѣ по мосту, называемому El viaduc de Segovia, и обративъ вниманіе на его высокія чугунныя перила, я спросилъ о причинѣ такой предосторожности. О!—отвѣчалъ мнѣ одинъ испанецъ,—это для того, чтобы ослы и самоубійцы не бросались внизъ».

Строгановскій мостъ, заложенный основаніемъ пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, переброшенъ черезъ Польскій и Левашевскій спуски. А знаютъ ли одесситы, почему Польскій спускъ и составляющая его продолженіе Польская улица названы польскими?

Здѣсь, въ первые годы послѣ основанія Одессы, было много польскихъ домовъ и жило много польскихъ магнатовъ. Поляки сыграли очень крупную роль въ дѣлѣ развитія внѣшней торговли нашего города. Привлекъ ихъ въ Одессу мой дѣдъ, Феликсъ де-Рибасъ.

Премьеръ-маіоръ русской арміи, сражавшійся въ украинской арміи, оперировавшей въ 1792 году въ Польшѣ, Феликсъ де-Рибасъ сблизился въ Подоліи съ тѣми польскими магнатами, которые въ силу Тарговицкой конфедераціи дѣйствовали за-одно съ русскими войсками противъ правительства короля польскаго Станислава-Августа.

Въ особенности близко сошелся онъ со знаменитымъ Феликсомъ (Щенснымъ) Потоцкимъ, Собанскимъ, Ржевусскимъ, Маньковскимъ и другими.

Тарговицкая конфедерація, перенесшая потомъ свою дѣятельность въ Умань и въ Тульчинъ, блистала роскошью и великолѣпіемъ. Феликсъ Потоцкій, какъ второй король, жилъ въ Умани королевскою жизнью, осыпая царскими дарами свою любовницу, бывшую де-Виттъ, Софію, для которой создалъ свой феерическій Софійскій садъ. Вокругъ Потоцкаго былъ цѣлый дворъ другихъ помѣщиковъ-магнатовъ. Феликсъ де-Рибасъ, по окончаніи польской войны, оставался долго въ Подоліи и вернулся въ Хаджибей, когда онъ уже былъ переименованъ въ Одессу, вернулся къ своему брату Іосифу и указалъ ему на возможность установленія торговыхъ сношеній съ польскими помѣщиками изъ Подоліи и Волыни.

Вскорѣ затѣмъ пріѣхали въ Одессу и помѣщики, за которыми потянулись возы съ пшеницею и водкою. Прежде подольскіе продукты направлялись, для заграничнаго экспорта, на сѣверъ—на Ригу и на югъ—на Очаковъ. А теперь они пошли на Одессу.

Путь изъ Подоліи на Одессу былъ трудный. Чумаки, набиравшіе товары на свои скрипучіе возы, боялись нападенія на нихъ со стороны татаръ. Но когда имъ предлагали охрану изъ солдатъ, то они отказывались отъ нея, опасаясь солдатъ больше татаръ. Нападутъ-ли татары—это было гадательно; а что солдаты все сало поѣдятъ—это было несомнѣнно.

Большой чумацкій «шляхъ» на Одессу шелъ отъ Балты и Орлика. Скрипъ возовъ, круторогіе волы, шаровары въ дегтѣ, мазницы подъ возами, запахъ тютюна, бродячія собаки, воздухъ степей и вольныя, чумацкія пѣсни.

Главнымъ руководителемъ польскихъ торговыхъ сношеній съ Одессою былъ графъ Протъ Потоцкій, послѣдній кіевскій воевода, директоръ такъ называвшагося «Польскаго товарищества». Особенно усилились эти сношенія, когда графъ перенесъ главное бюро этого товарищества изъ Херсона въ Одессу.

Но еще до Прота Потоцкаго въ Одессу прибыли и здѣсь остались князь Любомірскій, В. Чарторыжскій, графы Иванъ, Северинъ и Викентій Потоцкіе, Комаръ, Собанскіе, Маньковскіе и др. Большинство изъ нихъ поселилось на мѣстѣ нынѣшней Польской улицы. Сюда, къ ихъ домамъ, съѣзжались чумацкіе возы. Было недалеко отсюда къ гавани и къ морю.

Протъ Потоцкій установилъ первый перевозку грузовъ пшеницы съ Днѣпра черезъ Маяки въ Одессу. По случаю прибытія перваго транспорта былъ устроенъ роскошный обѣдъ, на которомъ присутствовалъ герцогъ Ришелье. Гости сидѣли, вмѣсто креселъ, на мѣшкахъ пшеницы.

Кстати сказать, на той-же Польской улицѣ былъ и домъ основателя Одессы, перваго ея градоправителя Іосифа де-Рибаса. На его мѣстѣ теперь домъ Дулгерова.

Тутъ-же былъ и цѣлый матросскій поселокъ. Сушились снасти, кипѣли котелки.

Феликсъ де-Рибасъ былъ самъ крупнымъ землевладѣльцемъ; на ново пріобрѣтенныхъ Россіей земляхъ онъ одинъ изъ первыхъ завелъ правильное хозяйство. Въ его имѣніяхъ Тузлы, Аджіаска, Михайловка и другихъ, кромѣ хлѣбнаго хозяйства, были эксплоатируемы соляные и рыбные промыслы, были сдѣланы тутовыя плантаціи. На дачѣ его въ Одессѣ, на Среднемъ-Фонтанѣ, перешедшей впослѣдствіи къ Саламбье и нынѣ принадлежащей г. Гренбергу, была построена первая на югѣ Россіи шерстомойка, были обширные виноградники. Но все состояніе де-Рибаса, вслѣдствіе неурожаевъ и возникшихъ процессовъ съ казною изъ-за соли, было подъ конецъ его жизни потеряно. Онъ умеръ въ 1845 году, не оставивъ своимъ дѣтямъ ничего, кромѣ долговъ.

3-го апрѣля 1912 года, появились въ одесскихъ газетахъ некрологическія свѣдѣнія о моемъ отцѣ Михаилѣ

де-Рибасѣ, по случаю 30-лѣтія со дня его смерти въ 1882 году. Ничего выдающагося, съ исторической точки зрѣнія, онъ для Одессы не сдѣлалъ. Но онъ такъ много разсказывалъ намъ, дѣтямъ, о первыхъ дняхъ жизни Одессы и такъ любилъ свой родной городъ, что всѣ окружающіе его не могли не проникнуться особеннымъ чувствомъ восхищенія и нѣжности къ нему, какъ къ представителю одесской старины.

Онъ не помнилъ ничего объ Одессѣ дурного и постоянно тосковалъ по ея хорошему.

Преобладающею чертою его характера было безкорыстіе. Сильно нуждавшійся, онъ никогда не обращался ни къ правительству, ни къ городу, и когда нѣкоторые одесскіе городскіе головы, Новосельскій и Маразли, сами предлагали ему ходатайствовать передъ думою о выдачѣ ему пенсіи или пособія, ссылаясь на заслуги его отца, подарившаго городу свой садъ, онъ рѣшительно отказывался отъ этого и говорилъ: «я не хочу быть капитолійскимъ гусемъ».

Кстати о садѣ. Когда инженеръ Гренбергъ предложилъ городу, лѣтъ тридцать пять тому назадъ, уничтожить этотъ садъ и построить на его мѣстѣ доходный пассажъ, отецъ мой, возмущенный кощунственнымъ отношеніемъ къ волѣ дарителя, собралъ совѣтъ юристовъ, чтобы установить свое право на возбужденіе иска противъ города. Юристы рѣшили, что въ виду явнаго нарушенія воли, положенной въ основаніе дара, отецъ мой, какъ прямой наслѣдникъ Ф. де-Рибаса, имѣетъ всѣ основанія для требованія судомъ возврата ему сада. «Ну, хорошо» объявилъ отецъ «рѣшено: если только городъ приметъ предложеніе Гренберга, я немедленно возбуждаю искъ о возвратѣ мнѣ сада, но съ тѣмъ, чтобы, тотчасъ же послѣ выигрыша процесса, подарить этотъ садъ обратно жителямъ Одессы».

Одинъ только разъ отецъ мой не отказался отъ оказаннаго ему денежнаго вспомоществованія, но это произошло при обстоятельствахъ, такъ хорошо характеризующихъ и прежнихъ людей, и Старую Одессу, что я считаю интереснымъ остановиться на этомъ эпизодѣ подробнѣе.

Дѣла отца были плохи. Редактированная имъ французская газета «Journal d'Odessa» имѣла въ лучшіе годы не болѣе 300 подписчиковъ. Правда, сотрудники были даровые. О гонорарѣ не было и рѣчи. А все-же трудно было сводить концы съ концами. Это не вліяло, однако, на интересность газеты, которая была живая и отзывчивая. Вокругъ отца и его редакціи собиралась вся одесская французская колонія. А такъ какъ отецъ умудрялся на свои скудныя средства устраивать еще у себя еженедѣльные семейные вечера, то у насъ въ домѣ перебывало все, что было въ Одессѣ наиболѣе интереснаго и значительнаго изъ литературнаго и художественнаго міра. Ни одинъ пріѣзжій артистъ, писатель, художникъ, фокусникъ, не покидали Одессы, не посѣтивъ отцовскіе jourfix'ы.

Въ особенности любилъ отецъ артистовъ италіанцевъ. Изъ ихъ числа былъ у насъ другомъ дома музыкантъ Городского «сгорѣвшаго» театра Витоло. Онъ былъ виртуозомъ на гобоѣ и англійскомъ рожкѣ. Ограниченный, добродушный, большой любитель макаронъ—это не мѣшало ему быть масономъ.

У себя дома, на убогой квартиркѣ, въ которой онъ жилъ со своей женою, урожденной Данцигеръ, онъ постоянно возился съ таинственнымъ мѣшкомъ, въ которомъ были разныя франкъ-масонскія принадлежности: бѣлый фартухъ, рукавицы, деревянные трехугольники, лопаты, молотокъ. За отсутствіемъ въ Одессѣ другихъ активныхъ масоновъ, Витоло любилъ таинственно бесѣдовать самъ съ собою. Входя въ свою квартиру, онъ какъ-то особенно, символически, стучалъ въ свою дверь и, не смотря на то,

что дверь была отперта, онъ не входилъ въ нее прежде, нежели самъ не отвѣчалъ себѣ такимъ же таинственнымъ стукомъ.

Боже сохрани было касаться его мѣшка. Онъ готовъ былъ испепелить своимъ сердитымъ взоромъ дерзкаго святотатца. За исключеніемъ этой странности, во всемъ остальномъ Витоло былъ добрѣйшимъ и милѣйшимъ человѣкомъ.

Страстный любитель старой итальянской музыки онъ вмѣстѣ съ моимъ отцомъ (хорошо игравшимъ на фортепьяно) исполнялъ цѣлыя оперы, не играя ихъ на гобоѣ, а распѣвая ихъ на всѣ голоса. Часто помогалъ имъ въ этомъ тотъ Кароссо, изобрѣтатель проволочныхъ загадокъ, о которомъ я уже писалъ въ своихъ очеркахъ.

Макароны, Ченерентола, Норма, невинная итальянская игра въ карты «tre sette», въ которой требованіе отъ партнера большой или маленькой карты выражалось сильнымъ или слабымъ стукомъ по столу, политическіе споры, воспоминанія о далекой Италіи и къ ужину опять макароны.

Дѣла отца пошли совсѣмъ плохо, увеличились долги. Приходилось одолжаться у друзей на завтрашній обѣдъ. Одинъ и тотъ-же рубль кочевалъ отъ тетки къ отцу, отъ отца къ теткѣ, отъ Витоло къ отцу, отъ отца къ Витоло. Правда, въ тѣ времена можно было на одинъ рубль превкусно пообѣдать цѣлымъ семействомъ.

Отецъ сталъ приходить въ отчаяніе, какъ вдругъ, совершенно для него неожиданно, онъ получаетъ изъ канцеляріи Новороссійскаго генералъ-губернатора бумагу съ предложеніемъ пожаловать въ канцелярію для полученія присланныхъ на его имя... двухъ тысячъ рублей.

Можно вообразить себѣ ошеломляющее впечатлѣніе, произведенное на отца и на всѣхъ насъ этимъ сообщеніемъ!

Генералъ-губернаторомъ былъ тогда графъ Павелъ Евстафьевичъ Коцебу, человѣкъ прекрасный, администраторъ ровный, умный—онъ много содѣйствовалъ укрѣпленію началъ одесскаго городского общественнаго самоуправленія.

Зная стѣсненное положеніе отца и его нежеланіе обращаться къ кому-бы то ни было съ просьбами о помощи, Коцебу сообщилъ объ этомъ Государю Александру II, удостоившему своимъ проѣздомъ Одессу въ 1873 году. Государь изволилъ тотчасъ-же повелѣть выдать моему отцу двѣ тысячи рублей негласно изъ собственной Его Величества шкатулки.

Такая высокомилостивая Монаршая помощь глубоко тронула отца.

Отецъ вернулся изъ канцеляріи г. губернатора блѣдный, дрожащій отъ волненія, съ карманами, наполненными деньгами.

Первою его мыслью было сообщить объ этой радости своему другу Витоло. Мы пошли на убогую квартиру итальянца. Онъ былъ занятъ переборкою своего масонскаго мѣшка. «Витоло! «Hai un rubolo per il bazar? (Есть у тебя рубль на базаръ?») крикнулъ ему отецъ. — Витоло засуетился. — У меня нѣтъ, а можетъ быть найдется у жены. Лиза! Есть у тебя рубль?—Жена варила въ кухнѣ макароны. Она пришла искать деньги въ своемъ коммодѣ. Но отецъ остановилъ ее и быстрымъ движеніемъ вытащилъ изъ всѣхъ своихъ кармановъ цѣлыя кипы денегъ, которыя бросилъ на столъ.

Витоло упалъ въ обморокъ.

Радость, слезы, переполохъ, приведеніе въ чувство Витоло—все это глубоко запечатлѣлось въ моей памяти. Когда Витоло очнулся и узналъ въ чемъ дѣло, онъ бросился на шею отца и расцѣловался съ нимъ въ слезахъ. Потомъ они взяли другъ друга за руки и, какъ будто сговорившись, воскликнули оба одновременно: Eviva lo Tzar! (Да здравствуетъ Царь)!

Для характеристики прежнихъ людей и прежнихъ нравовъ я долженъ еще разсказать, какъ оригинально былъ отпразднованъ моимъ отцомъ и Витоло день полученія царскаго подарка.

Они долго обсуждали вопросъ о томъ, куда пойти, что сдѣлать, какое устроить торжество, какъ вдругъ Витоло осѣнила геніальная мысль: «andiamo far una macheronata a la piccola fontana!» (пойдемъ устроить макаронату на Малый Фонтанъ»). И вотъ мы втроемъ (чтобы посторонніе не нарушали нашей затаенной радости) отправились съ 2 тысячами рублей въ карманахъ, предварительно запасшись у Маріани настоящими итальянскими макаронами и сыромъ пармезаномъ, черезъ Ботаническій садъ на Малый-Фонтанъ.

Дачи Дунина, а тѣмъ паче Аркадіи, въ тѣ времена еще не существовало. Берегъ Малаго-Фонтана былъ обнаженъ и безлюденъ. Не было на немъ ресторана. Не слышно было суетливаго, городского крика дачниковъ. Море рокотало въ одиночествѣ. Лишь на высокомъ мысѣ, на самомъ обрывѣ, была построена какимъ-то грекомъ-рыбакомъ лачуга, около которой можно было присѣсть и отдохнуть.

Грекъ этотъ былъ подозрительный. Онъ встрѣчалъ своихъ рѣдкихъ посѣтителей угрюмо, молчаливо и нехотя доставалъ изъ погреба имѣвшіеся у него скудные припасы. Помогала ему жена-старуха, тоже угрюмая и молчаливая. Можетъ быть, они стали глухими отъ вѣчнаго шума моря, а можетъ быть они были контрабандистами. Трудно разгадать душу рыбака.

Веселые, радостные, пріятно утомленные, добрели мы до рыбацкой хижины. Витоло принялся тотчасъ-же за приготовленіе макаронаты. Нашелся котелокъ, старуха

поймала кудахтавшую курицу, нашлись помидоры, соль, оливковое масло. Набрали въ котелокъ прѣсной воды Фонтана, положили котелокъ на угли, развели огонь. А старикъ пошелъ наловить бычковъ.

Всыпали макароны въ котелъ такъ, чтобы они, Боже сохрани, не поломались. И вскорѣ запахло на обрывѣ такъ хорошо, что даже запаху моря не было обидно.—Разморщинился вернувшійся съ живою рыбою старикъ и вынесъ изъ погреба бутылку настоящаго санторинскаго вина.

Старинные портреты.

Фотографы Гаазъ, Федоровецъ, Хлопонинъ, Мигурскій. — Супруги Кальбицъ. — Карлъ Гаазъ. — Ф. Тритенъ. — А. Шапеллонъ. Д. Гарибальди. — Треско и его каррикатуры. — Н. Н. Мурзакевичъ. — Беккеръ. — Проф. Брикнеръ. — Братья Филиппъ и Генрихъ Бруны. — Ботаникъ Нордманъ. Д-ръ Качковскій. — Маразли въ молодости. — Прежнія женщины.

Передъ мною цѣлый рядъ портретовъ—самыхъ обыкновенныхъ фотографическихъ портретовъ. Они въ толстыхъ, выцвѣтшихъ, облѣзшихъ съ изорванными паспарту альбомахъ, отъ которыхъ вѣетъ ароматомъ старины. Сотни рукъ, перелистывавшихъ дорогія страницы, оставили на нихъ нѣжные, душистые слѣды. Портреты поблекли и даже выраженіе лицъ на нихъ какое-то угасшее. Но это не время наложило на нихъ свою печать... Что такое время? Портреты поблекли потому, что взоры родныхъ и близкихъ, глядя на черты любимаго лица, уносили съ собою частицы его жизни.

Прежніе фотографическіе портреты были менѣе эффектны, нежели нынѣшніе, но болѣе точны и правдивы. Человѣкъ «снимался» такимъ, какимъ онъ былъ, а не какимъ онъ казался или какимъ хотѣлъ его сдѣлать фотографъ. Даже сами фотографы были прежде гораздо ближе къ правдѣ жизни, какъ настоящіе художники. Они не гнались за свѣтовыми эффектами и не заставляли позирующихъ дѣлать граціозно глупыя улыбки. На простомъ

однотонномъ фонѣ, около вазы съ цвѣтами или кресла съ овальною спинкою, выдѣлялись поражавшіе своею естественностью и сходствомъ портреты.

Одного такого портрета было достаточно на всю жизнь.

Лучшими фотографами въ старой Одессѣ считались Филиппъ Гаазъ, Федоровецъ, Хлопонинъ и К. І. Мигурскій. Гораздо позже появились Антонопуло, Димо, Чеховскій и другіе.

Мигурскій имѣлъ въ Одессѣ фотографическій институтъ, изъ котораго вышло много прекрасныхъ учениковъ.

Жутко становится на душѣ, когда разсматриваешь старые портреты. Все это уже мертвецы; но дѣйствительно-ли они умерли и что такое Смерть? Не напоминаютъ-ли намъ портреты, что то, что мы считали исчезнувшимъ, вовсе не исчезло, а гдѣ-то пребываетъ въ насъ?

Иные портреты вызываютъ улыбку. Вотъ оригинальная чета супруговъ Фридриха и Вильгельмины Кальбицъ. Они сіяютъ торжественною радостью. Они снялись въ день своей серебряной свадьбы — въ 1869 году. Онъ старый учитель музыки типа Миллера изъ «Коварства и любви». Съ взъерошенными сѣдыми волосами, въ короткомъ черномъ сюртукѣ съ огромнымъ букетомъ-бутоньеркою, съ бѣлыми лентами въ петлицѣ и широкополымъ цилиндромъ въ рукѣ, онъ, какъ мужъ, стоитъ, опершись на плечо жены. Она сидитъ; ея круглое лицо сіяетъ, обѣ щеки ея полны блаженства; въ ея волосахъ цвѣты; на ней кринолинъ и широкое шелковое платье. Счастливое супружество! Но кто-бы могъ повѣрить, что ровно двадцать пять лѣтъ до этого торжественнаго дня, этотъ самый благодушный нѣмецъ Кальбицъ, будучи еще только женихомъ дѣвицы Гемерле, устроилъ ей въ Одессѣ неслыханный скандалъ! Всѣ родные и гости были въ сборѣ въ лютеранской церкви. Невѣста давно была готова. Ждала съ нетерпѣніемъ жениха. Прошло четверть часа, прошло полчаса—онъ не появлялся. Отправились къ нему на домъ. Кальбицъ сидѣлъ преспокойно у своего фортепьяно и наигрывалъ какую-то импровизацію. — Что вы дѣлаете? — Играю.—Отчего вы не идете въ церковь?—Жду.—Чего-же вы ждете? — Жду денегъ на столъ. — Кальбицъ, объявивъ, что онъ не тронется съ мѣста, пока ему не принесутъ на домъ обѣщаннаго приданаго, сталъ продолжать свою импровизацію. Пришлось послать за деньгами.

Черезъ часъ Кальбицъ былъ уже въ кирхѣ, въ желтыхъ брюкахъ, синемъ фракѣ и бѣломъ жилетѣ.

Онъ былъ музыкантомъ старой школы. Въ его квартирѣ въ домѣ Гемерле, на Дворянской улицѣ, часто устраивались музыкальныя собранія, на которыхъ исполнялись исключительно классическія произведенія. Любопытная психологическая подробность: Кальбицъ не могъ выступать на эстрадѣ, передъ публикою, не вслѣдствіе робости, а потому, что испытывалъ непреодолимый ужасъ при видѣ щелей подмостковъ, которыя представлялись ему въ видѣ бездонныхъ пропастей.

Рядомъ съ портретомъ Кальбица—Карла Гааза. Карлъ Гаазъ-отецъ, отецъ того милѣйшаго Карлуши Гааза, котораго такъ хорошо знали и любили и въ Одессѣ и въ Кіевѣ. Карлъ Гаазъ-отецъ имѣлъ въ Одессѣ фабрику фортепьянъ. Толстякъ, жизнерадостный, большой любитель загородныхъ гуляній. Онъ былъ прекраснымъ музыкантомъ; замѣчательно, что онъ совершенно легко игралъ на фортепьяно своими толстыми, какъ обрубки, пальцами. Кто еще помнитъ исполнявшуюся имъ, въ кругу друзей, веселую польку его сочиненія и его дивные вальсы?

Обратили-ли вы вниманіе, что толстые и неповоротливые люди совершенно преображаются во время игры и, въ особенности, во время танцевъ? Они вдругъ становятся упругими и легкими, какъ мячики.

Боже! Какъ легко танцовали прежніе толстяки и толстушки!

А вотъ Франсуа Тритенъ, первый въ Одессѣ консулъ свободной Швейцаріи. Живые, умные глаза, тщательно выбритое старческое лицо и гладко прилизанные волосы на вискахъ голаго черепа. Швейцарская колонія въ Одессѣ была многолюдна. Она была въ постоянномъ общеніи со швейцарцами, поселившимися при Ришелье въ посадѣ Шабо. Лучшія шабскія вина изготовлялись швейцарцами: Тарданомъ, Шарантономъ, Ансельмомъ и другими. Тритенъ отличался строгостью характера, но былъ всѣми глубоко любимъ. Онъ тоже былъ музыкантомъ и принималъ участіе въ камерныхъ собраніяхъ Кальбица.

А это кто въ бѣлыхъ брюкахъ и черномъ фракѣ, бритый, задумчивый, съ французскимъ орденомъ въ петлицѣ? Онъ очень похожъ на недавно умершаго лектора французскаго языка Огюста Шапеллона. Неудивительно: вѣдь, это отецъ его, поэтъ Альфонсъ Шапеллонъ, авторъ сборника стихотвореній «Des bords de la Mer Noire», въ которомъ онъ воспѣлъ Одессу, ссылаясь на ея французское происхожденіе:

Odessa par Richelieu
Est d'origine française.

Шапеллонъ-отецъ былъ наиболѣе усерднымъ сотрудникомъ «Journal d'Odessa» и наводнялъ его шарадами, эпиграммами и логогрифами. Онъ сочинялъ прелестные, безпретензіозные стихи на всѣ торжественные случаи въ одесской жизни и не пренебрегалъ восхваленіемъ въ поэтическихъ четверостишіяхъ италіанскихъ примадоннъ.

Не знаю, какимъ образомъ очутился здѣсь, въ числѣ портретовъ одесситовъ, Джузеппе Гарибальди. Онъ въ характерной круглой бородѣ. На головѣ «гарибальдійская» шапочка съ кистью, на плечахъ широкій плащъ. Оказывается, Гарибальди жилъ въ Одессѣ въ сороковыхъ годахъ. Онъ имѣлъ здѣсь свой коммерческій корабль, который совершалъ рейсы между Одессою и Таганрогомъ.

Въ находящемся въ моихъ рукахъ современномъ дневникѣ описывается путешествіе въ Таганрогъ одной изъ моихъ тетокъ на одномъ пароходѣ съ Гарибальди.

А вотъ и Треско, тотъ карикатуристъ Треско, ночныя похожденія котораго въ образѣ лунатика я уже однажды описывалъ. По любопытной случайности, здѣсь-же рядомъ съ нимъ портретъ той красавицы, г-жи Юрьевичъ, изъ-за которой бѣдный художникъ былъ такъ жестоко избитъ ея мужемъ. Г-жа Юрьевичъ—уже пожилая женщина, сохранившая на своемъ лицѣ черты былой красоты. Чувственныя губы, открытая шея, на головѣ кружевная накидка. Треско—молодой, съ пріятными усиками, въ художественной тужуркѣ. Онъ сидитъ за столикомъ, на которомъ изящная статуэтка.

Треско! Треско! Онъ оставилъ намъ, въ своихъ карикатурахъ, чудный памятникъ одесской старины. Очень жаль, что его работы до сихъ поръ не изданы. Треско не обезображивалъ людей и умѣлъ, не прибѣгая къ шаржу, необыкновенно ярко воспроизводить поражавшія своею типичностью черты прежнихъ одесситовъ.

Вотъ Де-Гаро, толстенькій, низенькій французикъ съ моноклемъ въ глазу и съ вѣчною сигарою во рту. Онъ поражалъ одесситовъ своею развязною манерою ѣздить на дрожкахъ: онъ полулежалъ на сидѣніи, положивъ свои коротенькія ножки на козлы кучера. Большой нахалъ. Богъ его знаетъ, откуда онъ взялся и куда исчезъ изъ Одессы. Онъ писалъ легкіе фельетоны въ «Journal d'Odessa». Мой отецъ — длинный-предлинный — долженъ былъ сгибаться вдвое, чтобы говорить съ Де-Гаро. Треско уморительно изобразилъ ихъ разговоръ.

А вотъ Мурзакевичъ. Профессоръ, а затѣмъ директоръ Ришельевскаго лицея. Сановная фигура съ трой-

нымъ подбородкомъ. Добродушія ни малѣйшаго; во всемъ, въ лицѣ, во взорѣ и въ тяжелой походкѣ—выраженіе недоступной важности. Передо мною его фотографическій портретъ. Круглая большая голова, обрамленная торчащею изъ-подъ подбородка круглою бородою. Треско изобразилъ его тоже во всей его важности. Онъ сидитъ за обѣденнымъ столомъ. Въ рукахъ у него вилка и ножъ, а передъ нимъ огромной величины индюкъ. Мурзакевичъ былъ извѣстенъ своимъ феноменальнымъ аппетитомъ. Но на карикатурѣ этотъ индюкъ былъ помѣщенъ не ради одной гастрономіи. Онъ удивительно гармонировалъ съ чиновною фигурою самого Мурзакевича.

А старикъ Сепичъ, а Рандичъ, а Мишель Бернштейнъ, а скрипачъ Симони! Они въ карикатурахъ выглядѣли, какъ живые.

Въ числѣ фотографическихъ карточекъ встрѣчаю портретъ одесскаго археолога П. В. Беккера, бывшаго директора одесской второй гимназіи. Физіономія пастора. Онъ былъ эстляндцемъ. Имя Беккера памятно одесситамъ еще потому, что онъ былъ отцомъ того Оскара Беккера, родившагося въ нашемъ городѣ въ 1839 году, который покушался въ Баденъ-Баденѣ въ 1861 году на жизнь прусскаго короля Вильгельма.

А вотъ и Брикнеръ, знаменитый, понынѣ здравствующій маститый историкъ. Но Брикнеръ въ молодости, когда онъ былъ еще профессоромъ всеобщей исторіи въ только что народившемся Новороссійскомъ университетѣ. Видъ молодого нѣмецкаго ученаго. Бархатный воротникъ на свѣтломъ сюртукѣ, большой черный галстухъ, очки. Фотографія Рауля.

Жалѣю, что у меня нѣтъ подъ рукою портрета Скальковскаго, историка новорожденной Одессы. Но я отлично его помню маленькимъ, старенькимъ, бритымъ, съ подбо-

родкомъ, глубоко сидящимъ въ галстухѣ, что не мѣшало, однако, его головѣ быть всегда высоко поднятою. Я не знаю, гдѣ находятся теперь собранные имъ обширные историческіе матеріалы.

За то передо мною портретъ профессора Филиппа Карловича Бруна, посвятившаго почти всю свою жизнь на изученіе исторіи побережья Чернаго моря. Чудные, живые, сѣрые глаза, полуоткрытый ротъ, готовый всѣмъ восхищаться, черты лица финскаго шведа, каковымъ онъ и былъ. И переношусь я мыслью къ моему далекому дѣтству, когда, сидя на колѣняхъ моего дяди (Ф. К. Брунъ былъ женатъ на сестрѣ моего отца), я слушалъ его возгласы негодованія по поводу образа дѣйствій Пруссіи по отношенію къ Даніи. Увлекаясь и шутя, дядя обращалъ даже ко мнѣ свой негодующій вопросъ: «ну, что ты скажешь на счетъ Шлезвигъ-Голштиніи?».

Ф. К. Брунъ прибылъ въ Одессу въ 1832 году, приглашенный занять мѣсто преподавателя исторіи и статистики въ Ришельевскомъ лицеѣ. Впослѣдствіи онъ былъ избранъ профессоромъ и перешелъ въ Новороссійскій университетъ; всю свою жизнь онъ прожилъ въ Одессѣ, но умеръ и похороненъ въ Славутѣ. Онъ былъ ученымъ прежняго типа: глубоко по отношенію къ себѣ добросовѣстный, ничего самому себѣ не прощавшій. Знатокъ статистики и даже авторъ нѣсколькихъ трудовъ по этой наукѣ, онъ вдругъ разочаровался въ ней, отказался отъ ея преподаванія и впослѣдствіи въ теченіе всей своей жизни никакъ не могъ простить себѣ, что онъ не только самъ думалъ, но и другимъ говорилъ, что статистика—наука. Вообще, профессоръ Брунъ былъ не склоненъ къ отвлеченіямъ и даже въ области исторіи предпочиталъ изученіе подлинныхъ памятниковъ старины. Онъ былъ восторженнымъ археологомъ, постоянно занятый раскопками въ Ольвіи и на восточномъ берегу Чернаго моря.

А вотъ и братъ его, Генрихъ Брунъ, профессоръ математики въ Ришельевскомъ лицеѣ и инспекторъ классовъ въ одесскомъ институтѣ благородныхъ дѣвицъ. Полный, розовощекій, бритый, лысый, въ очкахъ, онъ былъ большимъ любимцемъ всѣхъ одесскихъ институтокъ. У него была пагубная страсть къ карточной игрѣ, игрѣ не въ клубѣ и не на большія деньги, а къ игрѣ въ средѣ товарищей, ради процесса игры. Онъ увлекался игрою, какъ математическою задачею, радуясь выигрышу, какъ разрѣшенію какого-нибудь запутаннаго уравненія. Онъ умеръ за картами отъ удара.

О братьяхъ Брунъ разсказывались анекдоты, будто они оба очень плохо говорили по-русски и, между прочимъ, будто однажды, когда Генрихъ, придя отъ цирульника, сообщилъ брату, что онъ только что «постригался», то Филиппъ замѣтилъ ему, что слѣдовало сказать не «постригался», а «постригнулся». Но это только анекдотъ. Дядя Брунъ говорилъ по-русски прекрасно, безъ нѣмецкаго акцента.

А вотъ портретъ близкаго друга Бруна, тоже, какъ онъ, финляндскаго уроженца, профессора ботаники, академика А. Нордмана. Послѣ Дессмета онъ былъ директоромъ нашего Императорскаго ботаническаго сада и много сдѣлалъ для его упорядоченія. Портретъ литографическій. Бѣлокурые волосы, большіе, добрые, сѣрые глаза, круглые бакенбарды, обрамляющій подбородокъ бѣлый воротничекъ. Во всѣхъ чертахъ спокойная красивость. Ботаническій садъ при Нордманѣ имѣлъ свыше 70 десятинъ. При немъ было учреждено главное училище садоводства, которое, просуществовавъ въ Одессѣ около 15 лѣтъ, было переведено въ Умань. Нашъ Ботаническій садъ пользовался такою славою, что его разсады посылались въ Крымъ, въ Алупку и даже заграницу.

Много еще, много передо мною портретовъ. Они воскрешаютъ во мнѣ наше славное и счастливое былое, когда

прибывшіе въ Одессу «чужіе» люди становились родными нашему городу и работали на него съ беззавѣтною любовью.

Наслѣдіе этихъ людей—въ рукахъ современнаго поколѣнія. Пусть оно его бережетъ.

Мнѣ трудно оторваться отъ этихъ портретовъ. Вотъ старикъ со всклокоченными волосами, съ безпорядочными усами, сливающимися съ безпорядочною бородою; изъ подъ густыхъ бровей—умные глаза. Чудная фотографія Мигурскаго. Это докторъ, кажется, Качковскій. Кто еще его помнитъ?—А вотъ самъ Федоровецъ. Бархатная куртка, волосы, закинутые назадъ, большой умный лобъ. Глаза мечтательные, вѣрующіе во все мистически-красивое. Я разсказывалъ уже про его интересные опыты сонамбулизма. — Вотъ Маразли, Григорій Григорьевичъ, но молодой, съ великолѣпною большою бородою и съ моноклемъ на широкой шелковой тесемкѣ. Вотъ баронъ Унгернъ-Штернбергъ, строитель первой одесской желѣзной дороги. Вотъ Сабанскій, одесскіе дома и магазины котораго были конфискованы въ пользу казны послѣ польскаго возстанія. Вотъ Мигурскій, вотъ Фельдау, вотъ Маврокордато...

Но пора закончить мой очеркъ и я бросаю послѣдній взглядъ на чудныя фотографическія изображенія прежнихъ одесскихъ женщинъ. Вотъ онѣ въ своихъ роскошныхъ круглыхъ платьяхъ съ тысячью оборокъ. Бѣлыя плечи, тонкія тальи, кружевныя шали. Какъ онѣ были естественно изящны!—Какъ онѣ были кокетливы и, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ онѣ были далеки отъ современнаго флирта!

Тоска по пыли.

Одесская пыль. — Прежнее солнце. — Ночь на бульварѣ. — Саранча. — Водосточныя канавы. — Торговецъ лимонами. — Погромъ. — Хлѣбные магазины. — Вѣчная молодость.

Настоящій старый одесситъ не можетъ не тосковать по прежней одесской пыли. Одесскую пыль воспѣлъ даже Пушкинъ! На современной картинкѣ, исполненной въ литографіи Брауна, о которой я однажды упоминалъ, есть отличное изображеніе пыли, поднимавшейся въ прежніе годы на Соборной площади. Одесситы, какъ застигнутые Самумомъ бедуины, присѣдали, съеживались и высоко поднимали воротники пальто, а дамскіе кринолины, къ ужасу стыдливыхъ прежнихъ одесситокъ, вздымались, обвѣваемые вѣтромъ, то въ одну, то въ другую сторону, какъ раскачавшіеся колокола. Вся площадь окутывалась вихремъ пыли. Собора не было видно вовсе. Дежурный солдатъ, стоявшій на гауптвахтѣ, на углу Преображенской, зорко слѣдившій за проходившими черезъ площадь военными, едва отличалъ прапорщика отъ генерала. Случалось, что онъ зазвонитъ вдругъ въ тревожный колоколъ, выбѣжитъ вся кордегардія, выстроится по парадному на караулъ... и окажется, что воинскія почести были отданы, по ошибкѣ, изъ-за пыли, какому-то штыкъ-юнкеру.

Прежняя одесская пыль была не такою, какъ нынѣ; она была благоуханною—какъ пыль цвѣтовъ. Море, степи, акаціи отдавали ей свои осадки и были причиной ея своеобразно пріятнаго аромата.

Шла къ намъ прежняя пыль отъ солончаковыхъ песковъ Пересыпи, отъ большого чумацкаго шляха въ новороссійскихъ степяхъ, но поднималась она, конечно, и изъ самой Одессы изъ подъ ногъ негоціантовъ, рабочихъ и франтовъ, утаптывавшихъ немощенныя одесскія улицы. Тонкая, мелкая, чистая, легко дававшая отпечатокъ всему, что къ ней касалось, она прекрасно замѣняла тотъ золотой песокъ, которымъ посыпались въ старину любовныя записки.

Днѣстровскаго водопровода еще не было. Фонтаны Средній и Большой давали, правда, огромныя струи воды, куда значительнѣе нынѣшнихъ, но мрачная башня Ковалевскаго слабо поднимала ихъ на высоту и одесскія улицы и деревья тщетно жаждали искусственной поливки. Приходилось довольствоваться непосредственными дарами неба. Привольно было тогда въ Одессѣ пыли. Тѣмъ болѣе, что неизмѣннымъ покровителемъ ея было прежнее одесское солнце.

О, доброе, старое, одесское солнце! Гдѣ ты? Куда ты скрылось? Поднимается и теперь какое-то блѣдное свѣтило на нашемъ Востокѣ, но это уже не то. Его лучи не жгутъ и не ослѣпляютъ насъ, какъ прежде. Говорятъ, будто это мы измѣнились, будто это наше тѣло стало меньше воспріимчивымъ къ солнечной теплотѣ. Какая клевета на человѣка! Развѣ отъ перемѣны въ насъ зависитъ, что нынѣ почти вовсе нѣтъ въ Одессѣ весны! Вѣдь, прежде купанья въ морѣ начинались уже въ февралѣ. А знойное лѣто наступало уже въ маѣ и продолжалось оно до самаго сентября, ровное, горячее, не прерываемое, какъ нынѣ, осенними днями.

Мы перемѣнились! Но, позвольте, а саранча? Куда дѣвалась саранча? Если-бы въ Одессѣ оставалось прежнее солнце, то, несомнѣнно, насъ посѣщали-бы по прежнему тѣ страшныя, восточныя, летучія гостьи, на истребленіе ко-

торыхъ посылались цѣлыя экспедиціи съ чиновниками и поэтами во главѣ.

Я помню ночь. Послѣ знойнаго дня многіе одесситы имѣли привычку приходить вечеромъ на приморскій бульваръ со своей провизіей (холодныя котлеты и крутыя яйца) и располагаться на ступеняхъ монументальной лѣстницы. Они здѣсь ужинали, болтали и старались втягивать въ себя слабыя дуновенія вѣтра съ моря. Была чудная лѣтняя ночь. Небо сіяло миріадами звѣздъ. Луна красовалась надъ чернымъ зданіемъ Петербургской гостиницы. Отъ памятника Ришелье падала длинная тѣнь въ сторону моря. Мы, дѣти, сидя на цѣпяхъ, окружавшихъ памятникъ, раскачивались на нихъ, какъ на качеляхъ. Вдругъ... въ воздухѣ послышался какой-то странный шелестъ, какъ будто шопотъ ста тысячъ голосовъ. Надъ моремъ появилась туча и не успѣли опытные старые одесситы воскликнуть «саранча!», какъ на памятникъ Ришелье, и на лѣстницу, и на насъ, дѣтей, посыпались, какъ частыя дождевыя капли, одно за другимъ крылатыя насѣкомыя со стеклянными, лошадиными мордочками. Дождь саранчи все учащался. Сначала мы бѣгали, ловили ее; но, когда лихіе наѣздники посыпались на насъ десятками, сотнями, тысячами, зловѣще треща своими крыльями, то мы такъ перепугались, что бросились бѣжать съ бульвара. Но туча шла за нами и вскорѣ саранча была уже во всемъ городѣ, во всѣхъ дворахъ. Мы бѣжали по трупамъ. Мы отмахивались руками, какъ отъ тысячи враговъ. И, когда легли спать, то долго не могли уснуть отъ стука бросавшейся въ наши окна саранчи.

Въ другую ночь саранча налетѣла на Ланжеронъ, какъ разъ во время гулянія, устроеннаго пиротехникомъ Роджеро, когда начался оповѣщенный зелеными афишами на городскихъ столбахъ «грандіозный фейерверкъ на сушѣ, на морѣ и на небѣ». Саранча потушила фейерверкъ.

Впослѣдствіи, когда старое одесское солнце начало терять свою притягательную силу—саранча стала залетать къ намъ все рѣже и рѣже. Появлялись, правда, иногда какіе-то «коники» въ довольно большомъ количествѣ, но это уже не были прежніе страшные гости.

Исчезла саранча, исчезло и солнце. Гдѣ тѣ дни, когда въ Одессѣ, въ городѣ, было цѣлое лѣто такъ жарко и душно, что почти никто не спалъ въ кроватяхъ? Спали на циновкахъ на полу, а то и безъ всякой подстилки. Когда отъ двухъ часовъ послѣ полудня до 8 часовъ вечера на улицѣ было совершенно пусто и только къ ночи Одесса оживала!

Къ числу другихъ достопримѣчательностей старой Одессы надо присоединить еще прежнія наши водосточныя канавы. Онѣ тоже не были лишены поэтичности. Вырытыя самымъ примитивнымъ образомъ въ грунтѣ, по обѣимъ сторонамъ улицъ, не всегда обложенныя камнемъ, открытыя, онѣ служили стокомъ для всѣхъ грязныхъ и дождевыхъ водъ Одессы. Иногда по нимъ шли потоки пестро окрашенныхъ помоевъ, иногда онѣ такъ пересыхали, что въ нихъ находили удобный пріютъ бездомные бродяги. По поводу этихъ канавъ я вспоминалъ уже однажды о точно такихъ-же первобытныхъ водостокахъ, описанныхъ Андерсеномъ въ его прелестной сказкѣ объ Оловянномъ Солдатикѣ. Солдатикъ упалъ съ подоконника, угодилъ въ канаву и грязные потоки понесли его. На пути встрѣчается мостъ, изъ подъ моста окликаетъ солдатика огромная крыса, требующая отъ путешественника предъявленія паспорта... Въ нашихъ одесскихъ канавахъ были тоже крысы, были тоже мосты для удобства перехода съ тротуаровъ на улицы. Бывали въ канавахъ и солдатики... Такія канавы, къ стыду современныхъ дѣятелей, существуютъ и теперь еще на нашихъ злополучныхъ окраинахъ.

Мнѣ вспоминается любопытный эпизодъ, имѣющій связь съ такого рода канавами и, кстати, хорошо характеризующій типъ прежняго одесскаго еврея. Мнѣ было лѣтъ восемь. Мы жили въ домѣ турецкаго консула Хавы, на Елисаветинской. Около дома тянулась канава, по которой въ этотъ день лился грязный потокъ. У воротъ стояла чья-то чужая собака. Я хотѣлъ прогнать ее. Она бросилась на меня и сильно искусала. Я закричалъ; на улицѣ произошелъ переполохъ; меня внесли на нашу квартиру и поскорѣе послали за докторомъ (кстати, рядомъ жилъ извѣстный въ прежнее время докторъ Прицковъ); докторъ наложилъ на укушенныя мѣста корпію. Не успѣли мы успокоиться, какъ сообщаютъ моему отцу, что пришелъ какой-то бѣдный еврей, торгующій лимонами, который непремѣнно хочетъ его видѣть по важному дѣлу.—Что вамъ угодно?—Заплатите мнѣ за мои лимоны.—За какіе лимоны?!—За тѣ, которые выпали изъ моей корзины, когда собака бросилась на вашего сына.—Какое отношеніе имѣютъ ваши лимоны къ этому случаю?—Я испугался, выпустилъ корзину, лимоны попадали въ канаву и вода ихъ унесла въ своемъ потокѣ!—Моему отцу такъ понравилось это курьезное требованіе лимонщика, что онъ не только заплатилъ ему за дюжину лимоновъ, но и поинтересовался узнать его фамилію. Его звали, вполнѣ соотвѣтственно роду его торговли, Янкелемъ Цитрономъ.

Я хорошо запомнилъ его фамилію, потому что мнѣ суждено было встрѣтиться съ этимъ Цитрономъ еще разъ, но при совершенно другой, увы! очень печальной, обстановкѣ—во время погрома евреевъ въ 1870 гг. (не помню точно годъ). Та-же характерная картина, что и въ недавнее время. Та-же шайка громилъ, пришедшая съ окраинъ города, предводительствуемая мальчишками. То-же битье стеколъ, выбрасыванье мебели, распариванье перинъ, выкатыванье бочекъ изъ кабаковъ... Но, если возможно употребить въ данномъ случаѣ это слово, въ прежнихъ погромахъ было больше «добродушія». Не было того озвѣренья, которое стало проявляться въ болѣе близкомъ къ намъ времени. Лучшей иллюстраціей такого «добродушія» можетъ служить эпизодъ съ тѣмъ-же самымъ Янкелемъ Цитрономъ.

Погромъ достигъ своего апогея на Новомъ базарѣ. Здѣсь все еврейское было разграблено, перевернуто вверхъ дномъ, уничтожено. Толпа на площади бушевала, какъ стихія. Крытыхъ рынковъ еще тогда не было. Ихъ замѣняли рундуки и будки со всякимъ товаромъ. Всѣ еврейскія будки были перевернуты и разрушены въ щепки. Гиканье погромщиковъ сливалось съ воемъ и плачемъ тысячи ограбленныхъ. Пролетали эскадроны казаковъ, они хлестали нагайками направо и налѣво кого попало, но это нисколько не мѣшало громиламъ дѣлать свое зловѣщее дѣло. И вотъ, какъ-разъ въ самомъ разгарѣ грабежа, когда всѣ евреи, переставъ защищать свой жалкій скарбъ, попрятались отъ ужаса въ свои подвалы и мины винныхъ погребовъ, вдругъ, къ общему изумленію, на площади появился знакомый мнѣ по исторіи съ собакою Цитронъ, въ своемъ длинномъ парусиновомъ лапсердакѣ, съ двумя корзинами лимоновъ на обѣихъ рукахъ.—Куда ты?—Скорѣе уходи! Тебя убьютъ! Но Цитронъ только улыбался и, успокаивая тѣхъ, кто о немъ безпокоился, словами: ша! ша!—шелъ дальше, предлагая всѣмъ свои лимоны. Это мужество, вызванное, не знаю чѣмъ, непреодолимымъ-ли инстинктомъ торговца, презрѣніемъ къ страху и къ толпѣ, или состояніемъ внезапнаго помѣшательства, подѣйствовало такъ на громилъ, что они не тронули храбреца и сопровождали его шествіе по площади громкимъ смѣхомъ.

Послѣ этихъ двухъ случаевъ я больше Янкеля Цитрона не встрѣчалъ.

Погромъ закончился отвратительнымъ зрѣлищемъ порки громилъ всенародно на той-же площади Новаго базара. Поркою было замѣнено возбужденіе уголовнаго преслѣдованія, но она не произвела никакого устрашающаго впечатлѣнія. Все время порки стоялъ на площади смѣхъ, смѣхъ среди тѣхъ, кого пороли.

Прежняя пыль, прежнее солнце, прежнія канавы!.. Картина старой Одессы была-бы, однако, еще не полна, если-бы я ничего не сказалъ о прежнихъ хлѣбныхъ магазинахъ. Вы помните открытыя двери длиннѣйшихъ каменныхъ сараевъ, наполненныхъ цѣлыми горами пшеницы? Помните-ли вы вѣяльщиковъ, лопатниковъ, пересыпавшихъ пшеницу изъ одной горы въ другую? Помните-ли пыль, захватывавшую ваши глотки, ослѣплявшую ваши глаза? За то зерно, послѣ пересыпки, теряло свою затхлость и тусклость и становилось свѣтлымъ и чистымъ, какъ золотыя крупинки.

Этихъ хлѣбныхъ магазиновъ было большое множество въ старой Одессѣ и все-таки ихъ было недостаточно для того огромнаго количества зерна, которое привозилось въ нашъ городъ въ иные годы. Отдача въ наемъ магазина была выгоднѣе эксплоатаціи жилья и многіе одесситы передѣлывали свои квартиры подъ зернохранилища. На углу Елисаветинской и Преображенской, гдѣ теперь санаторія, былъ когда-то дворецъ Сабанскихъ. Дворецъ этотъ былъ отданъ подъ хлѣбъ и долго можно было видѣть, какъ пересыпались груды зерна въ прежнихъ блестящихъ залахъ по бывшимъ паркетамъ. А надъ дверью, въ которую биндюжники сваливали пшеницу мѣшокъ за мѣшкомъ, долго красовалась мраморная доска съ мраморнымъ гербомъ.

Очень много магазиновъ было по Херсонской улицѣ: вся Безыменная площадь, гдѣ нынче университетскія клиники, была окружена ими. Эта площадь, какъ близкая къ Херсонской Заставѣ (во время порто-франко), была всегда запружена возами съ хлѣбомъ.

Пыль, канавы, солнце, саранча, хлѣбные магазины!.. Воспоминанія о нихъ уносятъ насъ въ далекое прошлое, со всѣми его недостатками. Но въ немъ была и наша молодость...

Сергѣй Ивановичъ Сычевскій.

Всегда въ черномъ, парадномъ, но давно заношенномъ и залоснившемся отъ времени сюртукѣ, въ галстухѣ, съѣхавшемъ куда-то на сторону,—толстенькій, обрюзгшій, съ лицомъ круглымъ, краснощекимъ, окаймленнымъ зачесанными назадъ волосами и совсѣмъ не чесанною черною съ просѣдью бородою—съ маленькимъ носомъ, на которомъ плохо держались очки, и со слегка прищуренными, умными глазами, всегда косившими въ одну сторону—такова была внѣшность стараго одесскаго литератора семидесятыхъ годовъ—Сергѣя Ивановича Сычевскаго.

Личность любопытная, сложная, богато одаренная, вмѣщавшая въ себѣ и большую силу, и большія слабости.

По пріѣздѣ въ Одессу изъ Херсона, Сычевскій началъ свою литературную дѣятельность критическими статьями въ «Одесскомъ Вѣстникѣ», а затѣмъ работалъ въ «Правдѣ», гдѣ я съ нимъ и познакомился. Не знаю, какія причины привели его—всегда добраго и жизнерадостнаго—къ пагубной привычкѣ пить, но пилъ онъ много и безобразно и это отразилось на всѣхъ сторонахъ его жизни и дѣятельности.

Мнѣ больно, что, сойдясь съ нимъ близко и зная многія его хорошія черты, я все же долженъ для вѣрной его характеристики остановиться долѣе, чѣмъ я бы желалъ, на доминировавшей въ немъ слабости, свойственной, увы! въ русской писательской средѣ, не одному Сычевскому.

— Пошелъ, Шарикъ! Пошелъ! Ступай домой!...

Но собака нуль вниманія на Сергѣя Ивановича и только помахиваетъ хвостомъ. Сергѣй Ивановичъ сердится, топаетъ ногой и, стараясь принять болѣе грозный видъ, внушительно повторяетъ свое: «Шарикъ, пшелъ!»... съ тѣмъ-же результатомъ. Шарикъ не только не идетъ домой а, напротивъ, какъ только Сергѣй Ивановичъ двинется, преспокойно идетъ за нимъ.

И добро-бы собака была какая-нибудь породистая, а то самая обыкновенная дворняжка, грязная, кудлатая, подслѣповатая. Что Сергѣй Ивановичъ нашелъ въ Шарикѣ интереснаго—не знаю, но они были большими друзьями. Впрочемъ, Сергѣй Ивановичъ, вообще, чувствовалъ потребность въ жалости и къ людямъ и къ животнымъ, въ особенности, когда выпьетъ.

Дома мы всѣ напередъ знали, идетъ-ли къ намъ Сергѣй Ивановичъ въ нормальномъ или ненормальномъ видѣ и именно по тому признаку, слѣдуетъ-ли за нимъ Шарикъ или нѣтъ. Когда Сергѣй Ивановичъ былъ трезвъ, голосъ его, обращенный къ собакѣ, былъ авторитетенъ и его приказаніе оставаться дома исполнялось Шарикомъ безъ разсужденій. Но когда хозяинъ былъ пьянъ, то никакія его приказанія и угрозы не дѣйствовали, и собака неотступно шла за нимъ повсюду.

Бѣдный Сергѣй Ивановичъ! Умный, деликатный, жалостливый, онъ чувствовалъ себя совсѣмъ не въ своей тарелкѣ, когда былъ въ нормальномъ состояніи. Чтобы придти въ себя, развернуть свои сокрытыя силы и проявить свои душевные порывы, ему непремѣнно нужно было напиться и напиться основательно. Тогда съ нимъ происходило нѣчто стихійное: свѣтлыя вспышки широкой любящей души и огромнаго ума чередовались съ безобразными проявленіями чрезмѣрнаго самосомнѣнія и грязнаго цинизма.

Сергѣй Ивановичъ любилъ кабакъ и чѣмъ кабакъ былъ хуже, тѣмъ онъ чувствовалъ себя въ немъ свободнѣе. Онъ не любилъ и не могъ пить одинъ. Графинъ съ водкою стоялъ предъ нимъ наполненный, Сергѣя Ивановича мучила жажда, но онъ не касался живительной влаги, мучаясь еще другою, большею, жаждою—найти человѣка, который составилъ-бы ему компанію. И онъ этого человѣка очень часто бралъ прямо съ улицы. Впослѣдствіи въ трезвыя минуты Сергѣй Ивановичъ высказывалъ, что во всякомъ человѣкѣ, въ особенности въ тѣхъ, съ кѣмъ сходишься случайно, есть душа, какъ въ каждомъ домѣ, по увѣренію Кречинскаго, есть деньги — надо лишь только знать, какъ до нея добраться—и не отрицалъ, что выпивка много способствуетъ душевному расположенію.

На углу Тираспольской улицы и Преображенской была нѣкогда пивная подъ названіемъ «Золотой Якорь». Вотъ здѣсь Сергѣй Ивановичъ жилъ; — можно сказать жилъ, потому, что онъ проводилъ здѣсь и дни и ночи и здѣсь-же писалъ свои статьи въ газеты. Публика собиралась сюда самая разношерстная; между нею находились личности не только подозрительныя, но и явно грязныя: жирные ростовщики, содержатели домашнихъ ссудныхъ кассъ, какихъ прежде, до учрежденія ломбарда, было въ Одессѣ большое множество, мужья хозяекъ увеселительныхъ заведеній, мелкіе биржевые маклера, которымъ Фанкони еще не оказывалъ тогда такого широкаго гостепріимства, кутящіе приказчики, бездомные артисты, любящіе пофилософствовать литераторы и просто всякіе пропойцы.

Сычевскій чувствовалъ себя здѣсь въ своемъ царствѣ. Онъ не только не гнушался пожимать руку всякому проходимцу, но, напротивъ, находилъ въ этомъ какое-то особое удовольствіе, какъ будто онъ исполнялъ свой долгъ, оказывая этому обвѣшанному невыкупленными золотыми цѣпочками ростовщику свою нравственную поддержку. Въ

Сергѣѣ Ивановичѣ было всегда нѣчто Мармеладовское (не даромъ онъ такъ хорошо зналъ и любилъ Достоевскаго), но это сказывалось въ немъ не столько въ видѣ жалости къ себѣ, сколько въ жалости къ порочности другихъ. Онъ любилъ произносить рѣчи на моральныя темы, обращая свою проповѣдь въ упоръ къ завѣдомому негодяю, доказывая ему всю его подлость и обзывая его соотвѣтственными именами. Но тотъ, какъ разъ какъ Шарикъ, не повиновавшійся нетрезвому голосу Сычевскаго, преспокойно слушалъ его и даже соглашался съ его неотразимыми доводами, но нисколько не исправлялся и не измѣнялъ своихъ привычекъ...

Однажды, Сергѣй Ивановичъ, пригласивъ меня къ себѣ (это было въ краткіе дни, когда онъ жилъ дома), указалъ мнѣ на мальчишку, котораго онъ заперъ въ чуланъ.

— Вотъ помогите мнѣ—сказалъ онъ—наставить на путь истины этого воришку. Я его поймалъ сегодня утромъ въ своей комнатѣ, когда онъ собирался стибрить мои сапоги, и вотъ съ утра я стараюсь урезонить его, чтобы онъ исправился; а онъ молчитъ, какъ убитый. Ну, выходи!— крикнулъ онъ мальчику.

Изъ чулана вышелъ какой-то грязный комочекъ, слюнявый, заплаканный, дрожащій весь отъ страха. Несчастный видъ его произвелъ какъ на меня, такъ и на самого Сергѣя Ивановича такое удручающее впечатлѣніе, что строгій судья не выдержалъ и вскрикнувъ: «а ну ее къ чорту, дурацкую мораль!», далъ мальчику двугривенный и отпустилъ его на всѣ четыре стороны.

Сергѣй Ивановичъ пилъ безконечно много и водки, и пива. У него была странная особенность: выпьетъ три рюмки—ничего, а какъ только пропустилъ четвертую — дѣлается звѣремъ: кричитъ, бранится, неистовствуетъ, скандалитъ. Затѣмъ, продолжая пить, понемногу приходитъ въ себя и, не помню на какой по счету рюмкѣ, ста-

новится вдохновеннымъ. Люди, близко знавшіе Сычевскаго, считались съ этою его особенностью и если хотѣли, чтобы онъ свободно проявилъ свои необыкновенныя способности, то ждали момента его полнаго опьяненія.

Сергѣй Ивановичъ обладалъ феноменальною памятью, оказавшею ему огромную услугу въ его культѣ великихъ людей: онъ не признавалъ ничего средняго, посредственнаго и любилъ изучать творенія лишь великихъ богатырей поэзіи и мысли. Владѣя великолѣпно языками англійскимъ, нѣмецкимъ и французскимъ, онъ зналъ почти наизусть всего Шекспира и могъ процитировать «Фауста» Гете отъ первой строки до послѣдней. Виктора Гюго онъ боготворилъ. Нечего и говорить, что онъ зналъ на память всѣхъ русскихъ поэтовъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ основательнымъ знатокомъ классической литературы и на потѣху подзадоривавшихъ его собутыльниковъ говорилъ и по латыни, и по гречески и по санскритски.

По роду своей литературной дѣятельности Сычевскій былъ критикъ: онъ долго и много писалъ сначала въ «Одесскомъ Вѣстникѣ», потомъ въ «Правдѣ» на темы о Шекспирѣ, о Байронѣ, о Гете, о Достоевскомъ и о Викторѣ Гюго; но статьи его были, хотя и интересными, все-же не такими вдохновенными, какъ его бесѣды. На столбцахъ газетъ онъ не чувствовалъ себя дома; за то, какъ говорятъ, онъ былъ прекраснымъ лекторомъ и публичныя его лекціи въ Херсонѣ, еще во времена его тамъ учительства, производили чарующее впечатлѣніе на молодежь. Но я лично зналъ его лишь въ его бытность въ Одессѣ и въ Кіевѣ.

Жить было трудно, у Сергѣя Ивановича была прекрасная жена, отличная музыкантша-піанистка, которую онъ боготворилъ; надо было работать, а тутъ пагубная страсть къ спирному питью!.. Вотъ Сергѣй Ивановичъ изъ чистаго литератора сдѣлался газетнымъ сотрудникомъ на всѣ руки, причемъ большинство своихъ статей онъ писалъ не въ редакціи газетъ, а въ тѣхъ пивныхъ, гдѣ проводилъ большую часть своей жизни (долженъ оговориться, что все, что я здѣсь пишу о Сергѣѣ Ивановичѣ, относится къ послѣднимъ его годамъ). И сталъ писать онъ одинаково легко: о разведеніи табаку на Кавказѣ и о Тисса-Эзларскомъ процессѣ въ Венгріи, и о новомъ цензурномъ уставѣ, и о земствѣ, и о театрѣ, и о городскомъ общественномъ самоуправленіи. Но всегда писалъ онъ въ прогрессивномъ духѣ, освѣщая всѣ свои статьи свѣточемъ правды и вѣротерпимости.

Какъ театральный рецензентъ, онъ былъ немного тяжелъ. Вообще, обо всемъ онъ любилъ писать длинно, онъ не умѣлъ дѣлать краткія характеристики или давать мѣткія указанія. Но это тогда, когда онъ писалъ въ газетахъ. А если пойти за нимъ въ пивную послѣ театра (что и дѣлали многіе артисты), то въ живой бесѣдѣ онъ проявлялъ чудеса остроумія и тонкой наблюдательности. Правда, въ бесѣду вмѣшивались совершенно ничего общаго съ искусствомъ не имѣвшіе люди, но это Сергѣя Ивановича только вдохновляло.

Разнообразіе писательской дѣятельности Сычевскаго и его легкая приспособляемость ко всякимъ обстоятельствамъ были таковы, что въ Кіевѣ, куда онъ вынужденъ былъ переѣхать послѣ того какъ редакціи одесскихъ газетъ, извѣрившись въ его аккуратности, стали отказываться отъ его сотрудничества—онъ при мнѣ писалъ одновременно: заказанную ему докладную записку о необходимости учрежденія при земельныхъ банкахъ особыхъ контрольныхъ комитетовъ, статью о всероссійскомъ пьянствѣ для газеты «Кіевлянинъ», либретто для оперы на использованный впослѣдствіи другимъ сюжетъ изъ «Дубровскаго» Пушкина и, кромѣ того еще... Но объ этой послѣдней работѣ я долженъ разсказать особо.

Въ то время въ Кіевѣ начальникомъ эксплоатаціи юго-западныхъ желѣзныхъ дорогъ былъ Сергѣй Юльевичъ Витте. Человѣкъ большого практическаго ума и еще большаго тщеславія Витте мечталъ уже тогда о томъ, чтобы подняться выше своего скромнаго кіевскаго поста и принять личное участіе въ государственныхъ дѣлахъ. Онъ ради этого всю свою жизнь учился, не задумываясь передъ тѣмъ, чтобы начать съ азовъ то, чему онъ не успѣлъ научиться въ школѣ. Извѣстно, что своимъ первымъ основательнымъ знакомствомъ съ политическою экономіею онъ былъ обязанъ, уже будучи начальникомъ ю.-з. ж. дор., профессору А. Я. Антоновичу (разсказывали, впрочемъ, что наоборотъ, Сергѣй Юльевичъ помогъ Афиногену Яковлевичу въ составленіи его «Руководства къ наукѣ общественной домовитости», но легче допустима первая версія). Вообще, Сергѣй Юльевичъ умѣлъ отлично пользоваться знаніями окружавшихъ его людей и помощниковъ и когда онъ перешелъ на высшій постъ въ Петербургъ, то первымъ дѣломъ позаботился взять съ собою своихъ ближайшихъ кіевскихъ сотрудниковъ. Вызвалъ онъ туда впослѣдствіи и профессора А. Я. Антоновича, котораго помогъ возвести въ званіе товарища министра,—но вскорѣ въ немъ разочаровался.

Такъ вотъ въ этотъ подготовительный кіевскій періодъ къ его будущей государственной дѣятельности, Сергѣй Юльевичъ задумалъ написать книгу о желѣзнодорожныхъ тарифахъ, проводя въ ней, на сколько мнѣ помнится, мысль о томъ, что государство должно изъять изъ рукъ частныхъ ж.-д. обществъ тарифное дѣло и взять урегулированіе его на себя. Но ту или иную мысль нужно было выразить гладко, понятно и литературно, а Сергѣй Юльевичъ на счетъ этого былъ слабъ и въ помощь себѣ для этой цѣли онъ, не помню по чьей рекомендаціи, пригласилъ Сергѣя Ивановича Сычевскаго.

По цѣлымъ вечерамъ они работали вмѣстѣ. Сергѣй Юльевичъ, шагая по комнатѣ, высказывалъ свои мысли вслухъ, а Сергѣй Ивановичъ слушалъ его, дѣлалъ свои письменныя замѣтки, и затѣмъ, вернувшись домой, перерабатывалъ ихъ на чисто по своему. Такимъ образомъ, по словамъ покойнаго Сычевскаго, въ общемъ счетѣ, въ «Принципы желѣзнодорожныхъ тарифовъ» Витте вошло гораздо болѣе мыслей Сергѣя Ивановича нежели Сергѣя Юльевича.

Какимъ-то чудомъ Сычевскій успѣлъ довести свою работу съ Витте до конца, не смотря на то, что пагубная страсть его не покидала. Сергѣй Юльевичъ относился къ его слабости снисходительно, вѣроятно, потому, что въ моменты опьяненія Сычевскій былъ въ состояніи лучше проникать въ чужія, не совсѣмъ для самаго автора ясныя мысли. За то когда пришлось перейти къ печатанію книги Витте и корректура и наблюденіе за печатаніемъ были поручены Сычевскому, то вышелъ скандалъ. По своей одесской привычкѣ Сергѣй Ивановичъ избралъ своею постоянною резиденціею въ Кіевѣ довольно низкопробную пивную, куда и сталъ приносить для просмотра корректурные листы. Работая и вмѣстѣ съ тѣмъ увлекаясь бесѣдами съ собутыльниками, онъ сталъ все хуже наблюдать за ходомъ печатанія книги и въ одинъ несчастный день растерялъ въ пивной виттевскіе «Принципы», т. е., говоря профессіональнымъ языкомъ, потерялъ оригиналъ, съ котораго набиралась книга.

Можно себѣ вообразить негодованіе Сергѣя Юльевича. Но потеря была непоправима—и дѣло созданія принциповъ надо было начинать съ начала. Сергѣй Ивановичъ Сычевскій, былъ, конечно, устраненъ отъ этой работы; она была поручена другому труженику печати, тоже талантливому и на всѣ руки мастеру, и тоже безнадежному

алкоголику, извѣстному въ журнальномъ мірѣ Кіева — Новицкому.

Сергѣй Ивановичъ умеръ въ Одессѣ въ страшной бѣдности, но ему были устроены великолѣпныя похороны при содѣйствіи «Одесскаго Листка»; оставилъ онъ послѣ себя память какъ о выдающейся скрытой душевной и умственной силѣ, которой повседневная сѣренькая жизнь не давала достаточнаго простора для проявленія.

Въ наше время какъ будто легче проявить свои силы, но силы-то уже не тѣ...

Григорій Григорьевичъ Маразли.

Отецъ Григорія Григорьевича Маразли, Григорій, если не ошибаюсь, Ивановичъ, былъ старожиломъ Одессы уже тогда, когда ей еще не было и 25 лѣтъ существованія.

Онъ нажилъ состояніе коммерціей и исполнялъ при графѣ Ланжеронѣ разныя общественныя обязанности.

Я упоминалъ уже, однажды, что въ первые годы Одессы ея градоправители широко пользовались такъ называемыми общественными силами, т. е. часто обращались, въ трудныя минуты, къ совѣтамъ и содѣйствію лицъ, не занимавшихъ въ городѣ никакихъ оффиціальныхъ должностей, но полюбившихъ свою новую родину и готовыхъ сдѣлать все для ея блага.

Наиболѣе яркимъ проявленіемъ общественности въ старой Одессѣ было добровольное участіе горожанъ всѣхъ состояній и сословій, въ отвѣтъ на призывъ герцога Ришелье, въ дѣйствіяхъ администраціи по оказанію помощи правительству въ тяжелое время 1812 года.

Нашествіе Наполеона на Россію и внезапная вспышка чумной эпидеміи въ Одессѣ сплотили вокругъ Ришелье всѣхъ именитыхъ гражданъ (въ томъ числѣ былъ и мой дѣдъ, Феликсъ де-Рибасъ, получившій особую благодарность и медаль за участіе въ борьбѣ съ чумою).

Принесли тогда одесситы на дѣло спасенія отечества и родного города крупныя жертвы трудомъ и деньгами.

Когда потомъ, при графѣ Ланжеронѣ, поднятъ былъ вопросъ о введеніи въ Одессѣ оказавшаго ей столько блага порто-франко, администраціи вновь понадобилось дружное содѣйствіе гражданъ.

Въ числѣ призванныхъ Ланжерономъ, какъ по дѣлу порто-франко, такъ и по другимъ, добрыхъ совѣтчиковъ (hommes de bon conseil), состоялъ и Маразли.

Любопытенъ фактъ, что отецъ бывшаго нашего городского головы оказалъ особую услугу Одессѣ въ чисто хозяйственномъ вопросѣ, ставшемъ впослѣдствіи предметомъ особенныхъ заботъ Григорія Григорьевича—въ вопросѣ о водоснабженіи города посредствомъ «общественныхъ колодцевъ».

Суть въ томъ, что было время, когда въ Одессѣ не только не существовало водопровода, но не было и тѣхъ цистеренъ», каменныя вышки которыхъ сохранились теперь еще въ немногихъ старыхъ домахъ. Населеніе пользовалось водою изъ бившихъ въ разныхъ балкахъ ключей и фонтановъ и изъ колодцевъ, которые жители рыли безъ всякой системы въ разныхъ частяхъ города.

Рыли колодецъ, вода оказывалась соленоватою, колодецъ бросали, рыли другой и т. д. Кромѣ того, колодцы эти составляли частную собственность усадьбовладѣльцевъ, и населеніе, не имѣвшее въ Одессѣ домовъ, переплачивало за воду большія деньги.

Вотъ въ этомъ-то вопросѣ и пришла администрація на помощь населенію. Была образована спеціальная комисія изъ нѣсколькихъ именитыхъ гражданъ — въ томъ числѣ Маразли-отецъ — для приведенія въ извѣстность всѣхъ въ Одессѣ частныхъ колодцевъ и фонтановъ и для устройства «общественныхъ колодцевъ».

Мнѣ разсказывалъ одинъ почтенный старожилъ, что онъ помнитъ время, когда въ Одессѣ на самой срединѣ Большой-Арнаутской улицы зіяло нѣсколько такихъ «общественныхъ колодцевъ», откуда забирали воду бабы ведрами и знаменитые одесскіе водовозы.

Но во времена этого старожила, сравнительно молодого еще человѣка, были уже, кромѣ колодцевъ, и цистерны. Цистерны эти давали роскошную воду, которою пользовались зажиточные люди для столоваго питья и для самоваровъ. Нѣкоторые домовладѣльцы, располагавшіе на своихъ домахъ большимъ протяженіемъ желѣзныхъ крышъ, получали въ своихъ цистерняхъ такое обиліе дождевой воды, что продавали ее ведрами и наживали на ней большія деньги (одинъ домовладѣлецъ получилъ отъ дождевой воды свыше 6 тысячъ рублей дохода въ годъ).

Кромѣ службы городу, Маразли-отецъ много поработалъ и на пользу своихъ соотечественниковъ—грековъ, участвуя въ учрежденіи въ Одессѣ разныхъ просвѣтительныхъ и благотворительныхъ греческихъ обществъ.

Многіе одесситы, помнящіе стихи Пушкина изъ его Евгенія Онѣгина :

Я жилъ тогда въ Одессѣ пыльной
. . . .
Гдѣ ходитъ гордый славянинъ,
Французъ, испанецъ, армянинъ,
И грекъ, и молдаванъ тяжелый,
И сынъ египетской земли,
Корсаръ въ отставкѣ Морали

думали, что поэтъ имѣлъ въ виду отца Григорія Григорьевича Маразли, котораго не назвалъ полной фамиліей изъ деликатности; но мой отецъ, въ одномъ изъ своихъ очерковъ, помѣщенныхъ въ Правдѣ», точно разъяснилъ, что между Морали и Маразли рѣшительно ничего общаго не было.

Пушкинъ видѣлъ на улицахъ Одессы настоящаго корсара въ отставкѣ, какихъ не мало было у насъ въ его время.

А Маразли былъ самымъ обыкновеннымъ, но почетнымъ негоціантомъ.

Заговорилъ я объ отцѣ Григорія Григорьевича по поводу присланныхъ мнѣ отъ одного любезнаго старожила воспоминаній о нашемъ покойномъ городскомъ головѣ.

Интересныя воспоминанія эти не охватываютъ всей біографіи одного изъ виднѣйшихъ общественныхъ дѣятелей нашего города, но отлично его характеризуютъ въ домашней и общественной жизни.

Когда-нибудь слѣдовало-бы написать болѣе подробную біографію Г. Г. Маразли. А пока ограничусь сообщеніемъ, что отецъ его далъ ему отличное свѣтское воспитаніе, сначала домашнее, а потомъ въ Ришельевскомъ лицеѣ. Григорій Григорьевичъ состоялъ гласнымъ одесской думы съ 1866 года и городскимъ головою съ 20 сентября 1878 года до 1895 года.

Передаю слово моему симпатичному сотруднику:

Послѣдняя четверть XIX ст. исторія Одессы тѣсно связана съ управленіемъ города городскимъ головою Г. Г. Маразли и его ближайшими сотрудниками. Имъ мы посвятимъ свои бѣглыя воспоминанія и впечатлѣнія.

Раннею весной, въ четвергъ на страстной недѣлѣ священникъ читаетъ двѣнадцать Евангелій въ церкви училища садоводства, помѣщавшагося въ половинѣ восьмидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія на Маломъ-Фонтанѣ, дача Маразли. Въ числѣ молящихся находятся одесскій городской голова Г. Г. Маразли, его товарищъ баронъ Витте и нѣсколько знакомыхъ. Въ теченіе съ небольшимъ часа времени чтеніе Евангелій было окончено, такъ что къ семи часамъ вечера всѣ названныя лица успѣли пріѣхать съ Малаго-Фонтана въ домъ Г. Г. Маразли на углу Дерибасовской и Пушкинской, гдѣ ихъ ждалъ обѣдъ радушнаго хозяина. Г. Г. Маразли не былъ женатъ, поэтому за обѣденнымъ его столомъ собиралось исключительно мужское общество, неизмѣнно въ числѣ шести лицъ, включая сюда хозяина. Предъ началомъ обѣда Г. Г. Маразли становился у входа въ столовую, пропуская мимо себя приглашенныхъ гостей, которые направлялись къ роскошно сервированному закусочному столу. За столомъ мѣсто напротивъ хозяина неизмѣнно занималъ ежедневный собесѣдникъ Г. Г. Маразли, который въ то время несъ обязанности товарища городского головы, сперва баронъ Витте, затѣмъ профессоръ В. Н. Лигинъ. Болѣе почетный гость садился справа отъ хозяина, остальныя лица—Стамеровъ, Кумбари, Хіонаки занимали обычныя свои мѣста.

Страдая болѣзнью глазъ, Г. Г. Маразли, садясь за обѣденный столъ, надѣвалъ зеленый зонтикъ, скрывавшій все его лицо. Прислуга во фракахъ подавала кушанья и наливала вина, шепча ихъ названія: мадера, бордо или бургонское, кипрское. По окончаніи обѣда, Г. Г. Маразли снова становился у входной двери столовой и пропускалъ мимо себя своихъ гостей, которые пожимали ему руку и направлялись въ бильярдную и кабинетъ. Здѣсь хозяинъ садился въ глубокое кресло, и взявъ въ руки лежавшія на столикѣ четки, медленно перебиралъ ихъ, чтобы не заснуть. Приглашенный посторонній, не принадлежавшій къ числу завсегдатаевъ, садился по близости хозяина, поддерживая съ нимъ бесѣду. Такую бесѣду Г. Г. Маразли очень любилъ и старался залучить къ себѣ интересныхъ для него собесѣдниковъ. Пріѣдетъ въ Одессу выдающійся артистъ, онъ получаетъ приглашеніе на обѣдъ.

Въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ Одессу посѣтила мейнингенская драматическая труппа, во главѣ которой стоялъ директоръ въ чинѣ тайнаго совѣтника. Это послѣднее обстоятельство открыло ему двери въ домѣ Г. Г. Маразли, который, оставаясь вѣренъ своему принципу амфитріона, пригласилъ директора «мейнингенцевъ» на обѣдъ. За столомъ рѣчь зашла о герцогѣ мейнингенскомъ, создав-

шемъ образцовую драматическую труппу. Въ своей любви къ театру, говорилъ директоръ, герцогъ не остановился передъ женитьбой на актрисѣ послѣ смерти своей первой жены изъ княжескаго рода. «Der Mahn hat Courrage!» со вздохомъ заключилъ свое повѣствованіе директоръ.

Мейнингенцы» давали въ Одессѣ на сценѣ новаго городского театра «Смерть Валенштейна» трагедію Шиллера, «Юлія Цезаря» Шекспира, «Ифигенію въ Тавридѣ» Гете, «Заговоръ Фіеско въ Генуѣ» Шиллера. Для исполненія массовыхъ сценъ, гдѣ нужно было воспроизвести движеніе толпы, на площади, улицъ, въ обширныхъ залахъ замка,—«Мейнингенцы» прибѣгали къ содѣйствію мѣстныхъ солдатъ, которыхъ обучали въ нѣсколько репетицій и дѣлали изъ нихъ римлянъ въ «Юліи Цезарѣ», рыцарей въ «Смерти Валенштейна».

Пѣвецъ басъ изъ парижской оперы Морель пріѣхалъ въ Одессу и поставилъ оперу «Фаустъ» Гуно, въ которой онъ исполнялъ роль Мефистофеля. Наканунѣ своего дебюта на одесской сценѣ, онъ обѣдалъ у Маразли и говорилъ, что каменный помостъ, устроенный изъ пожарной предосторожности между рампой и сценой гдѣ стоятъ артисты, производитъ на него расхолаживающее впечатлѣніе и мѣшаетъ установить непосредственное общеніе съ зрителями.

Директоръ московской музыкальной консерваторіи В. И. Сафоновъ впервые посѣтилъ весной 1896 г. Одессу, когда дирижировалъ двумя концертами въ Городскомъ театрѣ. Одесситы отнеслись съ перваго-же раза въ высшей степени сочувственно къ русскому дирижеру. Неоднократно во время двухнедѣльнаго своего пребыванія въ Одессѣ В. И. Сафоновъ бывалъ приглашенъ къ Г. Г. Маразли на обѣды, которые характеризовалъ въ слѣдующемъ двустишіи:

„Обѣдали у Маразли вы?
„Тамъ за столомъ ума разливы!“

Выйдя изъ-за стола послѣ обѣда, Г. Г. Маразли садился въ кресло и бралъ въ руки четки, перебирая которыми думалъ разогнать дремоту. Входитъ слуга во фракѣ и докладываетъ:

«Ихъ превосходительство генеральша К.... изволили спрашивать по телефону: какъ здоровье вашего превосходительства?». На что Г. Г. Маразли, похлопавъ четками, отвѣчалъ: «Скажите ихъ превосходительству генеральшѣ К..., что мое здоровье хорошо!».

Слуга говоритъ: «Слушаюсь» и уходитъ, но чрезъ нѣсколько минутъ возвращается и докладываетъ: «Ихъ превосходительство генеральша К... просятъ прислать за ними экипажъ».

Г. Г. Маразли, оживляясь, приказываетъ: «пошлите!».

Вскорѣ слышится шумъ выѣзжающаго изъ двора экипажа, который стоялъ уже наготовѣ, такъ какъ описанная сцена повторялась ежедневно и дѣйствующія лица хорошо изучили свои роли.

Очень рѣдко Г. Г. Маразли приглашалъ къ себѣ одесское общество. По случаю столѣтія города Одессы, онъ устроилъ у себя на дачѣ, на Маломъ-Фонтанѣ, вечеръ съ фейерверками и иллюминацией, да въ другой разъ въ концѣ девяностыхъ годовъ зимой пригласилъ къ себѣ на любительскій спектакль, въ которомъ принимала видное участіе М. Ф. Кичъ, игравшая роль маркизы во французскомъ водевилѣ вмѣстѣ съ барономъ Штейгеромъ, исполнявшимъ роль ея поклонника. Участіе М. Ф. Кичъ въ любительскомъ спектаклѣ въ домѣ Маразли, заставило говорить, что «Маразли кичится!».

Нѣсколько лѣтъ спустя Г. Г. Маразли обвѣнчался съ М. Ф. Кичъ.

Въ теченіе почти семнадцати лѣтъ Г. Г. Маразли состоялъ одесскимъ городскимъ головой. Неся свою общественную службу, онъ вдохновлялся видѣнными имъ

примѣрами вліятельныхъ «Bürgermeister'овъ» въ Германіи. Пріѣхавъ въ деревню «Oberamergau», гдѣ каждыя десять лѣтъ ставятъ мистеріи изъ жизни и смерти Іисуса Христа,—Г. Г. Маразли не нашелъ для себя помѣщенія, такъ какъ наплывъ пріѣзжихъ былъ такъ великъ, что все было занято. Онъ немедленно обратился къ «Bürgermeister'у» деревни Обергамергау, ссылаясь на свое званіе одесскаго городского головы, чтобы получить приличную квартиру, но въ виду встрѣтившихся затрудненій, разразился восклицаніями, что, если-бы «Bürgermeister» деревни Обераmергау пріѣхалъ въ Одессу, то одесскій городской голова сумѣлъ-бы позаботиться о доставленіи ему удобнаго помѣщенія. Когда Г. Г. Маразли, вернувшись въ Одессу, разсказалъ о своемъ посѣщеніи мистеріи въ Оберамергау и о томъ, что зрителей собралось свыше пяти тысячъ человѣкъ, пріѣхавшихъ со всѣхъ концовъ свѣта, то слушавшій его графъ А. Г. Строгановъ охладилъ всѣ эти восторги краткимъ замѣчаніемъ: «cinq mille imbéciles!».

За все время управленія городскими дѣлами Одессы Г. Г. Маразли испыталъ одну непріятность, глубоко имъ прочувствованную. Дѣятельность Маразли и его ближайшихъ сотрудниковъ сначала была направлена на внѣшнее украшеніе города. Устроили Александровскій паркъ, выстроили новый городской театръ. Весной 1888 г. бывшій тогда генералъ-губернаторъ и командующій войсками генералъ Роопъ пригласилъ гласныхъ городской думы къ себѣ во дворецъ въ день Св. Троицы послѣ окончанія соборной литургіи. Гласные, празднично настроенные и въ праздничныхъ нарядахъ, направились въ домъ генералъ-губернатора, думая, что ихъ ожидаетъ радушно предложенный затракъ. Собрались въ залѣ, сгруппировались и ждутъ. Открывается дверь и въ ней показывается невысокая фигура генерала Роопа, который, отчетливо произнося каждое слово, говоритъ:

«Сады устраивать умѣете, а чистое бѣлье для больныхъ въ городской больницѣ доставлять не умѣете...» послѣ чего генералъ Роопъ повернулся и двери за нимъ закрылись. Гласные нѣкоторое время молчали, затѣмъ молча разошлись, затаивъ волновавшія ихъ чувства. Слабымъ утѣшеніемъ являлось воспоминаніе, что при осадѣ крѣпости Карса въ послѣднюю турецкую войну 1876 — 77 года генералъ Роопъ командовалъ пѣхотной дивизіей, которую поэтому называли «ропкая дивизія».

Лѣтніе мѣсяцы Г. Г. Маразли проводилъ сперва въ Карлсбадѣ, гдѣ пользовался большой извѣстностью подъ именемъ Excellenz Marasly, затѣмъ ѣхалъ въ Парижъ, неизмѣнно возвращаясь въ августѣ на свою малофонтанскую роскошную дачу.

Нѣсколько лѣтъ позже, въ одну изъ такихъ заграничныхъ поѣздокъ Г. Г. Маразли, я съ нимъ встрѣтился въ Парижѣ, гдѣ мы оба жили въ «Grand Hôtel» на бульварѣ Капуцинъ. Г. Г. Маразли былъ не одинъ, съ нимъ пріѣхалъ старикъ Стамеровъ, директоръ Бессарабско-Таврическаго банка въ Одессѣ и П. Н. Кичъ съ женой, которая нѣсколько лѣтъ спустя вышла замужъ за Г. Г. Маразли.

Г. Г. Маразли знавалъ Парижъ въ лучшіе молодые годы своей жизни. Окончивъ курсъ въ одесскомъ Ришельевскомъ лицеѣ въ концѣ сороковыхъ годовъ, онъ подолгу жилъ въ Парижѣ во времена блеска второй французской имперіи Наполеона III. Здѣсь онъ посѣщалъ театры, былъ принятъ въ обществѣ артистовъ. Изданная въ восьмидесятыхъ годахъ книга «Sarah Barnoum», посвященная характеристикѣ знаменитой актрисы Сарры Бернаръ, упоминаетъ о томъ, что богатый одесскій грекъ Маразли бывалъ у нея и оказывалъ ей свое покровительство.

Въ одесскомъ своемъ домѣ, на углу Дерибасовской Г. Г. Маразли собралъ не мало картинъ, преимущественно иностранныхъ художниковъ, фарфоровъ, разставленныхъ

на многочисленныхъ этажеркахъ въ верхнемъ этажѣ дома; здѣсь-же, но только въ нижнемъ этажѣ, помѣщалась обширная библіотека, нынѣ переданная въ одесскую городскую библіотеку.

Другое собраніе иного рода находилось въ примыкающихъ къ дому надворныхъ постройкахъ,—это изданные на средства Г. Г. Маразли переводы русскихъ писателей на греческій языкъ. Количество изданныхъ книгъ было столь велико, что тяжесть ихъ угрожала цѣлости постройки, гдѣ онѣ хранились; сбыта-же ихъ среди греческой читающей публики не было никакого.

Будучи крупнымъ землевладѣльцемъ, Г. Г. Маразли отдавалъ свои земли въ аренду и лично не содѣйствовалъ поднятію сельскаго хозяйства; онъ не создалъ никакой отрасли промышленности, подобно тому, какъ князь Воронцовъ, а за нимъ князь Л. С. Голицынъ, содѣйствовали развитію винодѣлія въ Крыму.

Занимая должность одесскаго городского головы, онъ окружилъ себя сотрудниками, среди которыхъ обращали на себя вниманіе товарищъ головы баронъ Витте, устроитель одесскихъ садовъ, члены управы генералъ Минчіаки, бывшій одесскій полиціймейстеръ, Хари, завѣдывавшій финансами, наконецъ, профессоръ В. Н. Лигинъ, руководившій народнымъ образованіемъ.

Несмотря на свое иностранное происхожденіе,—Г. Г. Маразли былъ грекъ по рожденію—несмотря на недостаточное владѣніе русскимъ языкомъ, столь извинительное по словамъ Пушкина:

„Безъ грамматической ошибки
„Я русской рѣчи не люблю"...

Г. Г. Маразли вошелъ въ условія русской дѣйствительности и приспособился къ той средѣ, въ которой жилъ и дѣйствовалъ, ассимилировался съ нею и достигъ совершеннаго «мимикри» по выраженію соціологовъ, характеризующихъ этимъ терминомъ сліяніе индивида съ окружающей средой.

Несомнѣнно, Г. Г. Маразли внесъ своей многолѣтней дѣятельностью улучшеніе въ строй жизни одесскаго общества и этимъ заслужилъ прочувственное слово, сказанное С. И. Знаменскимъ при его погребеніи и приглашавшимъ его «остановиться», т. е. еще мгновеніе побыть съ тѣми, кто привыкъ рука объ руку съ нимъ идти по жизненному пути.

Прежніе пансіоны — Хотовицкаго, Ришельевской гимназіи и другіе.

Я выскажу сейчасъ ересь: не мѣшайте дѣтямъ быть разбойниками. Изъ разбойниковъ-дѣтей выходятъ прекрасные взрослые люди. Существовала въ Одессѣ много лѣтъ тому назадъ частная 8-классная гимназія Хотовицкаго. Въ нее попадали исключительно мало успѣвавшіе, выброшенные изъ казенныхъ гимназій, ученики. Это были въ большинствѣ сорванцы, лѣнтяи и разбойники. Я состоялъ въ этой гимназіи преподавателемъ французскаго языка, когда мнѣ было всего двадцать лѣтъ, а передо мною на скамьяхъ сидѣли балбесы въ 22 года, сыновья помѣщиковъ, недисциплинированные, избалованные, готовые причинить учителю и своимъ-же товарищамъ всяческую пакость. Гимназія эта была чѣмъ-то вродѣ «бурсы» Помяловскаго.

Завѣдывали ею отставной, если не ошибаюсь, полковникъ Хотовицкій и его жена—преимущественно жена. Она принимала учениковъ и преподавателей, присутствовала на занятіяхъ во всѣхъ классахъ, дѣлала выговоры провинившимся и чуть не сама ихъ наказывала.

У Хотовицкаго была дочка. Бѣдная! Я не могу безъ чувства грусти вспомнить о ней. Блѣдная, немощная, съ горящими глазами, она проходила весь курсъ гимназіи вмѣстѣ съ мальчиками. Одна дѣвочка на полтораста сорванцовъ! Самолюбивая, работящая, подъ строгимъ и требовательнымъ надзоромъ родителей, она учила, зубрила уроки и вѣчно мучилась недостаточнымъ ихъ знаніемъ. Я не замѣтилъ ни разу въ ней выраженія радости. Помню экзаменъ. При одномъ вопросѣ она сбилась, поблѣднѣла и упала въ обморокъ. Хотовицкіе любили свою дочь, но своими неумѣлыми педагогическими пріемами сами свели ее въ могилу. Она умерла, не окончивъ гимназіи.

Не только во время «перемѣнъ», но и во время самихъ занятій—въ классахъ стоялъ такой шумъ и гамъ, что никакое правильное преподаваніе было невозможно. Выгонишь ученика изъ класса—онъ въ восторгѣ; за нимъ просятся другіе. Поставишь кого нибудь въ уголъ, — онъ своими гримасами смѣшитъ весь классъ. Пригрозишь ученику исключеніемъ изъ гимназіи—сами Хотовицкіе вступятся за него. Худшіе ученики вносили наибольшую плату.

Единственнымъ средствомъ поддержать порядокъ и тишину въ классѣ было возбудить въ ученикахъ интересъ къ данному уроку. Приходилось, внѣ всякой программы, переходить къ разсказу чего-нибудь интереснаго. При всемъ озорничествѣ учениковъ, въ нихъ — въ каждомъ изъ нихъ—есть чисто дѣтская жажда ко всему чудному, дивному, занимательному. И счастливъ былъ тотъ преподаватель, который умѣлъ привлечь къ себѣ дѣтское вниманіе.

Въ числѣ преподавателей гимназіи Хотовицкаго были учителя: русскаго языка—А. И. Желябовъ, исторіи—Смоленскій, математики—Розенбергъ и другіе.

Боже! Что продѣлывали гимназисты со своими классными надзирателями! Ѣздили на нихъ верхомъ, наливали воды въ ихъ карманы, пакостили имъ чѣмъ могли, проявляли геніальнѣйшую изобрѣтательность въ способахъ издѣвательства надъ ними. Люди-воспитатели изъ-за куска хлѣба терпѣли глубокія нравственныя муки, а дѣти-

мучители радовались этому и лишь тогда оставляли въ покоѣ свою жертву, когда доводили ее до слезъ.

Конечно, главною причиною распущенности дѣтей было то, что Хотовицкіе сами боялись платныхъ учениковъ. Не воспитатели жаловались на дѣтей, а дѣти жаловались на воспитателей и почти всегда, по рѣшенію Хотовицкихъ, дѣти оказывались правыми.

Казалось-бы, при такихъ удивительныхъ условіяхъ воспитанія, при такой нравственной распущенности дѣтей, какіе изъ этихъ маленькихъ сорванцовъ должны были выйти въ жизнь большіе негодяи! А, между тѣмъ, о бывшихъ ученикахъ Хотовицкаго я рѣшительно ничего не знаю и не слышалъ дурного и, наоборотъ, я знаю, что многіе изъ нихъ стали прекрасными людьми, хозяевами,— общественными дѣятелями. . . .

Выводить-ли изъ этого какую-нибудь мораль? Морали не надо. Но одно правило слѣдовало-бы запомнить: не слѣдуетъ смѣшивать дурныя привычки дѣтей съ испорченностью ихъ души. Душа дѣтей, какъ и всѣхъ людей, никогда не бываетъ испорченной — она всегда чиста.

Помню я еще хорошо пансіонъ Ришельевской гимназіи временъ Константина Андреевича Пятницкаго. Не мало было среди воспитанниковъ избалованныхъ и, такъ называемыхъ, «испорченныхъ» дѣтей. А какіе вышли изъ нихъ хорошіе люди! Если оказались между бывшими воспитанниками неудачники и нравственно-неуравновѣшенные люди, то, какъ это ни странно, они состояли въ числѣ тѣхъ, которые считались въ пансіонѣ наиболѣе благонравными.

О нѣкоторыхъ изъ воспитанниковъ я разскажу дальше, теперь напомню объ обстановкѣ пансіона. Воспитателями моего времени состояли: Н. Б. Хердемовъ —славный, строгій человѣкъ, любимый старшими воспитанниками пансіона, любившій разсуждать съ ними, направляя ихъ убѣжденія, вырабатывая ихъ характеръ. Въ немъ не было и тѣни

педантизма. Онъ былъ строгимъ другомъ своихъ воспитанниковъ. Бокаріусъ—милѣйшій, опытный, профессіональный воспитатель, учитель гимнастики, мягкій и неровный, съ пагубною страстью къ питью, очень живой, преданный дѣлу, искренно-любимый всѣми дѣтьми. О. Скоканъ — неизвѣстно какимъ образомъ попавшій въ воспитатели. Прекрасной души человѣкъ, онъ не имѣлъ въ себѣ призванія къ воспитательству и его больше тянуло къ излюбленному имъ садоводству. На садоводствѣ и закончилась жизнь Скокана. Дѣти относились къ нему безразлично, потому что и самъ онъ отдавался имъ не всецѣло. Пользуясь его мягкостью и близорукостью, они продѣлывали надъ нимъ шалости, но безъ всякой злобы. Были еще въ числѣ воспитателей пансіона французы Дюсуше и Галафре. Этотъ послѣдній, толстенькій, румяный, въ золотыхъ очкахъ, необыкновенно живой, чрезвычайно дѣятельный, суетливый, соединялъ воспитательство съ общественной благотворительною дѣятельностью, участвовалъ въ разныхъ дамскихъ комитетахъ. Я не знаю, оставилъ-ли онъ глубокій слѣдъ въ памяти своихъ воспитанниковъ, но человѣкъ онъ былъ добрѣйшій. Состоялъ временно воспитателемъ при пансіонѣ и я.

Вспоминаю ночныя дежурства. Послѣ молитвы соберешь всѣхъ воспитанниковъ (число ихъ доходило при Пятницкомъ до 140) въ длинныя спальныя комнаты и стараешься вселить въ дѣтскія души покой. — «Тише! «Ruhig!» «Спать!». Раздѣваются дѣти еще полные неразрѣшившейся потребности въ шалостяхъ, и летятъ подушки другъ другу въ голову и раздаются взрывы смѣха. Дядька, любимый дядька помогаетъ раздѣваться, уноситъ башмаки и платье для чистки. Ворочаются дѣти, болтаютъ, и много надо терпѣнія и много разъ приходится повторять: Ruhig! Спать! и жалко дѣтей, и радуешься, глядя на нихъ, какъ сонъ умиротворяетъ самыхъ буйныхъ, самыхъ шаловли-

выхъ. И наступаетъ во всѣхъ спальняхъ глубокая, святая тишина.

Въ халатѣ, въ туфляхъ обходишь дортуары. Маленькій Жуковскій еще не заснулъ. Это тотъ Жуковскій, о которомъ я выразился, что для принятія въ пансіонъ нѣкоторыхъ малышей надо требовать отъ нихъ аттестатъ зрѣлости. Не знаю, что сталось теперь съ Жуковскимъ третьимъ — вѣроятно, онъ какой нибудь помѣщикъ или почтенный общественный дѣятель. Но въ описываемое мною время онъ еще такъ мало былъ подготовленъ къ пансіонской жизни, что постоянно просился домой, къ мамѣ, въ деревню. Поставишь его въ уголъ за невниманіе къ занятіямъ, а онъ говоритъ: я хочу къ мамѣ! Сидя за партой, Жуковскій очень любилъ плюнуть на черную полированную доску и разводить по ней замысловатыя арабески.

Не спитъ, ворочается Жуковскій третій и на мои вопросъ, почему онъ не спитъ, онъ отвѣчаетъ мнѣ свое всегдашнее: хочу къ мамѣ.

Пойдешь къ другой кровати и остановишься въ изумленіи: спитъ мальчикъ, а глаза его открыты. Становится какъ-то жутко. Разбудишь мальчика, перевернешь его на другой бокъ и вѣки его смыкаются.

Старшіе спятъ въ отдѣльной отъ малышей комнатѣ. Имъ разрѣшается заниматься дольше, читать, приготовлять уроки на завтра. Возвращаются изъ отпуска запоздавшіе пансіонеры. Дѣлятся впечатлѣніями, не даютъ спать остальнымъ. Тише! Ruhig!

Много назрѣвало мыслей и дурныхъ и хорошихъ на жесткихъ, пансіонскихъ подушкахъ!

Суровый Николовъ обдумывалъ здѣсь свою будущую государственную дѣятельность въ Болгаріи.

А ты, Дудниковъ, могъ-ли ты мечтать тогда, что станешь когда нибудь членомъ Государственной Думы?

Мерещились-ли тебѣ уже тогда твои фантастическія скрипки, Добрянскій?

Снилось-ли тебѣ, Васьковскій, что ты будешь проректоромъ Новороссійскаго университета?

А ты, бравый казакъ Власовъ, ты навѣрное уже тогда мечталъ, что будешь командовать полками!

А Грицаю, строгому, сухопарому Грицаю думалось-ли, что ему будетъ когда нибудь поручено большое и отвѣтственное дѣло управленія одесскою таможнею?

Всѣ притихли, всѣ заснули, даже Жуковскій 3-й. Одинъ Лангада еще переворачивается съ бока на бокъ, стараясь переварить только-что съѣденныя въ одномъ ресторанѣ въ городѣ, куда онъ ходилъ въ отпускъ, пять порцій кроваваго бифштекса.

Лангада обладалъ феноменальнымъ аппетитомъ. Во время пансіонскихъ завтраковъ или обѣдовъ онъ, въ обмѣнъ за разныя услуги, а иногда и за деньги, отбиралъ у товарищей ихъ порціи котлетъ, хлѣбъ или чашки чая съ молокомъ и окружалъ ими свое мѣсто за столомъ. Однажды, онъ попалъ въ очень непріятную исторію изъ-за того, что побился объ закладъ, что съѣстъ въ Петербургскомъ ресторанѣ какое-то необыкновенное количество всякихъ кушаній. Собралась публика и, послѣ выиграннаго Лангадою пари, кто-то сообщилъ директору К. А. Пятницкому о подвигахъ его воспитанника. Съ трудомъ избѣгъ Лангада грозившаго ему увольненія изъ пансіона и гимназіи. Теперь, говорятъ, онъ творитъ большія инженерныя дѣла на Д. Востокѣ.

Я встрѣтился недавно съ однимъ бывшимъ моимъ воспитанникомъ, напоминавшимъ мнѣ о томъ, какъ мы коротали вмѣстѣ томительные, зимніе воскресные дни, какъ я дѣтямъ что-то разсказывалъ, какъ мы танцовали съ Власовымъ мазурку подъ игру на фортепіано талантливаго уче-

ника Серебрякова. Гдѣ онъ теперь и что сталось съ его талантомъ?

Среди воспитанниковъ Ришельевскаго пансiона было много дѣтей съ задатками большихъ талантовъ. Одинъ малышъ, да кажется, это тотъ-же Дудниковъ, который сталъ нынѣ членомъ Государственной Думы отъ Херсонской губернiи, усердно занимался выдѣлкою изобрѣтенныхъ имъ бумажныхъ стѣнныхъ часовъ. Другой прекрасно рисовалъ; третiй, кажется, Власовъ, игралъ на вiолончели. Иные проявляли въ своихъ сочиненiяхъ и дневникахъ крупные писательскiе таланты.

Кстати о дневникахъ. Для каждаго воспитанника-пансiонера его дневникъ—это его святая святыхъ. Здѣсь вся его высказанная душа.

Помните-ли вы Бальзака и его психологическiй этюдъ о Луи Ламберѣ? Весь этюдъ основанъ на исповѣди Ламбера, изложенной въ его дневникѣ. Здѣсь всѣ мечтанья, всѣ муки мальчика. Есть въ разсказѣ эпизодъ, когда товарищи, чтобы посмѣяться надъ Ламберомъ, похищаютъ изъ его школьнаго ящика его тетрадку и читаютъ вслухъ наивныя страницы исповѣди. Горе мальчика о поруганной его святынѣ передано Бальзакомъ въ тонахъ трагедiи.

Воспитанники пансiона Ришельевской гимназiи испытывали не разъ такую-же трагедiю, когда, придя утромъ къ своимъ школьнымъ партамъ, они замѣчали, что ящикъ ихъ оттъ ночью вскрытъ и кто-то перечитывалъ ихъ дневники. Дѣлалось это директоромъ гимназiи и даже нѣкоторыми воспитателями въ цѣляхъ воспитательнаго воздѣйствiя на учениковъ. И не обращали вниманiя гг. педагоги на то, что, проникая самоуправно въ душу ученика, они оскорбляли лучшiя его чувства и побуждали его быть впередъ болѣе скрытымъ не только передъ наставниками, но и передъ собою...

Иные ученики, зная возможность ночного нашествiя, пользовались своими дневниками для того, чтобы высказать своему начальству такiя вещи, которыя оно вовсе не радо было узнать.

Всѣ воспитанники Ришельевскаго пансiона питали, однако, къ К. А. Пятницкому чувство искренней любви. Его строгость устранила прежде царившiй въ пансiонѣ хаосъ (воспитанники пансiона при директорствѣ, если не ошибаюсь, Стратонова свободно выходили ночью изъ гимназiи и творили въ городѣ всякiя безобразiя. Особенно отличались два племянника бывшаго попечителя Голубцова). Въ особенности хорошо велась при Пятницкомъ вся хозяйственная часть гимназiи и пансiона.

Однимъ изъ лучшихъ пансiоновъ въ старой Одессѣ считался пансiонъ Кнери, отца нынѣ здравствующаго доктора Кнери, котораго я не успѣлъ еще поблагодарить за присылку мнѣ интересныхъ рисунковъ извѣстнаго одесскаго художника-карикатуриста Треско.

Изъ женскихъ пансiоновъ вспоминаю пансiоны: [illegible]жеръ, Дюкерназ, Пиллеръ, Геншеръ.

Въ прежней Одессѣ было также обыкновенiе отдавать дѣтей на воспитанiе не только въ пансiоны, но и въ семейные дома. Многiя дѣти полтавскихъ, подольскихъ и бессарабскихъ помѣщиковъ были отдаваемы въ дома профессоровъ, лицея или другихъ извѣстныхъ въ городѣ лицъ. Такъ, у профессора Бруна воспитывался юноша, ставшiй впослѣдствiи адмираломъ Асламбековымъ, у него [illegible] воспитывался отецъ нынѣшняго министра народнаго просвѣщенiя Кассо, адмиралъ Абаза и другiе.

Другъ Ришелье.

Карлъ Яковлевичъ Сикардъ. (1773 — 1830).

Корабль! Корабль! — Бѣгутъ одесситы на пунту, къ концу Платоновскаго мола. Бѣлѣя широко вздутыми парусами, гонимый попутнымъ вѣтромъ, корабль быстро идетъ къ Одессѣ. На немъ трехцвѣтный флагъ новосозданной французской имперіи. Онъ изъ Марселя. Друзья Ришелье давно ждутъ прибытія оттуда своихъ соотечественниковъ. Пушечный выстрѣлъ. То сигналъ изъ крѣпости. Корабль остановился далеко на рейдѣ. — Это было въ 1804 году. Во всѣхъ портахъ Чернаго моря были установлены карантины.—Пассажировъ свезли на шлюпкахъ на берегъ и сейчасъ-же помѣстили для сорокадневной обсерваціи въ особое зданіе, временно замѣнявшее карантинное, которое было начато постройкою только годъ спустя.

Въ числѣ пассажировъ находился молодой марсельскій негоціантъ, Шарль Сикардъ, пріѣхавшій въ Одессу, чтобы повидать городъ, ввѣренный попеченіямъ герцога Ришелье. Его томило карантинное сидѣніе. Однажды, при посѣщеніи карантина одесскими властями, къ Сикарду обратился одинъ изъ старшихъ чиновниковъ, спросилъ его по-французски о здоровьи и, освѣдомившись о цѣли пріѣзда въ Одессу, пригласилъ его къ себѣ для ознакомленія его съ городомъ и его торговлею. То былъ самъ герцогъ.

Когда, послѣ карантина, Сикардъ поспѣшилъ отправиться въ городъ и спросилъ о мѣстонахожденіи генералъ-губернаторскаго дворца, ему указали на маленькій деревянный домикъ, около нынѣшней Театральной площади, передъ которымъ росло нѣсколько молодыхъ акацій.

Вся квартира герцога состояла изъ пяти маленькихъ комнатъ. Длинныя скамейки вмѣсто стульевъ, маленькій круглый столъ, замѣнявшій собою письменное бюро. Марсельскій корабль прибылъ въ Одессу кстати. Онъ привезъ для дома Ришелье недостававшіе ему стулья, тѣ знаменитые марсельскіе стулья, одинокіе экземпляры которыхъ, съ продавленными соломенными сидѣньями, сохранились и до сихъ поръ въ нѣкоторыхъ благословенныхъ одесскихъ домахъ.

Сикардъ обрадовался гостепріимству герцога и, вмѣсто временнаго пребыванія въ Одессѣ, поселился здѣсь навсегда.

Личность Шарля Сикарда сохранилась въ памяти одесситовъ въ особенномъ сіяніи—сіяніи, которое ему дала его дружба съ Ришелье. Все, что мы знаемъ свѣтлаго, хорошаго, интимнаго о жизни и чертахъ характера лучшаго градоправителя Одессы, стало намъ извѣстнымъ, главнымъ образомъ, благодаря Сикарду. Онъ былъ авторомъ тѣхъ интереснѣйшихъ для исторіи коммерческой Одессы «Lettres sur Odessa», которыя были изданы имъ въ Петербургѣ, какъ разъ сто лѣтъ тому назадъ—въ 1812 году. Его перу принадлежатъ драгоцѣннѣйшія свѣдѣнія о Ришелье, помѣщенныя въ LIV томѣ Сборника Императорскаго Русскаго историческаго общества.

Но и самой Одессѣ, какъ негоціантъ и гражданинъ, Сикардъ оказалъ незабвенныя услуги. Состоя въ числѣ ближайшихъ совѣтниковъ Ришелье, онъ принималъ участіе во всѣхъ его начинаніяхъ—въ дѣлахъ торговыхъ, благотворительныхъ, таможенныхъ, театральныхъ и даже воен-

ныхъ. Зная его честность, Ришелье поручилъ ему отвѣтственное дѣло снабженія провіантомъ русской арміи, находившейся въ то время въ Бессарабіи.

Шарль (Карлъ Яковлевичъ) Сикардъ родился во Франціи 28 февраля 1773 г. и погибъ при кораблекрушеніи въ Черномъ морѣ въ февралѣ 1830 года во время поѣздки изъ Одессы въ Константинополь. Въ годы нашествія Наполеона на Россію, не желая оставаться въ двойственномъ положеніи—французско-подданнаго, ненавидящаго своего государя, Сикардъ предпочелъ принять подданство Россіи, что онъ и осуществилъ въ 1812 году, и былъ записанъ тогда-же въ русскіе потомственные дворяне. Впослѣдствіи онъ былъ назначенъ русскимъ генеральнымъ консуломъ въ Ливорно (1817—1820 г.).

Въ Одессѣ Сикардъ былъ однимъ изъ учредителей и вице-президентомъ общества сельскаго хозяйства южной Россіи. Состоялъ предсѣдателемъ знаменитаго въ первые дни Одессы клуба «La Redoute», въ которомъ часто бывалъ, вмѣстѣ съ высшимъ одесскимъ обществомъ, Ришелье. Былъ членомъ первой въ Одессѣ театральной комиссіи при только-что построенномъ Городскомъ театрѣ. Много потрудился при учрежденіи въ Одессѣ порто-франко (при графѣ Ланжеронѣ). Числился въ составѣ городского магистрата.

Наиболѣе цѣнною заслугою его передъ одесситами является, однако, его трогательная любовь къ Ришелье и искреннее преклоненіе предъ его геніемъ. Благодаря запискамъ Сикарда, въ нашей памяти сохранится навсегда лучшая характеристика этого удивительнаго человѣка и градоправителя.

УКАЗАТЕЛЬ

встрѣчающихся въ книгѣ именъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Стр.